Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2022 – № 1 (28)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2022

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski philological bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. – № 1 (28) – 217 с. – ISSN 2499-9679. – DOI 10.20323/2499-9679-2022-1-28
2022, № 1 (28). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(главный редактор)*; **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора, ответственный редактор)*; **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Жеф Вершуерен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **В. А. Ефремов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; **С. А. Засорин,** кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Иво Поспишил**, доктор филологических наук, профессор, заведующий Институтом славистики философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно (Чехия); **Ренате Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **И. Б. Руберт**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; **Се Чжоу**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **Л. Н. Синельникова**, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета; **Г. Г. Слышкин**, доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **И. А. Стернин**, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета; **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **А. А. Федотова**, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Т. Н. Федуленкова,** доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни,** доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай,** доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран(германский языки, романские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1
Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)
Адреса в интернете: http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Регистрационный номер средства массовой информации:
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»
см. на сайте: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2022
© Авторы статей, 2022

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2022. – № 1 (28). – 217 pages. – ISSN 2499-9679. – DOI 10.20323/2499-9679-2022-1-28

2022, № 1 (28). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalogy, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina,** doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **Tomas R Beyer**, professor of russian language, Middleberry college (USA); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **Jef Verschueren**, doctor of philology, professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **V. A. Efremov**, doctor of philological sciences, professor, head of the russian language department of the A. I. Herzen Russian state pedagogical university; **S. A. Zasorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova,** doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department,Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee**; G. E. Kreidlin**, doctor of philological sciences, professor, department of russian language, Institute of linguistics, Russian state university for humanities; **A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **Ivo Pospishyl**, doctor of philology, professor, head of Institute of slavic philology of philosophy faculty of Masayk university, Brno (Czech Republic); **Renate Rathmayr**, doctor of philology, professor, head of department of slavic languages, Vienna university of economics (Austria); **I. B. Rubert**, doctor of philological sciences, professor of department of language theory and theory of translation of humanitarian faculty of Saint-Petersburg state university of economics and finance; **Xie Zhou**, doctor of philological sciences, professor, dean of the faculty of russian language at the Institute of foreign languages of Southwestern university, Chongqing (China); **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **L. N. Sinelnikova**, doctor of philological sciences, Honored worker of science and technology of Ukraine, professor of the department of russian linguistics and communication technologies of Lugansk state pedagogical university; **G. G. Slyshkin**, doctor of philological sciences, professor, director of the center for linguistics and professional communication of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation; **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **I. A. Sternin**, doctor of philological sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, director of center of communicative researches, professor of department of general linguistics and stylistics of Voronezh state university; **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, vice-rector for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **A. A. Fedotova**, doctor of philological sciences, associate professor of the department of russian literature of the Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglistics of Moscow state regional university; **Evelyne Enderlein**, doctor of philology, professor Emeritus of Strasburg university, vice-president of russian philology association in France (France); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky ; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialities:

5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences), 5.9.5. Russian language. National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages) (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office

150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)

Internet addresses http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Mass media registration:

The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media

PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal «Verhnevolzhski philological bulletin»: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2022

© Authors of the articles, 2022

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 1 (28) – 2022

«Родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания…»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Филипповский Г. Ю. Наследие европейских романтиков и мотив путника в ночи (А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов) ____ 8

Андреева В. Г. Мотив пути и образ путешественника в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» ____ 17

Мельник В. И. Еще один замысел В. И. Даля: словарь русских писателей ____ 27

Болдырева Е. М. Преодоление слепоты и музыка памяти: мотивные переклички рассказов Ван Мэна, В. Шукшина и К. Паустовского ____ 34

Дубаков Л. В. Пол и его преодоление в творчестве А. Л. Иванченко ____ 48

Медиакоммуникации и журналистика

Чекунова М. А. Новая культура медиадискурса и современная политическая коммуникативистика ____ 55

Слышкин Г. Г., Малыгина Л. Е., Павлова Е. С. Лингвобезопасность в аспекте ценностных, идеологических и социальных изменений ____ 64

Русский язык

Петрова Е. А. Сопоставительный анализ ФЕ с названиями домашних животных в английском и русском языках ____ 70

Михайлова О. Е. Колоративная лексика в романе И. С. Шмелева «Пути небесные» ____ 80

Кулаковский М. Н. Функции вставных конструкций в поэзии и прозе В. В. Набокова ____ 87

Аннушкин В. И., И Хуэй Хуэй Опыт курсового обучения деловому общению в России: оценки и озабоченности ____ 96

Морозова О. А. Тематические группы эвфемизмов с градуальной семантикой в русском языке ____ 104

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Вишневская Г. М., Зверев М. Э. О корковых механизмах ритмической интерференции (к постановке проблемы) ____ 111

Лукин О. В. «Работал сознательно для будущих поколений»: академик О. Н. фон Бётлингк и развитие сравнительно-исторического языкознания в XIX веке ____ 118

Ермакова Л. А., Лаврова С. Ю. Отражение референциальных ситуаций в оценочной семантике русских и английских паремий с лексемами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending» и их смысловыми репрезентаторами ____ 125

Беренкова В. М. Интернет-мемы с национально-политическим подтекстом в восприятии молодежи ____ 133

Шарова А. А. Метафорический образ культуры современной России в американской прессе ____ 140

Царенко Н. М. Дискурсивный маркер как один из показателей презентационно-интерактивного общения (на примере русскоязычного бьюти-влога) ____ 146

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Соловьева С. И. Компьютерно-геймерский жаргон французской молодёжи ____ 155

Долгих З. Б. О некоторых лексических особенностях португальского энологического дискурса ____ 162

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Плоцкая Ю. В. Источники возникновения синонимии в немецкой стоматологической терминологии ____ 169

Петрова Е. И., Налетова О. Н. Перевод терминологии научно-технического дискурса (на примере инструкций по эксплуатации сельскохозяйственной техники) ____ 176

Воронцова И. А. Современные практики англоязычной онлайн-лексикографии ____ 186

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства

Аграфонов П. Г. Американцы о Ярославском крае (вторая половина XIX – начало XX в.) ____ 195

Юрьев А. М. События из жизни Ярославля 1927-1929 гг. в газете «Северный рабочий» и на страницах произведений И. Ильфа и Е. Петрова ____ 204

Ли Сяотао, Колода С. А. Национальная кухня Китая как культурный код. Часть 1 ____ 211

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Scientific journal
Published since 2015
№ 1 (28) – 2022

«The word of your native tongue is nothing else but the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge for it to become a true achievement of human thought…»

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

Filippovsky G. Yu. The legacy of the European Romantics and the motif of a traveler in the night (A. S. Pushkin and M. Y. Lermontov) _____ 9

Andreeva V. G. The motif of the way and the image of the traveler in the novel «Resurrection» by Leo Tolstoy _____ 17

Melnik V. I. One more idea of V. I. Dal: Dictionary of russian writers _____ 27

Boldyreva E. M. Overcoming blindness and the music of memory: common motives in the stories by Wang Meng, V. Shukshin, and K. Paustovsky _____ 34

Dubakov L. V. Gender and overcoming it in the work of A. L. Ivanchenko _____ 48

Media communications and journalism

Chekunova M. A. The new media-discourse culture and modern political communication studies _____ 55

Slyshkin G. G., Malygina L. E., Pavlova E. S. Linguistic security in the context of value, ideological and social changes _____ 64

Russian language

Petrova E. A. The comparative analysis of phraseological units with the names of domestic animals in the english and russian languages _____ 70

Mikhailova O. E. Vocabulary of colors in I. S. Shmelev's novel The Ways of Heaven _____ 80

Kulakovsky M. N. Functions of parentheses in V. V. Nabokov's poetry and prose _____ 87

Annushkin V. I., Yi Hui Hui Business communication course in Russia: assessments and concerns _____ 97

Morozova O. A. Thematic groups of euphemisms with gradual semantics in russian _____ 104

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Vishnevskaya G. M., Zverev M. E. On cortical mechanisms of rhythmic interference in non-native speech _____ 111

Lukin O. V. «Worked consciously for future generations»: academician O. N. von Böhtlingk and development of comparative historical linguistics in the 19th century _____ 118

Ermakova L. A., Lavrova S. Y. Depiction of referential situations in the evaluative semantics of russian and english proverbs with the lexemes «nachalo» / «konets» and «beginning» / «ending» and their semantic representatives _____ 125

Barenkova V. M. Internet-memes as object of linguistic research from the position of national and political tolerance 133

Sharova A. A. Metaphorical image of modern russian culture in the american press 140

Tsarenko N. M. Discourse marker as one of the indicators of presentation-interactive discourse (on the example of a russian beauty vlog) 146

Languages of foreign countries (romance languages)

Solovieva S. I. Linguistic specificity of French youth computer gamer jargon 155

Dolgikh Z. B. On some lexical particularities of the Portuguese oenological discourse 162

Languages of foreign countries (germanic languages)

Plotskaya Yu. V. Sources of synonymy in german dental terminology 169

Petrova E. I., Naletova O. N. Translation of scientific and technical discourse terminology (on the example of instructions for operating agricultural machinery) 176

Vorontsova I. A. Modern practices of english online lexicography 186

ART HISTORY AND CULTURAL STUDIES

Theory and history of culture and the arts

Agrafonov P. G. Americans on the Yaroslavl region (second half of XIX – early XX centuries) 196

Yuryev A. M. Life in Yaroslavl in 1927–1929 as reflected in the newspaper The Northern Worker and in the works by I. Ilf and E. Petrov 204

Li Xiaotao, Koloda S. A. Chinese national cuisine as a cultural code 211

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья
УДК 82
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-8-16

Наследие европейских романтиков и мотив путника в ночи (А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов)

Герман Юрьевич Филипповский
Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
fil.gerr@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6765-8451

Аннотация. В данной статье рассматриваются европейские предистоки романтического мотива странствия в ночи поэзии Пушкина и Лермонтова в произведениях немецких и английских поэтов-романтиков. Образ ночи, как своего рода «эха» дня, занимал в поэтическом мышлении эпохи романтизма важное место в иерархии «мировой отзывчивости» («свет и в ночи светит», интерпретируя библейский текст: «и свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5). В известных произведениях А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова «Зимняя дорога», «Бесы», «Выхожу один я на дорогу…» странствие в ночи погружено в атмосферу романтического двоемирия. Мотив коммуникации в поэтических текстах отнюдь не является достоянием только нашего века всемирных связей, но восходит к ранним эпохам: античности («Одиссея» Гомера), средневековью и возрождению (поэзия Данте и Чосера), предромантизму и романтизму (поэзия Гёте, Эйхендорфа, Гёльдерлина). Стихотворения позднего Пушкина «Странник» (1835) восходит к тексту английской поэмы Джона Беньяна «Путь пилигримов» (1678). Поэтические искания Пушкина 1830-х годов обращены к мотивам Спасения и Света, поискам Верного Пути (в «Страннике» образ юноши, читающего книгу (Библию), указующий путнику Верный Путь и тесные врата Спасения). Лермонтов 1840-х гг. в своём знаменитом ноктюрне «Выхожу один я на дорогу…» создаёт образ путника в ночи, который близко смыкается с традицией немецких романтиков: Гёте, Эйхендорфа, Гёльдерлина. «Ночные вопрошания» Пушкина в текстах 1830 и 1835 г., с обращением к английской поэме Джона Беньяна и к поэтам «озёрной школы» У. Вордсворту и Р. Саути, являются ярким подтверждением мыслей Ф. М. Достоевского о «всемирной отзывчивости» нашего великого поэта.

Ключевые слова: романтизм; поэтический мотив путника в ночи; Пушкин и Лермонтов; английские и немецкие поэты-предромантики и романтики; «всемирная отзывчивость» Пушкина; Достоевский; Джон Беньян; Гёте; Эйхендорф; «оссианские баллады» Макферсона; Новалис; Юнг; Гёльдерлин

Для цитирования: Филипповский Г. Ю. Наследие европейских романтиков и мотив путника в ночи (А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 8–16. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-8-16

© Филипповский Г. Ю., 2022

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

The legacy of the european romantics and the motif of a traveler in the night (A. S. Pushkin and M. Y. Lermontov)

German Yu. Philippovsky
Doctor of philological sciences, professor of russian literature department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
fil.gerr@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6765-8451

Abstract. This article examines European origins of Pushkin's and Lermontov's romantic motif 'wandering in the night' in the works of german and english romantic poets. The image of the night as an «echo» of the day held an important place in the hierarchy of «universal empathy» in the Romanticist poetic thinking («the light also shines in the night», interpreting the biblical text: «and the light shines in darkness, and darkness has not embraced it» (John 1:5). In the famous works by Pushkin and Lermontov, «The Winter Road», «The Possessed», and «I Go Out Alone on the Road...», wandering in the night is immersed in an atmosphere of romantic dual reality. The motif of communication in poetic texts is by no means the property of our global communication age alone, but goes back to earlier eras: Antiquity (Homer's Odyssey), the Middle Ages and the Renaissance (the poetry of Dante and Chaucer), Pre-Romanticism and Romanticism (the poetry of Goethe, Eicheldorf, and Hölderlin). Pushkin's later poem «The Wanderer» (1835) goes back to John Benjamin's poem «The Way of the Pilgrims» (1678). Pushkin's poetic quest of the 1830s turned to the motifs of Salvation and Light, the search for the Right Way (the image of a young man reading a book (the Bible) in «The Wanderer», showing the traveler the Right Way and the narrow gate of Salvation). Lermontov, in his famous nocturne «I go out alone on the road...» (1840s), creates an image of a traveler in the night, which is closely related to the tradition of the German Romantics: Goethe, Eichendorff, and Hölderlin. Pushkin's «night inquiries» in 1830 and 1835 texts, with references to John Benjamin's english poem and to the Lake School poets W. Wordsworth and R. Southey, are a striking proof of F. M. Dostoyevsky's thoughts on the «universal empathy» of our great poet.

Key words: romanticism; poetic motif; traveler in the night; Pushkin and Lermontov; english and german pre-romantic and romantic poets; Pushkin's «universal empathy»; Dostoevsky; John Benjamin; Goethe; Eicheldorf; McPherson's «Ossian ballads»; Novalis; Jung; Hölderlin

For citation: Filippovsky G. Yu. The legacy of the european romantics and the motif of a traveler in the night (A. S. Pushkin and M. Y. Lermontov). *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):8–16. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-8-16

Вступление. Образ ночи, как своего рода «эха» дня, занимал в поэтическом мышлении эпохи романтизма важное место в иерархии «мировой отзывчивости» («свет и в ночи светит», интерпретируя библейский текст: «и свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:5). В кодексе поведения этой эпохи коммуникативная динамичность романтиков избирала, подчас, общение мужчины и женщины, влюблённой пары, через луну, глядя на неё в условленный час ночи. В поэзии Романтизма популярен был мотив странника в ночи: «Выхожу один я на дорогу, // Сквозь туман кремнистый путь блестит. // Ночь тиха, пустыня внемлет Богу, // И звезда с звездою говорит…» [Лермонтов, 1988, с. 222–223]. Знаменитое стихотворение М. Ю. Лермонтова (1841) отнюдь не было первым, где появляется образ путника в ночи. В творчестве А. С.Пушкина [The reader`s…, 1973, p. 436–437] этот романтический мотив [The reader`s…, p. 457-460] хорошо известен по его знаменитому произведению «Бесы» (1830), где путник-ездок погружён в пространство ночной зимней дороги: «Мчатся тучи, вьются тучи; // Невидимкою луна // Освещает снег летучий; // Мутно небо, ночь мутна. // Еду, еду в чистом поле; // Колокольчик дин-дин-дин… // Страшно, страшно поневоле // Средь неведомых равнин!» [Пушкин, 1936, с. 414–415]. Этот романтический мотив пути лунной ночью появляется у Пушкина ещё в 1826 году в его стихотворении «Зимняя дорога»: «Сквозь волнистые туманы // Пробирается луна, // На печальные поляны // Льёт печально свет она. // По дороге зимней, скучной, // Тройка борзая бежит, // Колокольчик однозвучный // Утомительно гремит. // Что-то слышится родное // В

долгих песнях ямщика: // То разгулье удалое, // То сердечная тоска…// Грустно, Нина: путь мой скучен, // Дремля смолкнул мой ямщик, // Колокольчик однозвучен, // Отуманен лунный лик» [Пушкин, 1936, с. 385]. Здесь мотив путника-ездока в ночи, хотя и трактован в романтической тональности, явно неотделим от песенно-путевой, дорожной поэтической темы, уже богатого в русской традиции песенно-балладного творчества. Однако, четырьмя годами позже, в «Бесах» [Пушкин, 1936, с. 414–415] мифологическая народная фантастика домового, ведьмы, духов и бесов явственно преображается в ночную лунную, зимнюю картину некоего романтического иномирия. В него, в этот мир ночного видения, оказался погружён путник-ездок. И его диалог с ямщиком перерастает в диалог с фантастическим иномирием, тайными знаками и образами ночной снежной бури.

Характерно, что в том же 1830 году, когда написаны «Бесы» [Пушкин, 1936, с. 414–415], Пушкин создаёт своё знаменитое обращение к ночи, вопрошание её тайн и сокровенных смыслов «Стихи, сочинённые ночью во время бессонницы»: «Мне не спится, нет огня; // Всюду мрак и сон докучный. // Ход часов лишь однозвучный // Раздаётся близ меня, // Парки бабье лепетанье, // Спящей ночи трепетанье, // Что тревожишь ты меня? // Что ты значишь, скучный шопот? // Укоризна, или ропот // Мной утраченного дня? // От меня чего ты хочешь? // Ты зовёшь или пророчишь? // Я понять тебя хочу, // Смысла я в тебе ищу…» [Пушкин, 1936, с. 420]. Как настоящий поэт-романтик, Пушкин акцентирует мотив тайны, которую следует разгадывать; пророчества, которое влияет на судьбу поэта, его жизненного пути, а, возможно, даже жизни и смерти.

«Кремнистый путь» в ночи текста М. Ю. Лермонтова (1841) был у А. С. Пушкина уже предварён драматическим образом «зимнего пути» героини Татьяны в VII главе «Евгения Онегина» (1827–1828). Быстрыми штрихами набросанная картина времён года здесь заканчивается зимой: «Но лето быстрое летит. // Настала осень золотая // …и вот сама // Идёт волшебница зима…» [Пушкин, 1936, с. 148]. Следует знаменитое пушкинское описание зимы («…Пришла, рассыпалась…») и фраза: «…**Татьяне страшен зимний путь**…» [Пушкин, 1936, с. 149]. Европейским романтикам и Пушкину была хорошо известна эта знаковая формула шубертовского «Winterreise» (зимнего пути) – последнего, трагического пути, как знака судьбы. Для пушкинской Татьяны это был неизвестный, неотвратимый путь в будущее, из её деревни в Москву на ярмарку невест («Что мне сулит судьба моя?») [Пушкин, 1936, с. 148].

Мотив пути-дороги в ночи связан у Пушкина часто с зимней темой, например, как уже говорилось, в «Зимней дороге» 1826 и «Бесы» 1830 годов. Также отмечалось, что к 1830-у году относятся и «Стихи, написанный во время бессонницы» [Пушкин, 1936, с. 420] с ночным вопрошанием Судьбы, напряжённым и трагическим всматриванием в пророческое пространство Ночи, где Пушкин ощущал себя путником, странником, пилигримом этой священной и таинственной Ночи. Каждому русскому читателю хорошо известны, памятны и близки строки Пушкина в его «Зимней дороге» [Пушкин, 1936, с. 385] о ночном лунном пути, к тому же положенные на музыку в виде популярного романса. Проникновенный лиризм этой поэзии сразу позволяет видеть в авторе романтика.

Основная часть. Мотив одинокого путника, странника в ночи уводит нас к наследию романтиков европейской поэтической школы. Ещё молодой Гёте [Пушкин, 2004, с. 99–105], которого затем А. С. Пушкин назвал «**великан романтической поэзии**» [Пушкин, 2000, с. 243], великий немецкий поэт, писатель, философ и мыслитель (1749–1832), лейпцигского периода до 1770 года, пишет стихи «Прекрасная ночь», где путник идёт лунной ночью через лес, дающий отраду его душе: «Покидаю домик скромный, // Где моей любимой кров. // Тихим шагом в лес огромный // Я вхожу под сень дубов. // Прорвалась луна сквозь чащи: // Прошумел зефир ночной, // И, склоняясь, льют всё слаще // Ей берёзы ладан свой. // Я блаженно пью прохладу // Летней сумрачной ночи! // Что душе даёт отраду, // Тихо чувствуй и молчи…» (пер.А.Кочеткова) [Гёте, 1975, с. 27].

К веймарскому периоду около 1780-го года относится другое стихотворение Гёте «ночной тематики» «К Луне»: «...Эхо жизни прожитой // Вновь тревожит грудь, // Меж весельем и тоской // Одинок мой путь… // Всё, о чём мы в вихре дум // И не вспомним днём, // Наполняет праздный ум // В сумраке ночном» (пер.В.Левика) [Гёте, 1975, с. 53–54]. В том же 1780-м году Гёте пишет свою знаменитую «Ночную песню странника» («Wanderer`s Nachtlied»), переложение которой создаёт М. Ю. Лермонтов в 1839–1841 гг.: «Горные вершины // Спят во тьме ночной; // Тихие долины // Полны свежей

мглой; // Не пылит дорога, // Не дрожат листы... // Подожди немного, // Отдохнёшь и ты» [Лермонтов, 1988, с. 197]. Уместно привести здесь и более близкий к тексту немецкого оригинала Гёте перевод В.Я.Брюсова: «На всех вершинах – // Покой; // В листве, в долинах // Ни одной // Не дрогнет черты; // Птицы спят в молчании бора. // Подожди только: скоро // Уснёшь и ты» [Гёте, 1975, с. 173].

Характерно, что в переводе М. Ю. Лермонтова в отличие от текста Гёте присутствуют слова «дорога, ночь». Правда, оба эти смысла соединены уже в названии гётевского произведения (примечательно, что их же находим в близком по духу «Выхожу один я на дорогу…». Впрочем, мотив сна в Вечности находим в оригинале Гёте (у Брюсова – «уснёшь и ты»), и в «Выхожу один я на дорогу…» Лермонтова («спит земля», «не… холодным сном могилы… заснуть») [Лермонтов, 1975, с. 222–223]. Лермонтов в своём переводе Гёте упускает слово «покой» (его сохраняет Брюсов). Зато в «Выхожу один я на дорогу…» дублируются синонимы «дорога» и «путь», как бы усиливающие мотив странника, путника. Впрочем, у Гёте этот мотив дороги-пути встречается весьма нередко, например, в его знаменитом большом стихотворении «Путник» («Wanderer»), в переводе В. А. Жуковского «Путник и поселянка». Здесь находим у Гёте романтически-обобщённый образ «мой страннический путь», причём, в контексте путника-пилигрима: «Здесь над гробами священной древности скитаюсь» [Гёте, 1975, с. 38]. Уместно заметить, что в Риме Гёте жил на виа дель Корсо, весьма близко к Мавзолею императора Августа. Вспомним также, что «Ночная песнь странника» Гёте написана им в сентябре 1780 года карандашом на деревянной стене лесного домика близ Ильменау, а спустя 51 год поэт посетил этот домик (за полгода до смерти) и сквозь слёзы произнёс последние заключительные строки этого великого стихотворения. Примечательно, что и «Выхожу один я на дорогу…» написано Лермонтовым между маем и июлем 1841 года, то есть также незадолго до гибели (смерти).

Что касается темы ночи, то «мир души ночной» – ведущая тема и немецкой, и английской метафизической и романтической поэзии XVIII – первой половины XIX вв. [Литературные манифесты…, 639 с.], включая «Гимны Ночи» Новалиса (1772–1801), «Ночные думы» Эдварда Юнга (1744) [Пушкин, 2004, с. 396], «Оссианские баллады» Джеймса Макферсона (1736–1796) [Пушкин, 2004, с. 195; 231–232]. Ночь для романтиков [Викторович, 2004, с. 438–440] сокровенна по своей природе – не только тайн и снов, грёз, видений, но и пограничья миров, порог Вечности – ключевой для поэтического вдохновения и поэтического творчества. Можно говорить об универсальной функции мотива ночи в поэтике предромантизма и романтизма [Викторович, 2004, с. 438–440]; функции, всегда соприкасающейся с первоистоками Бытия, функции по своей природе динамичной, зыбкой и противоречивой, неисчерпаемой в своих потенциальных творческих возможностях и контекстах. С темы ночи начинает своё стихотворение «Прощание» ещё один немецкий поэт-романтик, как и Гёте, старший современник Лермонтова (его переживший) барон Йозеф фон Эйхендорф (1788–1857): «На ночь глядя лес гудит // Долго и сурово. // А вверху звезда горит // И мерцает снова, // И не вымолвить ни слова, // Только лес один гудит. // Лес и мир найдут покой, // Погрузятся в дрёму, // Путник поглядит с тоской // На дорогу к дому, // Вверяясь капищу лесному, // Обрети, душа, покой» (пер.П. Карпа) [Эйхендорф, 1969, с. 175].

По своей поэтической образности и символике это стихотворение Й. Эйхендорфа даже ближе «Выхожу один я на дорогу» М. Ю. Лермонтова, чем приведенные выше произведения Гёте: здесь мы находим образы-символы ночи, звезды, путника, дороги, пути, леса (у Лермонтова – дуба), сна (у Эйхендорфа – дрёмы), покоя. Основной, первый по времени романтический цикл Эйхендорфа называется «Песни странника» [Эйхендорф, 1969, с. 15–40]. Здесь он выступил учеником и последователем гейдельбергских романтиков, с 1808 года этот сборник печатался в различных журналах и альманахах, а сам поэт стал одним из самых читаемых в Германии. Стихи этого сборника обычно имели характерно романтические заглавия: «Всеобщее странствие ночью», «Сумерки», «Странствующий музыкант», «Влюблённый странник», «Дорожное изречение», «Странствующий поэт». В том же цикле Эйхендорфа «О душе» [Эйхендорф, 1969, с. 161–182], откуда цитировано стихотворение «Прощание», иные называются: «Странник», «Лунная ночь», «Ночные голоса», «Ночная песня». Перекликается с «Прощанием» стихотворение «Отшельник»: «Ночная тишина земли! // Ты из-за гор встаёшь вдали, // Кругом всё сном объято, // И лишь рыбак на лоне вод // Во славу Господа поёт, // Вернувшись до заката. // …Ночная тишина земли! // Меня здесь за день извели, // Мор-

ская даль темнеет. // Покой от радостей и бед // Даруй ты мне, пока рассвет // Над лесом не зардеет» (пер. П. Карпа) [Эйхендорф, 1969, с. 171].

Читая стихи Й. Эйхендорфа, вспоминаются строки лермонтовского «Выхожу один я на дорогу»: «Ночь тиха,… пустыня внемлет Богу, и звезда с звездою говорит…» [Лермонтов, 1988, с. 222–223]. Образы ночных звёзд у М. Ю. Лермонтова находят соответствие и у немецких романтиков, старших современников русского великого поэта. Не случайно стихотворение «Вечер» Эйхендорфа заканчивается строками: «…И звёзды над спящим всходили, // Священный держа ореол» [Эйхендорф, 1969, с. 162–163]. Апология, образ «священной», а не просто «тихой ночи» пронизывает «Хлеб и вино», одно из главных произведений Фридриха Гёльдерлина (1770–1843) [Хайдеггер, 2017, с. 171–176], поэта из движения йенских романтиков конца XVIII – начала XIX вв. (в их число входил и знаменитый философ Вильгельм Шеллинг). Это движение предшествовало, а во многом породило более позднее – гейдельбергских романтиков (Арнима и Брентано, братьев Гримм, Йозефа фон Эйхендорфа и др.). У Гёльдерлина в его «Хлеб и вино», даже более, чем затем у Эйхендорфа, ночь освящена по «воле верховного Бога», она «дарует сон и забвение, святостью напоив», «священная память дом обретает в ночи», «может нам Ночь даровать льющееся слово», часто повторяются слова-образы покоя, тихой ночи, луны, сна, Бога, тайной или священной ночи, одиночества, дубравы, пути, песен поэта. Финальные строки «Хлеб и вино» Гёльдерлина удивительно и гениально перекликаются с высокими романтическими идеями, образами «Выхожу один я на дорогу» Лермонтова: «Лишь временами может нести полноту божества человек, // Сон о богах – вот наша жизнь на земле. // Но блуждания странствий – нам в помощь, подобно дремоте, // Крепость нам дарит нужда, ночь же – силою к сердцу, // Покуда в бронзовых зыбках подрастают герои, уподобляясь богам, // Громом приходят они. Мне же мнится всё чаще: // Лучше уйти в сновиденья, чем без товарищей быть, // Чем жить в ожиданье пустом, не зная, что сделать, сказать, // Да и нужны ли поэты в скудную эту эпоху?... // Но они, говоришь ты, подобны жрецам винобога, // Из края в край пилигримы в этой священной Ночи» (пер. Н. Болдырева) [Хайдеггер, 2017, с. 176].

Великий мыслитель XX века Мартин Хайдеггер (1889–1976) в своём эссе о творчестве Ф. Гёльдерлина («Гёльдерлин и сущность поэзии») [Хайдеггер, 2017, с. 5–24] называет его «поэтом поэтов», цитирует его итоговое резюме: «Поэтически жительствует человек на этой земле». Глубочайшая соотносительность поэтического гения Гёльдерлина и Лермонтова, «пилигримов священной Ночи», делает слова М.Хайдеггера полностью относящимися и к Гёльдерлину, и к Лермонтову. Конечно, такими странниками, пилигримами священной Ночи романтиков были и Гёте, и Эйхендорф, о чём уже шла речь выше. Но ко всем им, включая Лермонтова (автора «Ночь-1» 1830, «Ночь-2» 1830, «Выхожу один я на дорогу…» 1841) [Лермонтов, 1998, с. 39–41, 42–44, 222], относятся глубокие мысли и рассуждения Мартина Хайдеггера, изначально связанные с поэтическим феноменом Гёльдерлина: «Поэтично само бытие в своей основе»; «Наше бытие, наше существование в самом своём основании поэтично»; «Поэзия есть учреждающее поименование бытия и сущность всех вещей – не всякое сказывание, но такое, через которое всё это впервые входит в Открытость»; «Поэзия пробуждает сияние нереального и сновиденного в противовес ощутимо-явной и шумной действительности, в которой мы полагаем себя укоренённо-туземными»; «Поэт сверхбогат, так богат, что часто думая о прошлом и терпеливо ожидая будущего, слабеет на столько, что желает в этой кажущейся пустоте лишь одного – заснуть. И всё же он прочно стоит в Ничто этой Ночи» [Хайдеггер, 2017, с. 7–24].

Так, по сути, Мартин Хайдеггер совершил глубинную интерпретацию не только поэтической сущности Фридриха Гёльдерлина (о чём его эссе), но и поэтической сущности великих поэтов Гёте, Эйхендорфа и нашего великого русского поэтического гения – Михаила Юрьевича Лермонтова, – поэтов с безупречным чувством сакральной основы бытия. Можно сказать, что и немецкие романтики, и М. Ю. Лермонтов в их приверженности теме путника, странника в ночи как бы всматривались, разгадывали тайны Ночи, как некой священной Книги Бытия. Заслуживает особого внимания обращение зрелого Пушкина к образу путника в его незаконченном произведении 1835 года «Странник» [Пушкин, 1936, с. 437–438]. Известно, что это переложение начала прозаического текста английского писателя и поэта Джона Беньяна (1628–1688) «Pilgrim`s progress» [Пушкин, 2004, с. 61–62; The reader`s…, 1973, p. 402–404]. Пушкинские строки привлекли внимание Ф. М. Достоевского в его

знаменитой речи «Пушкин» о «всемирной отзывчивости» поэта. Великий писатель зорко подметил в пушкинском отрывке его позднее внимание к английской литературе и поэзии: «Вспомните странные стихи: «Однажды странствуя среди долины дикой…». Это почти буквальное переложение первых трёх страниц из странной мистической книги, написанной в прозе, одного древнего английского религиозного сектатора» [Достоевский, 1979, с. 63].

Мотив странника и странствия, явно романтический по своему характеру, в этих строках Пушкина из первоначально английского (переложение Дж. Беньяна) [Пушкин, 2004, с. 61–62; The reader`s…, 1973, p. 402–404] явно выходит в масштабный поэтический, почти дантовский, контекст [Лотман, 2005, с. 332–335]. Поздний Пушкин, выйдя за рамки привычного для него с ранних лет, с детства французского языка [Лотман, 2005, с. 845], настойчиво изучал английский язык [Вейдле, 2000, с. 237–238], причём «изучил английский язык за четыре месяца в 1828 г. и читал в итоге Байрона и Шекспира в подлиннике, «как на своём родном языке» [Долинин, с. 16], читал также по-немецки и по-испански, действительно, проникался той самой «мировой отзывчивостью», о которой писал Ф. М. Достоевский. Говоря об особом внимании Пушкина к Шекспиру [Пушкин, 2004, с. 376–383], Ф. М. Достоевский настойчиво отмечает особый интерес Пушкина к английским текстам: «Даже у Шекспира его итальянцы, например, почти сплошь те же англичане. Пушкин лишь один изо всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность. Вот сцены из «Фауста», вот «Скупой рыцарь» и баллада «Жил на свете рыцарь бедный». Перечтите «Дон Жуана», и если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец. Какие глубокие, фантастические образы в поэме «Пир во время чумы»! Но в этих фантастических образах слышен гений Англии; эта чудесная песня о чуме героя поэмы, эта песня Мери со стихами: «Наших деток в шумной школе // Раздавались голоса», – это английские песни, это тоска британского гения, его страдальческое предчувствие своего грядущего» [Достоевский, 1979, с. 62–63].

В. М. Жирмунский, известный специалист по сравнительно-историческому изучению литератур [Жирмунский, 1979, с. 493], отмечал, что ранний Пушкин «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского пленника» писал в своих заметках, что «(они) отзываются чтением Байрона, от которого я **тогда** с ума сходил», а Пушкин Михайловского периода писал в набросках предисловия к «Борису Годунову»: «Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов» [Жирмунский, 1979, с. 81]. В этот период в заметках Пушкина находим характерные строки «…**отца нашего Шекспира**», – он признавал великого англичанина едва ли не основоположником европейского романтизма [Вейдле, 2000, с. 235–239]. Поздний Пушкин своё внимание перенёс на поэтов-романтиков английской Озёрной школы Р. Саути [Пушкин, 2004, с. 302–304], У. Вордсворта [Пушкин, 2004, с. 89–91], С. Т. Кольриджа [Пушкин, 2004, с. 168–170]. В. В. Вейдле в своей работе «Пушкин и Европа» [Вейдле, 2000, с. 234–244] отмечал: «Характерно, например, что единственным литературным направлением современного ему Запада, чьи художественные принципы Пушкин вполне одобрял, была английская «озёрная школа», своё отношение к которой он подчеркнул тем, что подражал Вордсворту, переводил Саути, обратил внимание на близкого к ней Вильсона и заботился о переводах из Барри Корнуолла для «Современника» ещё в утро последней дуэли» [Вейдле, 2000, с. 237–238]. Речь идёт о том, что в день дуэли, 27 января 1837 г., Пушкин встречался с детской писательницей А. О. Ишимовой и обратился к ней по поводу перевода некоторых «драматических очерков» английского поэта Барри Корнуолла (1787–1874) [Пушкин, 2000, с. 615]. Великий поэт неоднократно обращался в своём творчестве к интерпретациям стихов этого английского автора. Например, стихотворение Пушкина (1835) «О бедность! затвердил я, наконец…» [Пушкин, 1993, с. 527] представляет собой черновой перевод начала драмы Барри Корнуолла «Сокол» (монолог Федериго), а известное произведение Пушкина (1830) «Пью за здравие Мери…» (в английском оригинале «Song») имеет авторский подзаголовок «Из Barry Cornwall» [Пушкин, 1993, с. 464]. Больше того, Б.В.Томашевский в своём комментарии к тому сочинений Пушкина 1836 г. пишет, что известное стихотворение Пушкин «Эхо» (1831) [Пушкин, 1993, с. 478] «обнаруживает сходство со стихотворением Барри Корнуолла «Прибрежное эхо» [Пушкин, 1936, с. 896].

Известные специалисты по сравнительному изучению литератур А. С. Долинин [Долинин, 2007, с. 280] и Е. Ю. Гениева [Гениева, 2008,

с. 429–445], как, впрочем, и отмеченный выше В. В. Вейдле [Вейдле, 2000, с. 234–244], писали об интересе Пушкина к поэзии Роберта Саути [Пушкин, 2004, с. 302–304; Долинин, 2007, с. 155–181]. В 1835 году великий поэт обращается к тексту поэмы Р. Саути «Родерик, последний из готов», по поводу чего появляется фрагмент «Родрик» [Пушкин, 1993, с. 521–522] и другой фрагмент «На Испанию родную» [Пушкин, 1993, с. 518–521]. Стихотворение Пушкина «Ещё одной высокой, важной песни…» – это начало поэмы Р. Саути «Гимн к пенатам» [Гиривенко, 1999, с. 454–460]. А известные строки Пушкина: «Два чувства дивно близки нам – // В них обретает сердце пищу – // Любовь к родному пепелищу, // Любовь к отеческим гробам» [Пушкин, 1993, с. 450], – это тоже парафраз, как считает Е. Ю. Гениева [Гениева, 2008, с. 429–445], из того же произведения Р.Саути, столь плодотворно развивавшего тему Дома: «Не преставал молить благоговейно вас, божества домашние» [Гениева, 2008, с. 434].

А. Н. Гиривенко в статье «Поэзия Роберта Саути в интерпретации Пушкина: спорные вопросы рецепции» [Гиривенко, 1999, с. 454–460] приводит и анализирует тексты английских оригиналов Р.Саути «Гимн пенатам» («Hymn to the Penates») и их упомянутых выше интерпретаций 1829–1830 гг. А. С. Пушкина, а также тексты из поэмы того же английского автора на героический сюжет из средневекового Уэльса «Madoc» и двадцать шесть строк их пушкинского переложения «Медок», который Пушкин обозначил, как «Медок в Уаллах», – этим словом наш поэт хотел передать английское название Уэльса [Гиривенко, 1999, с. 454–460]. Исследовательница отмечает, что библиотека А. С. Пушкина имела четыре отдельных издания Р. Саути, которого наш великий поэт, видимо, особо выделял для себя среди английских романтиков, причём три английских издания 1822, 1829, 1830 г. г. и одно французское издание 1820 года (причём все тома разрезаны, то есть Пушкин работал с ними) [Гиривенко, 1999, с. 454–460].

В продолжение и развитие исследования А. Н. Гиривенко 1999 г. целую главу своей книги А. С. Долинин посвятил анализу английского текста поэмы Р. Саути и двух взаимосвязанных переложений А. С. Пушкина 1835 г. «На Испанию родную…» и «Родрик» [Долинин, 2007, с. 155–181]. Тот же учёный в своём труде «Пушкин и Англия» неоднократно возвращался (с опорой на более ранние статьи А. Габричевского 1914 г. и Д. Д. Благого 1962 г.) к исследованию текста фрагмента «Странник» А. С. Пушкина, а также связей поэтики позднего Пушкина с творчеством английских романтиков «озёрной школы» У. Вордсворта, Р. Саути и С. Кольриджа [Долинин, 2007, с. 43–52]. Что важно, А. С. Долинин делает акцент на особо важный для творческой личности А. С. Пушкина мотив «внутренней свободы», подчеркнув особенное значение в этом плане, прежде всего, такого автора «озёрной школы», как У. Вордсворт.

Что касается интереса Пушкина к произведениям С. Т. Кольриджа [Пушкин, 2004, с. 168–170], то поэт пришёл к нему через знакомство с изданиями Хартли Кольриджа (в библиотеке Пушкина сохранились его книги, например, «Poems of Hartley Coleridge» 1833 года издания) [Пушкин, 2000, с. 615]. Если вернуться к переложению Пушкина начала книги Джона Беньяна «Pilgrim`s progress» [Пушкин, 2004, с. 61–62; The reader`s…, 1973, p. 402–404] XVII в., кстати, одновременной с истоками английского предромантизма в школе поэтов-метафизиков, то заголовок «Странник» [Пушкин, 1936, с. 437–438] более чем характерен для настроения поэта последних лет его жизни, стремившегося убежать, скрыться от поглотившего его мира обыденности. Именно этим объясняется и появление поэтического переложения из Ефрема Сирина «Отцы пустынники и девы непорочны…» [Пушкин, 1936, с. 442] (1836), и образ юноши, читающего книгу («Странник») [Пушкин, 1936, с. 437–438], под которой поэт явно имел в виду Библию (или Евангелие). Произведения Пушкина 1835 года: «Странник» [Пушкин, 1936, с. 437–438] (переложение английского текста Дж.Беньяна), «Родрик» и «На Испанию родную…» [Пушкин, 1993, с. 518–522] (переложения английского текста Р. Саути) [Пушкин, 2004, с. 302–304] объединяют мотивы испытаний героя, ночных снов, видений и мотив пути спасения.

Заключение. Пушкин вёл внутренний диалог с самим собой. Тексты 1835 года в этом плане как бы продолжают духовный поиск, отражённый в тексте 1830 года «Мне не спится, нет огня…». Вопрошание ночи: «Ты зовёшь, или пророчишь. // Я понять тебя хочу, // Смысла я в тебе ищу…» [Пушкин, 1936, с. 420], – находит продолжение в текстах 1835 года «На Испанию родную…» [Пушкин, 1993, с. 418–421] и «Родрик» [Пушкин, 1993, с. 421–422]. Помогают, поддерживают эти вопрошания пророческих глубин ночи переложения английских поэтов Р.Саути

(«На Испанию родную…» [Пушкин, 1993, с. 418–421] и Дж. Беньяна («Странник») [Пушкин, 1936, с. 437–438]. Мотивы ночных снов и видений в этих текстах выводят на всё тот же мотив пути. В «Страннике» [Пушкин, 1936, с. 437–438] появляется, как уже говорилось выше, указующий путь юноши, читающего книгу (Ангела, читающего святое Евангелие). Указует путь Свет, о котором говорит [Пушкин, 1936, с. 437–438] Ангел, – тот ориентир верного Пути для Странника (героя-повествователя). Характерно, что в текстах переложений Дж. Беньяна [Пушкин, 2004, с. 61–62] и Р. Саути [Пушкин, 2004, с. 302–304] финальным, завершающим пушкинские переложения является мотив Пути, указующий Свет в священной Ночи, – тот самый о котором писали немецкие поэты-романтики Гёте [Пушкин, 2004, с. 99–105], Эйхендорф и М. Ю. Лермонтов. Вот эти пушкинские концовки текстов: «Странник» – «…Спешил перебежать городовое поле, // Дабы скорей узреть – оставя те места, // Спасенья верный путь и тесные врата…» [Пушкин, 1936, с. 437–438]; «На Испанию родную…»: «…Пробудясь, Господню волю // Сердцем он уразумел, // И, с пустыней расставаясь, // В путь отправился король…» [Пушкин, 1993, с. 418–421]. «Ночные вопрошания» Пушкина в текстах 1830 и 1835 годов с обращением к переложениям текстов английских поэтов Дж. Беньяна и Р. Саути является ярким подтверждением гениальных мыслей Ф. М. Достоевского о «всемирной отзывчивости» [Достоевский, 1979, с. 62–64] нашего великого поэта.

Библиографический список

1. Вейдле В. В. Пушкин и Европа // Пушкин: Pro et contra. Личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Санкт-Петербург : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. Т. II. С. 234–244.

2. Викторович В. А. Романтизм // Онегинская энциклопедия / глав. ред. Н. И. Михайлова. Москва : Русский путь, 2004. Т. 2. С. 438–440.

3. Гениева Е. Ю. Последняя трагедия Пушкина // Лотман Ю. М. Пушкин. Статьи и заметки. Москва : Вагриус, 2008. С. 429–445.

4. Гёте И.-В. Лирика // сост., статья, примечания С. Тураев. Москва : Детская литература, 1975. 190 с.

5. Гиривенко А. Н. Поэзия Роберта Саути в интерпретации Пушкина: спорные вопросы рецепции // Университетский Пушкинский сборник / отв. ред. В. Б. Катаев. Москва : Изд-во МГУ, 1999. С. 454–460.

6. Долинин А. С. Пушкин и Англия. Цикл статей. Москва : Новое Литературное Обозрение, 2007. 280 с.

7. Достоевский Ф. М. Пушкин // Дань признательной любви. Русские писатели о Пушкине. Ленинград : Лениздат, 1979. С. 47–67.

8. Жирмунский В. М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Ленинград : Наука, 1979. С. 158–173.

9. Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах // сост., комментарии И. С.Чистова. Т. 1. Москва : Правда, 1988. 719 с.

10. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. Москва : Изд-во Советская энциклопедия, 1981. 784 с.

11. Литературные манифесты западноевропейских романтиков / под ред. А. С. Дмитриева. Москва : Изд-во МГУ, 1980. 639 с.

12. Лотман Ю. М. Пушкин. Статьи и заметки. Москва : Вагриус, 2008. 447 с.

13. Пушкин. Исследования и материалы. Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». Санкт-Петербург : Наука, 2004. 445 с.

14. Пушкин А. С. Pro et contra. Личность и творчество Александра Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Санкт-Петербург : Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000. Т. II. 702 с.

15. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 5 томах. Санкт-Петербург : Библиополис, 1993. Т. I. 599 с.

16. Пушкин А. С. Сочинения / сост., ред., статьи и примечания Б. В.Томашевского. Ленинград : Государственное издательство «Художественная литература», 1936. 975 с.

17. Хайдеггер Мартин. О поэтах и поэзии. Гёльдерлин. Рильке. Тракль / сост., статья, примечания Н. Болдырев. Москва : Водолей, 2017. 239 с.

18. Эйхендорф Й. Стихотворения / пер., сост., статья и примечание П. Карп. Ленинград : Художественная литература, 1969. 223 с.

19. Bayley J. Pushkin: A Comparative Commentary. Cambridge : University Press, 1871. 180 p.

20. Pushkin // The reader`s companion to wold literature / C. S. Brown (gen. editor). New-York : The New American Library, 1973. P. 436–437.

21. The reader`s companion to world literature / C. S. Brown (gen. ed.). New-York : The New American Library, 1973. 577 p.

Reference list

1. Vejdle V. V. Pushkin i Evropa = Pushkin and Europe // Pushkin: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Aleksandra Pushkina v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologija. Sankt-Peterburg : Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 2000. T. II. S. 234–244.

2. Viktorovich V. A. Romantizm = Romanticism // Oneginskaja jenciklopedija / glav. red. N. I. Mihajlova. Moskva : Russkij put', 2004. T. 2. S. 438–440.

3. Genieva E. Ju. Poslednjaja tragedija Pushkina = Pushkin's last tragedy // Lotman Ju. M. Pushkin. Stat'i i zametki. Moskva : Vagrius, 2008. S. 429–445.

4. Gjote I.-V. Lirika = Lyrics // sost., stat'ja, primechanija S. Turaev. Moskva : Detskaja literatura, 1975. 190 s.

5. Girivenko A. N. Pojezija Roberta Sauti v interpretacii Pushkina: spornye voprosy recepcii = Robert Southey's poetry as interpreted by Pushkin: controversial issues of perception // Universitetskij Pushkinskij sbornik / otv. red. V. B. Kataev. Moskva : Izd-vo MGU, 1999. S. 454–460.

6. Dolinin A. S. Pushkin i Anglija. Cikl statej = Pushkin and England. Series of articles. Moskva : Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2007. 280 s.

7. Dostoevskij F. M. Pushkin = Pushkin // Dan' priznatel'noj ljubvi. Russkie pisateli o Pushkine. Leningrad : Lenizdat, 1979. S. 47–67.

8. Zhirmunskij V. M. Problemy sravnitel'no-istoricheskogo izuchenija literatur = Problems of comparative and historical study of literatures // Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Zapad. Leningrad : Nauka, 1979. S. 158–173.

9. Lermontov M. Ju. Sochinenija v dvuh tomah = Works in two volumes // sost., kommentarii I. S.Chistova. T. 1. Moskva : Pravda, 1988. 719 s.

10. Lermontovskaja jenciklopedija = Lermontov encyclopedia / gl. red. V. A. Manujlov. Moskva : Izd-vo Sovetskaja jenciklopedija, 1981. 784 s.

11. Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov = Literary manifestos of the Western European Romantics / pod red. A. S. Dmitrieva. Moskva : Izd-vo MGU, 1980. 639 s.

12. Lotman Ju. M. Pushkin. Stat'i i zametki = Pushkin. Articles and notes. Moskva : Vagrius, 2008. 447 s.

13. Pushkin. Issledovanija i materialy. Pushkin i mirovaja literatura. Materialy k «Pushkinskoj jenciklopedii» = Pushkin. Studies and materials. Pushkin and world literature. Materials for the «Pushkin Encyclopedia». Sankt-Peterburg : Nauka, 2004. 445 s.

14. Pushkin A. S. Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Aleksandra Pushkina v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologija = Pro et contra. The personality and work of Alexander Pushkin in the assessment of Russian philosophers and researchers. Anthology. Sankt-Peterburg : Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 2000. T. II. 702 s.

15. Pushkin A. S. Sobranie sochinenij v 5 tomah = Collected works in 5 volumes. Sankt-Peterburg : Bibliopolis, 1993. T. I. 599 s.

16. Pushkin A. S. Sochinenija = Works / sost., red., stat'i i primechanija B. V.Tomashevskogo. Leningrad : Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Hudozhestvennaja literatura», 1936. 975 s.

17. Hajdegger Martin. O pojetah i pojezii. Gjol'derlin. Ril'ke. Trakl' = About poets and poetry. Hölderlin. Rilke. Trakl / sost., stat'ja, primechanija N. Boldyrev. Moskva : Vodolej, 2017. 239 s.

18. Jejhendorf J. Stihotvorenija = Poems / per., sost., stat'ja i primechanie P. Karp. Leningrad : Hudozhestvennaja literatura, 1969. 223 s.

19. Bayley J. Pushkin: A Comparative Commentary. Cambridge : University Press, 1871. 180 p.

20. Pushkin // The reader`s companion to wold literature / C. S. Brown (gen. editor). New-York : The New American Library, 1973. P. 436–437.

21. The reader`s companion to world literature / C. S. Brown (gen. ed.). New-York : The New American Library, 1973. 577 p.

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 13.12.2021; approved after reviewing 20.01.2021; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 821.161.09«19»
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-17-26

Мотив пути и образ путешественника в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»

Валерия Геннадьевна Андреева

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН». 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а;

профессор кафедры отечественной филологии ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». 156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14

lanfra87@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4558-3153

Аннотация. В статье рассматривается один из важнейших компонентов изобразительности романа «Воскресение» – мотив пути, а также соотносимый с ним многозначный образ путешественника. Рассуждая о возможных влияниях, оказанных на Толстого предшествующей литературой, автор статьи обращается к поэме Гоголя «Мертвые души» и констатирует, что путь Нехлюдова может быть в общих чертах соотнесен с дорогой Чичикова: значимы многочисленные неслучайные встречи и совпадения, происходящие с обоими героями. Автор статьи показывает, что для Чичикова и Нехлюдова, совершенно разных персонажей, проделывающих различные пути, именно на эпической дороге характерны прозрения, связанные с народной жизнью, осмыслением широты души простого русского человека. Во многом вслед за Гоголем Толстой подводит читателя к мысли об изменении человека в результате его общения с другими людьми. Несмотря на тот факт, что поздний Толстой, в связи со своим резким отношением к Церкви, многое несправедливо не принимал в творчестве Гоголя, обвиняя писателя в догматизме, автором работы отмечается, что толстовское отношение к Гоголю было, по всей видимости, последовательной необходимостью, позволявшей избежать противоречий в собственном учении.

Анализируется активность преображения Нехлюдова на протяжении трех частей романа «Воскресение», показывается, что герой проходит знаковый путь от собственного «я» к большому миру, интересам других людей. С поездки в собственные имения начинается этап активного сознательного движения героя, которое уже не прекращается до финала романа. Дмитрий Нехлюдов – на первый взгляд, вполне романный герой – совершает именно эпический путь. Отдельное внимание уделяется в работе образу путешественника, имеющему двоякое значение: с ним связывается мысль о легкой и счастливой поездке куда-либо, а также независимость человека, обретение им духовной свободы. Проповеднический пафос позднего Толстого, широкая и правдивая иллюстрация бед народа, а также тема возрождения и преображения человека непротиворечиво соединяются в эпическом романе «Воскресение» и одновременно поддерживают его жанровую широту.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; Н. В. Гоголь; Гомер; эпический роман; эпопея; мотив пути; образ путешественника; изменяющийся герой; народ; проповеднический пафос

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102

Для цитирования: Андреева В. Г. Мотив пути и образ путешественника в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 17–26. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-17-26

Original article

The motif of the way and the image of the traveler in the novel «Resurrection» by Leo Tolstoy

Valeria G. Andreeva

Doctor of philology, leading researcher at the A.M. Gorky Institute of world literature RAS. 121069, Moscow, Povarskaya St., 25a;

professor of the department of Russian philology, Kostroma State University. 156961, Kostroma, 1 Maya st., 14

lanfra87@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4558-3153

© Андреева В. Г., 2022

Abstract. The article deals with one of the most important elements of the imagery in the novel «Resurrection» – the motif of the way, as well as the polysemantic image of the traveler correlating with it. Discussing the possible influences on Tolstoy by his predecessors, the author of the article turns to Gogol's poem Dead Souls and states that Nekhludov's path can be roughly correlated with Chichikov's path: numerous non-accidental encounters and coincidences happening to both characters are significant. The author shows that for Chichikov and Nekhludov, completely different characters on different paths, it is on the epic road that the insights into people' lives and the understanding of the generous soul of a simple Russian man are characteristic. In many ways, following Gogol, Tolstoy leads the reader to the idea of human change as a result of one's interactions with other people. Due to his harsh attitude to the Church, Tolstoy unfairly rejected much of Gogol's work, accusing the writer of dogmatism. The author of the article notes that Tolstoy's treatment of Gogol was, apparently, a consistent necessity, allowing him to avoid contradictions in his own teachings.

The article analyzes Nekhludov's active transformation throughout the three parts of the novel «Resurrection», showing that the hero passes a significant path from his own self to the outside world, to other people's interests. The stage of active conscious movement of the hero begins with a trip to his own estates, and does not stop until the end of the novel. Dmitry Nekhludov – quite a novel hero at first glance – takes precisely an epic journey. Particular attention is paid to the image of the traveler, which has a double meaning: it is associated with the idea of an easy and happy journey, as well as a person's independence and the acquisition of spiritual freedom. Tolstoy's preaching pathos in his later years, the broad and truthful illustration of people's suffering, as well as the theme of human resurrection and transformation are harmoniously integrated into the epic novel Resurrection and simultaneously support its genre diversity.

Key words: Leo Tolstoy; Nikolay Gogol; Homer; epic novel; epic; motive of the path; image of a traveler; changing hero; people; preaching pathos

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-012-00102

For citation Andreeva V. G. The motif of the way and the image of the traveler in the novel «Resurrection» by Leo Tolstoy. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):17–26. (In Russ.*). http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-17-26

Введение. Эпическая широта романа «Воскресение»

Исследователи творчества Л. Н. Толстого уже не раз отмечали, что последний роман писателя «Воскресение» поражает обилием второстепенных и третьестепенных персонажей, разнообразных встреч на пути главного героя, придающих произведению особую широту [Ломунов, 1978]. Между тем, некоторые литературоведы склонны смотреть на Дмитрия Нехлюдова скорее как на проходящего через весь роман героя, функция которого заключается в проведении читателя по судам, тюрьмам, различным учреждениям и приемным больших чиновников. К примеру, В. А. Туниманов, цитируя отзыв Н. Н. Страхова о романе Толстого и его героях, сделанный еще задолго до завершения произведения, распространяет его на окончательный образ Нехлюдова: «Толстой и сам понимал, что Нехлюдов бледноват, но, видимо, махнул на это рукой, сосредоточившись на других линиях романа, используя героя как своего рода проводника по различным сферам жизни…» [Зверев, Туниманов, 2007, с. 554]. Такой взгляд на Нехлюдова видится нам ошибочным.

Чувства и изменяющиеся интересы героя, его переживания и сомнения, стремление к счастью в романе настолько важны в линии восхождения, что не позволяют назвать образ Нехлюдова бледным. Вместе с тем, личные мотивы не способствуют осмыслению его как героя эпопеи нового времени: в этом плане образцами в художественном мире романа становятся Марья Павловна Щетинина и Владимир Иванович Симонсон, являющиеся своеобразными «двойниками» Нехлюдова и Масловой: Марья Павловна полностью отказывается от личной жизни, все ее интересы заключаются в помощи ближним, а Симонсон не только желает служить народу, но и выдвигает теорию о целостном живом организме, в который включается все сущее на земле [Андреева, 2021, с. 69–70].

Несмотря на то, что в романе представлены жизненные истории Марьи Павловны и Симонсона, мы видим их героями готовыми, не изменяющимися на глазах читателя. Нехлюдов же преображается по мере течения художественного времени, проходит в романе знаковый путь от собственного «я» к большому миру, интересам других людей: «Прежде надо было придумывать, что делать, и интерес дела был всегда один и тот же – Дмитрий Иванович Нехлюдов… Теперь все дела касались других людей, а не Дмитрия Ива-

новича, и все были интересны и увлекательны, и дел этих было пропасть» [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 310]. Открытие этого большого мира Нехлюдовым Толстой подчеркивает несколько раз, и осознание значимости и безыскусственности народной жизни во многом делает его эпическим героем.

Для последнего романа Толстого характерна широта эпопеи нового времени, его можно отнести к форме эпического романа, поскольку «…в „Воскресении" на первый план выходит идея возможности или невозможности приближения каждого из героев к народному миру и нахождения им себя» [Андреева, 2020, с. 217]. Только через осознание ситуации в стране, через приобщение к глобальным национальным проблемам, возможно то настоящее расширение жизни человека, которое показывает Толстой на примере Нехлюдова. Как мы уже отмечали ранее, в «Воскресении» «эпопейные элементы появляются, поскольку речь вновь (почти как в „Войне и мире") идет о страшной угрозе, нависшей над русским народом и поставившей его на грань жизни и смерти, небытия» [Андреева, 2020, с. 217]. Дмитрий Нехлюдов – на первый взгляд, вполне романный герой – совершает именно эпический путь к народу: на многочисленных примерах Толстой демонстрирует, как он тяжело выходит из области той комфортной жизни, к которой привык, как все более и более приближается к осмыслению существования, скорее даже выживания русского народа.

Одним из важнейших мотивов в сюжете эпического романа «Воскресение» является мотив пути, а также соотносимый с ним многозначный образ путешественника. И. В. Ершова отметила, что «эпический сюжет в каждой отдельно взятой эпической поэме/песни реализует одну и ту же модель конструирования эпического сюжета, которая варьируется в зависимости от присущего данной национальной традиции базового сюжетного типа» [Ершова, 2017, с. 17]. По мнению исследовательницы, «модель эпического сюжета включает в себя ряд сюжетообразующих мотивов, которые создадут устойчивую последовательность нескольких элементов: 1) героическая коллизия (причина, побуждающая героя к деянию); 2) путь к деянию (способ пространственного перемещения); 3) испытание / претерпевание / препятствие; 4) героическое деяние; 5) последствия деяния» [Ершова, 2017, с. 17].

Рассуждая о возможных влияниях, оказанных на Толстого предшествующей литературой, необходимо вспомнить особую любовь писателя к эпопеям Гомера, которые были прочитаны им сначала в переводах, а потом, когда Толстой выучил греческий язык, и в оригинале. Кроме того, путь Нехлюдова, по нашему мнению, может быть в общих чертах соотнесен с дорогой Чичикова – героя поэмы «Мертвые души» Н. В. Гоголя.

Об отношении Толстого к наследию Гоголя. Пути Чичикова и Нехлюдова

Прежде чем обратиться к значимым частным моментам пути Нехлюдова, обозначим глобальные закономерности его движения. Ключевой мотив, роднящий художественные миры поэмы Гоголя и последнего романа Толстого, – мотив перемещения по России, передвижения героев. Конечно, Чичиков и Нехлюдов – совершенно разные персонажи, путь они проделывают также различный, однако для обоих именно на этой эпической дороге характерны прозрения, связанные с народной жизнью, осмыслением широты души простого русского человека.

В. А. Беглов отметил, что «проблема „эпопея и современность" могла решаться двояко: либо посредством поиска эпопейных истоков в прошлом, либо в проповеди, содержание которой основывалось бы на философских, этических, эстетических началах моделируемого будущего, лишенного негативных сторон настоящего» [Беглов, 2005, с. 88]. Исследователь считает, что Гоголю был ближе первый путь. Однако с последним выводом В. А. Беглова сложно согласиться. По всей видимости, Гоголь мог совместить два указанных направления, но в «Мертвых душах» он обратился именно к форме проповеди – представил своеобразный урок своим современникам, терявшим настоящие жизненные ориентиры. «…Определение автором жанра „Мертвых душ" как „поэмы" преследовало цель подчеркнуть принадлежность его творения к высоким классическим образцам древней учительной литературы. <…> Согласно Гоголю, его поэма заключала в себе не только древнее эпическое созерцание (на чем настаивал Аксаков), но и учительство (и, конечно, отнюдь не „бессознательное"), как учительным, по убеждению писателя, было и творчество Гомера», – отмечает И. А. Виноградов [Виноградов, 2020, с. 121].

Ученый подробно (вслед за более ранними исследованиями В. В. Кожинова и В. А. Кошелева) рассматривает полемику современников Гоголя по поводу «Мертвых душ», по-

казывая глубинные основания спора К. С. Аксакова, автора брошюры «Несколько слов о поэме Гоголя „Похождения Чичикова или Мертвые души"», увидевшего в поэме Гоголя основы древнего эпического созерцания, и В. Г. Белинского. И. А. Виноградов отмечает первоначальное сходство воззрений критиков на «Мертвые души» и констатирует, как резко изменил свое мнение Белинский после прочтения статьи Аксакова, руководствуясь тактическими соображениями и политическими задачами литературной критики.

Очень интересно, что Толстой в дневнике от 7 марта 1909 г. отмечает значимое сравнение Гоголя и Белинского: «Много думал о Гоголе и Белинском. Очень интересное сопоставление. Как Гоголь прав в своем безобразии, и как Белинский кругом неправ в своем блеске, с своим презрительным упоминанием о *каком-то* Боге. Гоголь ищет Бога в церковной вере, там, где он извращен, но ищет все-таки Бога, Белинский же, благодаря вере в науку, столь же, если не более нелепую, чем церковная вера.., и несомненно еще более вредную, не нуждается ни в каком Боге! Какая тема для нужной статьи» [Толстой, 1928–1958, т. 57, с. 35–36].

Несмотря на тот факт, что поздний Толстой, в связи со своим резким отношением к Церкви, многое несправедливо не принимал в творчестве Гоголя, обвиняя писателя в догматизме, данная запись показывает, что толстовское отношение к Гоголю было, по всей видимости, последовательной необходимостью (отчасти как у Белинского), позволявшей избежать противоречий в собственном учении. Хотя нельзя сказать, что оценка поздним Толстым Гоголя была сделанной, намеренной: Толстой сам оказался в «гравитационном поле» своего учения. Между тем, резкое обвинение Белинского (своеобразного антипода Гоголю и К. С. Аксакову), сделанное Толстым, доказывает, что позиция самого Гоголя была Толстому близка (пусть и с оговорками для сохранения своей точки зрения по отношению к современной ему Церкви). Скорее всего, эта мысль пришла к Толстому не внезапно и гораздо ранее, чем в 1909 г. Отметим, что в переписке (еще до создания романа «Воскресение») Толстой несколько раз отмечает общую высоту Гоголя и его значение для всей русской словесности. Вне всякого сомнения, для Гоголя и Толстого был характерен сонаправленный духовный и религиозный поиск, однако Толстой с его склонностью к анализу и проверке всего жизненностью, сам столько раз заявлявший евангельское «будьте как дети», не мог понять и принять гоголевского целостного прихода к вере. Н. Н. Гусев вспоминает, что Толстой говорил о суевериях Гоголя, от которых последний не освободился: «Потом он принял религию, всю, как она есть, по-детски, покорился, не выбирая, что ему нужно из нее, что не нужно» [Гусев, 1973, с. 240]. Однако можно констатировать, что дорогая для самого Толстого тема преображения человека после произошедшего в нем духовного переворота, переоценки ценностей, получает характерный для «Мертвых душ» Гоголя эпический масштаб (повествование обо всей России и о русской жизни) во время работы писателя над романом «Воскресение».

Не раз уже цитировалось литературоведами письмо Толстого к Н. Н. Страхову от 16 октября 1887 г., в котором он подчеркнул высоту Гоголя и его учительский пафос, а также жалкую роль Белинского: «Великий мастер своего дела увидал возможность лучшего деланья, увидал недостатки своих работ, указал их и доказал искренность своего убеждения и показал хоть не образцы, но программу того, что можно и должно делать, и толпа, не понимавшая никогда смысла делаемых предметов и достоинства их, найдя бойкого представителя своей низменной точки зрения, загоготала, и 35 лет лежит под спудом в высшей степени трогательное и значительное житие и поученья подвижника нашего цеха, нашего русского Паскаля» [Толстой, 1928–1958, т. 64, с. 107]. Как отмечает Бочаров, «это пишется в самый разгар новой деятельности Толстого», «и в этот момент он оглядывается на Гоголя, признавая в нем своего предтечу» [Бочаров, 2011, с. 15].

Вне всякого сомнения, «Мертвые души» стали для Толстого одним из образцов при создании эпического романа. В списке книг, которые имели особенное на него влияние, Толстой в периоде от 14 до 20 лет отмечает «Мертвые души» Гоголя и констатирует: «Впечатление "очень большое"» [Толстой, 1928–1958, т. 66, с. 67]. Сложно представить, чтобы такое впечатление не могло остаться в памяти Толстого, хотя писатель и далее не раз обращался к произведениям Гоголя. Нельзя исключать и того, что эпический голос Гоголя-проповедника был глубоко прочувствован и понят Толстым. Так, авторы «Истории русской литературы», вышедшей в 2018 г. в Оксфорде, особенно подчеркивают правдоподобие романов Толстого и ту непоколебимую уверен-

ность знающего человека, которая присуща его повествователю [Kahn, Lipovetsky et al., 2018, p. 501].

По сути дела, галерея «мертвых» чиновников, судей, прокуроров, адвокатов, представителей высшего света, подобных семейству Корчагиных, с которыми общается Нехлюдов в разъездах по обвинению Масловой и прочим делам, касающимся освобождения фактически безвинно арестованных людей, напоминает читателю галерею помещиков в «Мертвых душах». Мотив мертвенности характерен для всего того мира, с которым порывает Нехлюдов, возрождающийся в романе и с радостью отмечающий перемены в себе и Катюше. Если при первых свиданиях с Масловой в тюрьме Нехлюдов думал: «Ведь это *мертвая* женщина» (курсив автора статьи) [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 149], то к концу второй части романа, накануне отправления партии арестантов, герой записал в дневнике: «Она радует меня той внутренней переменой, которая, мне кажется, – боюсь верить, – происходит в ней. Боюсь верить, но мне кажется, что она *оживает*» (курсив автора статьи) [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 326].

Однако нас в данном случае более интересует путь Чичикова и Нехлюдова. Несмотря на тот факт, что «…дорога, избранная Чичиковым, в русских масштабах и пределах – это дорога в никуда» [Лебедев, 2014, с. 101], а путь Нехлюдова приводит его к осознанию истинных ценностей, движение героев может быть сопоставлено именно потому, что оно производится в эпическом художественном мире. Кроме того, не стоит забывать, что «Мертвые души» планировались Гоголем только как первая часть грандиозной эпической «постройки», смысл и единство которой не видели его современники, но которая, по замыслу Гоголя, должна была открыть людям истинные смыслы бытия и путь преображения. Эти мысли (насколько их видел Толстой в незавершенном произведении Гоголя и всем его наследии) были очень созвучны его видению роли искусства. И. Ю. Лученецкая-Бурдина справедливо отмечает, что «истинное христианское искусство, по мнению Толстого, сделало своим идеалом „не красоту грека или богатства Финикии, а смирение, целомудрие, сострадание, любовь”, высшим произведением искусства предстал „не храм победы со статуями победителей, а изображение души человеческой, претворенной любовью так, что мучимый и убиваемый человек жалеет и любит своих мучителей”» [Лученецкая-Бурдина, 2020, с. 69].

Образ путешествующего Чичикова неизменно связывается в «Мертвых душах» с его повозкой. Нехлюдов же перемещается в Сибирь на поезде, в вагоне третьего класса, по мере движения узнавая простых русских людей. Однако как и Гоголь, уподобляющий жеребца Чубарова и самого Чичикова, Толстой в начале романа показывает сходство между Нехлюдовым, который «не переставая поглядывал на Катюшу» [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 53], и не перестававшем ржать жеребцом, на котором он в темноте, по лужам и снегу отправляется к церкви. Немаловажное значение в романе Толстого имеют беседа с ямщиком во время дороги к своему имению, когда Нехлюдов остается неузнанным и слышит рассказ о своем управляющем, и разговор с извозчиком о народе и отсутствии у крестьян земли, происходящий во время поездки Нехлюдова к острогу.

Ю. В. Лебедев пишет о том, что путешествием Чичикова управляет случай, рассматривает встречи героя, которые на самом деле случайными и не являются: «…„Глупая” русская жизнь буквально с первых шагов начинает спутывать „умные” планы и „верные” расчеты Чичикова. Она сбивает его с намеченного пути, вываливает в грязь, подталкивает на неожиданные и опрометчивые поступки» [Лебедев, 2014, с. 103]. С Нехлюдовым происходит то же самое: герой сначала мнит себя хозяином не только собственной жизни, но и жизни других людей, прежде всего – собственных крестьян. Однако вскоре Нехлюдов понимает, что отнюдь не в его руках находится выбор пути и решение судеб других людей.

Образ хозяина, под которым Толстой понимает Бога, находит широкую реализацию в рассказе «Хозяин и работник» (1895). В. А. Штаб сопоставляя данный рассказ с повестью Гоголя «Вий», наблюдая за движением героев, проходимой ими дорогой, делает вывод, что «Л. Н. Толстой воспроизводит в своем произведении сюжетную схему повести Н. В. Гоголя „Вий”. Однако если пространственная вертикаль в повести Н. В. Гоголя направлена вниз, в произведении Л. Н. Толстого вектор пространства устремлен вверх и позволяет герою подняться на новую ступень духовного развития» [Штаб, 2011, с. 93].

Брехунов в надежде на то, что он сам управляет своей жизнью, заблуждается фактически до последнего часа: «Василий Андреич – хозяин.

Он считает, что право выбора всегда принадлежит ему, и что все будет именно так, как он захочет. Боясь не успеть купить лес, он выбирает короткий путь…» [Штаб, 2011, с. 89]. Нехлюдов же приходит к осознанию исполнения им высшей воли (при этом его господская власть отходит на второй план): «Все это понять, понять все дело хозяина – не в моей власти. Но делать его волю, написанную в моей совести, – это в моей власти, и это я знаю несомненно» [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 226].

В художественных мирах поэмы Гоголя и эпического романа Толстого читателя поражают именно многочисленные неслучайные встречи и совпадения. В романе «Воскресение» вслед за самой поразительной встречей Нехлюдова и Катюши в суде читателя удивляют и дальнейшие столкновения Нехлюдова со многими второстепенными героями. Вслед за Гоголем Толстой подводит читателя к мысли об изменении человека в результате его общения с другими людьми. Интересно, что в романе «Воскресение» три части (как не вспомнить тут рассуждения современников Гоголя о трехчастной структуре его замысла, об упоминании в критике трехчастной «Божественной комедии» Данте). Первая часть в большей степени статична. В рассказе о прошлом героя мы видим преимущественно движение по кругу: Нехлюдов приезжает в имение к тетушкам и после уезжает от них, на лошади совершает поездку в церковь и возвращается, наконец, уезжает на фронт и проезжает на поезде назад. Настоящее героя в начале первой части романа также изображено в спокойном и неподвижном состоянии. В то время как Маслову в начале романа мы видим «измученную длинным переходом» [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 11], Нехлюдов «лежал еще на своей высокой, пружинной с пуховым тюфяком, смятой постели» [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 12]

Движение и духовный подъем Нехлюдова

Движение героя в конце первой части романа начинается во многом именно в физическом плане: Нехлюдов ездит по разным инстанциям и чиновникам – вместе с начавшимся и еще плохо заметным нравственным возрождением персонажа его спокойная и уравновешенная жизнь заканчивается. Не случайно Толстой делает акцент на том, что Нехлюдову страшно (это страх перемен и сложностей, о которых герой никогда не знал): «Проснувшись на другой день утром, Нехлюдов вспомнил все то, что было накануне, и ему стало страшно. Но, несмотря на этот страх, он, больше чем когда-нибудь прежде, решил, что будет продолжать начатое. С этим чувством сознания своего долга он выехал из дома и поехал к Масленникову – просить его разрешить ему посещения в остроге» [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 171]. Пробуждения Нехлюдова сложно не заметить, оно ощущается в художественном мире романа, многие главы в финале первой части произведения начинаются как раз с упоминания о том, что Нехлюдов куда-то собирается или выезжает: «На другой день Нехлюдов поехал к адвокату и сообщил ему дело Меньшовых, прося взять на себя защиту» [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 187].

В плане внешнего и внутреннего движения героя значимо начало второй части романа, самый первый ее абзац. Толстой рассказывает читателю о планах Нехлюдова, его намерениях и приготовлениях (как бы о том движении, к которому только еще готовится герой), а далее сообщает о первом конкретном и очень значимом его шаге – поездке в свои имения (Нехлюдов там в последнее время и не бывал: «Через две недели дело могло слушаться в сенате, и к этому времени Нехлюдов *намеревался поехать* в Петербург и в случае неудачи в сенате подать прошение на высочайшее имя, как советовал составивший прошение адвокат. В случае оставления жалобы без последствий, к чему, по мнению адвоката, надо быть готовым, так как кассационные поводы очень слабы, партия каторжных, в числе которых была Маслова, *могла отправиться* в первых числах июня, и потому для того, чтобы *приготовиться к поездке* за Масловой в Сибирь, что было твердо решено Нехлюдовым, *надо было теперь же съездить* по деревням, чтобы устроить там свои дела. Прежде всего Нехлюдов *поехал* в Кузминское…» (курсив автра статьи) [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 198].

С поездки в собственные имения начинается этап активного сознательного движения героя, которое уже не прекращается до финала романа. Как бы ни хотел Нехлюдов уже увильнуть в сторону, его решимость следовать за Масловой, исполнить взятое на себя обещание ведут героя вперед, а распорядок жизни Масловой, движение партии заключенных, наряду с продолжающимися хлопотами по делам других арестованных более всего занимают Нехлюдова, отучая его думать о собственной персоне. Даже на уровне композиции глав Толстой демонстрирует подчиненность Нехлюдова общему распорядку: «Мас-

лову могли отправить с первой отходящей партией, и потому Нехлюдов готовился к отъезду» [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 310]; «Отправка партии, в которой шла Маслова, была назначена на 5-е июля. В этот же день приготовился ехать за нею и Нехлюдов» [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 314]; «Партия, в которой шла Маслова, отправлялась с вокзала в три часа, и потому, чтобы видеть выход партии из острога и с ней вместе дойти до вокзала железной дороги, Нехлюдов намеревался приехать в острог раньше двенадцати» [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 325].

Писатель реалистично показал, что все личные дела Нехлюдова отступают на второй план – этому способствует в некоторой степени необычность самой ситуации и обстановки: так, картина перемещения арестантов и созерцаемой Нехлюдовым гибели заключенного от жары и переутомления постепенно вытесняют из его сознания эпизод прощания с сестрой и ссоры с ее мужем: «До отхода пассажирского поезда, с которым ехал Нехлюдов, оставалось два часа. Нехлюдов сначала думал в этот промежуток съездить еще к сестре, но теперь, после впечатлений этого утра, почувствовал себя до такой степени взволнованным и разбитым, что, сев на диванчик первого класса, совершенно неожиданно почувствовал такую сонливость, что повернулся на бок, положил под щеку ладонь и тотчас же заснул. <…> В его воспоминании были: шествие арестантов, мертвецы, вагоны с решетками и запертые там женщины…» [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 344].

А финал второй части романа и вся третья часть посвящены уже непосредственному движению Нехлюдова вслед на Масловой и партией арестантов в Сибирь. Ю. В. Шатин отмечает, что «путешествие за Урал рассматривалось как определенный способ очищения и изменения важных параметров духовного существования, совпадающих по основным признакам с обрядом инициации», а «особенность поэтики Толстого заключается в том, что за поверхностными структурами реалистического повествования чаще всего прячется глубинная архетипическая схема» [Шатин, 2016, с. 14]. Исследователь считает, что «Толстой не испытывал этнографического интереса к реальной Сибири»: «В тексте “Воскресения” городское пространство Сибири упоминается дважды: в одном случае это Томск без каких-либо коннотаций, в другом – некоторый губернский город, конечная точка путешествия Нехлюдова» [Шатин, 2016, с. 12].

Однако Толстому, как мы понимаем, не так важны были четкие географические ориентиры, наоборот, писатель создал образ типичного сибирского города. Первостепенно то, что Нехлюдов вслед за партией заключенных, сознательно неся определенные трудности и даже сознавая себя связанным, проезжает почти через всю Россию с запада на восток. Как справедливо отметила Л. А. Мясникова, это «внешнее путешествие» «необходимо как условие внутреннего поиска» [Мясникова, 2011, с. 19].

Уместно в данном случае обратить внимание на образ путешественника в романе, напрямую связанный с мотивом пути, тем более что Толстой делает на нем особый акцент, дважды называя Нехлюдова путешественником в очень важные и значимые моменты. Ани Кокобобо в статье о романе «Воскресение» обратила внимание на тот факт, что Нехлюдов в финале произведения остается странником, оставившим привычный для него круг. Исследовательница отмечает, что приближение к неизведанному и прекрасному миру позволяет герою понять единственный важный в жизни урок: важность любовного отношения к окружающим [Kokobobo, 2012, p. 13].

Указанный образ имеет в романе двоякое значение. С одной стороны, с ним связывается мысль о легкой и счастливой поездке куда-либо, предполагающей получение удовольствия от самого процесса перемещения и созерцания новых мест. Это значение реализуется на примере путешественника-англичанина, приезжающего в Сибирь со своими личными и отчасти эгоистическими целями. Это же значение использует политический Новодворов, иронизирующий по поводу поездки Нехлюдова: «Что же, приятно путешествуете?» [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 390].

С другой стороны, путешествие предполагает мотив освобождения человека. Путешественник у Толстого не привязан к одному месту: во время перемещения он осознает себя гражданином мира, странником, могущим жить, где угодно. Отчасти ради осознания Нехлюдовым полноты этого ощущения писатель устраивает его встречу со стариком-странником, который отмечает, что Бог для него отец, а земля – мать [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 419]. Как справедливо отмечает И. Л. Беккер, «путешествие в духовном смысле – это движение человека по жизненному пути в поисках своего истинного предназначения. Таким образом, сущностью путешествия является не столько физическое передвижение по земле,

сколько духовная деятельность по постижению чего-то нового и неизведанного – того, что изменяет жизнь человека, выводит его за грань обыденности, гармонизирует его» [Беккер, 2009, с. 10].

Нехлюдов ощущает себя путешественником именно тогда, когда решает тяжелый вопрос об отдаче части земли в наем крестьянам по сравнительно низкой цене, ограничивает свои доходы и облегчает положение крестьян: «Вспоминая теперь свое чувство сожаления к потере собственности, которое он испытал в Кузминском, Нехлюдов удивлялся на то, как мог он испытать это чувство; теперь он испытывал неперестающую радость освобождения и чувство новизны, подобное тому, которое должен испытывать путешественник, открывая новые земли» [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 233]. Второй раз герой отождествляется с путешественником, когда он полностью приходит к осознанию ценности народного мира – людей с их настоящей трудовой и человеческой жизнью: «И он испытывал чувство радости путешественника, открывшего новый, неизвестный и прекрасный мир» [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 361].

На протяжении третьей части романа писатель несколько раз упоминает о путешествии Нехлюдова в контексте преображения героя: «Нехлюдов чувствовал себя во все время путешествия в том возбужденном состоянии, в котором он невольно делался участливым и внимательным ко всем людям, от ямщика и конвойного солдата до начальника тюрьмы и губернатора, до которых имел дело» [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 372].

Образ путешественника придает Нехлюдову особую объективность и беспристрастность: оставаясь самим собой и переживая путешествие как «самопознание, итогом которого должно быть новое понимание жизни и, как следствие, новое бытие» [Нагина, 2009, с. 74], герой оценивает все увиденное и услышанное, освобождаясь от оков прежней московской и петербургской жизни. Читатель романа ощущает границы свободы и несвободы Нехлюдова: формально герой, в отличие от арестантов, свободен, как путешественник он может двигаться в любом направлении. Третья часть эпического романа Толстого вбирает элементы жанра путешествий, в котором писатель «имеет максимум возможностей для ничем не ограниченного выбора предметов изображения и перехода от одного предмета к другому…» [Шачкова, 2008, с. 279]. Однако образ пути предполагает определенный маршрут: герой, совершивший преступление и осознающий свою вину, вынужден проехать и пройти дорогу до Сибири (именно поэтому так кощунственно звучит в отношении Нехлюдова шутка Новодворова).

Символичной в романе оказывается игра племянников Нехлюдова в путешествие: «Сестра рассказала про детей, что они остались с бабушкой, с его матерью, и, очень довольная тем, что спор с ее мужем прекратился, стала рассказывать про то, как ее дети играют в путешествие, точно так же, как когда-то он играл с своими двумя куклами – с черным арапом и куклой, называвшейся француженкой» [Толстой, 1928–1958, т. 32, с. 322]. Толстой показывает, что дети, правильно и искренне воспринимающие все окружающее, в отличие от взрослых людей, лишены сдерживающих их тягостных условностей: это позволяет им видеть радость жизни и целостность мира.

Заключение

Финал романа «Воскресение» связан с глубоким наблюдением Толстого еще середины 1850-х гг. 29 августа 1857 г. Толстой записывает в дневнике: «Читал Евангелие, чего давно не делал. – После Илиады. Как мог Гомер не знать, что добро – любовь! Откровение. Нет лучшего объяснения» [Толстой, 1928–1958, т. 47, с. 154]. Собственно эпические масштабы для романа нового времени были найдены Толстым еще до создания романа-эпопеи «Война и мир», а после переосмыслялись с учетом идеи и концепции произведения. Так, еще в конце октября – начале ноября 1857 г. в письме к В. П. Боткину и И. С. Тургеневу Толстой сообщал о непонятном ему и странном новом направлении литературы, которое было связано, конечно, с появлением новых нигилистических веяний: «Анненков проводит вечера у Салтыкова и т. д. Островский говорит, что его поймут через 700 лет, Писемский тоже, Гончаров в уголке потихоньку приглашает избранных послушать его роман; а Майков ужасно презирает толпу… Салтыков даже объяснил мне, что для изящной литературы теперь прошло время (и не для России теперь, а вообще), что во всей Европе Гомера и Гёте перечитывать не будут больше [Толстой, 1928–1958, т. 60, с. 234].

Многие лучшие, вершинные романы русской литературы второй половины XIX в. связаны с древнегреческим эпическим искусством и широ-

той европейской литературы эпохи возрождения, к которым разные русские писатели приходили каждый своим путем. В. А. Беглов, рассуждая об эпическом искусстве, отмечает, что «количественные накопления неизбежно вели к качественному скачку в становлении национального сознания» [Беглов, 2005, с. 70]. В «Воскресении» несколько парадоксально, но при этом гармонично соединяются в эпическом художественном мире и поддерживают его проповеднический пафос Толстого, иллюстрация бед народа, оказавшегося на грани жизни и смерти, и тема возрождения и преображения человека, которая также роднит эпические миры Гоголя и Толстого.

Библиографический список

1. Андреева В. Г. Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л. Н. Толстого // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 192–227.

2. Андреева В. Г. Образ эпической героини в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Филология и культура. 2021. № 2(64). С. 68–75.

3. Беккер И. Л. Социальный, культурный и духовный смысл путешествия как способа самопознания и бытия человека // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2009. № 11 (15). С. 7–11.

4. Беглов В. А. Эпопея в русской литературе. Москва : МГУ, 2005. 272 с.

5. Бочаров С. Г. Два ухода: Гоголь, Толстой // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 9–35.

6. Виноградов И. А. Славянофильство и западничество в споре о поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души»: невостребованное и забытое // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 1. С. 62–153.

7. Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. Москва : Худ. лит., 1973. 464 с.

8. Ершова И. В. К толкованию эпического мотива (постановка проблемы) // Новый филологический вестник. 2017. № 2(41). С. 14–20.

9. Зверев А. М., Туниманов В. А. Лев Толстой. Москва : Молодая гвардия, 2007. 782 с.

10. Лебедев Ю. В. Куда колесит Россия в бричке Чичикова? // «О слово русское, родное!». Страницы истории отечественной литературы. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова. 2014. С. 99–119.

11. Ломунов К. Н. Над страницами «Воскресения». История создания романа Л. Н. Толстого. Проблемы, образы, характеры. Первые отклики. Наши современники о романе. Москва : Современник, 1978. 381 с.

12. Лученецкая-Бурдина И. Ю. «Смерть с залогом возрождения в народности»: Толстой – теоретик искусства // Духовно-нравственные основы русской литературы. Кострома : КГУ, 2020. С. 68–70.

13. Мясникова Л. А. Путешествие как путь к себе (по роману Л. Н. Толстого «Анна Каренина») // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 15–19.

14. Нагина К. А. Путешествие как способ познания и самопознания в творчестве Л. Толстого // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 72–76.

15. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Москва : Худ. лит., 1928–1958.

16. Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 277–281.

17. Шатин Ю. В. Путешествие Нехлюдова в Сибирь. К проблеме инициации // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 11–15.

18. Штаб В. А. Тема пути в повести Н.В. Гоголя «Вий» и ее отражение в произведении Л. Н. Толстого «Хозяин и работник» // Сибирский филологический журнал. 2011. № 4. С. 86–93.

19. Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S. A History of Russian Literature. New York : Oxford University Press, 2018. 960 p.

20. Kokobobo Ani. Estranged and Degraded Worlds: The Grotesque Aesthetics of Tolstoy's Resurrection // Tolstoy Studies Journal. 2012. Vol. 24. Pp. 1–14.

Reference list

1. Averincev Andreeva V. G. Obraz zemli kak odna iz jepicheskih osnov hudozhestvennyh mirov romanov L. N. Tolstogo = The image of the earth as one of the epic foundations of the artistic worlds in L. N. Tolstoy's novels // Dva veka russkoj klassiki. 2020. T. 2. № 2. S. 192–227.

2. Andreeva V. G. Obraz jepicheskoj geroini v romane L. N. Tolstogo «Voskresenie» = The image of the epic heroine in L.N. Tolstoy's novel «Resurrection» // Filologija i kul'tura. 2021. № 2(64). S. 68–75.

3. Bekker I. L. Social'nyj, kul'turnyj i duhovnyj smysl puteshestvija kak sposoba samopoznanija i bytija cheloveka = The social, cultural, and spiritual meaning of travel as a way of self-discovery and human existence // Izvestija PGPU im. V. G. Belinskogo. 2009. № 11 (15). S. 7–11.

4. Beglov V. A. Jepopeja v russkoj literature = Epic in Russian literature. Moskva : MGU, 2005. 272 s.

5. Bocharov S. G. Dva uhoda: Gogol', Tolstoj = Two departures: Gogol, Tolstoy // Voprosy literatury. 2011. № 1. C. 9–35.

6. Vinogradov I. A. Slavjanofil'stvo i zapadnichestvo v spore o pojeme N. V. Gogolja «Mertvye dushi»: nevostrebovannoe i zabytoe = Slavophilism and Westernism in the dispute over Gogol's Dead Souls: unclaimed and forgotten // Dva veka russkoj klassiki. 2020. T. 2. № 1. S. 62–153.

7. Gusev N. N. Dva goda s L. N. Tolstym = Two years with L. N. Tolstoy. Moskva : Hud. lit., 1973. 464 s.

8. Ershova I. V. K tolkovaniju jepicheskogo motiva (postanovka problemy) = To the epic motif interpretation

(stating the problem) // Novyj filologicheskij vestnik. 2017. № 2(41). S. 14–20.

9. Zverev A. M., Tunimanov V. A. Lev Tolstoj = Leo Tolstoy. Moskva : Molodaja gvardija, 2007. 782 s.

10. Lebedev Ju. V. Kuda kolesit Rossija v brichke Chichikova? = Where does Russia go in Chichikov's coach? // «O slovo russkoe, rodnoe!». Stranicy istorii otechestvennoj literatury. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova. 2014. S. 99–119.

11. Lomunov K. N. Nad stranicami «Voskresenija». Istorija sozdanija romana L. N. Tolstogo. Problemy, obrazy, haraktery. Pervye otkliki. Nashi sovremenniki o romane = Reading «Resurrection». The history of L. N. Tolstoy's novel. Problems, images, characters. The first responses. Our contemporaries about the novel. Moskva : Sovremennik, 1978. 381 s.

12. Lucheneckaja-Burdina I. Ju. «Smert' s zalogom vozrozhdenija v narodnosti»: Tolstoj – teoretik iskusstva = «Death with a guarantee of revival in the nation»: Tolstoy as an art theorist // Duhovno-nravstvennye osnovy russkoj literatury. Kostroma : KGU, 2020. S. 68–70.

13. Mjasnikova L. A. Puteshestvie kak put' k sebe (po romanu L. N. Tolstogo «Anna Karenina») = Journey as a path to oneself (based on L.N. Tolstoy's novel «Anna Karenina») // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2011. № 8. S. 15–19.

14. Nagina K. A. Puteshestvie kak sposob poznanija i samopoznanija v tvorchestve L. Tolstogo = Journey as a way of learning and introspection in L. Tolstoy's works // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2009. № 1. S. 72–76.

15. Tolstoj L. N. Polnoe sobranie sochinenij v 90 t. = Complete works in 90 vol. Moskva : Hud. lit., 1928–1958.

16. Shachkova V. A. «Puteshestvie» kak zhanr hudozhestvennoj literatury: voprosy teorii = «Journey» as a genre of fiction: issues of theory // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2008. № 3. S. 277–281.

17. Shatin Ju. V. Puteshestvie Nehljudova v Sibir'. K probleme iniciacii = Nekhludov's journey to Siberia. To the problem of initiation // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2016. № 2. S. 11–15.

18. Shtab V. A. Tema puti v povesti N.V. Gogolja «Vij» i ee otrazhenie v proizvedenii L. N. Tolstogo «Hozjain i rabotnik» = Theme of the way in Gogol's story «Viy» and its reflection in L. N. Tolstoy's work «The Master and the Worker» // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2011. № 4. S. 86–93.

19. Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S. A History of Russian Literature. New York : Oxford University Press, 2018. 960 p.

20. Kokobobo Ani. Estranged and Degraded Worlds: The Grotesque Aesthetics of Tolstoy’s Resurrection // Tolstoy Studies Journal. 2012. Vol. 24. Pp. 1–14.

Статья поступила в редакцию 26.12.2021; одобрена после рецензирования 12.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 26.12.2021; approved after reviewing 12.01.2021; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-27-33

Еще один замысел В. И. Даля: словарь русских писателей

Мельник Владимир Иванович
Доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет дизайна и технологий». 117997, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1
melnikvi1985@mail.ru, https://orcid.org/0000–0001–9684–8943

Аннотация. В статье впервые рассматриваются материалы «Записной книжки» В. И. Даля, опубликованной сравнительно недавно. Выясняется, что Даль предпринял попытку составления словаря русских писателей. Обосновывается примерное время работы: 1847–1855 гг.

По сути, книжка представляет собой черновую попытку написания словарных статей об отдельных авторов. В состав алфавитного списка вошло 39 имен, как правило, малоизвестных авторов, ранее не включаемых в уже существующие словари.

Наибольший интерес представляет социальный состав писателей, поскольку авторы, отобранные Далем, входят в поле его профессиональных и духовных интересов: они являются либо чиновниками, как сам Даль, либо священнослужителями. При этом в отборе имен для «Записной книжки» большую роль сыграли собственные профессиональные интересы Даля: медицина, этнография, славистика и пр. В этом смысле задуманный Далем словарь в первоначальном виде носит отчасти автобиографический характер. Самая большая группа писателей, вошедших в материалы «Записной книжки», это священнослужители: архиереи, а иногда и рядовые священники, издававшие свои труды. Из 39 имен, представленных в «Записной книжке», 17, то есть почти половина, являются именами священников.

Анализируются структура словарных статей и принципы работы над ними Даля: он отбирал имя автора, на которого в недавнее время в печати появилась биографическая статья, в первоначальном виде пересказывал эту статью своими словами, с расстановкой определенных акцентов, порою придавая им определенную степень художественной выразительности, после чего серьезно дополнял библиографический отдел статьи, обращаясь к существующим справочникам А. Смирдина и Д. Ольхина. Судя по всему, Даль хотел продолжить свою составительскую работу, но его отвлекли другие замыслы.

Ключевые слова: В. И. Даль; «Записная книжка»; замысел; словарь русских писателей; священнослужители; источники; принципы

Для цитирования: Мельник В. И. Еще один замысел В. И. Даля: словарь русских писателей // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 27-33. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-27-33

Original article

One more idea of V. I. Dal: Dictionary of russian writers

Vladimir I. Melnik
Doctor of philological sciences, professor of the department of linguistics and literary criticism, Moscow state university of design and technology. 117997, Moscow, Sadovnicheskaya St., 33, bld. 1.
melnikvi1985@mail.ru, https://orcid.org/0000–0001–9684–8943

Abstract. This article reviews for the first time the materials of V. I. Dal's «Notebook», published quite recently. It turns out that V. I. Dal made an attempt to compile a dictionary of russian writers. The approximate time of the work is substantiated between 1847–1855.

In fact, the book is a draft attempt to write dictionary entries about certain authors. The alphabetical list includes 39 names, usually of less known authors, not previously included in existing dictionaries.

The social status of the writers is of the greatest interest, since the authors selected by Dal are in the field of his professional and spiritual interests: they are either civil servants, like Dal himself, or clergymen. At the same time, Dal's own professional interests played an important role in selecting the names for the «Notebook»: medicine, ethnography, Slavic studies, etc. In this sense, Dal's Dictionary in its original form is partly autobiographical. The largest group of writers included in the «Notebook» are clergymen: bishops, and sometimes ordinary priests having their works pub-

© Мельник В. И., 2022

lished. Of the 39 names presented in the «Notebook», 17, that is, almost half, are the names of priests.

The structure of the dictionary entries and the principles of Dal's work on them are analyzed: he selected the author, whose biographical article had recently been published, first retold this article in his own words, emphasizing certain points, sometimes adding a certain degree of artistic expression to them; then largely expanded the bibliographical section of the entry, turning to existing reference books by A. Smirdin and D. Olkhin. Apparently, Dal wanted to continue his compiling work, but he was distracted by other plans.

Key words: V. I. Dal; «Notebook»; idea; dictionary of russian writers; clergy; sources; principles

The study was carried out with the support of the BRFFR (project G20R-383

For citation: Melnik V. I. One more idea of V. I. Dal: Dictionary of russian writers. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):27-33. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-27-33

Постановка проблемы

В. И. Даль известен, прежде всего, как писатель, этнограф, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка». Однако мы ничего не знаем о том, что в 1840–1850–х гг. В. И. Даль приступил к попытке составления словаря русских авторов. Об этом свидетельствует его «Записная книжка», сведения о которой вошли в научный оборот сравнительно недавно – в 2010 г. К. Г. Тарасовым [Даль В. И. Записная книжка-алфавит, 2010]. Название произведения никак не оговаривается комментатором и, возможно, носит условный характер. Публикация подготовлена им по рукописи, хранящейся в Отделе рукописей РГБ. Публикатор относит рукопись к 1850–м гг. – без объяснения выбора даты.

Исследование

Книжка представляет собой список 39 в различной степени разработанных словарных статей, в которых представлены русские авторы, как правило, не вошедшие в уже существующие словари русских писателей. В основном это авторы либо не известные, либо малоизвестные, причем не только литераторы. Исключением являются всего лишь несколько имен известных писателей (И. А. Крылов, В. Г. Бенедиктов), о которых Даль намеревался дать некие новые сведения, ранее не отмеченные в существующих словарях.

В состав алфавитного списка «Записной книжки» вошло, как сказано, всего 39 имен. Обращает на себя внимание тот важный факт, что авторы, отобранные Далем, входят в поле его профессиональных и духовных интересов: они являются либо чиновниками, как сам Даль, либо священнослужителями. Даль довольно подробно характеризует каждого из них, дает, по сути, биографическую справку и перечисляет наиболее известные труды. По своей структуре такая словарная статья напоминает статьи «Словаря исторического о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви» митрополита Евгения (Болховитинова) (первое издание вышло в 1818 г., второе в 1827 г.), содержащего сведения о 268 отечественных авторах духовного звания [Болховитинов, 1995], и его же только что (1845 г.) изданный Михаилом Погодиным «Словарь русских светских писателей» [Болховитинов, 1845]. В разных по объему биографических справках в этих словарях Болховитиновым указаны: духовный сан или гражданский чин писателя, даты жизни и этапы служения, основные произведения (с краткими аннотациями).

Суть работы, которую начал проделывать Даль, заключалась в том, что он отбирал имя автора, на которого в недавнее время в печати появилась биографическая статья, в первоначальном виде пересказывал эту статью своими словами, с расстановкой определенных акцентов, а затем серьезно дополнял библиографический отдел статьи, обращаясь к существующим справочникам.

Что касается библиографической части статьи, то источниками для Даля были росписи русских книг, составленные А. Ф. Смирдиным [Роспись российским книгам, 1828] и М. Д. Ольхиным [Систематический реэстр русским книгам, 1846]. Биографическая же часть статьи выполнялась со ссылками на «Журнал министерства народного просвещения» (собственно, этот вышедший в мае 1848 г. номер журнала [Журнал, 1848], кажется, и натолкнул Даля на попытку составления нового словаря), а также на Справочный энциклопедический словарь К. Крайя (под редакцией А. Старчевского) [1847–1855] и на некоторые иные источники, включая архивные (см., например, его записи об Аароне Нарциссове и Неофите Докучаеве, говорящие о том, что Даль, скорее всего, пользовался архивом Св. Синода). Автор «Записной книжки», вероятно, пользовался и упомянутым словарем Евгения Болховитинова и посчитал возможным включить некоторые имена, уже помещенные в этом словаре (например, статья об Аароне Нарциссове) [Словарь исторический, 1827].

Судя по всему, выбор имен для «Записной книжки» осуществлялся во многом из доступности биографических источников. Журнал Министерства народного просвещения 1847–1848 гг., а также выходящие, один за одним, тома 12–томного словаря К. Крайя, в период 1847–1855 гг., активно привлекаются Далем и указывают на время работы над «Записной книжкой»: либо 1847–1855 гг., либо (если публикатор К. Тарасов укажет на источник хронологического обоснования) только 1850-е гг. Ссылается Даль и на некоторые другие источники биографий, привлекаемые уже специально (или же по ссылкам, данным в указанных выше источниках). Например, при описании биографии архиепископа Казанского и Симбирского Ионы он указывает «Историю российской иерархии» [Владимир Даль, 2010, с. 524].

Главной задачей исследователя, работающего со списком Даля, является решение вопроса о том, чем он руководствовался при отборе имен для своего словаря. В основном в списке представлены почти совсем не известные авторы, притом самых различных предметных направлений. Например, здесь значатся Кирилл Васильевич Смирнов, написавший «Историю почт», или Сергей Петрович Крашенинников, опубликовавший брошюрку «Крушение французского линейного корабля „Сюперб”» [Крашенинников, 1834], медик Илья Васильевич Буяльский и др. Несмотря на малую известность в литературной среде, эти авторы могли пользоваться большим авторитетом в своей профессиональной среде. Так, например, Даль должен был прекрасно знать о научных и изобретательских достижениях Буяльского. Ему принадлежит одно из первых в отечественной литературе руководств по судебной медицине. Наиболее значительное произведение Буяльского – Анатомико–хирургические таблицы, вышедшие в трёх частях (1828, 1835, 1852), – первый в России оригинальный атлас по оперативной хирургии. Буяльский в целом написал более ста работ. Он изобрел новые хирургические инструменты, в том числе т. н. «лопатку Буяльского». Кроме того, он прекрасно бальзамировал тела умерших, забальзамировал тело русской Императрицы Марии Федоровны, тела людей из королевских и княжеских фамилий Европы и России [Ольховский, 2011].

Из крупных литераторов в «Записной книжке» числятся только баснописец И. А. Крылов и поэт–чиновник В. Г. Бенедиктов. Характерно, что интерес для Даля представляет, судя по цитируемым документам, прежде всего служебная сторона жизни Крылова, в особенности его служба в канцеляристом в Твери. То есть, опять-таки Крылов попадает у Даля в разряд литераторов-чиновников.

Похоже, что в отборе имен для «Записной книжки» большую роль сыграли собственные профессиональные интересы Даля: медицина (И. В. Буяльский), этнография (чиновник М. Н. Баккаревич [Куприянов, 2010], чиновник Д. Н. Бантыш-Каменский [Можаева, 2000], С. П. Крашенинников [Фрадкин, 1974]), славистика (член-корреспондент И. М. Бодянский [Энциклопедический словарь]) и пр. В этом смысле задуманный Далем словарь в первоначальном виде носит отчасти автобиографический характер. Исключением является то, что в далевском списке много представителей почтового ведомства, что, впрочем, могло быть обусловлено случайным, но плодотворным обращением к какому-то определенному источнику почтового ведомства. Впрочем, достаточно строгий отбор диктует догадку о возможном интересе Даля к почтовому ведомству.

Самая большая группа писателей, вошедших в материалы «Записной книжки», это священнослужители: архиереи, а иногда и рядовые священники, издававшие свои труды. Из 39 имен, представленных в «Записной книжке», 17, то есть почти половина, являются именами священников. Это епископ Архангелогородский Аарон Нарциссов, архиепископ Холмогорский Афонасий (так у Даля) Любимов, архиепископ Казанский Антоний Зыбелин, архимандрит Аввакум Честный, архиепископ Холмогорский Варнава, архиепископ Архангелогородский и Холмогорский Герман Копцевич, архиепископ Казанский и Симбирский Иона Павинский, протоиерей Петропавловского кафедрального собора Иоаким Кочетов, архиепископ Черниговский Лазарь Баранович, протоиерей Исакиевского Собора Алексей Малов, протоиерей Казанского Собора Тимофей Никольский, Архангелогородский епископ Неофит, архиепископ Холмогорский и Важский Парфений Небоза, архиепископ Холмогорский и Важский Рафаил Краснопольский, митрополит Смоленский Сильвестр Крайский, епископ Задонский Феогност Лебедев. Даль не проводил, в данном случае, особой выборочной работы: почти все эти авторы представлены единым списком в упомянутом номере «Журнала Министерства народного просвещения». Список епархий начался с буквы «А», поэтому большинство архиереев, отмеченных в списке, возглавляли Архангельскую епархию. В то же время интерес к иерархам не был случай-

ным и связанным только с опубликованным списком журнала. Помимо архангелогородских иерархов, в список попал, например, Казанский и Симбирский архиепископ Иона Павинский (1773, Олонецкий край – 1828, Казань), который, впрочем, родился в Олонецком крае и учился в Архангельской духовной семинарии. Выскажем также соображение, что в биографии Ионы писателя могла, как и в некоторых иных случаях, привлечь его близость к царскому двору: «в 1809 награжден наперсным крестом – находился духовником при Ея Импер. Высочестве великой княгине Екатерине Павловне…» [Владимир Даль, 2010, с. 524]. Речь идет о Екатерине Павловне (10 мая 1788, Царское Село – 9 января 1819, Штутгарт) – дочери Императора Павла I и Императрицы Марии Фёдоровны, в первом браке принцессе Ольденбургской (1809–1812), во втором – королеве Вюртемберга (1816–1819), любимой сестре Императора Александра I.

Близость к царскому двору отмечена Далем и в биографии архиепископа Холмогорского Афанасия (Любимова): «Архипастор сей присутствовал на многих Московских Соборах, и на одном из них он особенно отличился, совершенно обезоружив своими убедительными доводами дерзкого Никиту Пустосвята, который, в порывах оскорбленного самолюбия, бросился задушить его, но был удержан окружающими. Красноречие Афонасия обратило на него внимание Петра Великого, вместе с братом Иоанном бывшего на том Соборе, и с того времени и до самой кончины (последовавшей в 1702) Афонасий постоянно пользовался Его особенным расположением» [Владимир Даль, 2010, с. 524]. Стоит отметить, что Даль не цитирует, а пересказывает текст, представленный в майском номере «Журнала министерства народного просвещения», причем порою придает ему художественную выразительность.

Следом за биографией архиепископа Афанасия в том же номере журнала следует биография архиепископа Холмогорского и Важского Парфения Небозы [Журнал, 1848, с. 63–64]. Его биографию Даль тоже пересказывает кратко своими словами, причем дает любопытную характеристику, отсутствующую в сухой биографической справке журнала: «… замечателен своею любовию к русским, несмотря на то, что его взрастила земля, совершенно нам чуждая» [Владимир Даль, 2010, с. 535]. Эти слова Даля свидетельствуют, что он не ограничился при составлении биографии Парфения только журнальной статьей, но пользовался еще каким-то источником. Известно, что, будучи выходцем из Малороссии, где он «прожил многие лета», Парфений почти всю жизнь провел вне России, в землях, принадлежавших туркам. В журнале об этом прямо не сказано. О любви Парфения к русским Даль мог сделать вывод из того, что, согласно журнальной статье, когда он служил в Назарете, «он много искупил русских пленных у турок» [Журнал, 1848, с. 63]. В городе Кизике он поставил русского священника и устроил службы на церковно-славянском языке. «Когда Петр I завоевал Азов и хотел основать там губернский город и епархию, то определен туда в 1701 году епископом, но, неизвестно почему, не быв на этой епархии, переведен 2 декабря 1701 в Холмогоры…» [Журнал, 1848, с. 63–64].

Затем в журнале помещена статья о митрополите Смоленском Сильвестре (Крайском; ум. в 1712, Смоленск). Даль в записной книжке пропускает биографию Сильвестра, но подробно останавливается на одном факте, отмеченном в журнале: «По каталогу рукописей графа Толстого, под № 223 (Отд. I) значится его перевод с итальянского: Епитомия Космографическая, или нетрудный вход до астрономии географической и идрографии...» [Владимир Даль, 2010, с. 530–540]. Митрополит, который проявлял значительный интерес к космографии и гидрографии, очевидно, заинтересовал автора «Записной книжки», тем более, что в это время русская печать стала много писать об астрономических открытиях [Мельник, 2021].

Даля заинтересует и следующая за этим журнальная статья об архиепископе Холмогорском Рафаиле (Краснопольском; 1668–1711, г. Холмогоры), однако статью эту он пересказывает буквально в двух словах: «скончался в Архангельске, 1711, ноября 4, 43-х лет от рождения».

Точно так же Даль из майского номера журнала переносит в свою записную книжку сведения об архиепископе Холмогорском Варнаве (Волошковском; ум. 1730, г. Холмогоры), архиепископе Холмогорском Германе (в миру Григорий Копцевич; 1685, Речь Посполитая – 1735, Холмогоры), епископе Аароне (Нарциссове; 1781, Коломна – 1842, Донской монастырь), архиепископе Казанском Антонии (Герасимове–Зыбелине; 1730–1797, Макариев Желтоводский монастырь), епископе Архангелогородском Неофите (Докучаеве; 1782, Моск. губ. – 1825, Холмогоры). Замыкает список словарная статья Даля о епископе Острогожском (Даль пишет: Задонский) Феогносте (Лебедеве; 1801, Тверская губ. – 1869, Псков), сведений о котором нет в упоминаемом номере журнала. Фи-

гура этого архиерея [Сергий, 1961–1968, с. 584–586.] была важна для Даля, поскольку ему принадлежит ряд историко–церковных трудов, в том числе первая попытка кодификации русского церковного права – оставшееся в рукописи «Собрание материалов для науки канонического права российской церкви», над котором Феогност работал в 1841–1846 гг. Феогност был еще жив, когда Даль написал статью о нем, что дает возможность утверждать если не факт знакомства с самим Феогностом, то об интересе к его деятельности.

Делая выписки из майского номера «Журнала министерства народного просвещения» за 1848 год, Даль почему–то пропустил фигуру епископа Архангелогородского Вениамина (Краснопевкова) [Тихон, 2003], хотя он написал известное сочинение «Новая Скрижаль» (М., 1803) [Архиепископ Вениамин, 1999]. Может быть, потому, что труд был по большей части переводом с греческого. Однако точно так же Даль пропустил и известного духовного писателя, епископа Холмогорского Аполлоса (Байбакова; 1745, Малороссия – 1801, Холмогоры).

Перенося список журнала в свою записную книжку, Даль проделывает еще одну лексикографическую операцию – меняет хронологический принцип на алфавитный, что опять–таки заставляет предположить, что он был намерен продолжить работу по составлению словаря чиновных и духовных авторов. Что касается духовных лиц, то необходимо признать особый интерес Даля к духовным вопросам и авторам. Если бы работа над словарем продолжилась, то писатель, вероятно, намеревался (как в случае с Аароном Нарциссовым) дополнять статьи из словаря Болховитинова новыми появившимися в печати сведениями и собственными разысканиями в архиве библиотеки Св. Синода. Будучи во время составления своей «Записной книжки» в Нижнем Новгороде, Даль, как известно, занимался вопросами раскольников и пр., что могло подпитывать его интерес к духовной литературе. Известно, что в конце жизни Даль принял православие, сделал это абсолютно сознательно и глубоко продуманно. Разговор с Мельниковым–Печерским показывает, что он глубоко проник в тему православной догматики и в самый дух русского православия: «… „Самая прямая наследница апостолов, бесспорно, ваша греко-восточная церковь, а наше лютеранство дальше всех забрело в дичь и глушь… Лютеране – головеры. По учению Лютера: „Веруй только во Христа, спасешься ты и весь дом твой”, – доб-рых дел, значит, не нужно. Эдак не один благоразумный в Евангелии упоминаемый разбойник, но и всякий разбойник с большой дороги в царство небесное угодит, если только верует во Христа… Православие – великое благо для России, несмотря на множество суеверий русского народа. Но ведь все эти суеверия не что иное, как простодушный лепет младенца, еще неразумного, но имеющего в себе ангельскую душу. Сколько я ни знаю, нет добрее нашего русского народа и нет его правдивее, если только обращаться с ним правдиво... А отчего это? Оттого, что он православный... Поверьте мне, что Россия погибнет только тогда, когда иссякнет в ней православие... Расколы – вздор, пустяки; с распространением образования они, как пыль, свеются с русского народа. Раскол недолговечен, устоять ему нельзя; что бы о нем ни говорили, а он все-таки не что иное, как порождение невежества... Пред светом образования не устоять ни темному невежеству, ни любящему потемки расколу. Суеверия тоже пройдут со временем. Да где же и нет суеверий? У католиков их несравненно больше, а разве протестантство может похвалиться, что оно совершенно свободно от суеверий? Но суеверие суеверию – рознь. Наши русские суеверья имеют характер добродушия и простодушия, на Западе не то; тамошние суеверия дышат злом, пахнут кровью. У нас непомерное, превышающее церковный закон почитание икон, благовещенская просфора, рассеянная вместе с хлебными зернами по полю ради урожая, скраденная частица Святых даров, положенная в пчелиный улей, чтобы меду было побольше, а там – испанские инквизиции, Варфоломеевские ночи, поголовное истребление евреев, мавров, казни протестантов!” ...». Мельников-Печерский прибавляет: «Так не раз говорил Даль и впоследствии, и чем более склонялись дни его, тем чаще» [Даль В. И. Архистратиг, 2006, с. 16].

Выводы

Таким образом, Даль приступил к составлению словаря русских писателей, имея в виду не только ознакомление читателей с малоизвестными авторами, но и со своим конкретным жизненным, духовным и профессиональным опытом. Отбор имен основывался на отличном знании тех сфер науки и жизни, которые затрагивали авторы, вошедшие в состав «Записной книжки». В этом контексте вызывает особый интерес тот факт, что большинство авторов были представителями Русской Православной Церкви, хотя сам Даль в это

время был лютеранином и, казалось бы, был далек от художественного изучения православного менталитета. Однако, как наглядно показывает его разговор с Мельниковым–Печерским, Даль прекрасно понимал, что знание России кроется не столько в этнографических очерках, которым он также отдал щедрую дань своего таланта, сколько в своеобразии народной веры («А отчего это? Оттого, что он православный»). В этом смысле ни «Петербургский дворник», ни «Уральский казак», ни другие широко известные и замечательные очерки Даля не сравнятся с его глубоким и тонким исследованием народной души в его «православных» рассказах и повестях («Архистратиг», «Таинственный старик», «Искушение», «Октябрь» и др.).

Похоже, что писатель, хотя и дошел от буквы «А» почти до конца алфавита, по сути, только начал свою работу. Об этом свидетельствует незаконченность ряда статей, примечания, предполагающие продолжение словарного текста (типа «и т. д.»), сноски с дополнительными сведениями. Вероятно, Даль хотел продолжить свою составительскую работу, но потом его отвлекли другие замыслы.

Библиографический список

1. [Митрополит Евгений (Болховитинов)]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. Москва : «Русский Двор», Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. 416 с.

2. [Митрополит Евгений (Болховитинов)]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России / Соч. митр. Евгения. [Предисл. к изд.: Михаил Погодин]. В 2–х томах. Москва : Московитянин, 1845.

3. [Архиепископ Вениамин]. Новая Скрижаль или объяснение о церкви, о литургии, и о всех службах и утварях церковных, Вениамина, архиепископа Нижегородского и Арзамасского (1739–1811). В четырех частях. Москва : Издательство Православного Братства Святителя Филарета Митрополита Московского, 1999. 310 с.

4. Владимир Даль в счастливом доме на Пресне / сост. Р. Н. Клейменова. Москва : Academia, 2010. 560 с.

5. Даль В. И. Архистратиг. Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2006. С. 16.

6. Даль В. И. Записная книжка-алфавит со сведениями о русских писателях и других лицах // Владимир Даль в счастливом доме на Пресне / сост. Р. Н. Клейменова. Москва : Academia, 2010. С. 511–542.

7. Журнал Министерства народного просвещения. 1848. Май. Отд. VI. С. 63–64.

8. Крашенинников С. П. (1811–1870). Крушение французского линейного корабля «Сюперб». Санкт-Петербург : Тип. Н. И. Греча, 1834. 18 с.

9. Куприянов П. С. Баккаревич Михаил Никитич // А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 46–47.

10. Мельник В. И. И. А. Гончаров и философия науки его времени (проблема науки и религии) // Два века русской классики. Москва : ИМЛИ РАН, 2021. Т. 3. № 1. С. 134–159.

11. Можаева Г. В. Дмитрий Николаевич Бантыш–Каменский // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 7 / сост. А. А. Чернобаев. Москва, 2000. С. 29–41.

12. Ольховський В. О. и др. Засновник судової медицини – вчений та лікар І. В. Буяльский // Український медичний альманах. 2011. Т. 14, № 2. С. 137–139.

13. Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная. В четырех частях, с приложением Азбучной росписи имен сочинителей и переводчиков и краткой росписи книгам по азбучному порядку. Санкт-Петербург : В тип. А. Смирдина, 1828. 906 с.

14. Сергий (Петров), архиепископ. История Воронежской епархии от ее учреждения до наших дней (в четырех частях). Ч. III. Воронеж-Минск-Одесса, 1961–1968. С. 584–586.

15. Систематический реэстр русским книгам с 1831 по 1846 год. Издание М. Д. Ольхина. Санкт-Петербург : В тип. Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1846. 502 с.

16. Справочный энциклопедический словарь (под ред. А. Старчевского). В 12 т. Санкт-Петербург : Изд-е К. Крайя; Тип. Военно-учебных заведений и др., 1847–1855.

17. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко–Российской церкви. Изд. 2-е. Т. I. Санкт-Петербург : Тип. Ивана Глазунова и его иждивением, 1827. С. 58–59.

18. Архим. Тихон (Затёкин), игум., Дёгтева О. В. Святители земли Нижегородской. Нижний Новгород, 2003. С. 103–108.

19. Фрадкин Н. Г. С. П. Крашенинников. Изд. 3-е, доп. Москва : Мысль, 1974. 60 с.

20. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / под ред. И. Е. Андреевского. Санкт-Петербург : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1891. Т. IV. С. 223–224.

Reference list

1. [Mitropolit Evgenij (Bolhovitinov)]. Slovar' istoricheskij o byvshih v Rossii pisateljah duhovnogo china Greko-Rossijskoj Cerkvi = A historical dictionary of former writers of the Greek-Russian Church clergy in Russia. Moskva : «Russkij Dvor», Svjato-Troickaja Sergieva Lavra, 1995. 416 s.

2. [Mitropolit Evgenij (Bolhovitinov)]. Slovar' russkih svetskih pisatelej, sootechestvennikov i chuzhestrancev, pisavshih v Rossii = Dictionary of Russian

secular writers, compatriots and foreigners who wrote in Russia / soch. mitr. Evgenija. [Predisl. k izd.: Mihail Pogodin]. V 2–h tomah. Moskva : Moskovitjanin, 1845.

3. [Arhiepiskop Veniamin]. Novaja Skrizhal' ili ob#jasnenie o cerkvi, o liturgii, i o vseh sluzhbah i utvarjah cerkovnyh, Veniamina, arhiepiskopa Nizhegorodskogo i Arzamasskogo (1739–1811). V chetyreh chastjah = A New Tablet or explanation of the church, the liturgy, and all the services and utensils of the church, by Benjamin, Archbishop of Nizhny Novgorod and Arzamas (1739-1811). In four parts. Moskva : Izdatel'stvo Pravoslavnogo Bratstva Svjatitelja Filareta Mitropolita Moskovskogo, 1999. 310 s.

4. Vladimir Dal' v schastlivom dome na Presne = Dahl in a happy home on Presnya / sost. R. N. Klejmenova. Moskva : Academia, 2010. 560 s.

5. Dal' V. I. Arhistratig = Archistratigus. Moskva : Izd-vo Sretenskogo monastyrja, 2006. S. 16.

6. Dal' V. I. Zapisnaja knizhka-alfavit so svedenijami o russkih pisateljah i drugih licah = An alphabet notebook with information about Russian writers and others // Vladimir Dal' v schastlivom dome na Presne / sost. R. N. Klejmenova. Moskva : Academia, 2010. S. 511–542.

7. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija = Journal of the Ministry of National Education. 1848. Maj. Otd. VI. C. 63–64.

8. Krasheninnikov S. P. (1811–1870). Krushenie francuzskogo linejnogo korablja «Sjuperb» = (1811-1870). The wreck of the French battleship Superb. Sankt-Peterburg : Tip. N. I. Grecha, 1834. 18 s.

9. Kuprijanov P. S. Bakkarevich Mihail Nikitich = Bakkarevich Mikhail Nikitich // A. Ju. Andreev, D. A. Cygankov. Imperatorskij Moskovskij universitet: 1755–1917: jenciklopedicheskij slovar'. Moskva : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2010. S. 46–47.

10. Mel'nik V. I. I. A. Goncharov i filosofija nauki ego vremeni (problema nauki i religii) = I. A. Goncharov and the philosophy of science of his time (the problem of science and religion) // Dva veka russkoj klassiki. Moskva : IMLI RAN, 2021. T. 3. № 1. S. 134–159.

11. Mozhaeva G. V. Dmitrij Nikolaevich Bantysh-Kamenskij = Dmitry Nikolayevich Bantysh-Kamensky // Istoriki Rossii XVIII–XX vekov. Vyp. 7 / sost. A. A. Chernobaev. Moskva, 2000. S. 29–41.

12. Ol'hovs'kij V. O. i dr. Zasnovnik sudovoï medicini – vchenij ta likar I. V. Bujal'skij // Ukraïns'kij medichnij al'manah. 2011. T. 14, № 2. S. 137–139.

13. Rospis' rossijskim knigam dlja chtenija, iz biblioteki Aleksandra Smirdina, sistematicheskim porjadkom raspolozhennaja. V chetyreh chastjah, s prilozheniem Azbuchnoj rospisi imen sochinitelej i perevodchikov i kratkoj rospisi knigam po azbuchnomu porjadku = An inventory of Russian books for reading, from the library of Alexander Smirdin, arranged in a systematic order. In four parts, with an alphabetical list of the names of authors and translators and a brief list of books in alphabetical order. Sankt-Peterburg : V tip. A. Smirdina, 1828. 906 s.

14. Sergij (Petrov), arhiepiskop. Istorija Voronezhskoj eparhii ot ee uchrezhdenija do nashih dnej (v chetyreh chastjah). Ch. III = History of the Voronezh diocese from its establishment to the present day (in four parts). P. III. Voronezh-Minsk-Odessa, 1961–1968. S. 584–586.

15. Sistematicheskij rejestr russkim knigam s 1831 po 1846 god. Izdanie M. D. Ol'hina = Systematic register of Russian books from 1831 to 1846. Published by M. D. Olkhin. Sankt-Peterburg : V tip. Shtaba Otdel'nogo Korpusa Vnutrennej Strazhi, 1846. 502 s.

16. Spravochnyj jenciklopedicheskij slovar' (pod red. A. Starchevskogo). V 12 t. = Reference encyclopedic dictionary (ed. by A. Starchevsky). In 12 vols. Sankt-Peterburg : Izd-e K. Krajja; Tip. Voenno-uchebnyh zavedenij i dr., 1847–1855.

17. Slovar' istoricheskij o byvshih v Rossii pisateljah duhovnogo china Greko–Rossijskoj cerkvi. Izd. 2-e. T. I = A historical dictionary of former writers of the Greco-Russian Church in Russia. 2nd ed. V. I. Sankt-Peterburg : Tip. Ivana Glazunova i ego izhdiveniem, 1827. S. 58–59.

18. Arhim. Tihon (Zatjokin), igum., Djogteva O. V. Svjatiteli zemli Nizhegorodskoj = Hierarchs of Nizhny Novgorod. Nizhnij Novgorod, 2003. S. 103–108.

19. Fradkin N. G. S. P. Krasheninnikov = Krasheninnikov. Izd. 3-e, dop. Moskva : Mysl', 1974. 60 s.

20. Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona = Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary / pod red. I. E. Andreevskogo. Sankt-Peterburg : Tipo-Litografija I. A. Efrona, 1891. T. IV. S. 223–224.

Статья поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 12.12.2021; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-34-47

Преодоление слепоты и музыка памяти: мотивные переклички рассказов Ван Мэна, В. Шукшина и К. Паустовского

Елена Михайловна Болдырева
Доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2
e71mih@mail.ru, https://orcid.org/0000–0003–2977–726

Аннотация. В статье рассматривается система творческих перекличек рассказов русских писателей В. Шукшина «Солнце, старик и девушка» (1963), К. Паустовского «Старый повар» (1940) и китайского писателя Ван Мэна «Слушая море» (1982), центральное место в художественном пространстве которых занимает устойчивая диада персонажей, основанная на гендерной и возрастной антиномии: слепой старик и молодая девушка / девочка. Основываясь на тезисе о литературоцентричности художественного метода Ван Мэна, влияние зарубежных литератур на стилистику которого выступает как коммуникативный механизм, без которого невозможна творческая эволюция писателя, автор статьи рассматривает рассказ Ван Мэна «Слушая море» в мотивном контексте произведений русской литературы середины XX века, что позволяет акцентировать в нем новые смыслы, выявить художественные универсалии, создающие многомерное, разноуровневое пространство текста. В статье выявляется множество значимых для художественного мира писателей мотивных и образных перекличек: архетип мудрого старца, универсальные характеристики которого с разной степенью «чистоты» воплощают в себе герои всех трех рассказов; мотивы слепоты, озарения и прозрения, мотив символического преодоления слепоты при помощи музыки и памяти, мотивы молчания и смерти. В статье делается вывод, что актуализация интертекстуальных связей рассказа Ван Мэна позволяет прочитать его как художественную репрезентацию ключевых универсалий культуры XX века, как произведение о слепоте и прозрении, о смерти и возрождении, о вечности и всесильности искусства, о воскрешающей теургической силе памяти, и в этом смысле рассказ становится своего рода «генетическим досье», где формируются те принципы «письма памяти» позднего Ван Мэна, которые с наибольшей силой воплотились в его знаменитом романе «Метаморфозы, или Игра в складные картинки», что позволяет рассматривать работу с памятью, в том числе и культурной, как интегральную основу творчества Ван Мэна, позволяющую сложить разрозненные картинки прошлого в цельную картину «элизия памяти».

Ключевые слова: Ван Мэн; В. Шукшин; К. Паустовский; архетип мудрого старика; мотив; символика слепоты; молчание; музыка; категория памяти; категория смерти

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М. Преодоление слепоты и музыка памяти: мотивные переклички рассказов Ван Мэна, В. Шукшина и К. Паустовского // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 34-47. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-34-47

Original article

Overcoming blindness and the music of memory: common motives in the stories by Wang Meng, V. Shukshin, and K. Paustovsky

Elena M. Boldyreva
Doctor of philology, associate professor, professor at the Institute of foreign languages, Southwest university in Chongqing. China, 400715, Chongqing, Beibei district, Tiansheng st., 2.
e71mih@mail.ru, https://orcid.org/0000–0003–2977–726

Abstract. The article examines the system of echoing motives in the stories by Russian writers V. Shukshin «The Sun, the Old Man and the Girl» (1963) and K. Paustovsky «The Old Cook» (1940), and the Chinese writer Wang Meng «Listening to the Sea» (1982), where the central place in the artistic space is taken by a steady dyad of characters based

© Болдырева Е. М., 2022

on gender and age antinomy: a blind old man and a young girl. The author of the article examines the story of Wang Meng «Listening to the Sea» in the motive context of the Russian literature of the mid-20th century, which allows to emphasize new meanings in it and to identify artistic universals that create a multi-dimensional, multi-level space of the text. The influence of foreign literature on Van Meng's style acts as a communicative mechanism without which the writer's creative evolution is impossible. The article highlights many motive and image echoes that are significant to the writers' artistic world: the archetype of the wise old man, whose universal characteristics are embodied by the heroes of all three stories with various degrees of «purity»; motives of blindness, insight and epiphany, the motive of symbolic overcoming blindness through music and memory, the motives of silence and death. The article concludes that the actualization of the intertextual ties in Van Meng's story allows us to read it as an artistic representation of the key universals of the XX century culture, as a work about blindness and epiphany, about death and rebirth, about eternity and omnipotence of art, about the resurrecting theurgical power of memory, and in this sense, the story becomes a kind of «genetic dossier», where the principles of the «letter of memory» in the later Van Meng's works are formed. These principles were most forcefully expressed in his famous novel «Metamorphoses, or a Game of Folding Pictures» which allows to consider working with memory, including cultural memory, as an integral basis of Van Meng's work, helping to put together the disconnected images of the past into a coherent picture of «memory elision».

Key words: Van Meng; V. Shukshin; K. Paustovsky; archetype of the wise old man; motive; symbols of blindness; silence; music, category of memory; category of death

The article was prepared within the framework of the activities of the Center for the Study of Russian-speaking Countries of the Southwestern University of the People's Republic of China under the Ministry of Education of the PRC

For citation*:* Boldyreva E. M. Overcoming blindness and the music of memory: common motives in the stories by Wang Meng, V. Shukshin, and K. Paustovsky. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):34-47. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-34-47

Введение

Когда читатель открывает книги китайских авторов, стремясь найти для себя интересные детали и подробности жизни далекой экзотической страны, он порой оказывается удивлен созвучием проблем и поразительным сходством сюжетов и образов. Речь идет даже не столько об устоявшихся литературных параллелях, прочно укоренившихся в отечественном и китайском литературоведении, таких, например, как «Хай Цзы – китайский Есенин» или «Го Можо – китайский Маяковский», а именно о случайных, на первый взгляд, совпадениях и странных сближениях, когда два текста, созданные в разные эпохи и в разных национальных и культурных пространствах, поразительно напоминают друг друга: «Записки сумасшедшего» Н. Гоголя и Лу Синя, «Красная магнолия у каменной стены» Цуна Вэйси и «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, повествующие об одном дне одного заключенного, «Царь-рыба» В. Астафьева и «Рыбий царь» Фу Юэхуэя, воссоздающие сюжет, связанный с одной из древних мифологем, «Моление о счастье» Лу Синя и «Тоска» А. Чехова о потерявших детей родителях, горе которых не хотят услышать окружающие, «Чистый понедельник» И. Бунина и «Скорбь по ушедшей» Лу Синя, рассказывающие читателю о странностях и загадках любви. Одной из таких удивительных литературных параллелей, притягивающих друг другу тексты, созданные в пределах почти полувековой дистанции, являются рассказы русских писателей В. Шукшина «Солнце, старик и девушка» (1963), К. Паустовского «Старый повар» (1940) и китайского писателя Ван Мэна «Слушая море» (1982), центральное место в художественном пространстве которых занимает устойчивая диада персонажей: слепой старик и молодая девушка / девочка.

Безусловно, каждый из этих рассказов, созданных на определенном этапе художественной эволюции писателей, может быть интерпретирован исключительно исходя из контекста их творчества. Рассказ Шукшина, вошедший в сборник «Сельские жители», органически встроен в парадигму текстов писателя, прочитываемых в соответствии с этико-философским кодом отечественной «деревенской прозы» с ее обостренным вниманием к старческой мудрости простых людей, и вполне коррелирует с множеством других текстов Шукшина, в которых образ старика является определяющим для понимания нравственной позиции писателя, философского осмысления вопросов жизни и смерти, смысла человеческого существования, а сами старики выражают национальное, народное мироощущение («Космос, нервная система и шмат сала», «Как помирал старик»), а также с рассказами, где фигурирует тот же персонажный тандем «старик и девушка» («Двое на телеге», «Леля Селезнева с факультета журналистики»). «Старый повар» К. Паустовского вместе с рассказом «Ручьи, где плещется форель» составил дилогию «Зимние рассказы», и оба они связаны с неосуществлённым замыслом пове-

сти о музыкантах, «Старый повар», повествующий о встрече героя с Моцартом, стоит в одном ряду с другими рассказами Паустовского о композиторах, таких, как «Музыка Верди» или «Корзина с еловыми шишками», где, по сути, воспроизводится аналогичный сюжет: норвежская девочка Дагни Педерсен встречается с «музыкантом и волшебником» Эдвардом Григом, а спустя годы музыка Грига снова уносит ее в прошлое, в детство, и она чувствует шум деревьев, брызги моря, запах леса, подобно тому, как Иоганн Мейер под звуки музыки Моцарта тоже переносится в свою далекую юность. Что касается рассказа «Слушая море», то он однозначно позиционируется литературоведами как один из типичных текстов модернистского, экспериментаторского периода творчества Ван Мэна начала 1980-х гг., наряду с произведениями «Мотылёк», «Компривет», «Чалый», «Грёзы о море», где представлена новая техника письма, ориентированная на поток сознания, ассоциативность, психологическую многоплановость образов и философское осмысление окружающей действительности, характеризующейся целостностью синтетического взгляда на мир [Торопцев, 1988, Торопцев, 1987, Торопцев, 2004; 萨雅娜, 2015]. С другой стороны, рассказ «Слушая море» традиционно рассматривается как одна из вариаций художественного воплощения в прозе писателя значимого для Ван Мэна символа водной стихии [Шулунова; Будаева, Аюшеева], который часто оказывается у Ван Мэна универсальным кодом его творчества, имеющим многообразные символические коннотации в рассказах, заглавия которых сопряжены с семантикой воды: «Грезы о море», «Море», «Глубины озера», «Гладь озера», «Ищем озеро» и др., а вода у писателя, сочетая в себе различные поэтические образы, лики, обладает множеством значений: чистота, жизнелюбие, рождение, становление, воскрешение, «эликсир жизни» и т. д.

Но если рассматривать эти рассказы вне их встроенности в синтагматический ряд творческой эволюции писателей, поверх национальных барьеров, то между ними возникают удивительные мотивные переклички, обнаруживающие интерес русских и китайского писателей к универсальным, вневременным моментам человеческого существования и культуры.

Литературоцентричность творчества Ван Мэна

В отличие от ситуаций художественной рецепции китайскими писателями мотивов и образов русской литературы, основанных на непосредственных прямых контактах, декларированных самими писателями (Хай Цзы сам называл себя китайским Есениным, Го Можо переводил Маяковского и посвящал ему свои стихи, как и Ван Цзясинь – Пастернака, Лу Синя называли то китайским Гоголем, то китайским Чеховым), то в данном случае нет достоверной информации о том, был ли знаком Ван Мэн с написанными намного раньше рассказами Паустовского и Шукшина. Тем не менее среди авторов, представляющих прозу современного Китая, трудно найти такого «литературоцентричного» писателя, как Ван Мэн. Широта его апелляции к различным пластам мировой художественной культуры поразительна: «Исследование творчества крупнейшего современного китайского писателя Вана Мэна, вошедшего в мировую литературу в 70–80-е гг. XX в., подтверждает идею о том, что, с одной стороны, серьезный писатель, творчество которого имеет общенациональное значение, является аккумулятором духовного наследия и традиций своего народа, а, с другой стороны, влияния зарубежных литератур на стилистику его творчества выступают как коммуникативный механизм, без которого невозможна творческая эволюция писателя» [Песоцкая, 2011, с. 109]. Ван Мэн не только глубоко усваивает и интерпретирует китайские национальные идеи и философские концепции, но и активно цитирует советскую литературную классику, которая, собственно, и становится одним из важнейших источников формирования личности и мировоззрения его героев. Китайские литературоведы неоднократно отмечали, что Ван Мэн находился под сильным влиянием советской литературы и искусства, прочитал большое количество советских литературных произведений и заимствовал у них некоторые художественные приемы, в чем неоднократно признавался и сам писатель [骆有兴, 2021; 王蒙, 1993; 谢托洛普采夫,王燎, 1988; 温奉桥, 2008; 孙凡, 2013], называя советскую литературу своей «первой любовью» [王蒙, 2006]: «Советско-российское влияние на мое литературное становление было очень сильно» [Цит. по: Ломанов], «Не могу не сказать о русской музыке. Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков, Бородин, Глинка – все это мне знакомо. Я тогда много покупал грампластинок с их записями, советские пластинки продавали в Китае очень дешево – 0,8 юаня за штуку. Помню и многие народные песни. Все это мне очень нравится -- под эту музыку шла моя молодость, моя любовь, мои искания» [Цит.

по: Ломанов] – заметим, что в рассказе «Слушая море» именно песня Соловьева-Седого «Уходим завтра в море» («Вечер на рейде») становится для героя при встрече с морем одним из сильнейших катализаторов для воскрешения в его сознании дорогих образов из туманного прошлого. «Сама жизнь Ван Мэна – квинтэссенция истории современной китайской литературы», – отмечал председатель союза писателей провинции Хунань Тан Хаомин, оценивая роль старого мастера в современном литературном процессе [楊丹]. Поэтому рассмотрение рассказа Ван Мэна «Слушая море» в мотивном контексте произведений русской литературы середины XX века позволит акцентировать в нем новые смыслы, выявить художественные универсалии, которые рассматриваются как смысло- и формообразующее начало искусства и создают многомерное, разноуровневое пространство текста в зависимости от требований литературной традиции и от художественных задач, поставленных автором.

Мотивные переклички рассказов Ван Мэна «Слушая море», В. Шукшина «Солнце, старик и девушка» и К. Паустовского «Старый повар»

Центральным образом, объединяющим рассказы, становится **образ слепого старика,** соединяющий в себе две ключевые архетипические модели: архетип мудрого старца и символический конструкт слепоты. Согласно юнгианской концепции, архетип Старого Мудреца – учителя, мастера, просветленного, вносит смысл в хаотичную жизнь и олицетворяет озарение, способность находить выход из безысходных ситуаций [Юнг, 1998, с. 86]. «Мудрый старик» – высший духовный синтез, гармонизирующий в старости сознательную и бессознательную сферы души [Юнг, 1994, с. 115]. Старец является символом обретенной духовной цельности: он прожил целую жизнь и представляет ее законченную духовно-временную целостность. В восточном христианстве старец – это человек, прошедший тот или иной путь духовного подвижничества (пустынножительство, столпничество, затвор, обет молчания, пост, непрестанная молитва и пр.) [Волкова, 2005, с. 64]. И в этом смысле герои всех трех рассказов с разной степенью «чистоты» воплощают в себе универсальные характеристики данного архетипа. Прожитая ими жизнь – это тяжелый путь потерь и лишений, напряженной работы и душевных кризисов: у старика Шукшина это гибель на войне четверых сыновей, у старого повара – изматывающий труд, приведший к тому, что он ослеп от жара печей, болезнь и смерть горячо любимой жены и мучительные переживания собственного греха – кражи золотого блюдечка у графини Тун с целью достать деньги для лечения жены, у старика Ван Мэна это тоже потеря любимой жены, гибель брата-близнеца в японской жандармерии. В каждом из героев реализуется архетипическая функция исполнения стариком своего высшего предназначения: у Шукшина это своеобразная символическая передача жизненной мудрости и знания о мире молодой девушке, своей архетипической паре, у Паустовского – исполнение «подвига любви» во имя спасения жены и отцовского долга – обеспечить защиту дочери после его смерти, у Ван Мэна – это ощущение стариком своей миссии «восславить великий океан и великую землю, взывая к чувствам сопутников, к дружбе и любви, к ушедшей жене, к лучу луны, морскому прибою, крабам и рассвету» [Ван Мэн, 2004, с. 58].

Во всех трех рассказах своего рода спутницей старика становится **молодая девочка или девушка**. Опять же, согласно Юнгу, архетип «дитяти» действует в связке с архетипом «мудрого старца», старец-мудрец дает добрый совет и помогает обрести уверенность в трудные минуты жизни. Кроме того, по Юнгу, архетипы часто представляют собой пару мужского и женского начала (отец – мать, старик – старуха), и во всех рассказах в фокусе повествования оказывается именно такая пара, основанная на не только гендерной, но и возрастной антиномии. Девушке, знакомой старика в рассказе В. Шукшина, 25 лет, Марии, дочери Иоганна Мейера, «лет восемнадцать», а в рассказе «Слушая море» старика «поддерживала под руку девочка лет восьми, а может, и одиннадцати» [Ван Мэн, 2004, с. 58]. И если у Шукшина и Паустовского достаточно определенно обозначен возрастной статус девушки и ее отношение к старику, то в рассказе Ван Мэна эта определенность начинает размываться, поскольку читатель не получает точной информации ни о возрасте девочки (то ли 8, то ли 11), ни о ее однозначном родстве со стариком («Поезд, на котором они ехали с внучкой (кто знает, внучка ли она ему? Но будем считать так), опоздал» [Ван Мэн, 2004, с. 58]).

Самая очевидная функция этого образа во всех трех рассказах – представить и противопоставить два разных поколения, с разной судьбой и мироощущением. Не случайно именно этот аспект интерпретации неоднократно заявлялся в работах китайских литературоведов, посвященных рассказу Ван Мэна, утверждающих, что писатель «за-

трагивает тему разрыва поколений» («小说《听海》也涉及“代沟”问题» [李美溶, 1984, с. 2]. В этой же плоскости интерпретируются взаимоотношения старика и девушки в работах по творчеству Шукшина – разное отношение к жизни представителей разных поколений [Зырянова, Мещерова, 2020, с. 86]. Но помимо традиционной темы разрыва поколений, образ девочки-девушки, сопутствующий старику, имеет и другие коннотации. Между героями как бы включен механизм взаимного энергообмена, они нужны друг другу чтобы реализовать одну из своих архетипических функций. Девушка-девочка позволяет старикам реализовать свою функцию дарителя. В рассказе Шукшина именно благодаря старику девушке открывается простота и мудрость бытия, он помогает ей понять ранее ей недоступные вещи. Кроме того, он дарит ей – художнице – способность видеть окружающий мир во всей многоцветности его живописной палитры. В рассказе Ван Мэна старик дарит девочке свое море, способность улавливать музыку моря даже в назойливом писке мошкары, свои мысли о море как воплощении универсальных проблем бытия. В рассказе Паустовского функция дарителя не столь акцентирована и явлена в косвенном варианте: старик просит дочь привести любого незнакомца для исповеди, и именно благодаря волшебной музыке Моцарта, Мария достигает духовного просветления, преклоняя колени перед великим музыкантом. Но с другой стороны, спутницы стариков дают им возможность преодоления одиночества. Их забота о стариках проявляется в трогательных актах телесного контакта: девушка у Шукшина гладит «мягкой ладошкой его сухую, коричневую руку» [Шукшин, 2007, с. 42], Мария в рассказе Паустовского «умыла умирающего и надела на него холодную чистую рубаху» [Паустовский, 1969, с. 536], а девочка у Ван Мэна постоянно поддерживает старика за руку и остро чувствует малейшие изменения в его настроении: «Девчушка, тонко воспринимающая смену настроений старика, беспокоилась всегда, даже во сне» [Ван Мэн, 2004, с. 60]. Девушка в рассказе Шукшина и девочка Ван Мэна оказываются единственным средством коммуникации стариков с окружающим миром, Мария, дочь слепого повара, становится в его беспросветной слепой старости на пороге смерти единственным светлым лучом: мысль о том, как защитить ее в будущем, удерживает старика в этой жизни.

Важнейшей составляющей образа стариков в рассказах становится их слепота. У Ван Мэна и Паустовского информация о слепоте старика даётся сразу, с первых же строчек («В один из зимних вечеров 1786 года на окраине Вены в маленьком деревянном доме умирал слепой старик – бывший повар графини Тун» [Паустовский, 1969, с. 535], «Но один человек раздражал всю эту довольную, наслаждающуюся, смакующую жизнь толпу. Высохший слепой старик с нетвердой походкой. На первый взгляд вполне здоровые, его глаза были застывшими, неживыми» [Ван Мэн 2004, с. 57]), у Шукшина о том, что старик слепой, мы только догадываемся вместе с девушкой и узнаём лишь в конце рассказа из ее разговора с сыном старика, строгающим для него «домовину» («Скажите, он слепой был? – спросила девушка после долгого молчания. – Слепой. – И давно? – Лет десять уж…» [Шукшин, 2007, с. 47]). Во всех трех рассказах **мотив слепоты как одного из важнейших культурных конструктов** имеет важнейшую смыслообразующую функцию. Слепота героев оказывается не только их главным отличительным и характерологическим признаком – мотив слепоты наполняется универсальным содержанием и предстает как взаимодействие и сложное единство разных смыслов.

Слепота как культурный символ амбивалентна по своей сущности. С одной стороны, слепота воспринимается нами как телесная ущербность, причем весьма значимая, так как человек получает через глаза наибольший объем информации об окружающем мире. Образ человека, лишенного зрения, представлен как символическое воплощение беззащитности, страдания, одиночества, несправедливости, нищеты. Лишиться зрения означает полностью изменить жизнь, отгородиться от привычного круга общения. Слепые на протяжении многих веков воспринимаются как принципиально «другие» остальным обществом. К. Богданов в книге «Повседневность и мифология» пишет: «Судя по опосредующим идеологическую практику текстам, зрение, подобно голосу и слуху, социализует членов общества, слепота десоциализует» [Богданов, 2001, с. 115]. Слепота символизирует нежелание видеть действительное положение вещей, невежество, грех, уклонение от выполнения своего долга, неспособность видеть свет и правильный путь, неумение различать добро и зло. Но, с другой стороны, в нашем сознании живет неизбежное соединение слепоты и мудрости, то есть физическая слепота влечет за собой внутреннюю духовную сосредоточенность, оборачивающуюся духовным прозрением, и в рассказах Шукшина, Паустовского и Ван Мэна актуали-

зируются разные векторы этого символического комплекса.

В рассказе Паустовского слепота героя имеет конкретные физиологические мотивировки (ослеп от жара печей), и ее негативная ипостась проявляется, с одной стороны, в чисто бытовом контексте: ослепший от жара печей повар больше не может работать и вынужден влачить полунищенское существование в ветхой сторожке в саду, заваленном гнилыми ветками, изредка довольствуясь несколькими флоринами, которые выдавал ему управляющий графини, а с другой стороны, слепота становится травмирующим фактором в экзистенциальном смысле: это символ конца жизни, это слепота памяти, неспособность увидеть образы из дорогого ему прошлого, это слепота самопознания и самооправдания, слепота нравственной самооценки, когда старый повар не может увидеть подлинный смысл своего поступка – кражи золотого блюдца ради спасения жены – и слепо трактует его как смертный грех. Негативная семантика слепоты в рассказе Ван Мэна проявляется в тотальной отчужденности старика от всех окружающих, восприятии его как Другого, вносящего диссонанс в беззаботный курортный мир: «Казалось, высохший старик напоминал беспечным курортникам и гулякам, всей этой весело снующей толпе о недолговечности весеннего цветения, о бренности бытия. При виде его морщинистого лица, остановившегося взгляда, согбенной фигуры разом слетали улыбки, замирал смех, мгновенно серьезнели люди, опьяненные любовью, возбужденные плаваньем, объевшиеся крабами, поглощенные картами, переполненные стихами. И все же к нему неудержимо влекло смутное чувство, будто он участвует в какой-то торжественной, чуть ли не траурной церемонии» [Ван Мэн, 2004, с. 58]. Для самого же старика Ван Мэна, как и для шукшинского героя, слепота абсолютно не ощущается как физиологическая проблема, затрудняющая ориентацию в пространстве и коммуникацию с окружающим миром. Старик Ван Мэна спокойно нащупывает дверь на балкон или забирается вместе с девочкой на самый большой из камней, отделенных от берега полосой кипящего прибоя («Для большинства из вас, читатели, это проще простого, вы же можете, как говорят в народе, «перейти реку», то есть море, «нащупывая камушки». Запросто шлепая по воде – море тут мелкое. А наш слепой, прошедшей ночью слышавший бурное штормовое море, как решился он перебраться через эту воду, если даже не видит, глубока она или мелка? Как бы там ни было, но он уже перешел и сидит на вознесенной над морем вершине» [Ван Мэн, 2004, с. 65]), и создается абсолютная иллюзия, что слепота не просто не доставляет ему дискомфорта – ее как бы не существует, и читатель забыл бы о ней, если бы ему периодически не напоминал об этом голос повествователя. В рассказе Шукшина догадки девушки о слепоте героя на протяжении всего рассказа возникают и сразу же разбиваются: «Ни разу старик не споткнулся, ни разу не замешкался. Шел медленно и смотрел под ноги. «Нет, не слепой, – поняла девушка. – Просто слабое зрение» [Шукшин, 2007, с. 45]. Не случайно по отношению к старику у Шукшина и Ван Мэна используются слова с семантикой зрения: неоднократно упоминается, что он «смотрел на солнце» или «не посмотрел на девушку», а в рассказе Ван Мэна девочка, не задумываясь над неуместностью выбранных слов, восторженно кричит: «Гляньте-ка, дедушка, скорей, вон там летит большая птица, какие огромные у нее крылья!.. Смеркается, а она все летает. Ее «гляньте-ка» нисколько не удивило старика, в разговорах между собой они не избегали слова «смотреть» [Ван Мэн, 2004, с. 65]. Кроме того, в обоих рассказах в рамках мотива слепоты возникает и идея компенсаторного замещения: обостренная работа других органов чувств взамен утраченного зрения. Заметим, что уже в мифологических представлениях слепота чаще всего оказывалась относительной: отсутствие физического зрения компенсируется более совершенным, потусторонним зрением [Ясинская]. Д. Болт изучает эти и подобные им представления на примере ряда литературных текстов (в том числе произведений Дж. Джойса), в которых описывается необыкновенная чувствительность незрячих. Он обращает внимание на то, что офтальмоцентризм нередко отражается в высказывания вроде «видящие пальцы» [Bolt, 2014, с. 75], то есть в приписывании зрительного восприятия тем, кто видеть не может. Такие же зрячие пальцы мы видим у шукшинского героя, который вертит в сухих, скрюченных пальцах белый, с золотистым отливом камешек и безошибочно определяет его цвет и минералогическую принадлежность, а потом спокойно, ни разу не замешкавшись и не споткнувшись идет домой по горной тропинке. Старик в рассказе «Слушая море» также безошибочно видит-угадывает, что внучка выбегает босая на холодный цементный пол балкона: «утратив зрение, старик обрел тонкость ощущений и безошибочно полагался на них» [Ван Мэн, 2004, с. 60] и свободно перемещается в пространстве, напоми-

ная чем-то слепого монаха, хранителя библиотеки Хорхе Бургосского из «Имени розы» Умберто Эко, написанного практически одновременно с рассказом Ван Мэна: «Говоривший был старец, согбенный годами, белый как снег, весь белый – не только волосы, а и кожа, и зрачки. Я догадался, что он слеп. Но голос его сохранял властность, а члены – крепость, хотя спина и сгорбилась от возраста. Он держался, будто мог нас видеть, и впоследствии я не раз отмечал, что двигается он и говорит, как будто не утратил дара зрения» [Эко, 2006, с. 21].

Важнейшим мотивом, орнаментирующим образ старика и развивающим символику слепоты как озарения, становится в рассказах **мотив органически неразрывной связи старика с образами небесных светил** (в рассказах Шукшина и Паустовского это солнце, в рассказе Ван Мэна – луна). В рассказе Шукшина солнце становится своего рода «двойником» героя, именно на солнце неотрывно «смотрит» слепой старик, закат, тихое угасание солнца символизирует закат жизни героя, а девушка интуитивно сравнивает старика с солнцем: «Что-то было в его жизни, такой простой, такой обычной, что-то непростое, что-то большое, значительное. Солнце – оно тоже просто встает и просто заходит…А разве это просто» [Шукшин, 2007, с. 46]. Не случайно, согласно К. Г. Юнгу, свойство данного архетипа, связанное с озарением, выражено тем, что старик приравнивается к солнцу. В рассказе Паустовского последним желанием умирающего Иоганна Мейера становится «видеть солнце и этот старый сад, когда он зацветет весной» [Паустовский, 1969, с. 537], и благодаря волшебным звукам моцартианской музыки, старик достигает восторженного озарения и ясно видит первые лучи солнца на фоне великолепной синевы прозрачного, как стекло, неба, а разгорающаяся за окнами заря (утренняя, а не вечерняя, как у Шукшина) знаменует его прозрение и духовное очищение и возрождение, пусть и на пороге смерти. В рассказе Ван Мэна такую же магическую связь ощущает герой с луной: «Старику не нужны были календари – луну он воспринимал кожей. Ощущения поразительные: в ясную лунную ночь – легкое прикосновение, сдержанное возбуждение, пробегающее по телу, даже какое-то давление – словно бы лунного луча» [Ван Мэн, 2004, с. 61]. И эти корреляции слепых героев с сияющими небесными светилами выносит к порогу читательского восприятия древний мифологический мотив прозрения, когда «слепота зрячести» оборачивается «зрячестью слепоты»: «В мифологических образах провидцев – Эдипа в Колоне и Тиресия – в этих олицетворениях «зрячей слепоты» виденье открывается нам как «веденье»: его смысл переходит в новую форму. Впервые в мифе возникает идея замещения мнимой проницательности утраченного органа зрения (глаза), основного источника чувственного опыта, радости жизни и знания» [Голосовкер, 1987, с. 55]. Для стариков Шукшина и Ван Мэна слепота – это символ достижения подлинной мудрости жизни, маркер душевного спокойствия, стоической внутренней силы. В мировой литературе произведения, в которых реализуются мотивы слепоты и зрения, зачастую строятся на антитезе: слепой и зрячие, когда слепой «видит» этот мир и всю его сущность лучше, чем те, кто обладает зрением. Д. Дидро в «Письме о слепых» не случайно высказывал мысль, что слепцам, обычно считавшимся несчастными, легче иметь превосходную интуицию, чем зрячим, не сомневающимся в способностях своего зрения [Дидро]. По сути, во всех трех рассказах именно слепой старик оказывается всезнающим и прозревающим, в отличие от неведающих спутниц. В рассказе Шукшина слепой старик, в отличие от девушки-художницы, видит красоту окружающего мира именно глазами живописца, открывая перед ней живописную палитру красок: воду у противоположного берега, в которую «ровно крови подбавили» или рассказывая о разных камешках в мельчайших подробностях описывая его причудливую раскраску («весь белый, аж просвечивает, а снутри какие-то пятнушки. А бывают: яичко и яичко – не отличишь. Бывают: на сорочье яичко похож – с крапинками по бокам, а бывают, как у скворцов, – синенькие, тоже с рябинкой с такой» [Шукшин, 2007, с. 44]). Даже представленные в речи повествователя яркие природные описания кажутся включенными не в его кругозор наррации, а моделирующими повествовательную перспективу слепого старика, который ясно видит и погружающееся в далекий синий мир солнце, и тихо угасающий красноватый сумрак, и вылетающий в зеленоватое небо стремительный веер ярко-рыжих лучей, и полыхающую зарю – а зрячая девушка-художница будто и не видит этих красок, реагируя на почти поэтические откровения старика однословными репликами «Какое?», «Почему?» «Да, да». В рассказе «Слушая море» слепой старик слышит музыку моря, «грозный, неторопливый, предвечный гул прибоя» сквозь суетное, назойливое жужжание мошкары, сквозь «дребезжащий писк, бессмысленный и ничтожный», в отличие от девочки,

недоуменно заявляющей: «Да что вы, дедушка! Это мошкара. Ну и писк! Какой там еще прибой?» [Ван Мэн, 2004, с. 59]. В рассказе Паустовского умирающий слепой повар, слушая музыку Моцарта и воссоздаваемые им словесные картины прошлого, восторженно кричит «Я вижу все это!» [Паустовский, 1969, с. 537], отдаваясь волшебной стихии музыкально-словесных образов, а его дочь Мария, тоже находящаяся под большим впечатлением от игры незнакомца, все же подвергает рациональной корректировке рождающийся поток спонтанных метафор, уподобляющих распустившиеся яблоневые цветы большим тюльпанам: «Нет, сударь, – сказала Мария незнакомцу, – эти цветы совсем не похожи на тюльпаны. Это яблони распустились за одну только ночь» [Паустовский, 1969, с. 538].

Таким образом, слепота оказывается неразрывно связанной и с пророческим виденьем, и с виденьем поэтическим, заставляющем вспомнить Гомера – слепого мудреца, символ высшей мудрости и внутренней прозорливости, и его героя, аэда Демодока, которому муза «очи затмила», но которого наградила даром песнопения. Зрение замещается воображением, а работа воображения, способность находить выражение для того, что недоступно окружающим осознается как дар, недоступный зрячему: «...дар песней приял от богов он // Дивный, чтоб все воспевать, что в его пробуждается сердце» [Гомер, 1960, с. 107]. Подобное акцентирование мифологической логики позволяет воспринимать слепоту героев всех трех рассказов не как синоним несчастья или причину страдания, а как явление, несущее более серьезную смысловую, мифологическую, метафизическую и социальную нагрузку, когда слепота выступает как символ появления способности проникнуть в тайну мира, внутреннего зрения и высшей мудрости. **Поэтому мотив слепоты и преодоления слепоты** неразрывно связан в рассказах **с мотивами искусства** (музыки в рассказах «Старый повар» и «Слушая море» и живописи в рассказе «Солнце, старик и девушка») **и памяти**. Художественное восприятие шукшинского старика позволяет ему сохранить в своей памяти и явить людям яркие живописные картины окружающего мира, растворение в стихии волшебных звуков музыки Моцарта дает возможность старому повару Паустовского вновь увидеть небо своего прошлого, прозрачное, как синее стекло, и смеющуюся жену в зимних горах, старик Ван Мэна, слушая величественную и грозную морскую симфонию, ощущает, как эта музыка моря как бы раздвигает границы времени и пространства: «Небо распахнуто, море распахнуто, и он больше не произносит ни слова, только слушает степенное, неспешное дыхание моря, ощущает весь этот безбрежный, необъятный мир» [Ван Мэн, 2004, с. 59].

Важнейшим мотивом, связывающим рассказы, становится **мотив памяти:** слепота блокирует зрительный канал, но открывает пути для активизации других, более значимых векторов восприятия, когда память выступает как внутреннее зрение и важнейший инструмент символического преодоления слепоты. В рассказе Шукшина в разговоре с девушкой старик вспоминает свою прошлую жизнь, работу плотником, погибших четверых сыновей. Но если девушке прошлое старика кажется трагичным и тяжелым, для самого старика горечь воспоминаний утрачивается. Его прошлое – это давно завершенное прошедшее время, дописанный текст жизни и потому очищенный от горького привкуса боли и горечи и воспринимаемый как непреложный закон жизни, как естественный и органический процесс, который нужно принимать со спокойствием, смирением и благодарностью: «– Жили мы всегда справно, грех жаловаться. Я плотничал, работы всегда хватало. И сыны у меня все плотники. Побило их на войне много – четырех. Два осталось. Ну вот с одним-то я теперь и живу, со Степаном» [Шукшин, 2007, с. 44].

В рассказе Паустовского сначала память оказывается для героя травмирующим фактором, муками совести, терзающими героя и не дающими ему успокоения. Он страдает от невозможности простить себя и забыть совершенный им однажды грех – кражу у графини Тун золотого блюдца ради лечения смертельно больной жены: «И мне тяжело теперь вспоминать об этом» [Паустовский, 1969, с. 536]. Но когда загадочный незнакомец силой, данной ему «не от бога, а от искусства», называет его грех «подвигом любви», пространство памяти героя освобождается от горечи и бессилия самобичевания, а колдовские звуки музыки, льющейся из-под пальцев великого Моцарта, снимают тяжесть с его души и воскрешают в его памяти яркие, живые, многоцветные образы далекого прошлого. Благодаря волшебным звукам ожившего клавесина прошлое обретает зрение, и прорвавшееся сквозь «жадное дыхание» старика «я помню» превращается в трижды произнесенное в благоговейном восторге «я вижу!»: «– Я вижу, сударь! – сказал старик и приподнялся на кровати. – Я вижу день, когда я встретился с Мартой

и она от смущения разбила кувшин с молоком. Это было зимой, в горах. Небо стояло прозрачное, как синее стекло, и Марта смеялась. Смеялась, – повторил он, прислушиваясь к журчанию струн». «Я видел всё так ясно, как много лет назад» [Паустовский, 1969, с. 537].

Воспоминания об умершей жене старика появляются и в рассказе Ван Мэна, однако они лишены трагизма и интенсивности переживания. Хотя при этих воспоминаниях слезы выступают на его незрячих глазах, но тем не менее герой ощущает мудрость универсального онтологического закона memini ergo sum, понимая, что если люди и вещи из прошлого сохраняются в его памяти, то они не утрачивают своего существования в мире «между нулем и бесконечностью»: «Жены давно нет с ним, да-да, но ведь она была, он помнит, и слезы выступают на его незрячих глазах. Они существуют, эти слезы, и крохотная мошка – существует, и они с женой, и все сущее – существует. Не им тягаться с бесконечно большими величинами, и бесконечность приведет их когда-нибудь к нулю, но, когда они приблизятся, нуль как бы станет для них знаменателем и ушлет в бесконечность, и тем самым они вкусят от вечности. Каждый из них занимает свое собственное, четко определенное место между нулем и бесконечностью, связывая их» [Ван Мэн, 2004, с. 60]. Море одновременно и воскрешает в памяти старика «дела давно минувших дней» («Волны бились, ухали, шипели – нет, то была не капель слез, не склоненная голова побежденного, а невинность возвращенной молодости, чистота вновь обретенной простоты, жизнерадостность детства и юмор зрелых лет» [Ван Мэн, с. 60]), и напоминает о бренности и преходящести всего сущего в мире: «Все-уш-ло, все-уш-ло», – пробормотало море» [Ван Мэн, 2004, с. 60] .

Подобно тому, как музыка великого Моцарта открыла для героя Паустовского пространство его памяти, для старика Ван Мэна катализатором воспоминаний становится музыка моря. «В пятидесятые годы он был еще крепок и, как все тогдашние молодые люди, часто слушал песню Соловьева-Седого «Уходим завтра в море». Хотя, в общем-то, она ему не так уж и нравилась: банальные слова и сентиментальна сверх всякой меры. Но сейчас вспомнилась именно эта песня его мужественной молодости, и он словно воочию увидел и туман, окутавший море, и волну, целующую родной берег. Вытянутую, неровную, податливую, изменчивую линию берега, созданную накатами прибоя» [Ван Мэн, 2004, с. 62]. Память героя – это не застывший в своей незыблемой неизменности элизий памяти шукшинского старика и не воскресший и заново обретенный многоцветный мир прошлого бытия Иоганна Мейера – старик Ван Мэна подвергает феномен собственной памяти аналитической рефлексии, осознавая разницу между своим восприятием событий прошлого «тогда» и «сейчас». Песня Соловьева-Седого, казавшаяся в молодости излишне банальной и сентиментальной, теперь воспринимается как органический камертон представшей перед стариком морской стихией: «Нет, все же хорошая песня. Это я был излишне суетлив» [Ван Мэн, 2004, с. 62]. Он вспоминает, как набросился с кулаками на брата-близнеца, посмевшего утверждать, что он видел тот же сон, что и герой, и постепенно обретает понимание того, что нет ничего странного в общности воспоминаний разных людей: «Наверное, зря он тогда накинулся на брата – тот имел право на любые сны, даже такие же, как у него, и рассказывать о них имел право. Нельзя было распускать руки, разбивать нос брату. Чем дольше старик жил, тем больше верил, что они и в самом деле видели один и тот же сон» [Ван Мэн, 2004, с. 64].

Как и в рассказах Шукшина и Паустовского, у Ван Мэна появляется мотив восприятия личного пространства героя Другим, а точнее, Другой – его архетипической парой девочки-девушки. У Паустовского Мария органически входит в пространство памяти героя и, как и отец, видит белые яблоневые цвета на фоне ослепительно-синего неба. У Шукшина девушка, воспринимая прошлое старика в соответствии с личным кодом, не понимает, как тяжелая работа и потеря близких может определяться формулой старика «хорошо жили», и удивляется его странному спокойствию и умиротворенности. У Ван Мэна в аналогичной ситуации рассказывания девочке о своем прошлом («– Расскажите о своем детстве, – попросила она» [Ван Мэн, 2004, с. 64]) старик снисходительно-иронически воспринимает попытки девочки интерпретировать его прошлое с точки зрения прагматичной логики современного подростка: «Она так далека от этого, а пытается влезть в их детские раздоры, все разложить по полочкам – кто прав, кто виноват», «– Помню, был у меня брат-близнец, ох, как мы с ним были похожи, не отличишь. Ты не знаешь его, он давно, еще в сорок третьем, погиб в японской жандармерии. Впрочем, ты, наверное, и не слышала, что такое жандармерия. – А вот и слышала, – уловив в голосе старика снисходительные нотки, капризно протя-

нула девочка. – «Докладываю начальнику Мацуи, впереди обнаружен Ли Сянъян…» Начальник Мацуи – это же японский жандарм, да? Мы смотрели «Партизан на равнине» [Ван Мэн, 2004, с. 65].

Еще один сквозной мотив трех рассказов – **мотив молчания**, который тоже, как и слепота, имеет амбивалентную природу, реализуя в разных участках текста противоположные смыслы. В рассказе Паустовского сначала это не столько полное молчание, сколько приглушенность звуков. Старый пес уже не лает, а герои постоянно говорят шепотом, шепчет Мария и в разговоре с Моцартом неоднократно появляется фраза «прошептал старик». Но под воздействием великой силы музыки молчание-приглушенность звука как маркер умирания и тотальной энтропии становится молчанием совершенно иного порядка – восторженным молчанием человека перед волшебными звуками оживляющей прошлое музыки: «Старик молчал, прислушиваясь». И шепот становится криком: «Я вижу всё это! – крикнул старик», и Мария вскрикивает, когда клавесин замолкает под пальцами загадочного незнакомца, и клавесин наконец начинает петь «полным голосом впервые за многие годы» [Паустовский, 1969, с. 537].

В ситуации «герой – другие» молчание возникает либо как знак непонимания, нежелания продолжать коммуникацию, либо как символ отчужденности, абсолютной утраты связей и близости с другими. В рассказе Ван Мэна старик, отвечая на вопрос праздных отдыхающих «Я приехал послушать море, бормочет эти слова «себе под нос, порой лишь шевеля беззвучно губами» [Ван Мэн, 2004, с. 58]. Иногда молчание появляется и в разговорах с девочкой, когда старик ощущает бессмысленность объяснить ей что-то важное «– Об одной песне. – Какой песне? В самом деле, какой? Старик молчал». «Старик молчал. Она так далека от этого, а пытается влезть в их детские раздоры, все разложить по полочкам – кто прав, кто виноват» [Ван Мэн, 2004, с. 64].

Но совершенно иной смысл обретает молчание в ситуации «герой – стихия природы или стихия музыки». Старик Ван Мэна замирает в молчании, слушая писк мошек и лишь потом нарушает его: «Они вовсе не тушуются перед лицом великого океана… – пробормотал он наконец, нарушив молчание». В таком же молчании застывает он перед завораживающими звуками величественного морского прибоя: «Небо распахнуто, море распахнуто, и он больше не произносит ни слова, только слушает степенное, неспешное дыхание моря, ощущает весь этот безбрежный, необъятный мир» [Ван Мэн, 2004, с. 61].

В рассказе В. Шукшина мотив молчания появляется с высокой степенью частотности в разных коммуникативных ситуациях. В самом начале знакомства с девушкой молчание означает затрудненность коммуникации, когда герои замолкают после каждой короткой серии обмена репликами: «Опять помолчали». Безнадежно-горькое звучание обретает молчание, царящее в доме старика, демонстрируя абсолютный коммуникативный вакуум и распад категорий дома и семьи: «Старику крошили в молоко хлеб, он хлебал, сидя с краешку стола. Осторожно звякал ложкой о тарелку – старался не шуметь. Молчали. Потом укладывались спать. Старик лез на печку, а сын с невесткой уходили в горницу. Молчали. А о чем говорить? Все слова давно сказаны» [Шукшин, 2007, с. 44]. Но совершенно иной характер получает молчание старика, когда он «смотрит» на солнце: «Старик некоторое время молчал, смотрел на солнце, моргал красноватыми веками без ресниц», «Замолчали. Старик все смотрел на солнце» [Шукшин, 2007, с. 43]. Это молчание есть своего рода silentium, ощущение невыразимости прекрасного и бессмысленности и неспособности слов выразить эту красоту мира. Молчание старика воспринимается как высшая мудрость человека, постигшего «вес и вечность мига», и это молчание, как своего рода дар, постепенно передается от старика девушке, растерянное и недоуменное молчание которой в начале рассказа становится молчанием как как напряженной работой сознания, попыткой уловить и осмыслить какие-то ранее недоступные великие и простые истины бытия. Именно в таком молчании застывает девушка, когда она начинает догадываться о слепоте старика («Девушку поразила странная догадка: ей показалось, что старик слепой. Она не нашлась сразу, о чем говорить, молчала, смотрела сбоку на старика» [Шукшин, 2007, с. 45]) или когда она узнает от сына старика о его смерти и о том, что тот уже десять лет слепой: «Скажите, пожалуйста, здесь живет дедушка... Мужик внимательно и както странно посмотрел на девушку. Та замолчала. – Жил, – сказал мужик. – Вот домовину ему делаю». «Скажите, он слепой был? – спросила девушка после долгого молчания» [Шукшин, 2007, с. 47].

Наконец, еще одним общим мотивом рассказов становится **мотив смерти**. В произведениях Шукшина и Паустовского смерть главных героев – это последнее значимое событие текста, хотя

у В. Шукшина о смерти старика мы узнаем только в конце рассказа из сообщения сына старика, который делает для отца гроб, а в рассказе Паустовского мотив неотвратимой смерти задается уже с первой фразы: «В один из зимних вечеров 1786 года на окраине Вены в маленьком деревянном доме умирал слепой старик – бывший повар графини Тун» [Паустовский, 1969, с. 535]. В рассказе «Слушая море» главный герой не умирает, но мотив смерти возникает в связи с этим образом уже при первом появлении среди беспечных курортников высохшего старика, напоминающего им «о недолговечности весеннего цветения, о бренности бытия», «к нему неудержимо влекло смутное чувство, будто он участвует в какой-то торжественной, чуть ли не траурной церемонии» [Ван Мэн, 2004, с. 58]. В прошлом всех стариков – череда смертей близких и родных людей: в каждом рассказе упоминается о смерти жены, в рассказе Ван Мэна брат старика погиб в японской жандармерии, у героя Шукшина погибли на войне четверо его сыновей. Однако в контексте рассказов трагизм смерти снимается и смерть утрачивает статус значимого художественного события. Для героя Шукшина смерть его родных – это факты давно завершенного прошлого, а его собственная смерть воспринимается как естественный и органичный спокойный уход, завершение жизненного пути. И хотя девушка плачет, узнав о смерти старика, но это слезы не только грусти и жалости, но и просветленного катарсиса, очищения, это для нее своего рода инициация и эпифания: «она чувствовала сейчас какой-то более глубокий смысл и тайну человеческой жизни и подвига и, сама об этом не догадываясь, становилась намного взрослей» [Шукшин, 2007, с. 47]. В рассказе Паустовского мотив смерти неотвратимо и настойчиво задается с самого начала произведения, где крайне высока частотность употребления словесных формул с семантикой старости, умирания и смерти: «умирал слепой старик», пес «тоже умирал, как и его хозяин», дрожащий «старческий гул» старого клавесина, «Мария умыла умирающего», «исповедать умирающего», «нужно перед смертью очистить свою совесть» [Паустовский, 1969, с. 535–536] и т. п. Но волшебная музыка, льющаяся из-под пальцев великого Моцарта, заставляет рассеяться смертельную ауру, ночь из черной становится синей, а потом голубой, из раскрытого Марией окна в комнату врывается очистительный холодный воздух из мира, где нет места греховности и смерти, по отношению к умирающему старику уже появляются слова с семантикой жизненной силы и интенсивности: он «жадно дышал» в этом возвышающем и очищающем катарсисе, и потому последний аккорд рассказа не констатация смерти старого повара, а картина разгорающейся зари как символа воскрешения и возрождения. В рассказе Ван Мэна, казалось бы, заданный в начале мотив «траурной церемонии», в которой участвует старик, должен получить художественную реализацию в сюжете предсмертного прощания героя с морем, однако Ван Мэн отказывается от такой развязки – услышать море, вспомнить дорогие моменты прошлого, в последний раз испытать восторженное упоение от слияния с завораживающей стихией и умереть – напротив, в финале рассказа почти формулировочно задается мотив будущего, когда девочка делится со стариком своими планами и мечтами: «Знаете, чего мне хочется? Когда-нибудь приехать к морю, стать военным моряком… корабли водить… или построить у моря дом с башней и лестницей, мы будем там вместе жить, ладно? – Ну конечно, я не оставлю тебя, кому же еще, как не мне, быть рядом с тобой?» [Ван Мэн, 2004, с. 67]. Прикосновение к «душе моря», о которой размышляет герой, к воде, рассматриваемой в традиционной китайской культуре в качестве «эликсира жизни», обладающей свойствами, необходимыми для достижения вечной жизни, вдыхает жизненные силы в его собственную душу, разрушает замкнутость и конечность времени и пространства и размыкает их границы до бесконечности: «лицо старика обветрилось, распрямились морщины души. С автобуса сошел без помощи внучки. Быть может, он что-то еще видел? Во всяком случае, старик шагал по дороге так, будто ему открыто все» [Ван Мэн, 2004, с. 67].

Заключение

Таким образом, актуализация интертекстуальных связей рассказа Ван Мэна с произведениями русской литературы с изоморфными сюжетными моделями и персонажными конфигурациями позволяет вывести текст рассказа из ограниченного интерпретационного пространства традиционного китайского литературоведения и прочитать его как художественную репрезентацию ключевых универсалий культуры XX века. Это не просто один из «морских» рассказов Ван Мэна, воплощающий символику водной стихии и апробирующий технику потока сознания и ассоциативного повествования, это произведение о слепоте и прозрении, о смерти и возрождении, о вечности и всесильности искусства как основе жизни, для

которой нет ни пространственных, ни временных преград, о воскрешающей теургической силе памяти. И в этом смысле рассказ становится своего рода «генетическим досье», где формируются те принципы «письма памяти» позднего Ван Мэна, которые с наибольшей силой воплотились в его знаменитом романе «Метаморфозы, или Игра в складные картинки», что позволяет рассматривать работу с памятью, в том числе и культурной, как интегральную основу творчества Ван Мэна. Подобно тому, как торжественные аккорды величественной морской симфонии в рассказе «Слушая море» воскрешают в сознании слепого старика воспоминания давнего прошлого, в романе «Метаморфозы, или Игра в складные картинки» безмятежные пейзажи маленького горного ущелья, густо переплетенные ветки яблоньки-хайтана и музыкальный калейдоскоп наивно-незатейливых детских и крестьянских песенок пробуждают в герое «давно уснувшие воспоминания», преодолевая необратимость времени и позволяя герою увидеть «прошлое, которое давным-давно похоронил», прошлое, «похожее на жаркое солнце» [Ван Мэн, 2014, с. 56]. И так же, как песня Соловьева-Седого, музыкальный камертон из далекой юности слепого старика в рассказе «Слушая море», символом воскрешающей силы музыки памяти становится в романе Ван Мэна долгий звук старой струны («В самом деле, как долго звенит эта струна! Ее звук пронизал целых полвека моей жизни» [Ван Мэн, 2014, с. 11]), позволяющий сложить разрозненные картинки прошлого в цельную, нераздельную картину «элизия памяти» и осознать память как онтологическую, эпистемологическую и аксиологическую основу жизни и творчества Ван Мэна.

Библиографический список

1. Будаева С. С., Аюшеева Н. Г. Жанр суйби в творчестве Ван Мэна // Мировая литература в контексте культуры. 2011. № 6. С. 245–248.

2. Богданов К. А. Игра в жмурки: сюжет, контекст, метафора // Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. Санкт-Петербург : «Искусство-СПБ», 2001. С. 109–180.

3. Ван Мэн. Следы на склоне, ведущие вверх: проза / пер. с кит. С. Торопцева. Москва : УРСС, 2004 (ООО Рохос). 254 с.

4. Ван Мэн. Метаморфозы, или игра в складные картинки. Москва : ИВЛ, 2014. 469 с.

5. Волкова Е. И. Образ мудреца в духовной и художественной традиции (старчество, юродство, Гомер, Софокл, Шекспир, Кольридж, Пушкин и др.) // Современная филология: итоги и перспективы. Москва : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2005. С. 64–83.

6. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1987. 218 с. («Исследования по фольклору и мифологии Востока»).

7. Гомер. Одиссея. Песнь восьмая. Перевод В. А. Жуковского // Жуковский В. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Одиссея: Художественная проза. Критические статьи. Письма / Подготовка текста и примеч. И. Д. Гликмана. Москва; Ленинград : ГИХЛ, 1960. 783 с.

8. Дидро Д. Письмо о слепых, предназначенное зрячим. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/didro_pismo.pdf (дата обращения 05.01.2022)

9. Зырянова О. Н., Мещерова Ю. Н. Архетип старика и девушки в рассказах В. М. Шукшина // Человек и язык коммуникативном пространстве: Сборник научных статей Сибирского федерального университета (Красноярск). 2020. № 11. С. 85–88.

10. Ломанов А. Ван Мэн: «Мы не против глобализации, но культур должно быть много» // Время новостей, 2004. 22 октября. URL: http://www.vremya.ru/2004/233/13/115037.html (дата обращения 05.01.2022)

11. Паустовский К. Г. Собрание сочинений в 8 т. Т. 6: Маленькие повести; Рассказы: 1922–1940. Москва : Художественная литература, 1969. 558 с.

12. Песоцкая С. А. «Художественный текст как диалог писателя с мировой культурой: традиции русской и французской классических литератур в творчестве современного китайского писателя Вана Мэна: звуковая партитура текста». Сибирский филологический журнал. 2011. № 2. С. 108–115.

13. Торопцев С. А. Преодоление границы времени и пространства // Ван Мэн. Избранное. Москва : Радуга, 1988. С. 5–17.

14. Торопцев С. А. Проза Ван Мэна в концептуальном континууме // Ван Мэн в контексте современной китайской литературы. Москва : Ин-т Дал. Востока РАН, 2004. С. 34–79.

15. Торопцев С. А. Элементы «потока сознания» в прозе современного китайского писателя Ван Мэна // Взаимодействие культур Востока и Запада / Акад. наук СССР. Науч. совет по истории мировой культуры. Москва : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1987. С. 191–199.

16. Шукшин В. М. Повести и рассказы. Москва : Эксмо, 2007.

17. Шулунова Е. К. Символика как художественный язык прозы Ван Мэна // Ван Мэн в контексте современной китайской литературы: сборник статей. Москва : Рос. акад. наук, Ин-т Дал. Востока, 2004. С. 103–133.

18. Эко У. Имя розы. Санкт-Петербург : Симпозиум. 2006. 632 с.

19. Юнг К. Г. Воспоминания. Сновидения. Размышления. Киев : ВЛАДОС, 1994. 206 с.

20. Юнг К. Г. Психология бессознательного.

Москва : ООО «Издательство АСТ – ЛТД», «Канон +», 1998.

21. Ясинская М. В. Глаза и зрение в языке и традиционной народной культуре славян // Славяноведение. 2014. № 6. С. 47–57.

22. Bolt D. The metanarrative of blindness: A Re-Reading of Twentieth-Century Anglophone Writing University of Michigan Press: Ann Arbor, 2014. 167 p.

23. 李美溶.王蒙创作道路探索——

兼评《深的湖》《听海》[J].温州师专学报(版), 1984 (02):1–9.

24. 骆有兴.

论王蒙的苏联形象[D].黑龙江省社会科学院, 2021.

25. 萨雅娜.

王蒙在俄罗斯的传播及其散文特点研究[D].内蒙古大学, 2015.

26. 孙凡.

浅论王蒙<苏联祭>中的苏联音乐情结[J], 神州, 2013（23）.

27. 王蒙.

苏联文学的光明梦[J], 读书, 1993（7）.

28. 温奉桥.论王蒙与苏俄文学[J], 理论与创作, 2008（3）.

29. 谢托洛普采夫,王燎.中国作家对苏维埃国家的

印象 – 评王蒙《访苏心潮》[J]当代作家评论, 1988 (03): 85-87.

30. 楊丹, 〈作協主席：王蒙是濃縮文學史
王蒙：文學是勞動〉, 《湖南日報》。湖南：
2011年10月20日

31. 王蒙, 《蘇聯祭》。北京：作家出版社, 2006, 頁277.

Reference list

Budaeva S. S., Ajusheeva N. G. Zhanr sujbi v tvorchestve Van Mjena = The suibi genre in Wang Meng's work // Mirovaja literatura v kontekste kul'tury. 2011. № 6. S. 245–248.

2. Bogdanov K. A. Igra v zhmurki: sjuzhet, kontekst, metafora = The Blind Man's game: plot, context, metaphor // Povsednevnost' i mifologija: Issledovanija po semiotike fol'klornoj dejstvitel'nosti. Sankt-Peterburg : «Iskusstvo-SPB», 2001. S. 109–180.

3. Van Mjen. Sledy na sklone, vedushhie vverh: proza = Tracks on the slope leading upward: prose / per. s kit. S. Toropceva. Moskva : URSS, 2004 (OOO Rohos). 254 s.

4. Van Mjen. Metamorfozy, ili igra v skladnye kartinki = Metamorphosis, or the game of folding pictures. Moskva : IVL, 2014. 469 s.

5. Volkova E. I. Obraz mudreca v duhovnoj i hudozhestvennoj tradicii (starchestvo, jurodstvo, Gomer, Sofokl, Shekspir, Kol'ridzh, Pushkin i dr.) = The image of the wise man in spiritual and artistic tradition (old age, foolishness, Homer, Sophocles, Shakespeare, Coleridge, Pushkin, etc.) // Sovremennaja filologija: itogi i perspektivy. Moskva : Gos. in-t rus. jaz. im. A. S. Pushkina, 2005. S. 64–83.

6. Golosovker Ja. Je. Logika mifa = Logic of myth. Moskva : Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka». 1987. 218 s. («Issledovanija po fol'kloru i mifologii Vostoka»).

7. Gomer. Odisseja. Pesn' vos'maja. Perevod V. A. Zhukovskogo = The Odyssey. Song eighth. Translated by V. A. Zhukovsky // Zhukovskij V. A. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 4: Odisseja: Hudozhestvennaja proza. Kriticheskie stat'i. Pis'ma / Podgotovka teksta i primech. I. D. Glikmana. Moskva; Leningrad : GIHL, 1960. 783 s.

8. Didro D. Pis'mo o slepyh, prednaznachennoe zrjachim = A letter about the blind intended for the sighted. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/didro_pismo.pdf (data obrashhenija 05.01.2022)

9. Zyrjanova O. N., Meshherova Ju. N. Arhetip starika i devushki v rasskazah V. M. Shukshina = The archetype of the old man and the girl in V. M. Shukshin's stories // Chelovek i jazyk kommunikativnom prostranstve: Sbornik nauchnyh statej Sibirskogo federal'nogo universiteta (Krasnojarsk). 2020. № 11. S. 85–88.

10. Lomanov A. Van Mjen: «My ne protiv globalizacii, no kul'tur dolzhno byt' mnogo» = Wang Meng: «We are not against globalization, but there must be many cultures // Vremja novostej, 2004. 22 oktjabrja. URL: http://www.vremya.ru/2004/233/13/115037.html (data obrashhenija 05.01.2022)

11. Paustovskij K. G. Sobranie sochinenij v 8 t. T. 6: Malen'kie povesti; Rasskazy: 1922–1940 = Collected works in 8 vols. V. 6: Short stories; Stories: 1922-1940. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1969. 558 s.

12. Pesockaja S. A. Hudozhestvennyj tekst kak dialog pisatelja s mirovoj kul'turoj: tradicii russkoj i francuzskoj klassicheskih literatur v tvorchestve sovremennogo kitajskogo pisatelja Vana Mjena: zvukovaja partitura teksta = Artistic text as a dialogue of the writer with the world culture: the traditions of Russian and French classical literature in the works of the modern Chinese writer Wang Meng: the sound score of the text. Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2011. № 2. S. 108–115.

13. Toropcev S. A. Preodolenie granicy vremeni i prostranstva = Overcoming the boundaries of time and space // Van Mjen. Izbrannoe. Moskva : Raduga, 1988. S. 5–17.

14. Toropcev S. A. Proza Van Mjena v konceptual'nom kontinuume = Wang Meng's prose in the conceptual continuum // Van Mjen v kontekste sovremennoj kitajskoj literatury. Moskva : In-t Dal. Vostoka RAN, 2004. S. 34–79.

15. Toropcev S. A. Jelementy «potoka soznanija» v proze sovremennogo kitajskogo pisatelja Van Mjena = Elements of «stream of consciousness» in the prose of contemporary Chinese writer Wang Meng // Vzaimodejst-

vie kul'tur Vostoka i Zapada / Akad. nauk SSSR. Nauch. sovet po istorii mirovoj kul'tury. Moskva : Nauka, Gl. red. vost. lit., 1987. S. 191–199.

16. Shukshin V. M. Povesti i rasskazy = Novels and Stories. Moskva : Jeksmo, 2007.

17. Shulunova E. K. Simvolika kak hudozhestvennyj jazyk prozy Van Mjena = Symbolism as the artistic language of Wang Meng's prose // Van Mjen v kontekste sovremennoj kitajskoj literatury: sbornik statej. Moskva : Ros. akad. nauk, In-t Dal. Vostoka, 2004. S. 103–133.

18. Jeko U. Imja rozy = The name of the rose. Sankt-Peterburg : Simpozium. 2006. 632 s.

19. Jung K. G. Vospominanija. Snovidenija. Razmyshlenija = Memories. Dreams. Reflections. Kiev : VLADOS, 1994. 206 s.

20. Jung K. G. Psihologija bessoznatel'nogo = Psychology of the Unconscious. Moskva : OOO «Izdatel'stvo AST – LTD», «Kanon +», 1998.

21. Jasinskaja M. V. Glaza i zrenie v jazyke i tradicionnoj narodnoj kul'ture slavjan = Eyes and vision in the language and traditional folk culture of the Slavs // Slavjanovedenie. 2014. № 6. S. 47–57.

22. Bolt D. The metanarrative of blindness: A Re-Reading of Twentieth-Century Anglophone Writing University of Michigan Press: Ann Arbor, 2014. 167 p.

23. 李美溶.王蒙创作道路探索——兼评《深的湖》《听海》[J].温州师专学报(版), 1984 (02):1–9.

24. 骆有兴.论王蒙的苏联形象[D].黑龙江省社会科学院, 2021.

25. 萨雅娜.王蒙在俄罗斯的传播及其散文特点研究[D].内蒙古大学, 2015.

26. 孙凡.浅论王蒙<苏联祭>中的苏联音乐情结[J]，神州，2013（23）.

27. 王蒙.苏联文学的光明梦[J]，读书，1993（7）.

28.温奉桥.论王蒙与苏俄文学[J]，理论与创作，2008（3）.

29.谢托洛普采夫,王燎.中国作家对苏维埃国家的印象－ 评王蒙《访苏心潮》[J]当代作家评论，1988 (03): 85-87.

30. 楊丹，〈作協主席：王蒙是濃縮文學史 王蒙：文學是勞動〉，《湖南日報》。湖南：2011年10月20日

31.王蒙，《蘇聯祭》。北京：作家出版社，2006，頁277.

Статья поступила в редакцию 26.12.2021; одобрена после рецензирования 13.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 26.12.2021; approved after reviewing 13.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 82-312.2
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-48-54

Пол и его преодоление в творчестве А. Л. Иванченко

Дубаков Леонид Викторович
Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне. 518172, Китай, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1
dubakov_leonid@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1172-7435

Аннотация. Статья посвящена анализу восприятия в романном и эссеистском творчестве А. Л. Иванченко концептов, связанных с человеческим полом и «низом». В работе устанавливается, что эта авторская рецепция обусловлена прежде всего буддийской философией. Роман «SWEDENBORG. Отдельная жизнь гениталий» демонстрирует внешнее подавление высших духовных движений человека, и, как следствие, нравственный и умственный распад из-за поглощённости героя вожделением к бытию, в особенности – вожделением сексуальным. Речь идёт об одном из коренных описываемых в буддизме омрачений, что ввергает человека в страдание, – о чувственной привязанности, или раге, которую А. Л. Иванченко считает главной. Художественный замысел романа «SWEDENBORG. Отдельная жизнь гениталий» также обусловлен символическим (фаллическим) прочтением заглавного образа повести Н. В. Гоголя «Нос» и мистицизмом Э. Сведенборга, рассуждавшего в том числе о посмертных последствиях прелюбодеяния. Герой романа занимает двойственную позицию: с одной стороны, он осознаёт и разоблачает перед читателем развращающий характер современной реальности, с другой – принимает этот порядок и тем самым на примере собственной жизни развенчивает его ещё больше. Роман «Монограмма» и эссе, входящие в цикл ««Homo Mysticus». «Сутры солнечного удара», предлагают различные буддийские способы преодоления пола и «низа» и – шире – чувственной привязанности к сансарической реальности: осмысление последствий дурного существования, обнаружение иллюзорной природы личности, обращение к медитации, воспитывающей в сознании человека отвращение к чувственному.

Ключевые слова: А. Иванченко; буддизм; медитация; вожделение; «низ»; сансара; Н. В. Гоголь; Э. Сведенборг

Для цитирования: Дубаков Л. В. Пол и его преодоление в творчестве А. Л. Иванченко // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 48-54. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-48-54

Original article

Gender and overcoming it in the work of A. L. Ivanchenko

Leonid V. Dubakov
Candidate of philological sciences, associate professor, faculty of philology, Shenzhen MSU-BIT University in Shenzhen. 518172, China, Guangdong province, Shenzhen city, Longgang district, Dayunxincheng, Guojidasueyuan st., 1
dubakov_leonid@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1172-7435

Abstract. The article is devoted to analysing the perception of concepts related to the human sex in the novels and essays of A. Ivanchenko. The article specifies that this author's prescription is primarily due to Buddhist philosophy. The novel «SWEDENBORG. The Separate Life of the Genitals» demonstrates the external suppression of man's higher spiritual movements, and, as a result, the moral and mental decay due to the hero's absorption in the lust for existence, especially the lust for sexuality. It is one of the basic darkening aspects of Buddhism that plunges one into suffering: sensual attachment, or raga, which Ivanchenko believes to be the main one. The artistic conception of the novel «SWEDENBORG. Separate life of the genitals» is also due to the symbolic (phallic) interpretation of the title image in N. Gogol's novel «The Nose» and the mysticism of E. Swedenborg, who also discussed the posthumous consequences of adultery. The hero of the novel takes a dual position: on the one hand, he realizes and exposes to the reader the corrupting nature of modern reality, on the other, he accepts this situation and thus debunks it even more by the example of his own life. The novel «Monogram» and essays included in the cycle «Homo Mysticus». «The Sutras of the Sun-

© Дубаков Л. В., 2022

stroke» offer various Buddhist ways to overcome gender and, more broadly, sensual affection to samsaric reality: comprehending the consequences of bad existence, discovering the illusory nature of a person, turning to meditation cultivating aversion to the sensual in the human mind.

Key words: A. Ivanchenko; Buddhism; meditation; lust; samsara; N. Gogol; E. Swedenborg

For citation: Dubakov L. V. Gender and overcoming it in the work of A. L. Ivanchenko. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):48-54. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-48-54

Введение

Творчество А. Л. Иванченко в значительной степени основано на буддийском миропонимании. Начиная с романа «Монограмма» (1988), буддийские идеи и мотивы прямо или опосредованного определяют смысловую и поэтическую сторону его произведений. Так, к примеру, в работе «Художественная историософия современного русского романа» Т. Е. Сорокина пишет следующее: «В романе Александра Иванченко „Монограмма” формой исхода [«из социально структурированного, идеологически мотивированного бытия»] оказывается буддизм, характер которого проясняется в отталкивании от образов истории минувшего столетия. История – болезнь времени, рано или поздно завершающаяся смертью; буддизм – победа над временем, обретение состояния, свободного от оппозиции жизнь/смерть. История – калейдоскоп суетных образов, не знающих постоянства. Буддизм – реализация устремления к константным состояниям» [Сорокина, 2010, с. 218]. И в целом, в романе «главные события разворачиваются не в пространстве истории, а в сфере духа» [Быков, 1992, с. 147]. Говоря о буддийской составляющей «Монограммы», В. Н. Курицын отмечает, что буддийский текст романа «подчёркнуто не-художественный», он «асимволичен» [Курицын], и этим противоположен мифу русской литературы. В статье «Монограмма в „Монограмме” А. Иванченко: о композиционной структуре романного текста» А. А. Дубакова, оспаривая В. Н. Курицына, отмечает скорее не противопоставление, но сближение буддийской и не буддийской частей романа [Дубакова, 2011, с. 140]. Сложность сосуществования под одной обложкой литературного произведения и буддийского текста отмечает также А. С. Верников, предполагая, что будет, если изъять из романа буддизм: «…если не прилеплять оставшиеся после гипотетического удаления буддийских текстов куски друг к другу, но... оставить между ними возникшие при выпалывании буддизма зияния, пустоты, провалы. Что мы получим? Гребень, частокол, огораживающий пустое пространство, сосновый бор, где между стволами струится свет и воздух...» [Верников, 1992, с. 150]. Пытаясь определить жанровую природу «Монограммы», А. С. Верников сравнивает этот роман с дзэнским хокку «(по своей прозрачности смыслов, гармонии, созерцательности), определяя стиль повествования цитатой из романа: «Не называя и не утаивая...»)» [Филимонова]. Буддийские идеи и образы наполняют также ряд последующих произведений А. Л. Иванченко, а именно роман «SWEDENBORG. Отдельная жизнь гениталий» (2000) и его Интернет-эссеистику нулевых годов.

Методы исследования

Для проведения исследования было проанализировано несколько произведений А. Л. Иванченко, был произведен мотивный анализ романов «SWEDENBORG. Отдельная жизнь гениталий» и «Монограмма», а также цикла литературно-философских эссе «„Homo Mysticus”. Сутры солнечного удара».

Результаты исследования

В спорном [Осокин, 2003] романе «SWEDENBORG. Отдельная жизнь гениталий» буддизм не является одним из основных структурных и идейных элементов текста, как в «Монограмме», однако отдельные аспекты мировоззрения главного героя можно понять только при прочтении буддийского кода этого произведения.

В статье «Бескрайняя плоть. Отдельная жизнь Букеровского жюри» А. Л. Иванченко, реагируя на невключение романа в лонг-лист премии, так объясняет замысел своего текста. По его словам, эта «Книга – о безумии вожделения, охватившем мир, о служении идолу похоти и соблазна. О подчинении себя, всего человека Homo sapiens, отдельной физиологической функции и о тотальном подавлении этой функцией» [Иванченко, 2003а]. И сквозь это «подавление» капитан Ковалёв, оказавшийся в лечебнице для душевно-

больных, не только подробно, психоаналитически прочитывает повесть Н. В. Гоголя «Нос», но и воспринимает всю окружающую его действительность. В книге «Наледи (мои „крохотки")» в «крохотке» «Эрекция танковых орудий не беспредельна» А. Л. Иванченко пишет о «SWEDENBORG. Отдельная жизнь гениталий»: этот «Роман – об отделении низменной функции от всего человека и доминировании её над всей его личностью. То, что мы видим сейчас везде в жизни и в искусстве» [Иванченко, а]. (Кстати, объясняя жанр «крохоток», или моментальных записок, и причину их рождения, автор говорит о них как об «остатках былого литераторства», о «последней грязи, смываемой чистотой Дхаммы» [Иванченко, а], то есть буддийского Учения, ставя литературное после религиозного.) В статье «Бескрайняя плоть. Отдельная жизнь Букеровского жюри» А. Л. Иванченко расширяет понятие «вожделение», вкладывая в него не только сексуальное желание, но и мысля его как основополагающий принцип человеческого бытия, ввергающий в страдание: «В самом онтологическом основании сансарической (феноменальной) личности и её воли лежит вожделение» [Иванченко, 2003а].

В отличие от автора, на основе буддийской философии понимающего причину всегдашней и в особенности современной катастрофы, переживаемой человечеством, видящего за отделением «низа» и подчинением «низу», то есть страстям, помимо собственно желания, в виде «страха, ненависти, невежества, спеси, гордыни, вероломства» [Иванченко, 2003], непременный духовный крах, капитан Ковалёв в романе «SWEDENBORG. Отдельная жизнь гениталий» в том числе при помощи буддийских образов пытается объяснить свою собственную теорию, при этом не понимая буддизм и «снижая» его духовную высоту. Говоря словами героя романа, он во всём видит «мировой блуд – и в нём блудилище родного языка» [Иванченко, 2003б], и, несмотря на очевидную отрицательную оценочность этих слов, принимает это как должное.

Так, капитан Ковалёв видит в санскритских и тибетских обозначениях мужской и женской природы лишь символическое замещение ими половых органов. Эти обозначения, по его мнению, более говорят «звуком, чем смыслом, морфологией, а не семантикой (на тибетском яб-юм, например, – это мать-отец, она-и-он (ясно, кого здесь яб и кто здесь юм)» [Иванченко, 2003б]. Герой в данном случае осуществляет произвольную и тенденциозную этимологическую интерпретацию образов и наименований буддийской иконографии [Неаполитанский, Матвеев, 2007, с. 894], которые не столько символизируют мужское и женское как принципы, сколько обозначают соединение тех духовных качеств, что они выражают. Понятие дзэн-буддизма «сатори», означающее интуитивное просветление [Неаполитанский, Матвеев, 2007, с. 705], капитан Ковалёв раз за разом прикладывает к своим и чужим эротическим открытиям и даже к появлению эрекции: «Это было прозрение его незрячей плоти. Несомненно, это было милицейское сатори» [Иванченко, 2003б].

Капитан Ковалёв в безумии возводит осмысление своего фалла до предельных понятий, видя в нём вариант абсолюта, если не сам абсолют, окрашивая это осмысление идеями буддийской онтологии: «Мой фалл является одновременно и причиной, и следствием, началом и концом круговорота феноменального (сансары). Можно сказать, он все двенадцать нидан Пратитьясамутпады (буддийского колеса причинности)» [Иванченко, 2003б].

Более того, капитан Ковалёв, находясь в психиатрической лечебнице, начинает чувствовать себя монахом (бхикку) и учителем, наставляющим в буддийской премудрости тех, кто рядом с ним (упасак), читающим им «буддийские лекции» [Иванченко, 2003а]. Главы романа LVII–LIX представляют собой стилизацию под буддийские сутры с их вопросно-ответной формой и пространными повторами. Содержанием этих глав является доказательство с буддийской точки зрения неабсолютности христианского бога вследствие его детерминированности причинами и доказательство невозможности установить центр и приписать подлинную свободу личности, состоящей из скандх [Неаполитанский, Матвеев, 2007, с. 723–724], по-настоящему человеку не подчиняющихся. При этом каждая из этих философско-религиозных логических конструкций не только корректируется специфической атмосферой лечебницы и сексуальной распущенностью главного героя и окружающих, но и установкой капитана Ковалёва на утверждение свободы своего «низа»: его разум обманывает сам себя и приводит героя к безумию, бездумное отрицание уничтожает его сознание.

Пустота, о которой в финале говорит герой, истолковывается им как буддийская Пустота: «Великая Пустота окружает вас, не пытайтесь наполнить её своим незнанием. Пустота – это

начало, Пустота – это конец. Пустота также и середина. В Пустоте заключен мощный потенциал Всего. Она охватывает собой всю полноту бытия, но сама вне его» [Иванченко, 2003б]. Но, думается, слово «пустота» здесь уместнее писать со строчной буквы, поскольку та пустота, которую окончательно сошедший с ума капитан Ковалёв обретает на самом деле, есть пустота разрушенной личности. В романе «Монограмма» главная героиня Лида так говорит о подобной ситуации: «Какие бы дерзкие попытки ни предпринимал разум – один, без опоры на нравственное чувство, – он неизбежно сокрушается с высот духа и низвергается в пустоту» [Иванченко, 2005].

Авторы литературного обзора в журнале «Континент» относят роман «SWEDENBORG. Отдельная жизнь гениталий» к разделу «иррациональный эротики» [Дугин, Ермолин, Щеглова, 2003], Однако если смотреть не с точки зрения жанра, а с точки зрения установок главного героя (и автора), вернее было бы говорить о мистицизме или философии эротики. Вероятно, в этой связи может быть истолкована и первая часть названия романа и его посвящение «Всем сосчитавшим число зверя» [Иванченко, 2003б]. В 385 части раздела «О браках на небесах» главы «О небесах» в сочинении Эммануила Сведенборга «О небесах, о мире духов и об аде» этот шведский мистик вступает в разговор с прельщающим духом, который «был на земле войсковым начальником» и в понятиях мысли которого «было что-то похотливое» [Сведенборг, 2000, с. 278]. На его желание рассудить о том, что есть прелюбодеяние, Сведенборг замечает ему, что «истина не допускает рассуждений, потому что они потворствуют удовольствиям рассуждающего, следовательно, злу и лжи» [Сведенборг, 2000, с. 279]. Об Эммануиле Сведенборге А. Л. Иванченко говорит также в эссе «Зеркало для героя» [Иванченко, б], вплетая его мысль о том, что Господь никого не ввергает в ад (поскольку это делает сам человек из-за привязанности к миру), в размышление о Четырёх благородных истинах буддизма. Капитан Ковалёв, сделавший выбор в пользу «отдельной жизни гениталий», фактически оказывается примером подобного человека.

Иной путь – путь преодоления «низа» – А. Л. Иванченко описывает в эссе «Хобот слона», приводя в пример одну из сутр Палийского канона, а именно «Совет Рахуле у Амбалаттхики» [Амбалаттхика Рахуловада сутта], он переводит разговор о хоботе слона и лжи человека перед жизнью в плоскость пола и трансцендирует последний: «Две доблести, две красоты, два мужества, две истины, два величия украшают истинного мужчину: пол, максимум его напряжения по эту сторону и отсутствие его, преображение его в мудрости – по ту. Но оттуда говорит уже Человек – не мужчина» [Иванченко, е].

В эссе «Пол и личность» А. Л. Иванченко, продолжая тему, поднятую в романе «SWEDENBORG. Отдельная жизнь гениталий», соединяет два этих понятия. Личность вызывает у него мысль о «безобразно нависшем над миром мужским половым органом, истекающим похотью к существованию, <…> волящим, эрегированным, агрессивным. Он – как пробник всякого греха и желания мира, их исследователь и вкуситель. <…> Я подозреваю, что это в его сверхчувствительной тонкокожей голове, ищущей рая, возникла мысль о Небе. Потом он заменил её на мысль о Боге» [Иванченко, в]. По мнению писателя, лишь «философии Веданты, йоги и буддизма» [Иванченко, в] способна преодолеть пол и «низ» и освободить человека.

В качестве одного из практических способов преодоления «низа» А. Л. Иванченко называет буддийскую медитацию на труп, или Асубха-бхавану, предполагающую созерцание ужасного и отвратительного. В эссе «Улыбка Моны Лизы» [Иванченко, д] писатель пересказывает историю о тхере Маха-Тиссе, обретшем святость при внимательном взгляде на улыбку вульгарной женщины, в которой он увидел скелет. Мона Лиза и отношение автора к ней остались в подтексте этого эссе, однако само их отсутствие красноречиво.

Об этой медитации Иванченко также пишет в романе «Монограмма». Текст «Монограммы», ведущими мотивами которого являются истолковываемые в буддийском ключе образы Времени и Зеркала [Липовецкий, 1997, с. 293], построен на принципе монтажа реалистического исторического повествования и неадаптированных буддийских медитаций. Вслед за сценами раскулачивания семьи главной героини и пассажа, посвящённого её внешнему и внутреннему миру, её женственности писатель приводит медитацию на труп, сталкивая мирское и духовное: «МЕДИТАЦИЯ ЛИДЫ: АСУБХА-БХАВАНА. Слово „асубха” (пали) означает „нечистый”, „неприятный”, „отвратительный”, „ужасный”. „Асубха-Бхавана”, таким образом, означает созерцание ужасного и отвратительного. Данная медитация предписывается для людей чувствен-

ного темперамента: объект медитации – человеческий труп в десяти стадиях разложения. <…> Существа этого мира, благодаря недостатку различающего знания, проникающего в истинную природу чувственных объектов, становятся добычей страстей. Они порабощаются именно чувствами, желанием их удовлетворения. Когда желание не может быть удовлетворено, возникает страдание. Чувства жаждут вместе и по отдельности, но и насыщенные, они не успокаиваются, а ищут нового желания» [Иванченко, 2005, с. 28].

Более подробно о преодолении «низа», пола и человеческого, сансарического бытия как такового А. Л. Иванченко говорит в эссе «Суета у влагалища», «На смертном одре» и «Человек эсхатологический». В них писатель обращается к «Абхидхармакоше» Васубандху и «Тибетской Книге мёртвых», чтобы описать посмертное существование сознаний различных существ. Ключевым моментом окончания бардо, промежутка послесмертия, является их стремление к новому рождению, к обретению формы. Монолог Нины Заречной из чеховской «Чайки», а точнее – видение Константина Треплева, становится основой для авторских картин бардо: «Десятки, сотни, тысячи, мириады развоплощённых разумов и сознаний – бывшие насекомые, акулы, люди, слоны, моллюски, черви – львы, орлы, куропатки, рогатые олени – должны столпиться у входа в лоно нового рождения» [Иванченко, г]. Обретение человеческого тела – награда, которую получает «наиболее сильное, достойное, устойчивое сознание, то есть наиболее чистое и менее других отягощённое злом» [Иванченко, г]. В этой «суете у влагалища» не может быть иных оснований для победы. Отражение этой борьбы – последующие земные конфликты. В эссе «Человек эсхатологический» А. Л. Иванченко по «Тибетской Книге мёртвых» воспроизводит индивидуальную эсхатологию умирающего, которую сравнивает с эсхатологией мира: сокрушится и уйдёт под воду земля, огонь поглотит воду, воздух развеет огонь. Метафизику частного и общего апокалипсиса, описанного в «Абхидхармакоше», писатель завершает последним абзацем «Лёгкого дыхания» И. А. Бунина, разглядев в этом финальном предложении поэтическую интуицию о двойной трагедии, выразившуюся в смерти девушки и опустевшем без неё холодном мире. Пьеса Чехова и рассказ Бунина в этом эссе как будто превращаются в мистические тексты. Третий уровень прочтения трёхступенчатого разрушения – это избывание сансарического бытия, в идеале – до или вместо смертного часа: земля страстей будет поглощена водой страха смерти, он – огнём Учения, Дхамма обернётся Великой Пустотой.

Заключение

А. Л. Иванченко в своём творчестве не раз обращался к буддийским идеям и мотивам. Одна из проблем, которая решается в его произведениях на основе буддийской философии, это проблема омрачённости человеческого существования вожделением. Вожделение понимается писателем в широком смысле – не только с точки зрения сексуальной сферы, но и в целом – как привязанность к жизни, к её сансарическому выражению. В романе «SWEDENBORG. Отдельная жизнь гениталий» А. Л. Иванченко, переиначивая Н. В. Гоголя, показывает то, как человек, всё более утверждаясь в своих заблуждениях, вовлекаясь в постоянное переживание эротического, постепенно входит в состояние, за которым следует распад сознания. Роман «Монограмма и эссе из цикла ««Homo Mysticus». Сутры солнечного удара», напротив, предлагают способы преодоления пола и «низа», чувственных привязанностей сансарического бытия. К этим способам относятся осмысление последствий дурного существования, обнаружение иллюзорной природы личности, обращение к медитации.

Библиографический список

1. Амбалаттхика рахуловада сутта: Совет Рахуле у Амбалаттхики // Тхеравада.ру. URL: http://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/mn61-ambalatthika-rahulovada-sutta-sv.htm (дата обращения: 22.01.2022).

2. Быков Л. Надо ли извлекать стрелу, или Будда на Севере // Урал. 1992. № 8. С. 147–149.

3. Верников А. С. Не называя и не утаивая // Урал. 1992. № 8. С. 150–152.

4. Дубакова А. А. Монограмма в «Монограмме» А. Иванченко: о композиционной структуре романного текста // Культура. Литература. Язык. Материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль, 2011. С. 137–140.

5. Дугина И. В., Ермолин Е. А., Щеглова Е. П. Художественная литература и критика // Континент. 2003. № 117. URL: https://magazines.gorky.media/continent/2003/117/hudozhestvennaya-literatura-i-kritika-4.html (дата обращения: 22.01.2022).

6. Иванченко А. Л. Бескрайняя плоть. Отдельная жизнь Букеровского жюри // Урал. № 12. 2003а. URL: https://magazines.gorky.media/ural/2003/12/beskrajnyaya-plot.html (дата обращения: 22.01.2022).

7. Иванченко А. Л. Монограмма. Санкт-Петербург : Астрель-СПб, 2005. 379 с.

8. Иванченко А. Л. Наледи (мои «крохотки») // Марат Гельман. URL: http://old.guelman.ru/slava/writers/ivanchenko/poems/ (дата обращения: 19.02.2021). а)

9. Иванченко А. Л. Зеркало для героя / «Homo Mysticus». Сутры солнечного удара // Топос. URL: https://www.topos.ru/article/3461 (дата обращения: 22.01.2022). б)

10. Иванченко А. Л. Пол и личность / «Homo Mysticus». Сутры солнечного удара // Топос. URL: https://www.topos.ru/article/3750 (дата обращения: 22.01.2022). в)

11. Иванченко А. Л. Суета у влагалища / «Homo Mysticus». Сутры солнечного удара // Топос. URL: https://www.topos.ru/article/3134 (дата обращения: 22.01.2022). г)

12. Иванченко А. Л. Улыбка Моны Лизы / «Homo Mysticus». Сутры солнечного удара // Топос. URL: https://www.topos.ru/article/3818 (дата обращения: 22.01.2022). д)

13. Иванченко А. Л. Хобот слона / «Homo Mysticus». Сутры солнечного удара // Топос. URL: https://www.topos.ru/article/3518 (дата обращения: 22.01.2022). е)

14. Иванченко А. Л. SWEDENBORG (Отдельная жизнь гениталий). Роман // Урал. 2003б. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/ural/2003/1/swedenborg.html (дата обращения: 22.01.2022).

15. Курицын В. Н. Иванченко: мир страждущих духов / Русский литературный постмодернизм // Марат Гельман. URL: http://old.guelman.ru/slava/postmod/5.html (дата обращения: 19.02.2021).

16. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики) : монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997. 317 с.

17. Неаполитанский С. М., Матвеев С. А. Энциклопедия буддизма. Санкт-Петербург : Институт метафизики, 2007. 928 с.

18. Осокин Михаил. Последствия публичной эрекции («Swedenborg» Александра Иванченко) // FederalPost. 2003. URL: www.federalpost.ru/buzz/print_16079.html (дата обращения: 19.02.2021).

19. Сведенборг Э. О небесах, о мире духов и об аде : трактат / пер. с лат. А. Н. Аксакова. Санкт-Петербург : Азбука, 2000. 470 с.

20. Сорокина Т. Е. Художественная историософия в современном русском романе: фабула, речь, идея / Актуальные проблемы современной науки. Ростов-на-Дону : Изд-во АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. 323 с.

21. Филимонова Г. В. Александр Львович Иванченко // Свердловская область. URL: http://semantic.uraic.ru/project/literatura/files/persony/ivanchenko-ocherk.pdf (дата обращения: 22.01.2022).

Reference list

Ambalatthika rahulovada sutta: Sovet Rahule u Ambalatthiki = Ambalaththika Rahulovada sutta: Advice to Rahule at Ambalaththika // Theravada.ru. URL: http://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/mn61-ambalatthika-rahulovada-sutta-sv.htm (data obrashhenija: 22.01.2022).

2. Bykov L. Nado li izvlekat' strelu, ili Budda na Severe = Should I remove the arrow, or Buddha in the North // Ural. 1992. № 8. S. 147–149.

3. Vernikov A. S. Ne nazyvaja i ne utaivaja = Without naming and withholding // Ural. 1992. № 8. S. 150–152.

4. Dubakova A. A. Monogramma v «Monogramme» A. Ivanchenko: o kompozicionnoj strukture romannogo teksta = Monogram in A. Ivanchenko's «Monogram»: on the compositional structure of the novel text // Kul'tura. Literatura. Jazyk. Materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo». Jaroslavl', 2011. S. 137–140.

5. Dugina I. V., Ermolin E. A., Shheglova E. P. Hudozhestvennaja literatura i kritika = Fiction and criticism // Kontinent. 2003. № 117. URL: https://magazines.gorky.media/continent/2003/117/hudozhestvennaya-literatura-i-kritika-4.html (data obrashhenija: 22.01.2022).

6. Ivanchenko A. L. Beskrajnjaja plot'. Otdel'naja zhizn' Bukerovskogo zhjuri = Boundless flesh. The separate life of the Booker Jury // Ural. № 12. 2003a. URL: https://magazines.gorky.media/ural/2003/12/beskrajnyaya-plot.html (data obrashhenija: 22.01.2022).

7. Ivanchenko A. L. Monogramma = Monogram. Sankt-Peterburg : Astrel'-SPb, 2005. 379 s.

8. Ivanchenko A. L. Naledi (moi «krohotki») = Ice (my «wee ones») // Marat Gel'man. URL: http://old.guelman.ru/slava/writers/ivanchenko/poems/ (data obrashhenija: 19.02.2021). a)

9. Ivanchenko A. L. Zerkalo dlja geroja = A mirror for the hero / «Homo Mysticus». Sutry solnechnogo udara // Topos. URL: https://www.topos.ru/article/3461 (data obrashhenija: 22.01.2022). b)

10. Ivanchenko A. L. Pol i lichnost' = Gender and personality / «Homo Mysticus». Sutry solnechnogo udara // Topos. URL: https://www.topos.ru/article/3750 (data obrashhenija: 22.01.2022). v)

11. Ivanchenko A. L. Sueta u vlagalishha = Fuss at the vagina / «Homo Mysticus». Sutry solnechnogo udara // Topos. URL: https://www.topos.ru/article/3134 (data obrashhenija: 22.01.2022). g)

12. Ivanchenko A. L. Ulybka Mony Lizy = Mona Lisa's smile / «Homo Mysticus». Sutry solnechnogo udara // Topos. URL: https://www.topos.ru/article/3818 (data obrashhenija: 22.01.2022). d)

13. Ivanchenko A. L. Hobot slona = Elephant's trunk / «Homo Mysticus». Sutry solnechnogo udara // Topos. URL: https://www.topos.ru/article/3518 (data obrashhenija: 22.01.2022). e)

14. Ivanchenko A. L. SWEDENBORG (Otdel'naja zhizn' genitalij). Roman = SWEDENBORG (A Separate Life of Genitalia). Novel // Ural. 2003b. № 2. URL:

https://magazines.gorky.media/ural/2003/1/swedenborg.html (data obrashhenija: 22.01.2022).

15. Kuricyn V. N. Ivanchenko: mir strazhdushhih duhov = Ivanchenko: the world of suffering spirits / Russkij literaturnyj postmodernizm // Marat Gel'man. URL: http://old.guelman.ru/slava/postmod/5.html (data obrashhenija: 19.02.2021).

16. Lipoveckij M. N. Russkij postmodernizm. (Ocherki istoricheskoj pojetiki) = Russian postmodernism. (Essays on historical poetics) : monografija / Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 1997. 317 s.

17. Neapolitanskij S. M., Matveev S. A. Jenciklopedija buddizma = Encyclopedia of Buddhism. Sankt-Peterburg : Institut metafiziki, 2007. 928 s.

18. Osokin Mihail. Posledstvija publichnoj jerekcii («Swedenborg» Aleksandra Ivanchenko) = Consequences of public erection («Swedenborg» by Alexander Ivanchenko) // FederalPost. 2003. URL: www.federalpost.ru/buzz/print_16079.html (data obrashhenija: 19.02.2021).

19. Svedenborg Je. O nebesah, o mire duhov i ob ade = Of heaven, the world of spirits, and hell : traktat / per. s lat. A. N. Aksakova. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2000. 470 s.

20. Sorokina T. E. Hudozhestvennaja istoriosofija v sovremennom russkom romane: fabula, rech', ideja = Artistic historiosophy in the contemporary Russian novel: plot, speech, idea / Aktual'nye problemy sovremennoj nauki. Rostov-na-Donu : Izd-vo APSN SKNC VSh JuFU, 2010. 323 s.

21. Filimonova G. V. Aleksandr L'vovich Ivanchenko = Aleksandr Lvovich Ivanchenko // Sverdlovskaja oblast'. URL: http://semantic.uraic.ru/project/literatura/files/persony/ivanchenko-ocherk.pdf (data obrashhenija: 22.01.2022).

Статья поступила в редакцию 22.12.2021; одобрена после рецензирования 15.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 22.12.2021; approved after reviewing 15.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Медиакоммуникации и журналистика

Научная статья
УДК 008
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-55-63

Новая культура медиадискурса и современная политическая коммуникативистика

Марина Анатольевна Чекунова
Доктор филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
F59m@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2426

Аннотация. Цель исследования – провести структурно-семантический анализ новой культуры медиадискурса в контексте современной политической коммуникативистики, которая включает в себя политическую риторику, символическую коммуникацию, текст и подтекст сообщений. В работе рассмотрены три типа политической коммуникации, сложившиеся под влиянием тенденций формирования определенной политической среды, потребности в аргументации преобразований в обществе и трансформации однонаправленного диалога между властью и гражданами страны в интерактивный процесс. Вывод заключается в том, что сформировалась новая культура медиадискурса между кандидатами и избирателями. Новый тип сквозной коммуникации «сверху вниз и снизу вверх» позволяет гражданам активно участвовать в выборе путей социально-политического развития благодаря новым СМИ (веб-сайтам, социальным сетям, Интернет-форумам, государственным порталам и ресурсам видео-контента). Современные средства массовой информации играют жизненно важную роль в политической коммуникативистике и открывают новые пути мобилизации общественного мнения и мотивации избирателей к участию в социально-политической деятельности. Каждая политическая партия позиционирует себя в социальных сетях, на сайтах или каналах трансляции видеороликов (YouTube и др.), чтобы обращаться к максимально широкой аудитории. Продуманное использование Интернет-ресурсов помогает сформировать позитивный репутационный имидж политика, активизировать гражданское общество и в то же время повышает эффективность прогнозирования управленческих процессов. Онлайн-компонент избирательной кампании 2021 года стал основным инновационным элементом модели политической коммуникации XXI века. Новая культура медиадискурса способствует большему и эффективному влиянию на общество, молодежь и гражданское население в целом.

Ключевые слова: культура медиадискурса; политическая коммуникация; средства массовой информации; интернет-ресурсы; социальные сети; политическое ток-шоу; власть; гражданское общество

Для цитирования: Чекунова М. А. Новая культура медиадискурса и современная политическая коммуникативистика // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 55-63. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-55-63

Media communications and journalism

Original article

The new media-discourse culture and modern political communication studies

Marina A. Chekunova
Doctor of philological sciences, associate professor of the Department of mass communications, Peoples' friendship university of Russia. 117198, Moscow, Miklukho-Maklay st., 6
F59m@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2426

Abstract. The purpose of the study is to conduct a structural and semantic analysis of the new culture of media discourse in the context of contemporary political communication studies, which includes political rhetoric, symbolic communication, text and implied sense of messages. This article examines three types of political communication, developed under the influence of certain trends in forming the political environment, the need to substantiate changes in

© Чекунова М. А., 2022

society and the transformation of a one-way dialogue between the authorities and the citizens of the country into an interactive process. The conclusion is that a new culture of media discourse between candidates and voters has been formed. A new type of cross-cutting communication «top-to-bottom and bottom-to-top» allows the citizens to actively participate in choosing the ways of social and political development through new media (websites, social networks, Internet forums, government portals, and video content resources). Modern media play a vital role in political communication and open new ways to mobilize public opinion and motivate voters to participate in socioal and political activities. Every political party advertises itself in social networks, on websites or video streaming channels (YouTube, etc.) to appeal to the widest possible audience. The thoughtful use of Internet resources helps to form a positive reputational image of a politician, activate civil society, and at the same time increases the effectiveness of forecasting management processes. The online component of the 2021 election campaign has become a major innovative element of the 21st century political communication model. The new culture of media discourse promotes a greater and more effective impact on society, youth, and the civic population in general.

Key words: media culture; political communication; mass media; internet resources; social networks; political talk shows; power; civil society

For citation: Chekunova M. A. The new media-discourse culture and modern political communication studies. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):55-63. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-55-63

Введение

Актуальность исследования тенденций в современной культуре медиадискурса и политической коммуникативистике характеризуется целым комплексом новых факторов. Во-первых, открываются новые возможности политической коммуникации между властями и электоратом, которые заключаются в обсуждении острых социально-экономических вопросов, предотвращении потенциальных рисков при принятии спорных решений, влиянии на мнение граждан во время предвыборных кампаний. Во-вторых, продуманное использование Интернет-ресурсов помогает сформировать позитивный репутационный имидж политика и в то же время повышает эффективность прогнозирования управленческих процессов. В-третьих, в медиасреде естественным образом формируется новая модель политической коммуникативистики, которая отражает современные явления в сфере политических коммуникаций, связанные, с одной стороны, с формированием целостного медиапространства, с другой – с активизацией гражданского общества. Все это формирует новую культуру медиадискурса, которая меняет формы и способы политической коммуникации.

Избирательные кампании чрезвычайно захватывают новые средства массовой информации с использованием Интернета, что никогда раньше не делалось, когда люди общались сквозным методом коммуникации. Благодаря новым методикам развития и модернизации общества меняется мышление избирателей и коммерциализация, которые бурно развивают рынок медиаиндустрии, вынуждают политиков использовать новые медийные методы для общения с жителями области или страны. Теперь новые СМИ прилагают больше усилий, чтобы привлечь внимание масс в том числе молодежной бригады развивающегося общества. И поэтому игнорирование нового процесса коммуникации со средствами массовой информации может быть опасным для лидеров или политических партий.

Сегодня социально-политическая активность граждан от участия в различных общественных организациях до онлайн-дискуссий, петиций и голосования и их взаимодействие с властью превращает политическую коммуникацию в своего рода инструмент оценки качества демократии в обществе. Поэтому целью исследования стал структурно-семантический анализ новой культуры медиадискурса в контексте современной политической коммуникативистики, которая включает в себя политическую риторику, символическую коммуникацию, текст и подтекст сообщений.

Изучение практик новых социальных медиа как средства политической коммуникации активизировалось с 2004 г. Прежде всего, исследования в этой области были связаны с их использованием в период избирательных кампаний [O'Connor, 2010]. Зарубежные исследователи обратили внимание на взаимосвязь между политической коммуникацией в режиме онлайн и политической коммуникацией в реальной жизни. Также объектами внимания ученых становилась специфика современной политической коммуникации в Интернет-среде. По мнению В. Морару, ее характеристиками служат полиаспектность использования новых медиа и полисемантизм контента в политической коммуникативистике [Moraru, 2001, с. 50]. И. В. Анненкова и М. В. Залоило рассматривают проблему медиа и национальной идентичности в условиях новой куль-

туры коммуникаций [Анненкова, Залоило, 2019]. Г. Н. Трофимова считает конфликтогенность дискурсивным параметром медиаобразов в сетевых СМИ [Трофимова, 2019].

Однако в большинстве случаев исследования, проводимые в области политической коммуникативистике, сосредоточены на анализе содержания конкретных сообщений и последствий его влияния [Norris]. Утверждается идея о преднамеренном характере политической коммуникации, которая «непосредственно касается только политики» [McNair, 2007]. Отсюда и классификация политической коммуникации на три типа в зависимости от целей или намерений участников медиадискурса. Первый тип политической коммуникации характеризуется стремлением достичь конкретного результата (стремление управлять созданием смыслов в ходе политической коммуникации [Crozier, 2007]); второй – общением граждан с политическими субъектами (анализ эффективности процесса реализации политических решений имеет политико-коммуникационные основания [Harper, 2010]); третий – донесением информации о деятельности власти или партий через СМИ (информационные потоки выступают своеобразной легитимирующей основой для действий органов власти, и отсутствие гражданской информированности может спровоцировать кризис легитимности власти [McNair, 2007]).

Современные исследователи говорят о серьезной трансформации коммуникационных технологий в сфере политической коммуникации [Баранов, 1997; Волкова, 2014; Колесникова, 2011; Moraru, 2017; Moraru, 2001; Negrine, 2008; Vedel, 2009]. Наряду со снижением аудитории вечерних новостей и падением тиражей основных газет (что наглядно подтверждает утрату доверия к «традиционным» медиа-источникам), наблюдается рост числа пользователей Интернета, получающих информацию в онлайн-режиме. И самое главное, что устойчиво растет удельный вес политического и управленческого «контента» сети. Очевидно, что новая культура медиадискурса требует более серьезного научного осмысления и критической оценки, чему и посвящена работа.

Методы исследования

Для достижения поставленной цели были применены следующие теоретические методы философских и культурологических исследований:

− диалектика, позволившая всесторонне изучить культуру медиадискурса и современных тенденций политической коммуникативистики с учетом их внутренних противоречий и изменений в процессе развития;

− семантический анализ и контент-анализ Рунета, включая Веб-сайты, социальные сети (ВКонтакте, MySpace, Facebook, Twitter, Instagram), блоги и другие интернет-ресурсы представителей политической элиты, тексты их публичных выступлений;

− феноменологический метод, способствующий обнаружению новых форм и способов коммуникации посредством системного изучения медиадискурса в интернет-пространстве;

− герменевтика, давшая ответ на вопрос о семантике содержания политической коммуникации в интернете и обнаружить принципиальную трансформацию культуры медиадискурса.

Результаты исследования

В современном обществе, характеризующемся интенсивным использованием новых средств массовой информации, наблюдается слияние первых двух типов политической коммуникации. Более того, интерактивный характер современных медиа, обратная связь в реальном времени между отправителем и получателем, прозрачность информации и свобода выражения мнений, обусловленная развитием новых технологий, являются основными факторами трансформации культуры медиадискурса. В большинстве стран мира (как развитых, так и развивающихся) новые средства массовой информации и глобальные процессы либерализации и децентрализации власти способствовали реформированию политической коммуникации [Moog, 2001]. Развитие рынка медиапродуктов и услуг в свою очередь обусловило появление ряда новых тенденций в медиадискурсе на уровне официальной политики, а именно – появления новых способов представления СМИ социальных проблем и их возможных решений, форм коммуникации, применяемых политическими субъектами, а также их диалога с потенциальными избирателями.

Средства массовой информации, которые «способствуют формированию общественного мнения и являются неотъемлемой частью современной демократии» [Cayol, 1997, с. 135], постепенно вносят важные изменения в функционирование политических систем. Современная ком-

муникация посредством Интернет-ресурсов подразумевает соблюдение определенного формата медиадискурса, который обеспечивает эффектность интерактивного общения властей с гражданским обществом. Благодаря усилиям по формированию позитивного имиджа, участию в политических переговорах или борьбе с конкурентами отдельные политические лидеры, а также партии, общественные организации и движения стали более «доступными». Чтобы создать имидж «бренда», политические лидеры берут на себя роль «звезды» в Интернет-шоу, чтобы стать ближе к избирателям, их проблемам и дать им возможность проникнуться адресованным им посланием. С другой стороны, играя эту роль в ходе избирательной кампании, политик будет стремиться поставить себя на уровень выше избирателя из «необходимости восхищения тем, кто должен выполнять очень важные задачи» [Cayol, 1997, с. 137].

Частью новой культуры медиадискурса становится шоу вообще и политическое ток-шоу в частности. Средства массовой информации сделало шоу одним из эффективнейших аудиовизуальных средств коммуникации за счет совмещения функций развлечения и общения с аудиторией. Как известно, развлекательные программы занимают все больше места в жизни современного человека: это наиболее рейтинговые шоу, транслируемые в период прайм-тайма, в то время как культурные программы или политические, экономические и социальные новости менее востребованы зрителями. Поэтому современные политики сталкиваются с проблемой интеграции в мир ток-шоу: одни выглядят слишком серьезными, старомодными и скучными, другие теряют контроль над содержанием и качеством «послания», адресованного гражданам, третьи превращаются в «политических актеров». Тем не менее, развитие политического ток-шоу стало одной из тенденций современной коммуникативистики в демократических странах, включая Россию.

Политическая риторика в телешоу сформировалась на основе метода, называемого медиаподготовкой, когда профессиональные журналисты дают указания относительно поведения участников программы в студии во время съемки, или «медиа-тренировкой» в виде подготовки конкретных ответов на определенные вопросы. Культура медиадискурса, опосредованная политическими телешоу, ориентирована на понимание аудиторией политической ситуации, достигаемого благодаря аргументации ответов, применения аналогий, метафор или сравнений. Таким образом, ведущие СМИ навязали новую стратегию политической коммуникации, в которой на первый план выходят достоверность, правдоподобие, убеждение, красноречие, мимика и жестикуляция, а также спонтанность: все это направлено на влияние на выбор избирателей при голосовании.

Всё возрастающее значение медиадискурса в политической коммуникации породило новые формы общения с электоратом: видеоролики на канале YouTube, записи и медиафайлы в блогах, публикации в инстаграм и ведение собственного официального сайта. Поскольку инициатива в Интернет-коммуникации исходит от «героя» политических событий, то и культура общения с подписчиками блогов и посетителями социальных сетей определяется в первую очередь самим владельцем аккаунта. Однако здесь не все так однозначно. На стратегию российской политической коммуникации, помимо современных информационно-коммуникационных технологий, влияют и другие факторы от позиции руководства до характера принимаемых решений. Соответственно, политическая коммуникация охватывает широкий спектр форм от тесного взаимодействия с обществом до самоизоляции. В условиях, когда взаимодействие между гражданами и властными структурами осуществляется только через прессу, Интернет-медиа способны стать мощным информационным ресурсом и мобилизовать оппозиционные силы, о чем свидетельствуют цветные революции в бывших советских республиках или акции сторонников А. Навального [Багдасарян, 2020]. Стремление политической элиты «сверху» установить правила коммуникации в свою очередь вступают в противоречие с ожиданиями, ценностями и потребностями электората «снизу».

Онлайн-голосование в российскую Государственную думу в 2021 году стало главным инновационным элементом, реформировавшим политическую коммуникацию и соответственно повлиявшим на культуру медиадискурса. Кандидаты сразу почувствовали силу влияния коммуникации в киберпространстве и оценили важность использования команды экспертов (IT-специалисты, сетевые администраторы, блогеры, администраторы социальных сетей, профессионалы в сфере интернет-рекламы). Модель политической коммуникации при этом приобрела новые черты: обращение «снизу вверх» теперь позволяет гражданам активно участвовать в избира-

тельной кампании благодаря возможностям обратной связи, предлагаемым электронной почтой, возможностью оставлять комментарии в соцсетях и блогах, онлайн-форумами, веб-сайтами и т. д.

Телевидение по-прежнему играет роль важнейшего средства массовой информации и высоко ценится политконсультантами и имиджмейкерами, однако журналисты имеют больше свободы в выборе тем и форм их обсуждения, чем участники политических ток-шоу. Интернет же предоставляет политикам гораздо более широкие возможности: кандидат может разместить в своем блоге, веб-сайте, на страницах в соцсетях и стриминговых каналах (YouTube, Tik-Tok и др.) информацию, интернет-рекламу, политическую программу, медиафайлы, видеоролики разной продолжительности, открыть форум, провести опрос, обсудить проблему и совместными с гражданами усилиями найти ее оптимальное решение и т. д.

Благодаря глобальной сети и новым средствам массовой информации избирательные кампании проводятся более быстрыми темпами – де-факто 24 часа в сутки. Для разработки эффективной коммуникационной стратегии в условиях новой культуры медиадискурса учитываются интуиция и опыт, но особое внимание уделяется сбору данных об избирателях, также ставшему доступным благодаря современным цифровым технологиям. Новая модель политической коммуникации сформировалась под влиянием современных механизмов финансирования кампаний, приведших к значительному сокращению расходов на обеспечение коммуникации между политическими деятелями и гражданами страны. Таким образом, благодаря новым средствам массовой информации и обновлению форм коммуникации между субъектами власти и общественностью стало возможным эффективное участие избирателей в предвыборной кампании и самих выборах.

Еще одной чертой новой культуры медиадискурса, изменившей и современную политическую коммуникацию, стала профессионализация общения, подразумевающая «модернизацию практики избирательной кампании, целью которой является повышение политической заметности» [Beciu, 2011]. Эта черта ярко проявилась в период снижения числа крупных политических партий и их авторитета в глазах электората, проявления пассивности избирателей и отсутствия мотивации к участию в политической жизни, в результате чего возникла парадигма «перехода от лояльных избирателей партии с доктринальной чувствительностью к прагматичным избирателям без сильных идеологических убеждений» [Beciu, 2011, с. 89]. Появление новых категорий избирателей в свою очередь потребовало разработки новых стратегий политической коммуникации, адаптированных к требованиям современной аудитории, более восприимчивой к убедительным выступлениям. В условиях новой культуры медиадискурса обе стороны осознают важность коммуникационных навыков политика и необходимость привлечения профессионалов, которые будут корректировать стратегии коммуникации как внутри, так и вне партии. Профессионалы используют широкий арсенал средств и методов из таких областей, как маркетинг, менеджмент, брендинг, связи с общественностью, социальная психология, культурология и другие.

С исторической точки зрения политическая коммуникация прошла несколько этапов эволюции. *Первый этап* (до начала XX века) можно назвать золотым веком политических партий и печатных СМИ. Одной из его особенностей является ключевая роль политических партий как инициаторов политических дебатов, которые разворачивались в газетах и на листовках. В предвыборной кампании они занимали центральное место, но применяемые ими технологии общения с избирателями были ограничены. Важным фактором обеспечения политической стабильности служило наличие «партизанской» прессы. Электорат в свою очередь также был стабилен и предсказуем в плане лояльного отношения к той или иной политической партии. На первом этапе эволюции политической коммуникации утвердился статус печатных СМИ как «четвёртой власти» и «независимого источника, который информировал людей о политике и защищал их от злоупотреблений властью» [McNair, 2007, с. 15], используя собственные способы воздействия на политику. В прошлом большинство газет (как серьезная пресса, так и таблоиды) вовлекались в горячую поддержку любимой политической партии, разными методами ведя интенсивную кампанию по ее продвижению и борьбе с конкурентами: критика, оценочное суждение, опровержение, оговор и т. д.

Второй этап (первая половина и середина XX века) сопряжен с развитием радио и телевидения и признанием последнего как самого эффективного средства передачи политических посланий. В результате распространения телевеща-

ния прямая политическая коммуникация заменяется опосредованной, которая принесла такие существенные изменения, как:

– снижение количества печатных СМИ и селективности источников информации,

– беспристрастность и нейтральность телевидения, признанного политическими субъектами главной площадкой для дискуссий,

– расширение благодаря телевидению аудитории за счет новых участников политической коммуникации и предвыборной кампании,

– появление краткосрочного общения путем распространения политической информации в программах теленовостей.

Третий этап эволюции политической коммуникации (вторая половина и конец XX века) обладает следующими характеристиками:

– применяет постмодернистский подход к ведению избирательных кампаний,

– политические консультанты играют в избирательных кампаниях такую же важную роль, какую и сами кандидаты,

– политическая коммуникация заимствует технологии маркетинга из необходимости сохранения стабильности в условиях социальных изменений, когда избиратель становится активным потребителем политической «продукции»,

– разнообразие и постоянное совершенствование информационных технологий, обусловленное фрагментацией СМИ и аудитории,

– цифровые технологии используются политиками в качестве инструментов для укрепления позитивного имиджа и быстрой передачи политических посланий большому числу избирателей,

– реализуется концепция непрерывной кампании, когда политические партии общаются с потенциальными избирателями и адресуют им политические сообщения, передаваемые через традиционные СМИ и Интернет.

В этом контексте Интернет и новые медиа представляются важнейшими площадками для опосредованной политической коммуникации (ведь в условиях пандемии прямая коммуникация вообще была недоступна). Киберпространство быстро стало предпочтительным средством воздействия на мнение граждан. Онлайновая форма коммуникации изменила способы передачи сообщений, в оценке которых наблюдатели разделились на оптимистов и скептиков. Первые выражают уверенность в том, что новые средства массовой информации будут поощрять активное участие электората и укреплять демократию; вторые утверждают, что цифровые технологии являются лишь естественным продолжением традиционных медиа. В то время как оптимисты считают новые СМИ одним из факторов, которые изменили концепцию и модель политической коммуникации, скептики трактуют их как инструменты укрепления существующих форм политической коммуникации, не учитывая, что у Интернета есть шанс изменить электоральный ландшафт в будущем.

Среди преимуществ использования Интернет-ресурсов в политической коммуникации наиболее очевидными являются демократизация и либерализация политической системы путем мобилизации аудитории в киберпространстве и расширения форм участия в выборах. На историю развития политических онлайн-коммуникаций напрямую повлияла эволюция цифровых технологий. В этой связи можно выделить два основных этапа развития применения новых средств массовой информации в политической среде:

1. этап политической коммуникации, когда веб-сайт являлся альтернативным средством достижения прямого диалога между политическими лидерами и гражданами (1992–2000 гг.);

2. этап, на котором официальные политические блоги, веб-сайты кандидатов и сайты партий в социальных сетях служат новыми элементами стратегии общения с электоратом (с 2000-х гг.). Веб-сайты, использовавшиеся политиками в начале 90-х годов, имели упрощенную архитектуру и дизайн, в 2000-х были адаптированы для политической коммуникации в онлайн-среде, что привело к двунаправленному взаимодействию с высоким уровнем интерактивности, преимущества которого обусловлены потенциалом интернета, способного обеспечить доступ к политической информации максимального числа граждан.

Наступает новый этап развития культуры медиадискурса, который характеризуется активным созданием блогов и интеграцией Интернет-ресурсов для распространения информации как одной из избирательных стратегий, включая еще один элемент онлайн-общения – интерактивного взаимодействия с электоратом в социальных сетях. Практика политической онлайн-коммуникации в России в 2021 году доказала эффективность совместных усилий: использования телевизионных дебатов, официальных блогов кандидатов, каналов медаифайлов и социальных сетей. На веб-сайтах и страницах социальных сетей сообщения размещены хронологически, сгруппированы тематически, снабжены перекрестными ссылками для максимально эф-

фективного восприятия информации подписчиками или случайными гостями сайта. При этом всем пользователям дана возможность высказать свое мнение, предложение, суждение, что естественным образом вовлекает граждан в общий политический процесс.

Сайты социальных сетей, такие как MySpace (создан в 2004 году), Facebook (2004) и Twitter (2006) открыли новую главу в эволюции современной политической коммуникации и культуры медиадискурса. Разработанные для передачи социально-политической информации большому числу пользователей, продвижения компании или общественного деятеля и онлайн-общения, эти интерактивные платформы служат эффективным инструментом активизации участия граждан в политической жизни страны. Теоретические исследования, касающиеся политического общения в социальных сетях, показали рост числа молодежи, вовлеченной в политические события. Особенно заметен он был в период президентских выборов в США в 2008 году, обеспечив успех Барака Обамы, которого в цифровом пространстве поддерживала большая аудитория: у его страницы в Facebook было около 3 млн подписчиков, тогда как у Джона Маккейна в той же социальной сети было всего 280 тыс. поклонников; в сети MySpace в списке Обамы было 870 000 друзей, в списке Маккейна – лишь 225 000.

Эффективность общения политиков с потенциальными избирателями в основном обеспечивается соблюдением неписаных правил использования этих форм коммуникации в новых медиа. Например, коммуникация в социальной сети Facebook включает в себя размещение информации на персональной странице, комментариев к сообщениям пользователей, выражение личного отношения благодаря функции Like, отправку и получение файлов различных форматов (фотографии, тексты, видеоизображения, сделанные с YouTube или из других источников). Таким образом, современная политическая коммуникативистика включает в себя политическую риторику, символическую коммуникацию, текст и подтекст сообщений.

На первом этапе медиадискурса на Facebook создается личный профиль политического лидера, в котором он размещает информацию о себе и своих взглядах, высказывает мнение и предлагает пути решения каких-либо общественно важных проблем [Шаповалов, 2010]. Данная информация становится достоянием общественности и формирует имидж политического субъекта, поэтому должна включать в себя в первую очередь уровень образования, сферу деятельности, профессиональный опыт, официальные фотографии, отражающие достижения личности. Политики, артисты, общественные деятели по достижении пяти тысяч друзей своей страницы в социальной сети имеют возможность создать промо-страницу (Fan Page), адресованную поклонникам и включающую только ту информацию, которая размещается самим политиком или его командой. В отличие от обычного профиля, промо-страница может иметь неограниченное число друзей и разные варианты сортировки информации, использования тем для обсуждения или создания пространства для публичных дебатов. Все это обусловливает развитие новой культуры медиадискурса [Шейгал, 2000].

Заключение

Исследование показало, что новые средства массовой информации способствуют активизации и мотивации граждан к политической коммуникации и расширению форм их непосредственного участия в социально-политической и эконмической жизни общества. Онлайн-доступ к общественной информации в режиме реального времени из любой точки мира повышает уровень знаний граждан в сфере политики, расширяет их права, делает более значимым мнение и голос каждого человека, формирует активную гражданскую позицию, развивает национальное самосознание. Общение посредством новых СМИ (блоги кандидатов, видеоролики на стриминговых каналах или их страницы в наиболее популярных социальных сетях) способствует проявлению интереса к политике и непосредственному вовлечению людей в дебаты в цифровом публичном пространстве. В результате политика становится все более социально-ориентированной. Возможность доступа к другим страницам через взаимосвязанные гиперссылки (важнейший структурный элемент новых средств массовой информации) предлагает избирателям более глубоко погрузиться в тему и контекст происходящего, расширить свои знания, приобрести навыки политической коммуникации. Все это ведет к развитию новой культуры медиадискурса современного общества. Ее характеристиками служат полиаспектность использования новых медиа и полисемантизм контента в политической коммуникавистике

Можно предположить, что развитие событий в эпоху новых информационно-коммуникационных технологий приведет к зна-

чительным изменениям не только в формах передачи сообщений аудитории, но и в поведении политических лидеров в медиапространстве, в способах и методах политической деятельности в целом. Интерактивность стала отличительной особенностью новых форм политической коммуникации: пользователи могут оставлять комментарии, задавать вопросы и получать ответы от политиков. Современники заходят в Интернет для получения информации и участия в поддержке кандидата, после чего распространяют в ходе межличностной коммуникации информацию о данном политике или мероприятии, тем самым, продвигая саму избирательную кампанию и давая толчок развитию внутренней политики. Даже если Интернет в настоящее время является лишь одним из многих каналов политической коммуникации на диверсифицированном рынке СМИ, используемых избирателями наряду с традиционными медиа (телевидение или печатные издания), его массовое и все возрастающее использование с целью политической коммуникации трудно переоценить.

Новый тип сквозной коммуникации «сверху вниз и снизу вверх» позволяет гражданам активно участвовать в выборе путей социально-политического развития благодаря новым СМИ (веб-сайтам, социальным сетям, Интернет-форумам, государственным порталам и ресурсам видео-контента). Современные средства массовой информации играют жизненно важную роль в политической коммуникавистике и открывают новые пути мобилизации общественного мнения и мотивации избирателей к участию в социально-политической деятельности. Каждая политическая партия позиционирует себя в социальных сетях, на сайтах или каналах трансляции видеороликов (YouTube и др.), чтобы обращаться к максимально широкой аудитории. Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о назревшей необходимости дать комплексную научную оценку явлений новой культуры медиадискурса и современной политической коммуникавистики, систематизировать и упорядочить наиболее существенные особенности языка и стиля коммуникаций в отношениях между политической элитой и социумом, выдвинуть лингвостилистические параметры новой коммуникационной модели, что возможно станет объектом исследования в последующих научных работах.

Библиографический список

1. Анненкова И. В., Залоило М. В. Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3 (76). С. 140–155.

2. Багдасарян В. Э. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : История и политические науки. 2020. № 1. С. 8–23.

3. Баранов А. Н. Политический дискурс : прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С. 108–118.

4. Волкова И. И. Homo ludens эпохи экранных коммуникаций. Москва : Российский университет дружбы народов, 2015. 271 с.

5. Колесникова С. Н. Особенности политического дискурса и его интерпретация. Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 67–69. URL : http://www.lib.csu.ru/vch/248/023.pdf (дата обращения: 02.11.2021).

6. Трофимова Г. Н. Конфликтогенность как дискурсивный параметр медиаобразов в сетевых СМИ // Средства массовой коммуникации в многополярном мире : проблемы и перспективы: материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Москва : РУДН, 2019. С. 323–328.

7. Шаповалов В. Ф. Коммуникация как глобальная проблема современного мира // Философия и общество. 2010. Вып. 4 (60). С. 5–20.

8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : монография. Волгоград : Перемена, 2000. URL : www.lib.ua-ru.net/diss /cont/94853.html (дата обращения 10.12.2021).

9. Beciu C. Sociologia comunicării şi a spaţiului public : concepte, teme, analize. Iaşi : Polirom Publishing House, 2011. 282 p.

10. Cayol R. Médias et démocratie la dérive. Paris : Presses de Sciences Po, 1997. 435 p.

11. Crozier M. Recursive Governance : Contemporary Political Communication and Public Policy // Political Communication. 2007. No 24/1. P. 1–18.

12. Harper R. The Social Media Revolution: Exploring the Impact on Journalism and News Media Organizations // Inquiries Journal. 2010. No 2(3). P. 1–4.

13. McNair B. Introducere în comunicarea politică. Iaşi : Polirom Publishing House, 2007. 318 p.

14. Moog S., Sluyter-Beltrano J. The Transformation of Political Communication? // New Media and Politics. Eds. B. Axford, R. Huggins. London : SAGE Publications, 2001. P. 30–63.

15. Moraru V., Rusu L. New media – the reforming factor of political communication // Communication and Globalization. 2017. Vol. 7. Issue 1. P. 50–57.

16. Moraru V. Mass media vs politica. Chişinău : CEP USM Publishing House, 2001. 206 p.

17. Negrine R. The Transformation of Political Communication. Continuities and Changes in media and politics. New York : Palgrave MacMillan, 2008. 226 p.

18. Norris P. Political Communication. URL : https://www.hks.harvard.edu/fs/pnorris/Acrobat/Political %20Communications%20encyclopedia2.pdf (accessed date 20.11.2021).

19. O'Connor B. From Tweets to Polls : Linking Text Sentiment to Public Opinion Time Series // Proceedings of the International AAAI Conference on Weblogs and Social Media. Menlo Park : The AAAI Press, 2010. P. 122–129.

20. Vedel T. La communication politique : vecteurs, stratégies et évolutions // Médias, information et communication. Eds. C. Leteinturier, R. Le Champion. Paris : Ellipses, 2009. P. 352–369.

Reference list

1. Annenkova I. V., Zaloilo M. V. Novaja kul'tura kommunikacij v uslovijah cifrovoj i sociokul'turnoj globalizacii: pravo, media i nacional'naja identichnost' = A new culture of communication in the context of digital and sociocultural globalization: law, media, and national identity // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. 2019. № 3 (76). S. 140–155.

2. Bagdasarjan V. Je. Kognitivnye matricy manipuljativnyh tehnologij v vojnah i revoljucijah novogo tipa = Cognitive matrices of manipulative technologies in new types of wars and revolutions // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija : Istorija i politicheskie nauki. 2020. № 1. S. 8–23.

3. Baranov A. N. Politicheskij diskurs : proshhanie s ritualom = Political discourse : farewell to ritual // Chelovek. 1997. № 6. S. 108–118.

4. Volkova I. I. Homo ludens jepohi jekrannyh kommunikacij = Homo ludens of the age of screen communications. Moskva : Rossijskij universitet druzhby narodov, 2015. 271 s.

5. Kolesnikova S. N. Osobennosti politicheskogo diskursa i ego interpretacija = Peculiarities of political discourse and its interpretation // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 33 (248). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 60. S. 67–69. URL : http://www.lib.csu.ru/vch/248/023.pdf (data obrashhenija: 02.11.2021).

6. Trofimova G. N. Konfliktogennost' kak diskursivnyj parametr mediaobrazov v setevyh SMI = Conflictogenicity as a discursive parameter of media images in online media // Sredstva massovoj kommunikacii v mnogopoljarnom mire : problemy i perspektivy: materialy X Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskva : RUDN, 2019. S. 323–328.

7. Shapovalov V. F. Kommunikacija kak global'naja problema sovremennogo mira = Communication as a global problem of the modern world // Filosofija i obshhestvo. 2010. Vyp. 4 (60). S. 5–20.

8. Shejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse : monografija. Volgograd : Peremena, 2000. URL : www.lib.ua-ru.net/diss /cont/94853.html (data obrashhenija 10.12.2021).

9. Beciu C. Sociologia comunicării şi a spaţiului public : concepte, teme, analize. Iaşi : Polirom Publishing House, 2011. 282 r.

10. Cayol R. Médias et démocratie la dérive. Paris : Presses de Sciences Po, 1997. 435 r.

11. Crozier M. Recursive Governance : Contemporary Political Communication and Public Policy // Political Communication. 2007. No 24/1. P. 1–18.

12. Harper R. The Social Media Revolution: Exploring the Impact on Journalism and News Media Organizations // Inquiries Journal. 2010. No 2(3). P. 1–4.

13. McNair B. Introducere în comunicarea politică. Iaşi : Polirom Publishing House, 2007. 318 r.

14. Moog S., Sluyter-Beltrano J. The Transformation of Political Communication? // New Media and Politics. Eds. B. Axford, R. Huggins. London : SAGE Publications, 2001. P. 30–63.

15. Moraru V., Rusu L. New media – the reforming factor of political communication // Communication and Globalization. 2017. Vol. 7. Issue 1. P. 50–57.

16. Moraru V. Mass media vs politica. Chişinău : CEP USM Publishing House, 2001. 206 r.

17. Negrine R. The Transformation of Political Communication. Continuities and Changes in media and politics. New York : Palgrave MacMillan, 2008. 226 r.

18. Norris P. Political Communication. URL : https://www.hks.harvard.edu/fs/pnorris/Acrobat/Political %20Communications%20encyclopedia2.pdf (accessed date 20.11.2021).

19. O'Connor B. From Tweets to Polls : Linking Text Sentiment to Public Opinion Time Series // Proceedings of the International AAAI Conference on Weblogs and Social Media. Menlo Park : The AAAI Press, 2010. P. 122–129.

20. Vedel T. La communication politique : vecteurs, stratégies et évolutions // Médias, information et communication. Eds. C. Leteinturier, R. Le Champion. Paris : Ellipses, 2009. P. 352–369.

Статья поступила в редакцию 14.12.2021; одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 14.12.2021; approved after reviewing 11.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 008
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-64-69

Лингвобезопасность в аспекте ценностных, идеологических и социальных изменений

Геннадий Геннадьевич Слышкин[1], Лидия Евгеньевна Малыгина[2]✉, Екатерина Сергеевна Павлова[3]
[1]Доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ». 119571, г. Москва, пр. Вернандского, д. 82
[2]Доктор филологических наук, профессор Высшей школы (факультета) телевидения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова». 119991, г. Москва, ул Колмогорова, д. 1, стр. 51
[3]Руководитель блока внутренних коммуникации АО «Русагротранс». 107014, г. Москва, ул. 2-я Боевская, д. 3
[1]admlikbez@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0056-8160
[2]ggsl@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-8121-0250
[3]epav1129@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-7644-1564

Аннотация. Работа посвящена анализу феномена языковой и информационной безопасности человека в современном медиадискурсе. Рассмотрены подходы к пониманию технологий коммуникативного манипулирования на примере освещения в СМИ темы «антиваксеры». Был проведен дискурс-анализ 100 материалов СМИ в период с начала пандемии марта 2020 по декабрь 2021 года. Проанализирована модель манипуляции и ее опора на образ «врага», ее стратегии и тактики. Прослежен путь появления таких понятий как «ковид-диссидентво» и «вакцинодисседентство» и их влияние на общество. По результатам исследования предложены маркеры для выявления признаков манипулятивности в текстах массмедиа по теме «антиваксеры», такие как лексика на фашисткую тематику, лексика с использованием тематики страха и агрессии, инвективная лексика и использование прецедентных личностей и феноменов для данной тематики. Один из механизмов противодействия негативному коммуникативному воздействию предлагается, опираясь на Стратегию национальной безопасности 2021, озвученную Президентом РФ В. В. Путиным, обязательная начальная риторическая подготовка школьников и студентов в системе среднего и высшего образования, формирующая навыки владения рецептивными и продуктивная видами речевой деятельности, умения речевого взаимодействия, диалогические умения, а также совершенствование методики обучения риторике в педагогических вузах с упором на метапредметный подход.

Ключевые слова: лингвобезопасность; информационная безопасность; медиадискурс; технологии манипуляции; маркеры манипулятивных текстов; антивакцинаторство; риторическая подготовка школьников и студентов

Для цитирования: Слышкин Г. Г., Малыгина Л. Е., Павлова Е. С. Лингвобезопасность в аспекте ценностных, идеологических и социальных изменений // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 64-69. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-64-69

Original article

Linguistic security in the context of value, ideological and social changes

Gennady G. Slyshkin[1], Lydia E. Malygina[2]✉, Ekaterina S. Pavlova[3]
[1]Doctor of philological sciences, professor, director of the Center for linguistics and professional communication, Russian presidential academy of national economy and public administration. 119571, Moscow, Vernandsky ave., 82
[2]Doctor of philological sciences, professor of the Higher school (faculty) of television, Lomonosov Moscow state university. 119991, Moscow, Kolmogorov st., 1, bld. 51
[3]Head of internal communications unit of Rusagrotrans JSC. 107014, Moscow, 2nd Boevskaya st., 3
[1]admlikbez@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-0056-8160
[2]ggsl@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-8121-0250
[3]epav1129@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-7644-1564

© Слышкин Г. Г., Малыгина Л. Е., Павлова Е. С., 2022

Abstract. The work is devoted to analyzing the phenomenon of human language and information security in modern media discourse. This article examines some approaches to understanding communicative manipulation techniques through media coverage of «anti-vaxxers». The authors of the article carried out a discourse analysis of 100 media materials from the beginning of the pandemic in March 2020 to December 2021. The model of manipulation based on the image of the «enemy», its strategies and tactics are analyzed. The appearance of such concepts as «covid-dissidence» and «vaccin dissidence» and their impact on society are traced. According to the results of the study, the authors offered markers to identify signs of manipulation in mass media texts on the topic of «anti-vaxxers», such as the lexicon on fascist themes, lexicon on the themes of fear and aggression, invective words and the use of precedent personalities and phenomena for this topic. One of the mechanisms to counteract the negative communicative influence based on the National Security Strategy 2021 and announced by the President of the RF V. V. Putin is an obligatory elementary rhetorical training for schoolchildren and students in the system of secondary and higher education, forming skills of receptive and productive types of speech activity, speech interaction skills, dialogue skills, as well as improving the methods of teaching rhetoric in pedagogical universities with an emphasis on the meta-subject approach.

Key words: linguistic security; information security; media discourse; manipulation techniques; markers of manipulative texts; anti-vaccination; rhetorical training of schoolchildren and students

For citation: Slyshkin G. G., Malygina L. E., Pavlova E. S. Linguistic security in the context of value, ideological and social changes. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):64-69. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-64-69

Введение

В условиях пандемии короновирусной инфекции, объявленной ВОЗ 12 марта 2020 года, все субъекты медиадискурса (адресанты и адресаты медиасообщений) сталкивались с необходимостью принятия решения о прохождении вакцинации. При этом в обществе возрастала вакцинофобия, вызванная как стихийной противоречивой информацией в публичном информационном поле, так и целенаправленными деструктивными информационными потоками, направленными на дискредитацию государственной политики в сфере здравоохранения. В настоящем исследовании рассматривается феномен антивакцинаторства в современном российском медиадискурсе как одна из ведущих угроз лингвобезопасности.

Вслед за Н. И. Клушиной мы рассматриваем медиадисакурс «как воздействующий тип дискурса, реализующий интенцию убеждения, а следовательно, оказывающий мощный перлокутивный эффект на своего адресата. Адресант для убеждения адресата использует все доступные речевые средства, прибегая не только к логическим доводам, но и к манипулятивным приемам» [Клушина, 2021, с. 120]. В журналистских материалах как в традиционных СМИ, так и в блогосфере, освещающих тему короновируса в России и в мире с самого начала пандемии, приемы открытого информирования тесно переплетались с манипулятивными приемами. Выявление инструментария, используемого журналистами, позволит сформировать рекомендации для работы с небезопасным контентом.

Методы исследования

Теоретическую базу исследования составили работы по медиадискурсу [Н. И. Клушиной], исследования по манипулятивным технологиям [В. И. Карасика, А. А. Филинского, С. Г. Кара-Мурзы], дискурс-анализу [Т.А. ван Дейка]; исследования коммуникативно-когнитивных основ манипуляции [Е. Л. Доценко, Б. Н. Бессонова], труды по лингво-коммуникативной безопасности [Л. Г. Лисицкой, К. Г. Тарбы].

В ходе исследования использовались следующие методы: критический дискурс-анализ медиадискурса, коммуникативный анализ стратегий и тактик дискурса, элементы статистического анализа.

Материалом исследования послужила сплошная выборка 100 текстов статей, посвящённых вакцинации, из российских СМИ за период с марта 2020 по декабрь 2021 года. Дискурс-анализ данных текстов продемонстрировал их фокусировку на оппозиции «свой-чужой», т. е. включённость в реализацию коммуникативных стратегий манипуляции, которые, согласно Т. А. Ван Дейку, всегда представляют собой борьбу смыслов в рамках макропозиции «мы – хорошие, они – плохие». [Dijk, 2006, p. 359–383]. Дальнейшее исследование позволило выделить арсенал эксплуатируемых в антивакцинаторских текстах маркеров манипуляции [Fairclough, Wodak, 1997, p. 258–284].

Результаты исследования

Говоря о модели манипуляции, многие исследователи выделяют такое понятие как «дискур-

сивный комфорт», означающий стремление манипулятора в максимальной степени подойти к реальности адресата. Чем больше совпадений между реальностью, в которой живет адресат, и созданной манипулятором реальностью, тем выше уровень доверия к получаемой информации [Филинский, 2002, с. 73].

Одной из основных стратегий манипуляции является создание оппозиции «свой-чужой», где «свои» интегрируются в определенную группу людей, действующих в интересах народа, их деятельность обычно героизируется [Dijk, 2001, p. 11–40]. Группой ученых из Института лингвистических исследований Российской Академии наук был составлен Словарь русского языка короновирусной эпохи, в котором представлено 3500 слов, появившихся или актуализированных в русском языке в 2020-21 годах. В словаре фигурируют такие лексемы, как *ковид-диссидентство* – ‘неверие в опасность короновирусной инфекции, позиция несоблюдения противоэпидемиологических мер’ [Словарь..., 2021, с. 24], *вакцинодиссидентство* – ‘противление обязательной вакцинации против короновирусной инфекции’ [Словарь ..., 2021, с. 109]. Появление данных неологизмов свидетельствует о формировании в языковом сознании образа новой социально активной группы. Лексемы образованы по той же модели, что довольно давно функционирующая в речи единица *ВИЧ-диссидентство* (вариант – *СПИД-диссидентство*). В основе всех указанных сложных слов лежит элемент *диссидент* – ‘несогласный, противоречащий’.

Следуя закрепившемуся в сознании людей с советских времен представлению диссидентов как людей, противостоящих авторитарным режимам, отстаивающие свои права не насильственными, а законными способами, стоит отметить, что здесь прослеживается явная гуманистическая миссия деятельности этой группы.

С другой стороны, после возвеличивания «своих» происходит разрушение образа «чужих», которые виновны в сложившейся негативной ситуации. Последующие тактики работы с образом «чужого» идут через «делигитимацию и дегуманизацию противника для выработки отрицательных ассоциаций с соответствующими объектами коммуникации» [Dijk, 1999, p. 123–148].

Общественно-политические и другие кризисы являются мощным катализатором языкового выражения различных концептов и стереотипов, существующих в массовом сознании [Доценко, 1997, с. 30]. В современных СМИ на первый план неслучайно вышел именно образ «врага». Наличие в современном массовом сознании мифологизированного «образа врага» еще с советских времен всегда помогало сплотить нацию, снять внутригосударственные противоречия в обществе, повысить уровень доверия к существующей власти, это и создает сегодняшний «дискурсивный комфорт» между массмедиа и аудиторией. «Архетип врага восходит к мифологеме «врага рода человеческого», ведущего непрерывную войну против людей. «Враг рода человеческого» – это универсальный архетип, символизирующий мировое зло. Архетипическим можно назвать и концепт «враждебного заговора», активно используемый в публицистических материалах [Кара-Мурза, 2001, с. 201].

Проанализировав публицистические материалы с начала пандемии в марте 2020 года до сегодняшнего дня, можно выделить 4 маркера для выявления признаков манипулятивности в текстах массмедиа:

1. Лексика, ассоциирующаяся с темами нацизма и расизма (*резервация, сегрегация, вакцинофашизм*). Ярким примером дискурсивной реализации подобных единиц является речь актера Егора Бероева, произнесенная 22 июня 2021 года на вручении премии «ТЭФИ. Летопись Победы», в которой присутствовало сравнение вакцинации с Холокостом.

Здесь четко прослеживается, как тема вакцинации становится конфликтогеном, разделяющим общество на два противоборствующих лагеря [Карасик, 1993, с. 30]. В той же речи Егор Бероев говорит: *«Я хочу вам сказать, что я не вакцинировался от коронавируса. И некоторые мои знакомые вакцинировались. И даже друзья вакцинировались. Это никогда не было причиной для наших ссор и споров. Мы взрослые люди, уважаем выбор друг друга. Знаете: «Мое тело – мое дело»* [Бакланов, 2021]. На самом деле мы видим, что на основе сделанного выбора происходит раскол и между людьми, позиции которых по всем остальным вопросам совпадали, и общества в целом. Подтверждением этого может служить, с одной стороны высказывания коллег-артистов, поддерживающих Егора Бероева, с другой, активное выражение несогласие других коллег и лидеров мнений в целом. Наиболее ярко в своем комментарии наметившийся раскол охарактеризовал ведущий Иван Ургант: ««Бероев сказал «моё тело – моё дело, не надо меня заставлять прививаться» и сравнил коронавирусные ограничения с дискриминацией евреев. Что не совсем верно, потому

что коронавирус передаётся не только по матери. Сейчас есть идея давать городам, в которых меньше всего привитых, звания Городов-Героев. Могут появиться Герои-Берои, которые во время вакцинации закрывают плечом плечо товарища» [Ургант, 2021].

2. Следующим маркером является присутствие **тематики страха, агрессии.** Часто употребляются такие слова и словосочетания, как *цифровое рабство, биороботы, насильственная стерилизация женщин, сокращение человечества, оружие массового уничтожения, заговор тысячелетия, вакцинобесие, зомбовирус*. Иллюстрацией может служить видеобращение блогера Виктории Бони 14 декабря 2020 года на своей странице в социальной сети инстаграмм, где она заявляет: «Вакцина, которую сейчас везде пропихивают в США или в Германии, эта вакцина содержит какой-то один из компонентов белка, который приводит к бесплодию женщин, и он [ученый] написал о том, что вся эта вакцинация – по сути стерилизация женщин. Да будь они там все просто прокляты, твари эти поганые, которые стерилизовали уже в Африке женщин. <…> Этот конченый, мразотный Билл Гейтс, которого я просто считают виноватым в преступлении против человечества, который все это спонсирует-финансирует и имеет прямое отношение к этому» [Боня, 2020].

3. Здесь мы видим использование еще одного маркера корономанипуляции, это использование **инвективной лексики,** «мразотный Гейтс». Также мы слышим употребление данной лексики в выступлении оперной певицы Любови Казановской на своем youtube-канале 17 июля 2021 года: «Мы подошли к точке невозврата, человечеству поставили ультиматум: вы стадо, которое должно брести в цифровое общество в качестве биороботов, или вы выбираете другой путь – путь творца» [Казарновская, 2020].

4. Четвертым маркером мы выделяем **упоминание прецедентных для данной тематики личностей и феноменов** (*Билл Гейтс, чипирование*). В программе «БесогонTV» 1 мая 2020 года режиссер Никита Михалков предупреждал о чипировании через вакцинацию и страшные прививки от Билла Гейтса: «В тело человека вживляется чип, выполняющий роль контролирующего органа на предмет характеристик ежедневных активностей» [Михалков, 2020].

Заключение

Пандемия и так оказала на общество помимо всех прочих огромное психологическое влияние, добавив в список психиатрических диагнозов еще одно заболевание – думскроллинг (от английского doom – «гибель, судьба, рок» и scrolling – «прокрутка» – это склонность к просмотру чтению избыточного количества плохих новостей, тем самым ухудшая свое психоэмоциональное состояние [Словарь ..., 2021, с. 52]. А информирование совмещенное с манипулятивным воздействием в условиях ограничения свободы передвижения сделали людей заложниками созданных мифов массмедиа. Заместитель директора «Левада-Центра» Денис Волков отмечал в июне 2021 года: «Доля тех, кто не хочет прививаться, не меняется на протяжении почти что года. Может быть, она даже немного выросла – порядка 60 % не хочет прививаться. Почему не хотят? «…» Проблема в том, что в массовом сознании это сопряжено с теориями заговора: «короновирус –это оружие массового поражения». «…» Основная причина, почему россияне не хотят прививаться, нет однозначной информации…» [Волков, 2021].

В рамках Стратегии национальной безопасности, утвержденной указом Президента РФ от 02.07.2021 N 400, информационная безопасность выделяется как стратегический приоритет для защиты национальных интересов. В связи в этим становится особенно актуальным выделения лингвобезопасности как части информационной безопасности страны [Лисицкая, 2009, с. 94]. Под лингвобезопасностью мы понимаем минимизацию травматического эффекта, оказывающегося на адресанта, адресата, героя текста, потенциальная конфликтогенность которого практически стремиться к нулю. Одним из механизмов, позволяющих противодействовать негативному коммуникативному воздействию, мы видим в обязательной начальной риторической подготовке для учащихся в системе среднего и высшего образования, формирующая навыки владения рецептивными и продуктивная видами речевой деятельности, умения речевого взаимодействия, диалогические умения, а также совершенствование методики обучения риторике в педагогических вузах с упором на метапредметный подход.

Библиографический список

1. Бакланов А. «Не допустите сегрегации общества на умных и глупых». Актер Егор Бероев выступил в защиту непривитых людей, прицепив к груди желтую звезду // Meduza. URL: https://meduza.io/feature/2021/06/23/moe-telo-moe-delo-akter-egor-beroev-vystupil-v-zaschitu-neprivityh-lyudey-natsepiv-na-grud-zheltuyu-zvezdu

2. Бессонов Б. Н. Идеология духовного подавления. Москва, 1971. 295 с.

3. Боня В. Будьте бдительны! // Instagram. 2020. URL: https://www.instagram.com/tv/CIyOEzQInR8/?utm_source=ig_embed

4. Волков Д. Люди дезоринтированы // Левада-центр. 2021. URL: https://www.levada.ru/2021/10/25/lyudi-dezorientirovany-sotsiolog-denis-volkov-o-tom-pochemu-rossiyane-vse-eshhe-ne-speshat-privivatsya/

5. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. Москва : Изд-во МГУ, 1997. 76 с.

6. Казарновкая Л. Ю. Пробудись человек // Youtube. 2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Z7wm2-oZP7g

7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Москва, 2001.

8. Карасик В. И. Псевдоаргументация: некоторые виды речевых манипуляций // Речевое общение и аргументация. Санкт-Петербург : Экополис и культура, 1993. С. 30–38.

9. Клушина Н. И. Медиастилистика. Москва : Флинта Москва, 2021. 184 с.

10. Клушина Н. И., Николаева А. В. Введение в интернет-стилистику. Москва : Флинта Москва, 2020. 240 с.

11. Лисицкая Л. Г. Коммуникативные нормы и лингвистическая безопасность современных медиатекстов // Вестник Адыг. гос. ун-та. 2009. Вып. 1.

12. Михалков Н. С. У кого в кармане государство? // Youtube. 2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=MEtaaNNuVCI

13. Словарь русского языка короновирусной эпохи. Санкт-Петербург : ФБГУН Институт лингвистических исследований Российской академии наук, 2021. 551 с.

14. Слышкин Г. Г., Бочарникова Н. В. Интертекстуальность как инструмент лингвистического маркетинга (на материале переводов названий текстов массовой культуры) / Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов : коллективная монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. Москва : ФЛИНТА: Наука, 2014. С. 238–254.

15. Слышкин Г. Г. Реализация массовой фобии в дискурсе // Концепт и культура: диалоговое пространство культуры: Языковая личность. Текст. Дискурс: сборник статей (VI международная научная конференция, Кемерово – Ялта, 25–27 сентября 2016 г.). Кемерово – Ялта, 2016. С. 527–532.

16. Тарба К. Г. Лингво-коммуникативная безопасность личности: инвектива и оскорбление // Научные труды КубГТУ. 2018. № 3. С. 496–505.

17. Ургант И. Вечерний Ургант // 1 канал. 2021. URL: https://www. 1tv.ru/shows/vecherniy-urgant/vypuski/lev-dodin-i-aleksandr-bashirov-vecherniy-urgant-1509-vypusk-ot-24-06-2021

18. Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000. Тверь, 2002. 144 с.

19. Dijk T. A. van Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. № 17 (2). 359–383 p.

20. Dijk T. A. van Strategies of Discourse Comprehension. N. Y., 1983. 418 p.

21. Dijk T. A. van Context models in discourse processing. N. Y., 1999. P. 123–148.

22. Dijk T. A. van Discourse, ideology and context // Folia Linguistica, 2001. № 35 (1–2). P. 11–40.

23. Fairclough N., Wodak R. Critical discourse analysis // Discourse as social interaction. London : Sage Publications, 1997. P. 258–284.

24. Lebedeva S., Vakku G., Komarova N., Myshkina A. & Malygina L. Non-fiction as Modern Format: Features of Formation and Modern Functioning in Russian Media // International E-Journal of Advances in Social Sciences. 2020. April. Volume 6, issue 16.

25. Slyshkin G. G., Zheltukhina M. R., Ponomarenko E. B., Busygina M. V., Omelchenko A. V. Role of media rumors in the modern society// International Journal of Environmental and Science Education, 2016. № 11(17). P. 10581–10589.

26. Vakku G., Malygina L., Klushina N., Baranova E., & Lazutova N. Features of the Submission of News Content on Regional Television in Russia // Amazonia Investiga. 2019. 8(23), P. 861–867. URL: https://www.amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/940

27. Zheltukhina M. R., Bondareva N. V., Zelenskaya L. L., Anikeeva I. G., Malygina L. E., Chistyakov A. V. Media Promotion Role of Economic Vocabulary: Specific Features and Functions in Presentation and Advertisement // Online Journal of Communication and Media Technologies. 2019. № 9 (2), 2019. URL: https://www.ojcmt.net/article/media-promotion-role-of-economic-vocabulary-specific-features-and-functions-in-presentation-and-5733

Reference list

1. Baklanov A. «Ne dopustite segregacii obshhestva na umnyh i glupyh». Akter Egor Beroev vystupil v zashhitu neprivityh ljudej, pricepiv k grudi zheltuju zvezdu = «Don't let society be segregated into the smart and the stupid». Actor Yegor Beroev spoke out in defense of unvaccinated people by pinning a yellow star to his chest // Meduza. URL: https://meduza.io/feature/2021/06/23/moe-telo-moe-delo-akter-egor-beroev-vystupil-v-zaschitu-neprivityh-lyudey-natsepiv-na-grud-zheltuyu-zvezdu

2. Bessonov B. N. Ideologija duhovnogo podavlenija = The ideology of spiritual suppression. Moskva, 1971. 295 s.

3. Bonja V. Bud'te bditel'ny! = Stay alert! // Instagram. 2020. URL: https://www.instagram.com/tv/CIyOEzQInR8/?utm_source=ig_embed

4. Volkov D. Ljudi dezorintirovany = People are disoriented // Levada-centr. 2021. URL: https://www.levada.ru/2021/10/25/lyudi-dezorientirovany-

sotsiolog-denis-volkov-o-tom-pochemu-rossiyane-vse-eshhe-ne-speshat-privivatsya/

5. Docenko E. L. Psihologija manipuljacii: fenomeny, mehanizmy i zashhita = The psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection. Moskva : Izd-vo MGU, 1997. 76 s.

6. Kazarnovkaja L. Ju. Probudis' chelovek = Wake up man // Youtube. 2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Z7wm2-oZP7g

7. Kara-Murza S. G. Manipuljacija soznaniem = Manipulation of consciousness. Moskva, 2001.

8. Karasik V. I. Psevdoargumentacija: nekotorye vidy rechevyh manipuljacij = Pseudo-argumentation: some types of speech manipulation // Rechevoe obshhenie i argumentacija. Sankt-Peterburg : Jekopolis i kul'tura, 1993. C. 30–38.

9. Klushina N. I. Mediastilistika = Mediastylistics. Moskva : Flinta Moskva, 2021. 184 s.

10. Klushina N. I., Nikolaeva A. V. Vvedenie v internet-stilistiku = Introduction to Internet stylistics. Moskva : Flinta Moskva, 2020. 240 s.

11. Lisickaja L. G. Kommunikativnye normy i lingvisticheskaja bezopasnost' sovremennyh mediatekstov = Communicative norms and linguistic safety of modern media texts // Vestnik Adyg. gos. un-ta. 2009. Vyp. 1.

12. Mihalkov N. S. U kogo v karmane gosudarstvo? = Who has the state in their pocket? // Youtube. 2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=MEtaaNNuVCI

13. Slovar' russkogo jazyka koronovirusnoj jepohi = Dictionary of the Russian language in time of Coronavirus . Sankt-Peterburg : FBGUN Institut lingvisticheskih issledovanij Rossijskoj akademii nauk, 2021. 551 s.

14. Slyshkin G. G., Bocharnikova N. V. Intertekstual'nost' kak instrument lingvisticheskogo marketinga (na materiale perevodov nazvanij tekstov massovoj kul'tury) = Intertextuality as a tool of linguistic marketing (on the material of names translations in mass culture texts) / Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursah raznyh tipov : kollektivnaja monografija / nauch. red. T. N. Kolokol'ceva, V. P. Moskvin. Moskva : FLINTA: Nauka, 2014. S. 238–254.

15. Slyshkin G. G. Realizacija massovoj fobii v diskurse = The realization of mass phobia in discourse // Koncept i kul'tura: dialogovoe prostranstvo kul'tury: Jazykovaja lichnost'. Tekst. Diskurs: sbornik statej (VI mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, Kemerovo – Jalta, 25–27 sentjabrja 2016 g.). Kemerovo – Jalta, 2016. S. 527–532.

16. Tarba K. G. Lingvo-kommunikativnaja bezopasnost' lichnosti: invektiva i oskorblenie = Linguistic and communicative security of the individual: invective and insult // Nauchnye trudy KubGTU. 2018. № 3. S. 496–505.

17. Urgant I. Vechernij Urgant // 1 kanal. 2021. URL: https://www. 1tv.ru/shows/vecherniy-urgant/vypuski/lev-dodin-i-aleksandr-bashirov-vecherniy-urgant-1509-vypusk-ot-24-06-2021

18. Filinskij A. A. Kriticheskij analiz politicheskogo diskursa predvybornyh kampanij 1999–2000 = A critical analysis of the 1999-2000 election campaign political discourse. Tver', 2002. 144 s.

19. Dijk T. A. van Discourse and manipulation // Discourse and Society. 2006. № 17 (2). 359–383 p.

20. Dijk T. A. van Strategies of Discourse Comprehension. N. Y., 1983. 418 p.

21. Dijk T. A. van Context models in discourse processing. N. Y., 1999. R. 123–148.

22. Dijk T. A. van Discourse, ideology and context // Folia Linguistica, 2001. № 35 (1–2). R. 11–40.

23. Fairclough N., Wodak R. Critical discourse analysis // Discourse as social interaction. London : Sage Publications, 1997. P. 258–284.

24. Lebedeva S., Vakku G., Komarova N., Mushkina A. & Malugina L. Non-fistion as Modern Format: Features of Formation and Modern Funstioning in Russian Media // International E-Journal of Advanses in Sosial Ssienses. 2020. Arril. Volume 6, issue 16.

25. Slyshkin G. G., Zheltukhina M. R., Ponomarenko E. B., Busygina M. V., Omelchenko A. V. Role of media rumors in the modern society// International Journal of Environmental and Science Education, 2016. № 11(17). P. 10581–10589.

26. Vakku G., Malugina L., Klushina N., Baranova E., & Lazutova N. Features of the Submission of News Sontent on Regional Television in Russia // Amazonia Investiga. 2019. 8(23), P. 861–867. URL: https://www.amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/view/940

27. Zheltukhina M. R., Bondareva N. V., Zelenskaua L. L., Anikeeva I. G., Malugina L. E., Shistuakov A. V. Media Rromotion Role of Esonomis Vosabularu: Sresifis Features and Funstions in Rresentation and Advertisement // Online Journal of Sommunisation and Media Teshnologies. 2019. № 9 (2), 2019. URL: https://www.ojcmt.net/article/media-promotion-role-of-economic-vocabulary-specific-features-and-functions-in-presentation-and-5733

Статья поступила в редакцию 23.12.2021; одобрена после рецензирования 12.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 23.12.2021; approved after reviewing 12.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Русский язык

Научная статья
УДК 811.111
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-70-79

Сопоставительный анализ ФЕ с названиями домашних животных в английском и русском языках

Елена Александровна Петрова
Доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных и русского языков ФГКОУ ВО «Уфимский ЮИ МВД России». 450103, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2
eleina.froloff@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2530-1358

Аннотация. Статья посвящена вопросам фразеологии – одному из самых сложных языковых феноменов, находящийся на стыке самых разных наук – лексикологии, грамматики, стилистики, фонетики, истории языка, истории, философии, логики и страноведения, которое изучается с помощью отдельного исследовательского метода. Статья написана с целью провести сопоставительный анализ идиом с названиями домашних животных на русском и английском языках. Методологической основой исследования послужили теоретические работы, касающиеся классификации и семантического анализа фразеологизмов, которые, представляют собой не только устойчивые сочетаниях слов с осложненной семантикой, но и единицы ментальной репрезентации. Делается акцент на том, что во фразеологизмах с названиями домашних животных заложена культурно значимая информация, которая выражается как в денотативном, так и в коннотативном аспектах значения. Сравнительный анализ фразеологических единиц в английском и русском языках показывает, что английские фразеологизмы, не найдя эквивалента в русском языке, часто передаются путем описательного перевода. Автор объясняет это тем фактом, что фразеологизмы вербализуются в определенной логосфере культуры языка, связанной, с одной стороны, с языковым сознанием и мышлением, а с другой – с языковой картиной мира. Выявлено, что концепт «животное» имеет универсальное значение и обладает национальной особенностью, обобщенной в национальной языковой картине мира. Обращается внимание на то, что английские ФЕ с названиями домашних животных частично или полностью не совпадают с их аналогами в русском языке по образной основе в силу национальных особенностей. Сделан вывод о том, что количество английских ФЕ с названиями собак с отрицательной коннотацией в несколько раз превышает число фразеологизмов с положительной эмоциональной окраской.

Ключевые слова: фразеологизм; картина мира; когниция; ментальная репрезентация; логосфера; архисема; альтернанта

Для цитирования: Петрова Е. А. Сопоставительный анализ ФЕ с названиями домашних животных в английском и русском языках // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 70-79. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-70-79

Russian language

Original article

The comparative analysis of phraseological units with the names of domestic animals in the english and russian languages

Elena A. Petrova
Doctor of philological sciences, associate professor, head of the department of foreign and Russian languages, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 450103, Ufa, Muxinova st., 2
eleina.froloff@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2530-1358

Abstract. The article is devoted to phraseology, one of the most complex linguistic phenomena at the junction of various sciences – lexicology, grammar, stylistics, phonetics, language history, history, philosophy, logic and regional studies, which is investigated using a particular research method. The article aims at conducting a comparative analysis

© Петрова Е. А., 2022

of idioms with the names of domestic animals in russian and english. The methodological basis of the study is theoretical works related to classification and semantic analysis of phraseological units, which are not onlycollocations with complicated semantics, but also units of mental representation. It is emphasized that the phraseological units under consideration contain culturally significant information, which is expressed in both denotative and connotative aspects of meaning. A comparative analysis of phraseological units in english and russian shows that english phraseological units, without an equivalent in russian, are often translated in a descriptive way. The author explains this by the fact that phraseological units are verbalized in a certain logosphere of the language culture, connected, on the one hand, with linguistic consciousness and thinking, and on the other, with the linguistic picture of the world. The article points out that the concept «animal» has a universal meaning and national peculiarity, generalized in the national linguistic picture of the world. The attention is drawn to the fact that the english phraseological units with animal names do not coincide partially or completely with their russian equivalents on the figurative basis due to national peculiarities. In conclusion, the number of english phraseological units denoting dogs with negative connotations is much greater than the number of phraseological units with positive emotional connotations.

Key words: phraseological unit; picture of the world; cognition; mental representation; logosphere; archiseme; alternant

For citation: Petrova E. A. The comparative analysis of phraseological units with the names of domestic animals in the English and Russian languages. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):70-79 (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-70-79

Введение

Существование общих и индивидуальных черт в языках является результатом отражения различных аспектов окружающей действительности в мировых языках. Каждому языку присуща своя собственная, возможно отличающаяся от других, картина мира, которая находит свою выражение в языке, и языковая личность создает высказывания в соответствии с этой картиной мира, характерной данному языку. Картину мира, то есть когнитивную модель мира, составляют категории, которые представляют собой экстралингвистическую реальность в форме содержательных сущностей: для когнитивной модели – это когнитивные (понятийные), для языковой модели– семантические категории. По выражению Уорфа, «мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, которые накапливаются в нашем сознании, иными словами, в языковой системе» [Уорф, 1960]. По мнению О. В. Корнилова, «результат работы коллективного сознания зафиксирован в языке и, прежде всего, в его лексическом и фразеологическом составе» [Корнилова, 2003, с. 23].

Методология исследования

Исследованию фразеологических единиц, составляющих довольно большой пласт словарного состава, посвящено много работ как отечественных лингвистов [Алефиренко, 2009; Антрушина, 20015; Амосова, 2009; Апресян, 1957; Арсентьева, 2021; Виноградов, 1977; Клековкина, 1981; Кунин, 2005; Ларин, 1956; Сираева, 2015; Телия, 2010; Шанский,1964] и другие, так и зарубежных [см.: Апперсон; Балли; Вайнрайх, 2004; Сейвори; Коуи; Маккей, 1972] и другие. Данный факт обусловлен тем, что, как утверждает Александр Владимирович Кунин, «фразеология – это сокровищница языка» [Кунин, 2005]. Действительно, помимо того, что фразеологическое обороты выражают культуру и быт того или иного языка, благодаря им речь становится наиболее выразительной и эмоциональной. Фразеологизмам зачастую присущ ярко национальный характер.

У многих народов существует ряд общих понятий и представлений, и эта общность обусловлена объективными условиями человеческого бытия, т. е. определенной логосферой. Под логосферой мы подразумеваем некую типичную для данной социально-культурной среды совокупность стереотипов мышления, проявляющаяся в способах аргументации, в умении строить и оценивать умозаключения, и в которой формируется логическая культура человека [Петрова, 2013, с. 96–97]. Так, например, вечные размышления людей о жизни и смерти, о понятиях «*добро»* и «*зло»*, «*истина»* и *«ложь»*, об отношениях между людьми и между человеком и животным, присутствуют во всех языках.

Целью данной статьи является исследование этимологии концепта «животное» на примере домашнего животного – *собака*. Наш выбор данных языковых единиц в качестве объекта исследования обусловлен несколькими причинами. Во-первых, концепт «животное» имеет универсальное значение и одновременно обладает национальной, т. е. идиоэтнической особенностью, обобщенной в национальной языковой картине мира. Семантическое описание концептов могут дать наиболее полное знание о кон-

цепте, существующем в сознании носителей языка – знании, отображающим те или иные языковые стереотипы, представленные как словами, так и фразеологическими единицами, которые являются очевидным показателем языкового менталитета.

Во-вторых, люди тысячелетиями живут бок о бок с животными, которые стали критерием многих свойств человеческого характера. Их образное использование отражает некоторые особенности нрава животных, и является результатом многолетнего наблюдения человека за последними.

Учитывая, что номинативная структура языка содержит «культурно значимую» информацию, которая выражается как в денотативном, так и в коннотативном аспектах значения, мы будем рассматривать следующие культурные модели в русле символической коннотации концепта «животное» (на примере домашнего животного – собака), часто используемые в контексте английских и русских пословиц.

Результаты исследования

Прежде чем обратиться к непосредственному анализу эмпирического материала обратимся к некоторым теоретическим постулатам. Итак, ФЕ современного английского языка берут свое начало в самых разнообразных источниках. Не существует единого общепринятого мнения на то, как следует определять, классифицировать, описывать и анализировать фразеологические единицы. Например, А. В. Кунин классифицирует ФЕ по происхождению и выделяет три основные группы:

1. Исконно английские ФЕ.
2. ФЕ, заимствованные из иностранных слов.
3. ФЕ, заимствованные из американского варианта английского языка.

В первой группе выделяют ФЕ, отражающие реалии и традиции народа, имеющие связь с поверьями и преданьями, историческими фактами, сказками и песнями. Жизнь людей на планете с самого начала ее зарождения протекала в непосредственной связи с животным миром: сначала наши предки добывали себе пищу с помощью охоты, а потом стали приручать и разводить домашних животных. Таким образом, тесное взаимодействие человека с животным миром, наблюдение за повадками его представителей, оценка человеком характерных особенностей того или иного животного, нашли широкое отражение в традициях, преданиях и поверьях народа. Неудивительно, что неотъемлемым атрибутом любой сказки являются животные или птицы.

Профессиональная речь также способствовала появлению большого количества фразеологизмов. Многие идиоматические обороты, в большинстве своем являющиеся терминами, употребляются в переносном метафорическом значении и вышли за пределы границ профессионального употребления: это ФЕ морского, военного и спортивного происхождения. Заметное число английских ФЕ берут свое начало в литературных источниках. Первое место по количеству заимствованных для употребления в бытовой речи ожидаемо занимает Библия, за ней следуют произведения Вильяма Шекспира. Многие ФЕ, существовавшие до Шекспира, обрели популярность после их использования в его произведениях. Помимо В. Шекспира другие английские писатели также обогатили фразеологический фонд английского языка.

Во второй группе на первом месте по количеству заимствованных ФЕ также находится Библия. На протяжении многих веков она была и остается до сих пор одной из наиболее широко читаемых и цитируемых книг в Англии; речь обогатилась не только отдельными словами, но и целыми идиоматическими выражениями (очень часто это – буквальные переводы древнееврейских и греческих идиом). Библейские ФЕ, также как и шекспиризмы, – не застывшие языковые штампы, в современном звучании многие из них изменятся, появляются их производные, варианты. А ввиду того, что животный мир являлся неотъемлемой частью жизни человека, тем или иным образом связанной с его повседневной деятельностью, существует немалое количество библейских ФЕ, которые тем или иным образом связаны с домашними животными. Подобные сравнения чаще всего основываются на каком-либо признаке, характерном или специфическом для того или иного животного или птицы. Большинство из них при переводе Библии с одного языка на другой, становились интернациональными.

Многочисленны в английском языке ФЕ, заимствованные из французского языка. Немногочисленны заимствования из голландского, немецкого, итальянского языков. Большое число ФЕ связано с античной мифологией, литературой. Многие из них носят национальный характер. Нельзя недооценивать ту роль, которую сыграли «братья наши меньшие» в истории человечества: еще неизвестно как бы решился исход троянской войны, если бы хитроумные греки не прибегли к помощи огромного полого коня

(чтобы разместить внутри своих воинов), и не доставили бы его к стенам осаждаемого ими города в качестве так называемого подарка, якобы отказываясь от осады Трои. Можно также вспомнить гусей, поднявших переполох в Риме при приближении к его стенам врага и предупредивших спящих жителей о надвигающейся опасности.

К третьему типу относится ряд ФЕ, восходящий к иностранным реалиям. Много фразеологизмов пришло в Англию из США (*hotdog*), особенно ФЕ, связанных с жизнью индейцев (*wildhorse*).

Итак, учитывая огромную роль домашних животных в жизни человека, оценив исторические, мифологические и культурные факторы, ФЕ с названиями домашних животных можно выделить в отдельную большую группу для рассмотрения, заслуживающую нашего пристального внимания. В качестве эмпирического материала нами были проанализированы ФЕ из словарных источников [см.: CD; LPS; LPID, 2021].

При выявлении английских ФЕ с названиями домашних животных, нами были получены следующие данные: наиболее многочисленные группы ФЕ представлены фразеологизмами с названиями собак (79 единиц), кошек (60), лошадей (46), свиней (40) и овец (15).

Причина доминирующего положения ФЕ с названиями собак в вышеперечисленной группе может быть объяснена тем, что собаки являются очень популярными и распространенными как в Англии, так и в США. На страницах многочисленных газет довольно часто встречаются статьи, посвященные как проблемам самих четвероногих, так и создаваемыми ими проблемами. В Британии с собаками обращаются как с членами семьи, иногда даже говорят, как о лучших друзьях человека. Недаром именно собаки, а не другие животные являются поводырями слепых; другие помогают отыскивать в горах людей, оказавшихся погребенными сошедшей лавиной; третьи оказываются незаменимыми при спасении утопающих.

В культуре как русскоговорящих, так и англоговорящих народов, собака считается символом преданности, что объясняет существование во фразеологическом фонде английского языка следующей единицы:

Follow smb (about) life a dog; To dog the foot steps of – ходить за кем-то по пятам как собачонка.

При передаче данной ФЕ на русский язык сохраняется как смысл, так и образная основа фразеологизма – сравнение при незначительном уточнении русского эквивалента, осложненного вклиниванием слов по пятам, тем самым усиливающим образность ФЕ. Помимо этого происходит изменение словоформы компонента «собака» путем добавления уменьшительно-ласкательного суффикса, в данной ситуации придающего значению пренебрежительную, презрительную окраску.

В русской культуре собака также является олицетворением преданности, поэтому здесь мы можем встретить такие ФЕ, как:

Собачья верность (преданность, привязанность) – *dog's fidelity*.

Собачьи глаза (преданные и грустные глаза) – *dog's eyes*.

Но за время сосуществования людей и собак, людьми были подмечены и другие характерные для собак качества, такие, как обозленность, неуживчивость и так далее. С тех пор помимо преданности собаки стали символизировать также многие дурные привычки человека.

Например: *Love me, love my dog* – «любишь меня, люби и мою собаку», то есть если любишь меня, считайся и с моими недостатками.

Этимология этой ФЕ восходит к латинскому выражению *quime amatet canem meum*, представляющему собой фразеологическую метафору.

Wake a sleeping dog – разбудить спящего пса, то есть озлобить опасного человека.

A dog in the manger – собака на сене; сам не ам и другому не дам; у него зимой снега не выпросишь.

Данное выражение взято из басни Эзопа, в которой собака устроилась в яслях (кормушке) и не давала быку возможности приблизиться к сену, хотя сама его и не ела. Данный фразеологизм, как и многие другие ФЕ индоевропейского происхождения, имеет эквивалент в русском языке, характеризуется верхним порогом устойчивости (что подразумевает нулевую изменяемость выражения в контексте). В описываемом ФЕ высвечивается такая отрицательная черта человека как жадность, скупость.

To blush like a (blue, black) dog – краснеть как (голубая, черная) собака; не краснеть совсем, отличаться бесстыдством.

You can nevers care a dog away from a greasy hide – вам никогда не избавить собаку от грязной шерсти»; очень трудно освободиться от плохих привычек.

Отсутствие прямого эквивалента данной ан-

глийской ФЕ в русском языке указывает на тот факт, что абсолютно в каждом языке есть ФЕ, отражающие культурные национальные особенности того или иного народа и присущие только ему. В подобных случаях перевод осуществляется либо с помощью калькирования, либо путем свободной передачи смысла английской фразы.

Слово «*собака*» в английском языке приобрело отрицательный эмоциональный оттенок и, употребляясь в сочетании с прилагательными, обладающими негативным оценочным значением, начинает обозначать человека, наделенного этими качествами. Например,

A dirty dog – разговорный (грубый – дрянь, грязная скотина, подлец, свинья.

Одним из предположительных источников образования этой ФЕ является ссылка на то, что на Востоке собаки до сих пор питаются падалью или отходами на улицах. А позднее свободное словосочетание превратилось во фразеологическую метафору, где перенос значения был осуществлен на основании сходства внешнего вида: грязная собака ассоциировалась со свиньей, дифференциальной семой которой является прилагательное «грязный».

Приведем еще несколько примеров:

A dull dog (разг.) – скучный, нудный человек, зануда;

A dumb dog (разг.) – молчаливый, неразговорчивый человек; человек, из которого слова не вытянешь;

A gay dog (разг.) – беспутный человек, кутила, распутник;

A lame dog (разг.) – неудачник;

A sad dog (разг.) – мрачный, угрюмый человек; шут, шалопай, кутила, беспутный;

A sly dog (разг.) – скрытный человек, хитрец (обычно о человеке, скрывающем свои грешки);

A yellow dog (амер. разг.) – подлый трусливый человек, презренное существо, прохвост. Данное выражение является частью фразы *yellow dog contract*, что значит «*желтое обязательство*», то есть обязательство не вступать в профсоюз и не участвовать в борьбе за свои права, которое должен дать рабочий при поступлении на работу.

Особо можно выделить группу ФЕ с отрицательной коннотацией, отражающих все лишения и невзгоды поистине собачьей жизни и ФЕ, демонстрирующие бесправность, никчемность бедных животных и пренебрежительное отношение к ним со стороны людей:

A dead dog (разговорный, фамильярный) – ненужная, бесполезная вещь; человек, от которого нет никакой пользы.

Give (throw) to the dogs – выбросить за негодностью, за ненадобностью; бросить на произвол судьбы, уволить. Предположительно источником данной фразы мог послужить обычай бросать собакам глодать кости, мясо с которых было уже срезано или кости, вынутые из супа и не являющиеся пригодными для употребления в пищу.

He that lies down (sleeps) with dogs must rise up with fleas (пословица) – «С собакой ляжешь, с блохами встанешь»; «С кем поведешься, от того и наберешься»

Густая собачья шерсть или подшерсток создавали благоприятные условия для разведения блох, поэтому бездомные животные, лишенные внимательной заботы хозяина и влачащие свое жалкое существование на грязных улицах или в подворотнях, были вынуждены страдать от вредных насекомых. При переосмыслении английской фразы под компонентом «*dogs*» стали пониматься люди, наделенные различными пороками, а слово «*fleas*» стало обозначать дурные привычки. Перенос значения в последнем случае основан на сходстве дифференциальных сем слов «блоха» и «дурные привычки».

Например:

1. *Flea* (блоха); архисема – насекомое; дифференциальная сема – ведущая паразитический образ жизни, являющееся вредным.

2. *Flea* (дурные привычки); архисема – образ действия, ставший привычным; дифференциальная сема – вредный, пагубный.

Таким образом, здесь мы имеем дело с метафорой и переносом значения, основанном на сходстве образа действия. Ввиду отсутствия в русском языке эквивалента или аналога вышеприведенной ФЕ, она передается с помощью описательного перевода.

Наличие в обоих рассматриваемых языках такого образа, как *dog's life* (собачья жизнь, мрачное существование), красноречиво свидетельствует об очень плохих, трудных условиях, в которых, как правило, приходится прозябать большинству животных. Поэтому неудивительно существование в алтайском языке такой ФЕ, как – *Lead a dog's life* – влачить жалкое существование.

Одной из характерных черт «собачьей жизни» является плохое питание, послужившее основой для создания следующего фразеологизма:

Dog's dinner (breakfast) – презренное, что-то плохо или небрежно сделанное; халтура. Прото-

типом данной ФЕ послужили небрежно сброшенные в кучу и перемешанные объедки со стола, из которых и состоял собачий ужин. Таким образом, преобразование свободного сочетания во ФЕ произошло за счет частичной смены семного состава свободного сочетания, и лишь потенциальная сема позволяет установить связь между значением фразеологизма и его прототипом:

Dog's dinner (свободное сочетание – «собачий ужин»); архисема – вечерняя пища (ужин); дифференциальная сема – назначение (собачий, для собаки); Потенциальная сема – свойство (небрежно приготовленная).

Dog's dinner (фразеологизм – халтура); архисема – работа; Дифференциальная сема-характеристика (небрежно приготовленная).

Таким образом, рассмотренный фразеологизм представляет собой фразеологическую метафору, основанную на сходстве внешней формы и свойствах сравниваемых предметов; а также характеризуется наличием лексического варианта.

Следующий фразеологизм ярко демонстрирует горькую участь, выпадающую на собачью долю:

To die like a dog (*to die a dog's death*) – подохнуть как собака; умереть позорной смертью, брошенным всеми.

Рассматриваемая ФЕ не обладает верхним порогом устойчивости, так как способна образовывать морфологические варианты, квантитативные и лексические, что позволяет дать более детальную подробную характеристику ситуации, тем самым усиливая яркость создаваемого образа.

Для описания проявления резко отрицательного (негативного) отношения к кому-либо в обращении с этим человеком, используется следующая единица фразеологического фонда:

To treat smn like a dog – обращаться как с собакой.

Данная ФЕ является фразеологизмом-сравнением, характеризующимся средним порогом языковой устойчивости с присущей ему заменой альтернанта *smn* притяжательным местоимением в контексте. Рассматриваемая ФЕ является интернациональной, поэтому беспрепятственно нашла эквивалент в русском языке.

Бесправность собаки, которая зачастую становится козлом отпущения для хозяев, отразилась в группе следующих ФЕ:

1. *If you want a pretence to whip a dog, say that he ate the frying-pan* (пословица) – «Если вам нужен предлог, чтобы побить собаку, скажите, что она съела сковородку»; то есть при желании к каждому можно придраться.

2. *A staff (stick) is quickly found to beat a dog with* (пословица) – «Чтобы побить собаку, палка найдется быстро»; чтобы наказать кого-либо, предлог найдется».

3. *Any stick is good enough too beat a dog with* (пословица) – «Любая палка достаточно хороша, чтобы побить собаку».

Все три вышеперечисленные ФЕ находят в русском языке следующий аналог: «Коли быть собаке битой, палка найдется». Разница заключается в том, что в первом случае наблюдается значительное расхождение в образных основах английской и русской ФЕ при сохранении адекватности значений, в то время как во втором и третьем случаях англо-русские обороты различаются лишь частично. Первый и второй фразеологизмы, рассматриваемые в этой группе, обладают верхним порогом устойчивости (являясь пословицами, функционируют в речи как самостоятельные единицы), а вторая пословица характеризуется наличием лексических вариантов (staff / stick), поэтому относится только к нижнему порогу устойчивости.

Тему влачения жалкого существования собаками может продолжить следующая группа ФЕ, отражающих пренебрежительное, презрительное отношение к данным животным: *to kill (shoot) smb like a dog, try it on the dog, not to have a word to throw at a dog.*

To kill (shoot) smb like a dog – убить кого-либо как собаку, пристрелить как собаку. Рассматриваемый фразеологизм-сравнение имеет эквивалент в русском языке, совпадающий с ним как по значению, так и по степени образности, имеющей в обоих языках одинаковую основу. Английский фразеологизм характеризуется наличием лексического варианта, возможностью замены альтернанта и изменением словоформы глаголов *kill (shoot)* при использовании ФЕ в предложении (то есть возможна морфологическая замена). Таким образом, рассматриваемая ФЕ обладает нижним порогом устойчивости.

Try it on the dog (театральный жаргон) – «испробовать на собаке», т. е. проверить провинциальный спектакль на провинциальном зрителе. В данном случае мы имеем дело с фразеологической метафорой, где перенос значения основан на сходстве характерных черт: *Dog* (часть свободного словосочетания – собака); архисема – животное; дифференциальная сема – домашнее;

Потенциальная сема – испытывающее на себе пренебрежение окружающих.

Dog (часть фразеологизма – провинциальный зритель); архисема – человек; дифференциальная сема – смотрящий представление, спектакль. Дифференциальная сема – приехавший из удаленной от главного города, центра местности. Потенциальная сема – отсталый, наивный, простоватый (поэтому вызывающий пренебрежение горожан).

Таким образом, сходство рассматриваемых значений потенциальных сем является основой для создания образности ФЕ. Отсутствие же в русском языке эквивалента или анализа вышеприведенной ФЕ указывает на индивидуальность ее употребления в английском языке и подчеркивает различия национальных особенностей и менталитета разных народов.

Приведем пример: *Not to have a word to throw at a dog* – быть необщительным, неразговорчивым. Точное происхождение этой фразы неизвестно, но можно предположить, что необщительному, неразговорчивому человеку в меньшей степени, чем раскрепощенному, присуща способность обругать, оскорбить или унизить бесправное существо видимых на то причин. В данном случае мы имеем дело с фразеологизмом-метафорой, не имеющий аналога или эквивалента в русском языке и поэтому передаваемый на русский язык с помощью описательного перевода.

Отдельно следует отметить то, что в Англии, по старинным поверьям, одной из любимых форм воплощения дьявола являлась черная собака, С тех пор, одна или в сопровождении своих щенков, она стала служить плохой приметой, а фразеологический фонд английского языка пополнился несколькими ФЕ, основанными на «преданьях старины глубокой»: *a black dog has walked over him; the black dog is on one 's back и dog on it!*

A black dog has walked over him – черная собака перебежала ему дорогу (употребляется при описании угрюмого, мрачного, мрачного человека).

Ввиду различий в обычаях и культуре сравниваемых стран, данный фразеологизм, не найдя эквивалента в русском языке, передается путем описательного перевода. Но если обратить пристальное внимание на обычаи русского народа, то можно отметить, что причину злоключений, выпадающих на чью-либо долю, русские предрассудки связывают с черной кошкой, перебежавшей бедолаге дороге. Таким образом, не найдя эквивалента, рассматриваемая ФЕ может приобрести следующий русский аналог «*черная кошка перебежала ему дорогу*».

The black dog is on one's back – черная собака на чьей-либо спине, хандрить, находиться в состоянии уныния, меланхолии. Данная ФЕ, также, как и предыдущая является индивидуальной особенностью, присущей исключительно фразеологическому фонду английского языка ввиду специфики народных примет. Помимо этого она обладает структурным синонимом (*have the black dog on one's back*) и возможностью замены альтернанта *one's* переменными компонентами в контексте.

И, наконец, ФЕ *dog on it!* – является ругательством, также тем или иным образом ассоциируется с нечистой силой и имеет перевод «*Черт побери*!».

Ряд единиц английского фразеологического фонда с названиями собак образовался в связи с таким некогда популярным и распространенным занятием, как охота: *call off one 's dogs* (*call one 's dogs off), tired as dog, let the dog see rabbit*).

Call off one's dogs (*call one's dogs off*) – прекратить неприятное дело, неприятный разговор, отозвать собак. Этимология образной основы понятна, поэтому мы остановимся на характеристиках ФЕ. Помимо возможности замены альтернанта переменными компонентами, отмечается также наличие инверсии элементов, а при использовании ФЕ в контексте, возможны как морфологические изменения (изменение словоформы глагола *call*), так и употребление глагола *call* в страдательном залоге. Отсюда следует, что данный фразеологизм обладает нижним порогом устойчивости.

Tired as a dog – разговорный – уставший как собака. Данная ФЕ является интернациональной, так как многие народы увлекались (увлекаются) охотой с применением собак и образ загнанной, обессиленной после долгой погони за диким животным собаки с высунутым языком, является одинаковым для большинства народов мира.

Let the dog see the rabbit – позволить кому-то начать делать работу, к которой он готов и которой он с нетерпением ждет. Описательный перевод применен из-за отсутствия эквивалента данной ФЕ в русском языке.

Иногда слово «*dog*» применяется в английских ФЕ исключительно с целью придания выражению выразительности, то есть усиления его эмоциональной окраски.

Например: *Not have a dog's chance* (разговорный) – не иметь никакого шанса, ни малейшей

возможности.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что количество английских ФЕ с названиями собак с отрицательной эмоциональной окраской в несколько раз превышает число фразеологизмов с положительной эмоциональной окраской в связи с тем, что помимо преданности, собака символизирует также многочисленные дурные привычки, черты человека (злость, неряшливость, занудство), в ряде случаев является «козлом отпущения» для своих хозяев, зачастую жизнь этого животного ассоциируется с мрачным существованием, полным лишений и невзгод, а черная собака является даже прототипом самого дьявола.

Случаи совпадения англо-русских ФЕ и по смыслу, и по образной основе, встречаются, как правило, при рассмотрении библеизмов или ФЕ индоевропейского происхождения, вследствие чего они и становятся интернациональными. Расхождение в образных основах англо-русских ФЕ обусловлено, как правило, индивидуальными особенностями национальных культур, традиций и обычаев. Понятие «*собака»* в контексте английских пословиц трактуется главным образом негативно. В русском языке собака является символом невежливого, наглого и праздного человека.

Таким образом, в результате проведенного нами сопоставительного анализа англо-русских ФЕ с названиями домашних животных, можно говорить о существовании уникальных подгрупп фразеологизмов в каждом языке, частично или полностью не совпадающих с их аналогами по образной основе вследствие различий во фразеологических системах языках, продиктованных особенностями национальных культур, традиций, обычаев, поверий, преданий и исторических фактов. Тем не менее нельзя отдельно не сказать о существовании тех немногочисленных случаев совпадения англо-русских ФЕ, как по смыслу, так и по образной основе. Наличие эквивалентов подобных ФЕ в других языках объясняется, как правило, их индоевропейским или библейским происхождением, вследствие чего они стали интернациональными. Но следует заметить, что подобных примеров значительно меньше, чем тех, когда при передаче на язык перевода используется не эквивалент, а аналог или описательный перевод.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремиология : учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. Москва : Флинта. Наука, 2009. 344 с.

2. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. 2-е изд., доп. Москва : URSS : Либроком, 2009. 206 с.

3. Антрушина Г. Б. Лексикология английского языка / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н.Н. Морозова. Москва : Юрайт, 2015. 287 с.

4. Апресян Ю. Д. К вопросу о значении фразеологических единиц // Иностранные языки в школе. 1957. № 6. С.12.

5. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва, 1977. С. 140–161.

6. Клековкина Е. Е. Об основных путях образования фразеологизмов в английском языке XVI века. Диахрония и синхрония в словообразовании и фразеологии германских и романских языков. Куйбышев, 1981. Т. 258. 207 с.

7. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Москва : ЧеРо, 2003. 349 с.

8. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна : Феникс+, 2005. 488 с.

9. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Ленинград : ЛГУ, 1956. № 198. 225 с.

10. Петрова Е. А. Истоки и векторы логико-когнитивного направления в изучении языка : монография. Уфа, 2013. 128 с.

11. Сираева Р. Т. Особенности изучения ментальных концептов во фразеологии // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 3 С. 1042–1045.

12. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва : Школа «Языки русской культуры», 2010. 282 с.

13. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1964. 353 с.

14. Уорф Б. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. Москва, 1960. Вып. 1. С. 183–198.

15. Фразеологический словарь современного русского языка. Москва : «Аделант», 2014. 512 с.

16. Arsenteva E. F. Phraseological Units with the Author's Transformations in the works by D. H. Lawrence // The Discoursal Use of Phraseological Units. Edited by Elena Arsenteva. Cambridge Scholars Publishing, 2021. P. 103–122.

17. Appearson G. L. English Proverbs and Proverbial Phrases: A Historical Dictionary. URL: https://archive.org/details/in.ernet.dli. 2015.147398 (дата обращения: 24.11.2021).

18. Bally Ch. Traité de stylistique française. URL: https://archive.org/details/traitdestylist01ball (дата обращения: 24.11.2021).

19. Cambridge Dictionaries. URL: http://dictionary.cambridge.org (дата обращения: 19.11.2021).

20. Cowie A. P. Phraseology. Theory, Analises and Applications. URL: https://www.researchgate.net/publication/276000766_Phraseology_Theory_Analysis_and_Applications (дата обращения: 25.11.2021).

21. Logan Pearsall Smith. Words and idioms : studies in the English language. URL: https://www.unz.com/print/SmithLogan-1925/ (дата обращения: 5.11.2021).

22. Longman Pocket. Idioms dictionary. URL: https://www.pdfdrive.com/longman-pocket-idioms-dictionary-dictionary-longman- e184230439.html (дата обращения: 9.11.2021).

23. Makkai A. Idiom structure in English. The Hague. Mouton, 1972. P. 371.

24. Savory T. H. The language of science. URL: https://archive.org/details/languageofscience (дата обращения: 25.10.2021).

25. Weinreich, U. Problems in the Analysis of Idioms: Substance and Structure of Language. University of California Press, Berkley and Los Angeles, 2004. 208 p

Reference List

1. Alefirenko N. F. Frazeologija i paremiologija = Phraseology and Paroemiology : uchebnoe posobie dlja bakalavrskogo urovnja filologicheskogo obrazovanija. Moskva : Flinta. Nauka, 2009. 344 s.

2. Amosova N. N. Osnovy anglijskoj frazeologii = Basic English phraseology. 2-e izd., dop. Moskva : URSS : Librokom, 2009. 206 s.

3. Antrushina G. B. Leksikologija anglijskogo jazyka = The English language lexicology / G. B. Antrushina, O. V. Afanas'eva, N.N. Morozova. Moskva : Jurajt, 2015. 287 s.

4. Apresjan Ju. D. K voprosu o znachenii frazeologicheskih edinic = On the meaning of phraseological units // Inostrannye jazyki v shkole. 1957. № 6. S. 12.

5. Vinogradov V. V. Ob osnovnyh tipah frazeologicheskih edinic v russkom jazyke = On the main types of phraseological units in Russian // Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija. Moskva, 1977. S. 140–161.

6. Klekovkina E. E. Ob osnovnyh putjah obrazovanija frazeologizmov v anglijskom jazyke XVI veka. Diahronija i sinhronija v slovoobrazovanii i frazeologii germanskih i romanskih jazykov = On the main ways of forming phraseological expressions in the XVI century English. Diachrony and synchronicity in word formation and phraseology of Germanic and Romance languages. Kujbyshev, 1981. T. 258. 207 s.

7. Kornilov O. A. Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov = Linguistic pictures of the world as derived from national mentalities. Moskva : CheRo, 2003. 349 s.

8. Kunin A. V. Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka = Modern English phraseology course. Dubna : Feniks+, 2005. 488 s.

9. Larin B. A. Ocherki po frazeologii. Ocherki po leksikologii, frazeologii i stilistike = Essays on phraseology. Essays on lexicology, phraseology and stylistics. Leningrad : LGU, 1956. № 198. 225 s.

10. Petrova E. A. Istoki i vektory logiko-kognitivnogo napravlenija v izuchenii jazyka = Origins and vectors of the logical-cognitive trend in language studies : monografija. Ufa, 2013. 128 s.

11. Siraeva R. T. Osobennosti izuchenija mental'nyh konceptov vo frazeologii = Peculiarities of studying mental concepts in phraseology // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2015. T. 20. № 3 S. 1042–1045.

12. Telija V. N. Russkaja frazeologija: Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = Russian phraseology: Semantic, pragmatic, and linguocultural aspects. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 2010. 282 s.

13. Shanskij N. M. Leksikologija sovremennogo russkogo jazyka = Lexicology of the modern Russian language. Moskva : Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah, 1964. 353 s.

14. Uorf B. Lingvistika i logika = Linguistics and logic // Novoe v lingvistike. Moskva, 1960. Vyp. 1. S. 183–198.

15. Frazeologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka = Phraseological dictionary of the modern Russian language. Moskva : «Adelant», 2014. 512 s.

16. Arsenteva E. F. Phraseological Units with the Author’s Transformations in the works by D. H. Lawrence // The Discoursal Use of Phraseological Units. Edited by Elena Arsenteva. Cambridge Scholars Publishing, 2021. P. 103–122.

17. Appearson G. L. English Proverbs and Proverbial Phrases: A Historical Dictionary. URL: https://archive.org/details/in.ernet.dli. 2015.147398 (data obrashhenija: 24.11.2021).

18. Bally Ch. Traité de stylistique française. URL: https://archive.org/details/traitdestylist01ball (data obrashhenija: 24.11.2021).

19. Cambridge Dictionaries. URL: http://dictionary.cambridge.org (data obrashhenija: 19.11.2021).

20. Cowie A. P. Phraseology. Theory, Analises and Applications. URL: https://www.researchgate.net/publication/276000766_Phr

aseology_Theory_Analysis_and_Applications (data obrashhenija: 25.11.2021).

21. Logan Pearsall Smith. Words and idioms : studies in the English language. URL: https://www.unz.com/print/SmithLogan-1925/ (data obrashhenija: 5.11.2021).

22. Longman Pocket. Idioms dictionary. URL: https://www.pdfdrive.com/longman-pocket-idioms-dictionary-dictionary-longman- e184230439.html (data obrashhenija: 9.11.2021).

23. Makkai A. Idiom structure in English. The Hague. Mouton, 1972. P. 371.

24. Savory T. H. The language of science. URL: https://archive.org/details/languageofscience (data obrashhenija: 25.10.2021).

25. Weinreich, U. Problems in the Analysis of Idioms: Substance and Structure of Language. University of California Press, Berkley and Los Angeles, 2004. 208 p.

Статья поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 15.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 12.12.2021; approved after reviewing 15.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 8.81.42 (8. 81.38)
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-80-86

Колоративная лексика в романе И. С. Шмелева «Пути небесные»

Ольга Евгеньевна Михайлова
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранного языка и культуры речи ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». 603081, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3
ol-la80@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9197-1459

Аннотация. В статье анализируются семантика и функции колоративной лексики, в большинстве своём представленной именами прилагательными со значением «цвет», в романе И. С. Шмелева «Пути небесные». Несмотря на внимание современных исследователей к последнему произведению писателя, язык этого романа практически не изучен. Предметом статьи стала цветовая лексика романа «Пути небесные». Цель статьи – выявить основные функции колоративных цветообозначений в художественном пространстве романа. Определено, что колоративная лексика в итоговом произведении И. С. Шмелева, обладая высокой частотностью и полисемантичностью, становится знаковой чертой идиостиля автора. Наряду с основными цветами в структуре повествования важную роль играют сложные цвета, которые обозначаются в тексте составными наименованиями, включающими в себя два цвета, и образуются путем сочетаний основ слов и целого слова, парными номинациями, состоящими из названий основного цвета и оттенка. В тексте также присутствуют лексемы, в составе которых прослеживается семантический элемент «свет». Показано, что колоративная лексика романа «Пути небесные» выполняет ряд функций в структуре повествования: 1) номинативную: участвует в создании реального плана, бытового пространства романа; 2) эмоционально-оценочную: передаёт внутренние переживания героев, их отношение к происходящим событиям; 3) психологическую: раскрывает духовные метания героев, их рефлексию; 4) аксиологическую: отражает религиозные авторские представления о мире. Выявлено, что кроме основных лексических и традиционных символических значений цветовая лексика приобретает в романе И. С. Шмелева новое, индивидуально-авторское значение.

Ключевые слова: художественный текст; колоративная лексика; лексема; семантическая структура слова; картина мира; идиостиль

Для цитирования: Михайлова О. Е. Колоративная лексика в романе И. С. Шмелева «Пути небесные» // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 80-86. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-80-86

Original article

Vocabulary of colors in I.S. Shmelev's novel The Ways of Heaven

Olga E. Mikhaylova
Candidate of philological sciences, associate professor, department of foreign language and culture of speech, Nizhny Novgorod academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 603081, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye shosse, 3
ol-la80@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9197-1459

Abstract. The article analyzes adjectives with the meaning «color» in the novel The Ways of Heaven by I. S. Shmelev. Despite the attention of modern researchers to the last work of the writer, the language of this novel has not been studied enough yet. The subject of the research is lexemes with the meaning «color», from the point of view of their functionality and semantic content.

The purpose of the article is to determine the main ways of creating the world view of colors in the literary space of the novel The Ways of Heaven. Researchers pay attention to the fact, that the vocabulary of colors is highly frequent and polysemic and becomes a symbolic feature of the author's individual style especially in I.S. Shmelev's last work.

© Михайлова О. Е., 2022

Along with the main colors, mixed colors also play an important role. They are presented in the text by compound names that include two colors and are formed by combining word stems and a whole word, paired nominations consisting of names of the main color and its shade.

To describe the events taking place in the text of the novel, I. S. Shmelev uses lexemes, in which the semantic element «light» can be traced. It is shown that the words denoting colors in the novel The Ways of Heaven have a number of functions in the structure of the text : 1) nominative: taking part in creating the real plan, everyday space of the novel; 2) emotional-evaluative: lexemes of this group convey the inner struggle of the characters, their attitude to the current events; 3) psychological: reveals spiritual torment of the characters, their reflections; 4) religious-axiological: reflects the author's religious ideas about the world.

Key words: literary text; words denoting colors; lexeme; semantic structure of the word; worldview; individual author's style

For citation: Mikhailova O. E. Vocabulary of colors in I.S. Shmelev's novel The Ways of Heaven. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):80-86. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-80-86

Введение

Роман «Пути небесные» – последнее произведение И. С. Шмелева, которое отражает духовную эволюцию писателя, аккумулирует темы, мотивы и образы всех периодов творчества автора. Немаловажную роль в этом произведении играет религиозный план повествования. В последний период жизни И. С. Шмелев приходит к мысли о единстве русского и православного в творчестве [Марченко, 1994]. Создавая картины русского быта, писатель уделяет особое внимание языковому строю произведения. И. С. Шмелёв стремится передать всю сложность и противоречивость духовного выбора героев. В связи с этой задачей автора особую роль в структуре повествования приобретают цветообозначения. Предметом данной статьи стала колоративная лексика в романе И.С.Шмелева «Пути небесные».

Исследование колоративной лексики имеет богатую традицию. Историография вопроса берет свое начало в 60-х годах XX века [Вежбицкая, 1996; Berlin, Kay, 1969; Фрумкина, 1984; Шаховский, 1988] и развивается по настоящее время [Василевич, 2005; Дубинина, 2021]. Отдельного внимания, по нашему мнению, заслуживает тот факт, что все больше исследователей приходят к осознанию несомненной значимости колоративов в восприятии и осмыслении художественного текста. Изучение цветовой лексики в этом аспекте позволяет глубже понять стиль автора, оценить экспрессивность художественного произведения, выявить пути метафорического отражения действительности [Сидорова, 2019, с. 181]. Осмыслению колоративной лексики как части идиостиля писателей и поэтов русской литературы посвящены работы Е. И. Бегловой [Беглова, 2020], Т. А. Ермаковской, Н. Н. Сафоновой [Ермаковская, Сафонова, 2019], Я. Е. Матросовой [Матросова, 2016], В. С. Морщинского [Морщинский, 2019], А. Ц. Масевич, В. П. Захарова [Масевич, 2019]. На рубеже XX–XXI веков появляется ряд исследований, изучающих индивидуальный стиль И. С. Шмелева на примере отдельных произведений. Так, анализу колоративной лексики посвящены работы Н.Б. Бугаковой [Бугакова, 2017], И. В. Юзефович [Юзефович, 2018]. Однако, несмотря на внимание ученых к творчеству И.С.Шмелева, язык романа «Пути небесные» практически не изучен. Цель статьи: анализ колоративной лексики с точки зрения функций в тексте и смысловой наполненности в романе И. С. Шмелева «Пути небесные».

Методы исследования

Путем лексико-семантического анализа текста нами были выделены и классифицированы основные группы колоративной лексики, объединённые одной цветовой семой и выполняющие важные сюжетные функции в сюжете романа «Пути небесные».

Результаты исследования

Изучение языковой структуры романа «Пути небесные» показало, что колоративная лексика художественного текста с точки зрения значений строится вокруг пяти основных цветов спектра и двух сложных, полученных путем сочетания основных цветов. К первой группе относятся *синий, красный, зеленый, белый, черный.* Второй ряд представлен такими лексемами, как *золотой* и *серый*. Однако если обращение к *серому* цвету фрагментарно, его упоминание в основном касается портретной характеристики героев, то *золотой* присутствует во всех планах повествования, становясь характерной особенностью стиля автора.

Каждое из цветообозначений образует синонимические ряды с различной степенью интен-

сивности проявления цвета. Цветовые лексемы, участвуя в создании образного строя романа, несут целый комплекс смыслов и значений. Цветовые оттенки представлены в тексте составными единицами, включающими в себя два цвета, и образованы путем сочетаний основ слов и целого слова, парными словосочетаниями, состоящими из наименований основного цвета и оттенка. Относительно частеречной принадлежности можно отметить, что преобладают простые прилагательные и сложные, единичны случаи употребления глаголов, причастий. Проанализируем способы репрезентации колоративной лексики в системе романа «Пути небесные». Так, колоративное значение *красный* представлено лексемой *красный* и синонимами «*розовый», «гранатовый», «пунцовый», «вишнёвый», «червонный», «алый», «румяный», «огненный», «бордовый».* Лексические значения большинства колоративных прилагательных построены по модели «имеющий окраску одного из основных цветов спектра…» + «похожий цветом на…» (ср.: «красный – имеющий окраску одного из основных цветов спектра, цвета крови» [СРЯ, 1985–1988, с. 359]. Морфологически цветообозначения выражены прилагательными, реже существительными и причастиями, единично употребление глагола: щеки *горели*, *розовеющий* монастырь, *румянец*. Отметим, что колоратив *красный* преобладает в описаниях городского пространства. В сценах жизни героев в Москве доминируют насыщенные цвета: «***оторвавшийся красный шар»***, «***бордовые стены***», «***пунцовый шёлк***». Многообразие цвета передает пестроту и яркость радостной торопливости праздника. Не менее значимым становятся оттенки красного в сценах искушения героев: «***Красный кабинет с пылающим камином,*** атласные диваны, картины веселого соблазна…» [Шмелев, 1991, с. 368]. Писатель показывает, как Даринька, живущая до встречи с Вейденгаммером очень скромно и просто, попадая в мир роскоши, проходит путь от радости к искушению и соблазну богатством. На смену *красному* приходят более темные, густые цвета. Атмосфера роскоши и великолепия передается во многом с помощью колоративных прилагательных: ***гранатовые*** серьги, ***вишневый*** бархат, ***пунцовый*** шёлк – драгоценные камни и ткани вызывают восхищение героини, показывая читателю, как легко можно увлечься суетностью. Однако в тексте произведения встречается и негативная оценка *красного* цвета. В сценах искушения И. С. Шмелев вводит образ барона Ритлингера, олицетворяющего зло и порочность. Его *красное* лицо пугает Дариньку, отталкивает. Негативность образа усиливается эмоционально-экспрессивным прилагательным *краснорожий.* Важно, что в цветовой палитре оттенков красного не менее значимым в сюжете романа становится *розовый* цвет. Он обладает несколькими значениями. Во-первых, прилагательное *розовый* упоминается в произведении в такие моменты, когда автор описывает состояние героини, её ощущения от знакомства со светской жизнью. Перед поездкой в театр Даринька испытывает приятное волнение от встречи с новым, она видит вокруг ***розовое утро, розовую площадь, розовое солнце***. Героиня, как ребенок, удивляется всему новому, яркому, не виданному ею ранее. Данная параллель значима для творчества автора: она прослеживается в повести «Богомолье», в романе «Лето Господне», и к ней обращается И. С. Шмелев в романе «Пути небесные». Использование колоративной лексики позволяет автору передать психоэмоциональное состояние героини, подготовить читателей к происходящим в дальнейшем событиям. В этом плане *розовый* употребляется в традиционном символическом значении '*полный радостных надежд'*. Во-вторых, семантика розового связана с природным пространством, с восприятием мира как частью космоса. В моменты, когда герои пытаются начать новую жизнь, когда им удается избежать искушения, образы *розоватых* огней монастыря, *огнисто-розовых* домов, розового солнца маркируют пространство романа. В этом аспекте *розовый* цвет – это цвет зари, символ возрождения жизни. Степень интенсивности цвета, выражающаяся в суффиксах -оват-, -ист- отражает, насколько герой отходит от своего вектора развития в сюжетном пространстве.

Немаловажную роль в создании разных планов повествования играет колоративное прилагательное, обозначающее сложный цвет, *золотой.* Оно встречается в тексте романа на всех этапах повествования. Синонимами этого колоратива становятся *золотистый,, золотисто-жёлтый, солнечный*. Встречаются единичные существительные, наречия – *пыльно-золотисто, позолота*. Примечательно, что в тексте романа практически отсутствует упоминание *желтого* цвета, оно минимально. Эта особенность является отличительной чертой идиостиля И. С. Шмелева. Цвета и оттенки помимо традиционного классического толкования приобретают сакральное, религиозное значение. Цветопись трактуется в

иконописных традициях, что отвечает задаче автора: создать особый тип романа, передающий путь обретения человеком веры: «Золото не имитирует свет (цвет), а испускает, излучает, являет его» [Лепахин, 2002, с. 105]. То есть колоративное прилагательное *золотой* получает аксиологическое значение: *золотой* символизирует Божественный свет. Отметим, что, как и лексема *красный,* цветонаименование *золотой* участвует в создании изображения картин городской жизни. В эпизодах, где И.С.Шмелев описывает посещение героиней театра, колоратив *золотой* используется четыре раза в рамках одного предложения: ***лепные золотые медальоны, золотые лепные литеры*** в гирляндах, ***золотистая пыль, золотой в блеске***. [Шмелев,1991, с. 353]. Частотность обращения автором к цветообозначению *золотой* в картинах московской жизни свидетельствует о значимости этого прилагательного для описания социально-бытового пространства романа «Пути небесные». Блеск театра, салонов и витрин магазинов увлекают героиню, заставляя забыть о ее прежней простой жизни в монастыре, погружают её в суету забот и мелочей. Такое прочтение текста, по нашему мнению, созвучно описанию восприятия икон в работах Е. Н. Трубецкого. Анализируя технику иконописного письма, Е. Н. Трубецкой отмечал, что яркость узора икон прописана настолько тщательно, словно «подчеркивает ***мелочность мишурного земного великолепия***…» [Трубецкой, 1994, с. 154]. Во втором томе романа колоратив *золотой* приобретает индивидуально-авторское значение, трактуемое в религиозном контексте. В структурном соотношении на первый план выходят сложные прилагательные, состоящие из компонентов, имеющих в составе не только сему *цвет*, но и *свет.* В главах, описывающих сельскую жизнь, автор акцентирует внимание на таких деталях портрета Дариньки как: «***осветленная***», «***с лучезарными глазами***», «в ней была чудесная копия ***света»***, «***отблеск Света***». Свет трактуется в религиозном смысле. Синонимичными воспринимаются лексемы *блеск* и *свет,* так как блеск, уподобляясь цвету, словно воплощает Божественной энергию [Флоренский, 1929].

К числу лексем, определяющих цветовую манеру письма автора, можно отнести колоративное прилагательное *белый*, основное значение которого реализуется также в цветообозначениях *белоснежный, бледный, восковой, фарфоровый, светлый, серебряный, хрустальный.* В словарях это прилагательное толкуется как «цвет снега, молока или мела» [СРЯ, 1985–1988, с. 43]. Его значение в структуре романа раскрывается через понятия *мертвенный* и *чистый, непорочный*. Показательно, что в картинах городской жизни колоратив *белый* практически не встречается. Это цветообозначение связано преимущественно с описанием монастыря, с пейзажными зарисовками романа. Кроме того, колоративное прилагательное *белый* значимо в описаниях эмоционально-психологического состояния героини. Так, цветовая лексема *восковой* характеризует состояние Дариньки в момент молитвенного служения, олицетворяет ее отрешенность от мирской жизни: «***траурная была***, в бархатном куколе-колпачке….выделявшем ***бледное, восковое, прозрачное*** лицо» [Шмелев, 1991, с. 298]. Впоследствии этот компонент отходит на второй план, в текст произведения включаются лексемы ***белоснежный***, ***фарфоровый, хрустальный***, которые определяют *белый* как *чистый, прозрачный, хрупкий*. Эти значения связаны с образом героини, отражают ее причастность к церковному миру. Параллельно лексеме «белый» в повествовательный план вводится черный цвет, который представлен прилагательными с разной степенью интенсивности цветового значения: от ***тёмного, чернявого, черномазого*** **до** ***траурного.*** Наряду с традиционным толкованием черного как символа смерти И. С.Шмелев продолжает традицию, заложенную им в романе «Солнце мертвых», восприятия черного как символа застоя, душевной пустоты. Примечательно, что при обозначении черного автор обращается к приёму метафоризации ***лаковые гробы карет***, использует развернутое сравнение ***кризис, как мохнато-черный паук***. Включение автором экспрессивно-оценочного компонента позволяет отразить тревожное состояние героя, его духовные метания. Состояния искушения, соблазна героев передаются яркими красками, эпизоды стагнации отличаются скудностью цветового отображения, лаконичностью повествования. На первый план выходят добавочные компоненты значения цвет, отражающие приглушенность оттенка: *мутность, рассеянность, пыль*.

Отдельного внимания в цветовой палитре романа заслуживает лексема *зеленый.* Колоративные прилагательные со значением цвета *зеленый* представлены синонимами *зеленый, изумрудный*. Как и колоративные прилагательные *красный, золотой,* лексема *зеленый* включена в описание социально-бытового плана. Прилагательное *изу-*

мрудный содержит в себе такие значения, как «яркость», «ценность», участвуя в создании картин роскоши и богатства столичной жизни. Однако колоративное прилагательное *зеленый* используется автором и в главах описания рождественских праздников. Словообразы ***«зеленые лошадки», «густо-зеленые камелии», «зелень Рождества»*** символизируют свежесть и начало новой жизни. Так, опосредованно вводится природный план повествования, космический, впоследствии переходящий в сакральное пространство, репрезентируемое в колоративной группе *синий.* Ряд включает в себя цветонаименования *синеватый, голубой, лазурный*. В минуты отчаяния герой смотрит на небо. Будучи астрономом, он рисует ***небесные чертежи***. В моменты, когда Виктор Алексеевич охвачен страстью, желанием разрушения, ***синие главки монастыря*** словно напоминают ему о нравственности. Для этого цветонаименования характерна множественность толкований, в числе которых свет, отражение божественного начала; в народной культуре синий цвет символизирует верность. Несмотря на многочисленные испытания, утраты, разочарования герои вместе проходят путь к истине, путь поиска веры [Галанина, Захарова, 2004, с. 112].

Заключение

Итак, в последнем, итоговом произведении И. С. Шмелева «Пути небесные» важную роль приобретает колоративная лексика. Она позволяет понять идиостиль автора, характерные особенности в создании сюжетного пространства романа. Цветовая палитра произведения формирует три плана повествования: социально-бытовой, космический и сакральный (религиозный). Каждому из этих типов пространств присущ определенный цветовой ряд, с доминированием нескольких цветовых сем. Так, предметно-бытовой план повествования представлен такими колоративными группами как: *красный, золотой, черный.* Космический тип пространства формируется колоративными прилагательными *зеленый, голубой.* Сакральный план сюжета создается цветообозначениями *золотой, розовый, синий, белый*. Морфологически колоративная лексика романа представлена простыми и сложными прилагательными, реже существительными, причастиями, наречиями, глаголами. Упоминание их в тексте единично: ***«синеющие кальки с путанными на них путями неба»*** [Шмелев, 1991, с. 285]; ***«розовеющий монастырь сквозь серебристый иней», «глаза ее интересно засинели»*** [Шмелев, 1991, с. 381]**.** Однако, несмотря на низкую частотность, они выполняют важную функцию. «Буйство» красок театров, ресторанов, кабинетов сменяется картинами зимней природы. Контрастность смены планов и обращение к колоративным причастиям и глаголам позволяет автору замедлить темп повествования, отразить вневременной характер происходящего. Суете и кружению светской жизни автор противопоставляет покой и тишину природы.

Важную роль в образном строе романа «Пути небесные» играет эмоционально-оценочный компонент колоративной лексики произведения. Интенсивность цвета передается с помощью суффиксов –ист-, -оват-, а также путём использования сложных прилагательных: ***густо-пунцовые, голубовато-прозрачные, тусклозолотой, зеленоватый***. Особое значение приобретают метафоризация и сравнение: ***огнисто-розовый, вспыхнуло взрывами огней, разгорание любви.*** Цвет в художественном тексте романа может быть выражен лексемами, имеющими значение чистого цвета и смешанных оттенков, например, *медный* ‘красно-желтый, цвета меди’, *фиолетовый* ‘синий с красноватым оттенком’.

Колоративная лексика в романе И. С. Шмелева «Пути небесные» выполняет несколько функций: 1) номинативную: участвует в создании реального плана, бытового пространства романа; 2) эмоционально-оценочную: лексемы этой группы передают внутренние переживания героев, их отношение к происходящим событиям; 3) психологическую: раскрывает духовные метания героев, их рефлексию; 4) религиозно-аксиологическую: отражает религиозные авторские представления о мире.

Библиографический список

1. Беглова Е. И. Особенности колоративной лексики в романе А. Белого «Москва» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 116–122.

2. Бугакова Н. Б. Индивидуально-авторские особенности языковой картины мира И. С. Шмелева : монография. Воронеж : Воронежский государственный технический университет, 2017.

3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва : Русские словари, 1996. 416 с.

4. Галанина О. Е., Захарова В. Т. Духовный реализм И. Шмелева: лейтмотив в структуре романа «Пути небесные» : монография. Н. Новгород : НГПУ, 2004. 115 с.

5. Дубинина Н. В. Лингвокреативный потенциал русских колоротивов: история и современность. Волгоград. 2021.

6. Ермаковская Т. А., Сафонова Н. Н. Особенности текстообразующего функционирования колоративной лексики в творчестве Б. К. Зайцева // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019. № 2. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK219.pdf (дата обращения: 10.09.2021).

7. Лепахин В. Икона и иконичность. Санкт-Петербург : Успен. подворье Оптиной Пустыни (Санкт-Петербург), 2002. 400 с.

8. Марченко Т. В. Традиции Гоголя в творчестве Шмелева // Культурное наследие российской эмиграции, 1817–1940. В 2-х кн. Кн. 2. Москва : Наследие, 1994. С. 159.

9. Масевич А. Ц., Захаров В. П. Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Том 17. Выпуск 1. С. 21–48. URL: https://pureportal.spbu.ru/ru/publication (дата обращения: 10.10.2021).

10. Матросова Я. Е. Морфологические классификации русских цветообозначений, представленных в языке художественной литературы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2016. № 36. С. 61–74.

11. Морщинский В. С. Цветообозначения как смыслообразующие элементы индивидуально-авторской картины мира в ранней прозе Л. Н. Андреева. Белгород, 2019.

12. Сидорова Н. А., Федулова М. Н. Вербализация категории цвета в английском языке (на материале публицистических текстов) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 15.09.2021).

13. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Москва : Русский язык, 1985–1988.

14. Трубецкой Е. Смысл жизни. Москва : Республика, 1994. 432 с.

15. Флоренский П. Столп и утверждение Истины: опыт православной теодицеи в двенадцати письмах священника Павла Флоренского. Берлин : [б. и.], 1929. 809 с.

16. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. Москва : Наука, 1984. 175 с.

17. Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А. П. Василевича. Москва : КомКнига, 2005. 216 с.

18. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Москва, 1988.

19. Шмелев И. С. Пути небесные: Избранные произведения. Москва : Советский писатель, 1991. 592 с.

20. Юзефович И. В. Художественная модель национального мира в прозе 1/3 XX века: И. С. Шмелев, Ш. Й. Агнон, И. Э. Бабель. Москва, 2018.

21. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms, Their Universality and Evolution. Los Angeles: Center for the Study of Language and Information, 1969. 210 p.

22. Key P. The Linguistic Significance of the Meanings of Basic Color Terms// Language: Journal of the Linguistic Society of America. 1978. Vol. 54. № 3. P. 610–646.

Reference list

1. Beglova E. I. Osobennosti kolorativnoj leksiki v romane A. Belogo «Moskva» = Peculiarities of the color vocabulary in A. Bely's novel «Moscow» // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 2 (21). S. 116–122.

2. Bugakova N. B. Individual'no-avtorskie osobennosti jazykovoj kartiny mira I. S. Shmeleva = Individual author's peculiarities of I. S. Shmelev's linguistic picture of the world : monografija. Voronezh : Voronezhskij gosudarstvennyj tehnicheskij universitet, 2017.

3. Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Cognition. Moskva : Russkie slovari, 1996. 416 s.

4. Galanina O. E., Zaharova V. T. Duhovnyj realizm I. Shmeleva: lejtmotiv v strukture romana «Puti nebesnye» = Spiritual realism of I. Shmelev: Leitmotif in the structure of the novel The Ways of Heaven : monografija. N. Novgorod : NGPU, 2004. 115 s.

5. Dubinina N. V. Lingvokreativnyj potencial russkih kolorotivov: istorija i sovremennost' = The linguistic and creative potential of Russian colorants: history and modernity. Volgograd. 2021.

6. Ermakovskaja T. A., Safonova N. N. Osobennosti tekstoobrazujushhego funkcionirovanija kolorativnoj leksiki v tvorchestve B. K. Zajceva = Peculiarities of the text-forming color vocabulary functioning in B. K. Zaitsev's works // Mir nauki. Sociologija, filologija, kul'turologija, 2019. № 2. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK219.pdf (data obrashhenija: 10.09.2021).

7. Lepahin V. Ikona i ikonichnost' = Icon and the iconic. Sankt-Peterburg : Uspen. podvor'e Optinoj Pustyni (Sankt-Peterburg), 2002. 400 s.

8. Marchenko T. V. Tradicii Gogolja v tvorchestve Shmeleva = Gogol's tradition in Shmelev's work // Kul'turnoe nasledie rossijskoj jemigracii, 1817–1940. V 2-h kn. Kn. 2. Moskva : Nasledie, 1994. S. 159.

9. Masevich A. C., Zaharov V. P. Chastotnoe povedenie prilagatel'nyh cveta v russkih pojeticheskih tekstah = Frequent behavior of color adjectives in Russian poetic texts // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2019. Tom 17. Vypusk 1. S. 21–48. URL: https://pureportal.spbu.ru/ru/publication (data obrashhenija: 10.10.2021).

10. Matrosova Ja. E. Morfologicheskie klassifikacii russkih cvetooboznachenij, predstavlennyh v jazyke hudozhestvennoj literatury = Morphological classifications of Russian color designations in the language of fiction // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobroljubova.

2016. № 36. S. 61–74.

11. Morshhinskij V. S. Cvetooboznachenija kak smysloobrazujushhie jelementy individual'no-avtorskoj kartiny mira v rannej proze L. N. Andreeva = Color signifiers as semantic elements of the individual author's picture of the world in the early prose of L.N. Andreev. Belgorod, 2019.

12. Sidorova N. A., Fedulova M. N. Verbalizacija kategorii cveta v anglijskom jazyke (na materiale publicisticheskih tekstov) = Verbalizing the category of color in English (on the material of journalistic texts) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (jelektronnyj zhurnal). 2019. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (data obrashhenija: 15.09.2021).

13. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. = Russian language dictionary: in 4 vol. / pod red. A. P. Evgen'evoj. Moskva : Russkij jazyk, 1985–1988.

14. Trubeckoj E. Smysl zhizni = The meaning of life. Moskva : Respublika, 1994. 432 s.

15. Florenskij P. Stolp i utverzhdenie Istiny: opyt pravoslavnoj teodicei v dvenadcati pis'mah svjashhennika Pavla Florenskogo = The pillar and establishment of Truth: the experience of Orthodox theodicy in twelve letters of the priest Pavel Florensky. Berlin : [b.i.], 1929. 809 s.

16. Frumkina R. M. Cvet, smysl, shodstvo. Aspekty psiholingvisticheskogo analiza = Color, meaning, similarity. Aspects of psycholinguistic analysis. Moskva : Nauka, 1984. 175 s.

17. Cvet i nazvanija cveta v russkom jazyke = Color and names of colors in Russian / pod obshh. red. A. P. Vasilevicha. Moskva : KomKniga, 2005. 216 s.

18. Shahovskij V. I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka = Categorization of emotions in the lexical-semantic system of a language. Moskva, 1988.

19. Shmelev I. S. Puti nebesnye: Izbrannye proizvedenija = The ways of heaven: Selected works. Moskva : Sovetskij pisatel', 1991. 592 s.

20. Juzefovich I. V. Hudozhestvennaja model' nacional'nogo mira v proze 1/3 HH veka: I. S. Shmelev, Sh. J. Agnon, I. Je. Babel' = The artistic model of the national world in the XX century prose: I. S. Shmelev, S. Y. Agnon, I. E. Babel. Moskva, 2018.

21. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms, Their Universality and Evolution. Los Angeles: Center for the Study of Language and Information, 1969. 210 p.

22. Key P. The Linguistic Significance of the Meanings of Basic Color Terms// Language: Journal of the Linguistic Society of America. 1978. Vol. 54. № 3. P. 610–646.

Статья поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 15.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 12.12.2021; approved after reviewing 15.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 81
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-87-95

Функции вставных конструкций в поэзии и прозе В. В. Набокова

Михаил Николаевич Кулаковский
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
kulmn@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8826-0883

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования вставных конструкций в поэтических и прозаических текстах В. В. Набокова. Характеризуются основные направления анализа вставных конструкции в современной лингвистике (анализ с функциональной точки зрения с учетом жанрового своеобразия произведения в аспекте коммуникативных регистров речи, с точки зрения организации диалогичности текста, как способ актуализации информации в художественном тексте, как маркер актуализации иронии, как средство реализации категории хронотопа, как средство организации метатекстовой структуры произведения, как синтаксическая конструкция и синтаксический процесс, как средство стилизации художественного текста). В работе определяются наиболее характерные функции вставок в текстах данного автора, связь вставных конструкций с различными текстовыми уровнями, их роль в общей структуре художественного текста. Подробно описаны не только наиболее типичные, но и уникальные функции вставок в лирике и прозе В. В. Набокова. Выделены основные аспекты языковой игры в рамках вставных конструкций, а также средства взаимодействие вставок с основным контекстом, представленные в лирике и прозе В. В. Набокова. Определены основные функциональные особенности вставных конструкций в плане взаимодействия различных информативных и субъектно-речевых планов текста, интертекстуальных связей, а также в плане формирования пространственно-временной организации произведения. Проведенный в работе анализ позволяет выявить наиболее типичные функции вставок в творчестве В. В. Набокова: оформление переключения (и сопряжения) различных временных планов произведения, моделирование коммуникации повествователя с читателем (организации речевой игры с читателем), мотивировка художественного образа, детализация, организация сравнения, передача оценочной информации.

Ключевые слова: вставная конструкция; художественный текст; индивидуально-авторский стиль; функции вставных конструкций; пространственно-временной план; субъектно-речевой план; эмоционально-оценочная информация; уточнение; сравнение; интертекст

Для цитирования: Кулаковский М. Н. Функции вставных конструкций в поэзии и прозе В. В. Набокова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 87-95. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-87-95

Original article

Functions of parentheses in V.V. Nabokov's poetry and prose

Mikhail N. Kulakovsky
Candidate of philological sciences, associate professor of the Russian language department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
kulmn@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8826-0883

Abstract. The article examines peculiarities of using parentheses in V. V. Nabokov's lyrics and prose. The author characterizes the main directions of analysing parentheses in modern linguistics (analysis from the functional point of view, taking into account the genre specificity of the work in the aspect of communicative registers of speech, from the point of view of dialogue organization of the text, as a way of actualizing information in literary text, as a marker of actualizing irony, as a means of implementing the category of chronotope, as a means of organizing the metatextual structure of the work, as a syntactic construction and syntactic process, as a means of stylizing the literary text). The article determines the most characteristic functions of parentheses in the texts of the author, the connection of parentheses with various text levels, their role in the overall structure of the artistic text. Not only the most typical, but also the

© Кулаковский М. Н., 2022

unique functions of parentheses in V. V. Nabokov's poetry and prose are described in detail. The author highlights the main aspects of language game in the framework of parentheses, as well as the means of interaction between the parentheses and the main context in V. V. Nabokov's poetry and prose. The main functional features of the parentheses are determined in terms of the interaction of various informative and subject-speech plans of the text, intertextual relations, as well as in terms of forming the spatial and temporal structure of the work. The analysis carried out in this study identifies the most typical functions of parentheses in V. V. Nabokov's works: switching (and combining) different temporal plans of the work, modeling communication between the narrator and the reader (organizing a conversational game with the reader), motivating the artistic image, detailing, forming comparisons, and conveying evaluative information.

Key words: parentheses; literary text; individual author's style; functions of parentheses; space-time plan; subject-speech plan; emotional-evaluation information; clarification; comparison; intertext

For citation: Kulakovsky M. N. Functions of parentheses in V. V. Nabokov's poetry and prose. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):87-95. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-87-95

Введение

Материалом нашего исследования послужило творчество Владимира Набокова, «кинематографический характер которого, помимо внешних, социокультурных обстоятельств, обусловлен особенностями набоковского восприятия действительности. Прежде всего – способностью «двойного» (по определению самого писателя) зрения, открывающего предмет сразу в нескольких его гранях и послойно обнажающего сокровенную сущность увиденного» » [Белоусова, 2017, с. 89].

Многоаспектность творчества Набокова позволяет применять комплексный подход при его изучении, совмещая лингвистические, литературоведческие и философские концепции [Shcherbak, 2020].

Н. А. Карпов отмечает, что «материя творчества предстает для Набокова лишь физической оболочкой его идеальной нематериальной сути – эта идея, наследующая платонической философии, а также романтической и символистской концепциям искусства, не раз звучит в устах писателя и его героев» [Карпов, 2019, с. 119].

Интересное наблюдение делает А. В. Леденев: «Предметом изображения у Набокова, как правило, оказывается сознание постигающего и тем самым творчески пересоздающего (или – еще чаще – химерически искажающего) мир субъекта. По признанию Набокова, ему по-настоящему интересны приключения разума, памяти и воображения» [Леденев, 2019, с. 62].

Важным, на наш взгляд, представляется сопоставление лирики и прозы Набокова, при этом его поэзия, как отмечает А. Н. Безруков, «должна восприниматься в смысловом разрезе с его прозой, ибо лирический формат уточняется эпической наррацией» [Безруков, 2020, с. 58].

Основные аспекты анализа вставных конструкций

Вставные конструкции рассматриваются современными исследователями в различных аспектах: с функциональной точки зрения с учетом жанрового своеобразия произведения в аспекте коммуникативных регистров речи [Казаков, 2020], с точки зрения организации диалогичности текста [Мазикова, 2020], как способ актуализации информации в художественном тексте [Князева, Королькова, 2020], как маркер актуализации иронии [Булатая, 2020], как средство реализации категории хронотопа [Янковская, 2009], как средство организации метатекстовой структуры произведения [Старикова, 2018], как синтаксическая конструкция и синтаксический процесс [Будникова, 2020], как средство стилизации художественного текста [Харлова, 2021].

В качестве материала для исследования вставок часто выступают классические художественные тексты, например – поэзия И. А. Крылова [Патроева, Мухина, 2021], Н. А. Некрасова [Афанасьева, 2021], проза А. П. Чехова [Филиппова, 2019], а также произведения современной литературы, в частности – проза Г. Яхиной [Арзямова, 2020], Д. Рубиной [Клепикова, 2017], Л. Петрушевской [Марьина, 2017], А. Сальникова [Столярова, 2018], Д. Быкова [Туранова, 2017], Б. Акунина [Элатик, 2017], Е. Водолазкина [Казаков, 2020]. Творчество В. Набокова также является объектом изучения в данном аспекте [Сафонова, Чупрякова, 2017].

Вставные конструкции в творчестве В. В. Набокова

Активное использование вставных конструкций является одной из ярких особенностей стилевой манеры В. В. Набокова. При этом необходимо отметить не только регулярность их употребления в произведениях данного автора, но и

разнообразие выполняемых ими функций. А это, в свою очередь, свидетельствует об актуализации различных информативных планов в структуре художественного текста. Именно поэтому важным, с нашей точки зрения, представляется выявление основных особенностей использования В. В. Набоковым различных функциональных типов вставных конструкций, что позволяет выявить определенные приоритеты в информативной актуализации текста и вычленить значимые особенности стиля данного автора.

Таким образом, в нашем исследовании представляется важным не только определить круг функциональной нагрузки вставных конструкций в рамках художественного текста в целом, но и проследить, насколько последовательно проявляются данные тенденции в поэзии и прозе В. В. Набокова, а также разграничить индивидуальные особенности стилевой манеры автора и особенности, мотивированные информативным, жанровым или композиционным своеобразием конкретного текста.

Анализируемые вставные конструкции мы рассматриваем с точки зрения конструктивного синтаксиса и понимаем под ними определенную часть текста, заключенную в скобки и используемую для передачи «дополнительных сведений, не являющихся необходимыми для понимания информации, изложенной в основном предложении, для передачи мыслей, возникающих у пишущего по ассоциации» [Акимова, 1990, с. 59].

Проведенный нами сравнительный анализ показал, что вставные конструкции достаточно регулярно встречаются в прозе Владимира Набокова, однако в лирике они представлены незначительно. Необходимо подчеркнуть, что данная тенденция выглядит вполне закономерной, поскольку нарушение ритмико-интонационной организации гораздо существеннее влияет на поэтический текст (по сравнению с текстом прозаическим). Кроме того, особая ассоциативная связь между созданными автором художественными образами (или информативными текстовыми блоками) в лирике (в отличие от прозы) позволяет обходиться без подобных синтаксических средств актуализации. А это позволяет констатировать, что вставные конструкции, представленные в поэтическом тексте, более экспрессивны, чем в тексте прозаическом, поскольку их появление представляется в этом случае менее мотивированным.

Рассмотрим основные функции вставных конструкций в произведениях В. В. Набокова. Наиболее типичными для прозы Набокова являются вставки, передающие взаимодействие различных речевых планов текста. Здесь следует отметить, что в целом это достаточно характерная функция вставных конструкций в рамках прозаического текста (количественные данные их употребления примерно совпадают со средним показателем (подробнее об этом см.: [Кулаковский, 1996]). Она мотивируется универсальностью вставок как средства соотнесения произносимой и внутренней речи персонажа, реплик различных героев, введения речи героя в авторское повествование.

Особенно интересны представленные у Набокова примеры соотнесения различных субъектно-речевых планов. В частности, это может быть произносимая речь одного персонажа и внутренняя речь другого: – *Молчать! – заорал Кречмар. – Это с самого начала – пошлая ложь, шулерское изощрение!* ***(«Ну, если он кричит, все хорошо», – подумала Магда.)*** (Камера обскура) [Набоков, 1990б].

В поэзии же подобные вставки встречаются очень редко (так, в следующем примере наблюдается вкрапление чужой речи в авторское повествование): *Как проситель из наглых, гроза общежитий, / как зловещий друг детства, как старый шпион /* ***(шепелявым таким шепотком: а скажите, / что вы делали там-то?)***… (Слава) [Набоков, 1991].

Подобное взаимодействие субъектно-речевых планов может актуализировать возникающие интертекстуальные связи: *Есть вещи, вещи,/ которые … даже…* ***(Акакий Акакиевич / любил, если помните, «плевелы речи», / и он, как Наречье, мой гость восковой)***… (Слава) [Набоков, 1991].

Достаточно традиционным является использование вставных конструкций, в рамках которых представлен авторский субъектно-речевой план внутри прямой речи персонажа. Они чаще всего актуализируют сопровождающие действия или жесты, а также акцентирую внимание на внутреннем состоянии персонажа: *«Когда бы /* ***(со вздохом начал он)*** *меня / издатель мой не потревожил, / я б не покинул мест, где прожил / все лето с Троицына дня…»* (Из калмбрудовой поэмы «Ночное путешествие») [Набоков, 1991].

При этом следует обратить внимание на существенное различие: в лирике такие вставки единичны, а в прозе Набокова они представлены достаточно последовательно: – *Нет, Цин-Цин, это я не тебе.* ***(Вздохнула.)*** (Приглашение на

казнь) [Набоков, 1990в].

В прозе В. В. Набокова регулярно используются вставки, передающие информацию, которая имеет уточняющий характер (подробнее о подобных вставках см.: [Кулаковский, 2020]). Наиболее типичным здесь является уточнение путем приведения примера: *Зато стихи* ***(например, томик Рильке, который она купила по совету приказчика)*** *приводили его [Лужина] в состояние тяжелого недоумения и печали.* (Защита Лужина) [Набоков, 1990а].

В поэтических текстах уточнение с помощью вставных конструкций встречается крайне редко. При этом обычно оно сопровождается оценкой или дополнительной информативной конкретизацией (отметим, что аналогичная тенденция прослеживается и в прозе): *Не шло ей имя Виолета, /* ***(вернее: Вийолет, но это / едва ли мы произнесем)*** (Университетская поэма) [Набоков, 1991].

Регулярно представлена во вставных конструкциях информация обстоятельственного характера. В частности, для прозы В. В. Набокова наиболее типичным является указание на время действия, а также актуализация следствия или причины определенных событий (подробнее о подобных вставках см.: [Кулаковский, 2006]). Например, вставка может мотивировать двойственность чувств персонажа (актуализируя важную деталь основного контекста): *Он [Родион] нес в обеих руках, весьма бережно, но и брезгливо* ***(заботливость велела прижать к груди, страх – отстранить)*** *ухваченное комом полотенце…* (Приглашение на казнь) [Набоков, 1990в].

Подобная мотивировка создаваемого образа характерна и для поэтических текстов Набокова: *Он говорит, что жизнь земная – / слова на поднятой в пути – / откуда вырванной? – странице /* ***(не знаем и швыряем прочь)****…* (Неоконченный черновик) [Набоков, 1991].

Объяснение значимой детали образа позволяет сделать отсылку к определенной жизненной ситуации (заметим, что подобный ассоциативно-логический ход очень характерен для творчества Набокова). Так создается многоаспектность, «многослойность» повествования (созданный автором художественный образ сопрягается с образами реального мира): *…вроде слишком яркой / цветной открытки без угла /* ***(отрезанного ради марки, / которая в углу была)****…* (К кн. С. М. Качурину) [Набоков, 1991].

С помощью вставных конструкций может мотивироваться и предлагаемая автором оценка. При этом объяснение также может быть дано в рамках ассоциативно-образного плана, заявленного в основном контексте: *В этой жизни, богатой узорами /* ***(неповторной, поскольку она / по-другому, с другими актерами, / будет в новом театре дана)****…* (Парижская поэма) [Набоков, 1991].

Детализирующая информация во вставках последовательно представлена как в прозе, так и в лирике Владимира Набокова (что мотивируется общей логикой информативного развертывания текста). В частности, особое внимание Набоков уделяет портретным характеристикам персонажей. При этом вставная конструкция обычно актуализирует два штриха, две важные для восприятия детали портрета героя: *… Незнакомая фотография отца* ***(в одной руке книга, палец другой прижат к виску)****…* (Защита Лужина) [Набоков, 1990а].

Аналогично в лирике: *Да, – с умиленьем сладостным и острым /* ***(колени сжав, лицо склонив во мглу…)****, / он вспомнил домик в переулке пестром, / и голубей, и стружки на полу* (На Голгофе) [Набоков, 1991].

Следует отметить, что прозаический текст позволяет автору представить более развернутую портретную характеристику (что вполне логично мотивируется и объемом текста, и его ритмико-композиционными особенностями). В частности, автор может сопоставить развернутые портреты двух персонажей: *Дед и бабка* ***(он – дрожащий, ощипанный, в заплатанных брючках; она – стриженная, с белым бобриком, и такая худенькая, что могла бы натянуть на себя шелковый чехол зонтика)*** *расположились рядышком…* (Приглашение на казнь) [Набоков, 1990в].

Для поэзии Владимира Набокова характерным является использование в рамках контекста определенной метафорической детали. Она позволяет оформить переход от информативного плана к плану ассоциативно-образному (что типично для лирики): *Тогда, глаза подняв /* ***(и лучезарная в них осень улыбалась)****, / она глядела вдаль, и плавно колебалась / тень ивовой листвы на платье, на плечах…* (E.L.) [Набоков, 1991].

Пейзажные зарисовки в творчестве Набокова представлены незначительно. При этом в поэзии автор может ограничиться формальной номинацией зрительных образов, как бы позволяя читателю самостоятельно представить и дорисовать картину: *Скажешь ты Богу: я дома! /* ***(Кладбище. Мост. Поворот.)*** */ Будет старик незнако-*

мый – / вместо дубка, у ворот… («Людям ты скажешь: настало!..») [Набоков, 1991].

В прозаическом тексте, вводя пейзажную зарисовку, Набоков обычно не только создает зрительный образ, но и актуализирует внутреннее состояние персонажа или обращает внимание на собственные ощущения, вызываемые данной картиной: *В среду распустили раньше* ***(это был один из тех чудесных дней, голубых, пыльных, в самом конце апреля, когда уже роспуск так близок, и такая одолевает лень)****…* (Защита Лужина) [Набоков, 1990а].

В отличие от поэзии, для прозаического текста характерна детальная прорисовка зрительного образа предмета: *… Эту перечницу* ***(изображавшую толстого человечка с дырочками в серебряной лысине)****…* (Подвиг) [Набоков, 1989].

Характерной для вставок является организация сопряжения различных временных планов текста. Данное явление регулярно наблюдается и в прозе, и в поэзии В. В. Набокова. Например, вставная конструкция может расширять временные рамки текста, актуализируя план прошлого (вставка в этом случае позволяет обратить внимание на значимые детали, важные для восприятия информации основного контекста): *В миру фотограф уличный, теперь же / царь и поэт, парнасский самодержец /* ***(который год сидящий взаперти)****…* (Безумец) [Набоков, 1991].

В других случаях вставная конструкций позволяет формировать план воображаемого (а часто – и моделируемого или легко прогнозируемого) будущего: *…как призрак золотистый, / мерцает крепость* ***(в полдень бухнет пушка: / сперва дымок, потом раскат звенящий)****…* (Петербург) [Набоков, 1991].

Характерной для вставных конструкций является передача эмоционально-оценочной информации. Так, вставки могут содержать оценочную информацию о персонаже (или в других случаях – о конкретной исторической личности): *Зоил* ***(пройдоха величавый, / корыстью занятый одной) /*** *и литератор площадной /* ***(тревожный арендатор славы) /*** *меня страшатся…* (Неоконченный черновик) [Набоков, 1991].

В прозе Набокова встречаются примеры, в которых представленная во вставной конструкции оценка может быть охарактеризована и как внутренняя самооценка героя, и как внешняя оценка персонажа повествователем: *… Скрипели ржавые ступени* ***(не те годы, увы, опух, одышка)*** (Приглашение на казнь) [Набоков, 1990в].

Оценка лирическим героем или повествователем самого себя чаще всего менее категорична. Подобная самооценка обычно совмещена с актуализацией зрительного плана произведения (ради справедливости, необходимо отметить, что подобные примеры единичны): *Но как я сяду в поезд дачный / в таком пальто, в таких очках /* ***(и, в сущности, совсем прозрачный, / с романом Сирина в руках)****?* (К кн. С. М. Качурину) [Набоков, 1991].

Информацию, которая имеет эмоционально-экспрессивный характер, традиционно актуализируют вставки, имеющие характер сравнения. Подобные вставные конструкции регулярно используются и в прозе, и в поэзии В. В. Набокова. Здесь следует отметить одно различие. Так, лирике вставные конструкции со сравнением обычно оформляют переключение повествования с информативного плана на ассоциативно-образный (то есть метафорический): *…никогда не мелькнет мое имя – иль разве /* ***(как в трагических тучах мелькает звезда) /*** *в специальном труде, в примечанье к названью…* (Слава) [Набоков, 1991].

В прозаическом же тексте сравнение чаще всего организовано на основе сопоставления с внетекстовой действительностью: *«Лужин здоров», – сказала она, с улыбкой глядя на его тяжелый профиль* ***(профиль обрюзгшего Наполеона)****…* (Защита Лужина) [Набоков, 1990а].

При этом достаточно типичным для прозы Набокова является использование расширенного сравнения с актуализацией жизненного опыта повествователя и читателя. Подобные вставные конструкции чаще всего отсылают читателя к типичной жизненной ситуации, что позволяет через сопоставление с известным (узнаваемым и понятным для читателя) лучше прочувствовать и воспринять художественный образ: *И теперь, как и тогда, вместо слов изумления, которых он смутно ожидал* ***(как, проснувшись в чужом городе, ожидаешь, еще не раскрыв век, необыкновенного, сияющего утра)****, … услышал пасмурные, холодноватые слова…* (Защита Лужина) [Набоков, 1990а].

Данная достаточно яркая особенность художественного восприятия Набокова проявляется и в его поэзии, например – при мотивировке причины или актуализации определенного образа действия: *Вставал я нехотя.* ***(Как будущий поэт, / предпочитал я сон действительности ясной. / Конечно, не всегда: как торопил я страстно / медлительную ночь пред светлым Рождеством!)*** (Детство) [Набоков, 1991].

При этом (что вполне логично) сравнения, которые представлены в прозе Набокова, более разнообразны. Так, сопоставление образов может быть основано на привлечении другого текста (актуализации интертекстуальных связей), а также требовать определенного логического или ассоциативно-логического хода для восприятия (например – воспроизведения содержания стихотворения или точного цитирования, а также установления аналогии или ассоциативных связей): *Мартыну показалось, что уже где-то, когда-то были сказаны эти слова* ***(как в «Незнакомке» Блока)****…* (Подвиг) [Набоков, 1989].

Достаточно уникальны для прозы Набокова случаи сравнения с привлечением оценки персонажа: *Открыл слуга* ***(похожий, по мнению Магды, на лорда)*** (Камера обскура) [Набоков, 1990б].

Текст художественного произведения в значительной степени отображает модель определенной коммуникативной ситуации. Соответственно, для его организации важным является соотношение таких понятий, как «автор (повествователь)» и «адресат (читатель)». Условия этой коммуникации часто определяют особенности стилевой манеры конкретного автора. Поэтому вставки играют важную роль в плане организации взаимодействия повествователя с читателем и (как следствие) оформления своеобразной языковой игры.

Например, с помощью конкретизирующего вопроса, представленного во вставке, автор может актуализировать особенности звукового или зрительного восприятия (он как бы предлагает читателю занять место лирического героя, увидеть картину его глазами или самим услышать передаваемый звуковой ряд): *Кто-то тихо, чисто / в цветах звенит* ***(кто, ангел или дрозд?)****…* (Каштаны) [Набоков, 1991].

Представленный во вставке риторический вопрос тоже становится средством языковой игры с читателем: *Решенье чистое, простое /* ***(о чем я думал столько лет?)*** (Что за ночь с памятью случилось) [Набоков, 1991].

Такой прием может заставить читателя вернуться к предтексту и трансформировать лишенную эмоциональной окраски лексему в самостоятельный художественный образ: *Вечереет… /* ***(и как объяснить, / что значило русское / «вечереет»?)*** (Река) [Набоков, 1991].

В прозе Владимира Набокова представлены достаточно уникальные случаи, в которых обращение автора может быть адресовано не только читателю, но и даже одному из персонажей произведения. При этом можно говорить о возникающей в тексте корреляции особого типа: автор (повествователь) – моделируемый читатель – персонаж: – *Но ведь не сию же минуту, – сказал Цинциннат, удивляясь сам тому, что говорит, – я не совсем подготовился…* ***(Цинциннат, ты ли это?)*** (Приглашение на казнь) [Набоков, 1990в].

Вставки в произведениях Набокова могут выполнять и традиционную функцию вводных предложений – указывать на источник информации: *Вы будете* ***(как иногда / говорится) /*** *смеяться, вы будете* ***(как ясновидцы / говорят)*** *хохотать…* (О правителях) [Набоков, 1991].

При этом чаще всего актуализируется типичность употребления речевого оборота в определенной жизненной ситуации. Подобные вставные конструкции (хотя и нечасто) встречаются как в поэзии (предыдущий пример), так и в прозе Владимира Набокова: *… Тише, это ничего (как говорят ребенку в минуту невероятного бедствия)…* (Приглашение на казнь) [Набоков, 1990в].

Заключение

Таким образом, проведенный нами анализ позволил выявить основные тенденции употребления вставных конструкций, отражающие особенности стиля В. В. Набокова, характерные для его творчества в целом. В частности, как в поэтических, так и в прозаических текстах данного автора вставки последовательно используются для переключения (и сопряжения) различных временных планов произведения, моделирования коммуникации повествователя с читателем (организации речевой игры с читателем), мотивировки художественного образа, детализации, организации сравнения, передачи оценочной информации. При этом необходимо отметить, что такие типичные для прозы В. В. Набокова функции вставок, как передача уточняющей информации, взаимодействие различных субъектно-речевых планов, указание на время действия или его следствие, в поэзии практически не встречаются. Данная закономерность, вероятно, связана с базовыми особенностями информативного развертывания художественного текста, поскольку в прозаическом тексте подобные вставки выглядят функционально более мотивированными. При этом в поэтическом тексте (для которого вставочность в целом менее характерна) вставные конструкции воспринимаются как единицы, характеризующиеся большей экспрессивностью.

Библиографический список

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. Москва : Высшая школа, 1990. 166 с.

2. Арзямова О. В. Динамические тенденции в синтаксисе русской художественной прозы начала XXI века // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (267). С. 156–159.

3. Афанасьева Е. А. К вопросу о структуре и функциях вставных конструкций в поэзии Н. А. Некрасова // Современные аспекты филологических исследований. Сборник научных трудов Международной научной конференции; Региональной научно-практической конференции. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2021. С. 92–103.

4. Безруков А. Н. Лирика Владимира Набокова: суггестия символики предметного мира // Заметки ученого. 2020. № 6. С. 53–59.

5. Белоусова Е. Г. О кинематографичности романа В. Набокова «Машенька» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 88–99.

6. Будникова Н. Н. Вставка как синтаксическая конструкция и синтаксический процесс // Культура и текст. 2020. № 1 (40). С. 167–180.

7. Булатая Е. В. Вставные конструкции как маркер актуализации иронии в произведениях Н. В. Гоголя: прагматический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2020. № 1. С. 25–32.

8. Казаков В. П. Функции вставных конструкций в зеркале коммуникативных регистров речи (в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 4. Т. 17. С. 633–649.

9. Карпов Н. А. Владимир Набоков: к бессмертию через слово // Мир русского слова. 2019. № 1. С. 115–120.

10. Клепикова В. И. Вставные конструкции в произведениях Д. Рубиной: специфика функционирования // Актуальные проблемы филологии. 2017. № 14. С. 84–91.

11. Князева Н. В., Королькова Е. Е. Парантеза как способ актуализации информации в художественном тексте // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 61-8. С. 44–48.

12. Кулаковский М. Н. Причинно-следственнные связи во вставных конструкциях в рамках художественного текста // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 4 (49). С. 33–36.

13. Кулаковский М. Н. Типы и функции вставных конструкций в русской художественной прозе 20–30-х годов XX века. Ярославль, 1996. 240 с.

14. Кулаковский М. Н. Уточняющие функции вставных конструкций в художетвенном тексте // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 80–85.

15. Леденев А. В. Смещенные состояния сознания и способы их передачи в романе Владимира Набокова «Защита Лужина» // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 2. С. 62–65.

16. Мазикова Н. Ю. Диалогическая функция вставочных конструкций (на примере художественного, рекламного текста и спонтанной речи) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2020. № 2. Т. 6. С. 95–115.

17. Марьина О. В. Вставные конструкции как структурный компонент жанра мениппеи в тексте Л. Петрушевской «Три путешествия, или возможность Мениппеи» // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2017. № 3. Том 2. С. 114–116.

18. Набоков В. В. Защита Лужина // Романы. Москва : Современник, 1990а. С. 103–256.

19. Набоков В. В. Камера обскура // Романы. Москва : Современник, 1990б. С. 257–392.

20. Набоков В. В. Подвиг // Другие берега. Москва : Книжная палата, 1989. С. 150–258.

21. Набоков В. В. Приглашение на казнь // Романы. Москва : Современник, 1990в. С. 393–524.

22. Набоков В. В. Стихотворения и поэмы. Москва : Современник, 1991. 574 с.

23. Патроева Н. В., Мухина Е. А. Функционирование вставных конструкций в поэзии И. А. Крылова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1 (40). С. 45–53.

24. Сафонова С. С., Чупрякова О. А. Функционально-семантический статус парантез в художественном дискурсе В. В. Набокова // Филология и культура. 2017. № 1 (47). С. 91–96.

25. Старикова Л. С. Метатекстовая структура и способы ее выражения в романе В. Е. Максимова «Кочевание до смерти» (1994) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 53–58.

26. Столярова И. В. Вставные конструкции как средство аранжировки текстового пространства в романе А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него»// Печать и слово Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 324–329.

27. Туранова А. Ю. Вставные конструкции в биографической прозе Д. Быкова (на материале биографии В. Маяковского) // Philology. 2017. № 1. С. 72–74.

28. Филиппова А. А. Вставные конструкции в рассказах А. П. Чехова // Знание. 2019. № 12-2 (76). С. 69–74.

29. Харлова Н. М. Вставные конструкции как средство стилизации художественного текста // Sciences of Europe. 2021. № 77-2 (77). С. 45–49.

30. Элатик А. А. Структурно-семантические особенности вводных и вставных конструкций в прозе Б. Акунина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-1. С. 173–183.

31. Янковская О. В. Вставные конструкции как средство реализации категории хронотопа (на материале рассказов Т. Толстой) // Веснік БДУ. Сер. 4. 2009. № 3. С. 68–71.

32. Shcherbak N. F. Iconicity and deconstruction: the prose by Vladimir Nabokov and the 20th century postmodernist // Discourse. 2020. № 6. T. 6. P. 37–48.

Reference list

1. Akimova G. N. Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo jazyka = New features in the modern Russian syntax. Moskva : Vysshaja shkola, 1990. 166 s.

2. Arzjamova O. V. Dinamicheskie tendencii v sintaksise russkoj hudozhestvennoj prozy nachala XXI veka = Dynamic trends in the Russian prose syntax of the early XXI century // Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2015. № 2 (267). S. 156–159.

3. Afanas'eva E. A. K voprosu o strukture i funkcijah vstavnyh konstrukcij v pojezii N. A. Nekrasova = On the structure and functions of parentheses in N.A. Nekrasov's poetry // Sovremennye aspekty filologicheskih issledovanij. Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii; Regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Orenburg: Orenburgskij gosudarstvennyj universitet, 2021. S. 92–103.

4. Bezrukov A. N. Lirika Vladimira Nabokova: suggestija simvoliki predmetnogo mira = Vladimir Nabokov's poems: suggestion of the material world's symbolism // Zametki uchenogo. 2020. № 6. S. 53–59.

5. Belousova E. G. O kinematografichnosti romana V. Nabokova «Mashen'ka» = On the cinematic nature of V. Nabokov's novel Mashenka // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2017. № 47. S. 88–99.

6. Budnikova N. N. Vstavka kak sintaksicheskaja konstrukcija i sintaksicheskij process = Parentheses as a syntactic construction and syntactic process // Kul'tura i tekst. 2020. № 1 (40). S. 167–180.

7. Bulataja E. V. Vstavnye konstrukcii kak marker aktualizacii ironii v proizvedenijah N. V. Gogolja: pragmaticheskij aspekt = Parentheses as a marker of irony actualization in N.V. Gogol's works: a pragmatic aspect // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologija, pedagogika, psihologija. 2020. № 1. S. 25–32.

8. Kazakov V. P. Funkcii vstavnyh konstrukcij v zerkale kommunikativnyh registrov rechi (v romane E. G. Vodolazkina «Aviator») = Functions of parentheses in the mirror of communicative registers of speech (in E. G. Vodolazkin's novel «The Aviator») // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura. 2020. № 4. T. 17. S. 633–649.

9. Karpov N. A. Vladimir Nabokov: k bessmertiju cherez slovo = Vladimir Nabokov: to immortality through words // Mir russkogo slova. 2019. № 1. S. 115–120.

10. Klepikova V. I. Vstavnye konstrukcii v proizvedenijah D. Rubinoj: specifika funkcionirovanija = Parentheses in the works of D. Rubina: specifics of functioning // Aktual'nye problemy filologii. 2017. № 14. S. 84–91.

11. Knjazeva N. V., Korol'kova E. E. Paranteza kak sposob aktualizacii informacii v hudozhestvennom tekste = Paranthesis as a way of actualizing information in a literary text // Tendencii razvitija nauki i obrazovanija. 2020. № 61-8. S. 44–48.

12. Kulakovskij M. N. Prichinno-sledstvennnye svjazi vo vstavnyh konstrukcijah v ramkah hudozhestvennogo teksta = Causal relationships in parentheses within a literary text // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2006. № 4 (49). S. 33–36.

13. Kulakovskij M. N. Tipy i funkcii vstavnyh konstrukcij v russkoj hudozhestvennoj proze 20–30-h godov HH veka = Types and functions of parentheses in Russian fiction of the 1920s-30s. Jaroslavl', 1996. 240 s.

14. Kulakovskij M. N. Utochnjajushhie funkcii vstavnyh konstrukcij v hudozhetvennom tekste = Clarifying the functions of parentheses in literary texts // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 1 (20). S. 80–85.

15. Ledenev A. V. Smeshhennye sostojanija soznanija i sposoby ih peredachi v romane Vladimira Nabokova «Zashhita Luzhina» = Distorted consciousness and the ways it is conveyed in Vladimir Nabokov's novel «Luzhin's Defence» // Mir russkogovorjashhih stran. 2019. № 2. S. 62–65.

16. Mazikova N. Ju. Dialogicheskaja funkcija vstavochnyh konstrukcij (na primere hudozhestvennogo, reklamnogo teksta i spontannoj rechi) = A dialogue function of parentheses (in fiction, advertising text, and spontaneous speech) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. 2020. № 2. T. 6. S. 95–115.

17. Mar'ina O. V. Vstavnye konstrukcii kak strukturnyj komponent zhanra menippei v tekste L. Petrushevskoj «Tri puteshestvija, ili vozmozhnost' Menippei» = Parentheses as a structural component of the Menippean genre in L. Petrushevskaya's Three Journeys, or the Possibility of Menippean // Novaja nauka: Problemy i perspektivy. 2017. № 3. Tom 2. S. 114–116.

18. Nabokov V. V. Zashhita Luzhina = Luzhin's Defence // Romany. Moskva : Sovremennik, 1990a. S. 103–256.

19. Nabokov V. V. Kamera obskura = Camera obscura // Romany. Moskva : Sovremennik, 1990b. S. 257–392.

20. Nabokov V. V. Podvig = The Feat // Drugie berega. Moskva : Knizhnaja palata, 1989. S. 150–258.

21. Nabokov V. V. Priglashenie na kazn' = Invitation to a Beheading// Romany. Moskva : Sovremennik, 1990v. S. 393–524.

22. Nabokov V. V. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems. Moskva : Sovremennik, 1991. 574 s.

23. Patroeva N. V., Muhina E. A. Funkcionirovanie vstavnyh konstrukcij v pojezii I. A. Krylova = Functioning of parentheses in I. A. Krylov's poetry // Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2021. № 1 (40). S. 45–53.

24. Safonova S. S., Chuprjakova O. A. Funkcional'no-semanticheskij status parantez v hudozhestvennom diskurse V. V. Nabokova = The functional and semantic status of parantheses in V. V. Nabokov's literary discourse // Filologija i kul'tura. 2017. № 1 (47). S. 91–96.

25. Starikova L. S. Metatekstovaja struktura i sposoby ee vyrazhenija v romane V. E. Maksimova «Kochevanie do smerti» (1994) = Meta-textual structure and its ways of expression in V. E. Maximov's novel «Nomad to Death» (1994) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 435. S. 53–58.

26. Stoljarova I. V. Vstavnye konstrukcii kak sredstvo aranzhirovki tekstovogo prostranstva v romane A. Sal'nikova «Petrovy v grippe i vokrug nego» = Parentheses as a means of arranging textual space in A. Salnikov's novel The Petrovs in and Around the Flu // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet promyshlennyh tehnologij i dizajna, 2018. S. 324–329.

27. Turanova A. Ju. Vstavnye konstrukcii v biograficheskoj proze D. Bykova (na materiale biografii V. Majakovskogo) = Parentheses in D. Bykov's biographical prose (based on V. Mayakovsky's biography) // Philology. 2017. № 1. S. 72–74.

28. Filippova A. A. Vstavnye konstrukcii v rasskazah A. P. Chehova = Parentheses in A.P. Chekhov's stories // Znanie. 2019. № 12-2 (76). S. 69–74.

29. Harlova N. M. Vstavnye konstrukcii kak sredstvo stilizacii hudozhestvennogo teksta = Parentheses as a means of stylizing literary text // Sciences of Europe. 2021. № 77-2 (77). S. 45–49.

30. Jelatik A. A. Strukturno-semanticheskie osobennosti vvodnyh i vstavnyh konstrukcij v proze B. Akunina = Structural and semantic features of introductory and parenthetic constructions in B. Akunin's prose // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 6-1. S. 173–183.

31. Jankovskaja O. V. Vstavnye konstrukcii kak sredstvo realizacii kategorii hronotopa (na materiale rasskazov T. Tolstoj) = Parentheses as a means of realizing the chronotope category (based on Tolstaya's stories) // Vesnik BDU. Ser. 4. 2009. № 3. S. 68–71.

32. Shcherbak N. F. Iconicity and deconstruction: the prose by Vladimir Nabokov and the 20th century postmodernist // Discourse. 2020. № 6. T. 6. P. 37–48.

Статья поступила в редакцию 21.12.2021; одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 21.12.2021; approved after reviewing 17.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 8-80-808
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-96-103

Опыт курсового обучения деловому общению в России: оценки и озабоченности

Владимир Иванович Аннушкин[1]✉, И Хуэй Хуэй[2]
[1]Доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина». 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6
[2]Аспирант кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина». 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6
[1]vladannushkin@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-3121-4215
[2]806032224@qq.com, https://orcid.org/0000-0001-8578-3646

Аннотация. В статье рассматривается проблема обучения деловому общению в ситуациях вхождения в сферу профессиональной деятельности, в ситуациях, связанных с трудоустройством и продолжением дальнейшего профессионального образования. Особое внимание уделяется формам организации профессионального обучения в России.

Раскрыто понятие современного делового общения и его значение. Проблемы коммуникации не только с каждым годом вызывают значимый интерес у людей разного возраста, разных профессий и образования, но, прежде всего, являются необходимой составляющей профессиональных компетенций специалистов во всех областях их деятельности. Современному специалисту необходимы знания в области деловых коммуникаций для умения разбираться в партнерах по коммуникации, устанавливать с ними контакты, вести деловые беседы, переговоры, владеть основами публичной речи.

Выделены особенности деловых переговоров. Переговоры – это деловое взаимное общение с целью достижения совместного решения. На протяжении всей нашей жизни мы ведем переговоры, обмениваемся обязательствами и обещаниями. Всякий раз, когда двум людям нужно прийти к согласию, они должны вести переговоры. Переговоры протекают в виде деловой беседы по вопросам, представляющим интерес для обеих сторон, и служат налаживанию кооперационных связей. Переговоры существенно различаются по своим целям: заключение договора о поставках, на проведение научно-исследовательских или проектных работ, соглашение о сотрудничестве и координации деятельности и т. д.

Рассмотрен процесс обучения профессиональному деловому общению в России. Деловое (профессиональное) общение – самый массовый и сложный вид общения людей в социуме, без него невозможно взаимодействие в сфере экономических, правовых, дипломатических, коммерческих, административных отношений. Самый массовый вид общения людей в социуме (обществе) – деловое общение. Без него не обойтись в сфере экономических, правовых, дипломатических, коммерческих, административных отношений. Умение успешно вести деловые переговоры, грамотно и правильно составить деловую бумагу и многое другое в настоящее время стало неотъемлемой частью профессиональной культуры человека: менеджера, руководителя всех уровней, референта, служащего. Для достижения высокой результативности практически в любом виде профессиональной деятельности необходимо владеть определенным набором сведений, знаний, представлений о правилах и принципах делового общения. «Бизнес – это умение разговаривать с людьми», – говорят предприимчивые американцы.

Исследованы наиболее популярные курсы организации обучения деловой коммуникации в Москве.

Ключевые слова: деловое общение; деловая переписка; деловое письмо; документ; деловая речь; отчёт; формы делового общения; обучение; деловые переговоры; курсовое обучение

Для цитирования: Аннушкин В. И., И Хуэй Хуэй Опыт курсового обучения деловому общению в России: оценки и озабоченности // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 96-103. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-96-103

© Аннушкин В. И., И Хуэй Хуэй, 2022

Original article

Business communication course in Russia: assessments and concerns

Vladimir I. Annushkin[1]✉, Yi Hui Hui[2]
[1]Doctor of philological sciences, professor, department of Russian literature and intercultural communication, the Pushkin state Russian language institute. 117485, Moscow, Akademik Volgin st., 6
[2]Postgraduate student department of Russian literature and intercultural communication, the Pushkin state Russian language institute 117485, Moscow, Akademik Volgin st., 6
[1]vladannushkin@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-3121-4215
[2]806032224@qq.com, https://orcid.org/0000-0001-8578-3646

Abstract. The article deals with the problem of teaching business communication in situations of starting professional activity, in situations related to employment and further professional education. Particular attention is paid to the forms of organizing vocational training in Russia.

The authors determine the concept of modern business communication and its importance. Not only do the problems of communication attract considerable attention among people of different ages, professions and education, but, above all, they are an essential component of any specialist's professional competence. A modern specialist needs knowledge in the field of business communications to be able to understand communication partners, establish contacts with them, conduct business conversations, negotiations, and master the basics of public speech.

The features of business negotiations are described in the article. Negotiations is business communication with the aim of reaching a joint solution. Throughout our lives, we negotiate, exchange commitments and promises. Whenever two people need to come to an agreement, they must negotiate. Negotiations proceed in the form of business discourse on issues of interest to both parties, and serve to establish cooperation ties. Negotiations differ significantly in their goals: signing a supply contract, a contract for conducting research or design work, an agreement on cooperation and coordination of activities, etc.

The authors consider the process of teaching professional business communication in Russia. Business (professional) communication is the most common and complex type of communication between people in society; without it, interaction in the field of economic, legal, diplomatic, commercial, and administrative relations is impossible. The ability to successfully conduct business negotiations, to draw up a business document competently and correctly, and much more has now become an integral part of the professional culture of any person: a manager, a leader at all levels, a referent, an employee. To achieve high performance in almost any professional activity, it is necessary to possess a certain set of information, knowledge, ideas about the rules and principles of business communication. «Business is the ability to talk to people», say enterprising Americans.

The most popular business communication training courses in Moscow have been studied in the article.

Key words: business communication; business correspondence; business letter; document; business speech; report; forms of business communication; training; business negotiations; course training

For citation: Annushkin V. I., Yi Hui Hui Business communication course in Russia: assessments and concerns. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):96-103. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-96-103

Введение. Молодые предприниматели и менеджеры, а также те, кто уже заработал заслуженную славу, хотят развиваться дальше, открывать новые стороны своей личности, совершенствовать свой имидж и находить скрытые ключи к успешному взаимодействию в деловом сообществе. Тренинги и различные курсы по деловому общению – это сегодня активно развивающееся направление. Выбор курса или мастер-класса для улучшения своей профессионально-речевой компетенции, в частности, умения вести и занимать должную позицию на деловых переговорах, остается за каждым предпринимателем отдельно. При этом каждый предприниматель понимает или предчувствует, что как только он получит доступ к тонкостям общения, он больше не сможет остаться прежним, но и сам обогатит свою личность, и другие будут относиться к нему с большим уважением и доверием [Baron, 2008, с. 200].

Из основ деловой риторики до сознания предпринимателя должна быть доведена простая и основополагающая мысль: кто владеет словом, тот контролирует ситуацию. Курсы делового общения учат именно этому – контролю над своей речью и поведениеи во время переговоров, переписки и исполнения других жанров делового общения. Проходя эффективный курс делового общения, многие понимают также, что навыки корректного общения пригодятся не только на работе, но и в повседневной жизни.

Умение преподнести себя, убедить, расположить к себе человека, завоевать доверие, обоснованно и без конфликтов отстоять свою позицию, найти разумные компромиссы, быть вежливым и корректным, сохранять уверенность в себе – все эти качества необходимы человеку на каждом шагу, в любой ситуации профессионального общения. И их можно приобрести, приобретя знания в области психологии общения, деловой риторики и практикуясь в учебных семинарах на курсах делового общения [Чумиков, 2020, с. 116].

Тем более полезно развивать разговорные риторические навыки тем, кто по натуре интроверт, затрудняется в налаживании контактов, жёстко позиционирует свою точку зрения, иногда дистанцирует людей от себя. Став приятным и умелым человеком в общении, предприниматель приобретёт не только новых клиентов и деловых партнёров, но и новых друзей, доверие и уважение близких [Шарков, 2020, с. 178].

Материалы и методы. Материалами статьи являются теоретические взгляды российских учёных относительно обучения деловому обучению и реальная организация практического обучения на различных курсах деловой коммуникации в России. Авторами использованы следующие методы исследования: контекстологический, метод компонентного анализа, метод функционального анализа текста.

1. Современное деловое общение и его значение

1.1. Административно-командный стиль общения.

Излишне говорить, что привычный авторитарный стиль отечественных начальников (разве он не встречается за рубежом?) постепенно уходит в прошлое и больше не вызывает уважения и трепета со стороны подчинённых. Кроме того, с выходом на мировой рынок потребность в контактах с иностранными коллегами возрастает, а на Западе, за редким исключением – некоторыми представителями бизнеса в США, так называемый административно-командный стиль часто вообще не замечается. Многим современным российским менеджерам приходится нелегко: им приходится осваивать текущую ситуацию в политике и бизнесе, в правовой сфере, в экологии, в общественной жизни и, конечно же, в сфере своего бизнеса. Сегодняшний деловой мир требует целостной личности, которая способна принимать быстрые и эффективные решения, строить чёткие перспективы, анализировать и не мыслить стереотипами. Сегодня немыслимо не знать делового этикета, не уметь вести эффективные переговоры и при этом надеяться на успех [Davis, 2010, с. 108].

1.2. Этика делового общения.

Между тем, чтобы добиться успеха, современный менеджер должен соблюдать этику делового общения, а именно знать меру в словах, быть честным, говорить строго по делу, быть вежливым и доброжелательным, говорить чётко и грамотно. Культура делового общения также требует презентабельной манеры поведения, внимательного слушания, отсутствия давления на собеседника с учётом культурных особенностей разных народов [Таратухина, Авдеева, 2020, с. 168].

В условиях усиливающейся конкуренции победу одерживают те, кто умеет устанавливать коммерческие контакты, работать над своим имиджем, гибок в решениях и способах общения, понимает психологию собеседника, несёт ответственность за свои слова. Стиль общения с подчинёнными смещается от жёсткого диктата к творчеству и уверенности. Начальник должен овладеть искусством расположения к себе и вести за собой, а остальные сотрудники – чётко определять свою позицию и корректно отстаивать ее. Все это невозможно делать без знания основ и приёмов делового общения [PR и деловые коммуникации…, 2019, с. 126].

Наконец, привлечение и удержание клиентов – это тоже результат деловых переговоров. От первой встречи или первого звонка в компанию зависит, обратится ли клиент к данным услугам, сделает он это один или несколько раз и расскажет ли своим друзьям о данном бизнесе. Поддержание лояльности клиентов зависит в первую очередь от коммуникативных навыков, а уж потом – финансовых и других предпочтений.

2. Особенности деловых переговоров

2.1. Отличия деловых переговоров от других видов общения.

Корпоративное общение направлено на организацию общего рабочего процесса или повышение его качества. Этим деловые переговоры отличаются от других видов общения. Второе очевидное отличие – это формальность деловых контактов. Общение в официальной среде требует уважения чётко установленных стандартов, уважения роли, которая принадлежит каждому в иерархии. Взаимодействие по службе практиче-

ски всегда обязательно, необходимо для выполнения задач, стоящих перед его участниками [Чумиков, 2020, с. 97].

2.2. Стили взаимодействия.

Роль руководителя в деловых переговорах зависит от выбранных руководителем и его собеседниками рамок и стиля взаимодействия. Наиболее распространенные и часто отмечаемые в научной литературе стили взаимодействия таковы:

Авторитарный стиль. В данном случае одна из сторон переговоров, как правило, занимая высшее иерархическое положение, открыто демонстрирует своё преимущество и жёстко диктует свою позицию. Этот стиль свойствен и в наше время правоохранительным органам, когда речь идёт о соблюдении закона. Часто авторитаризм проявляется у монополистов, представителей власти всех уровней и лидеров по отношению к своим подчинённым. Однако опыт показывает, что подавление в деловых переговорах по большей части неуместно и может применяться только в определённых ситуациях, когда это необходимо:

- при серьёзном нарушении прав одной из сторон,
- когда несогласие с авторитарной позицией может нанести ущерб компании / третьим лицам,
- когда требуется наказать нарушителя (выговор, предупреждение) и т. д.

Демократичный стиль. В данном случае разговор идёт на равных, учитывается и выслушивается позиция каждого партнёра по переговорам, партнёры стараются взвесить взаимные интересы, чтобы найти компромиссное решение. Демократический стиль возможен, если все участники коммуникативного процесса готовы соблюдать его правила, поэтому он чаще встречается у интеллектуалов [Тимофеев, 2018, с. 204].

Проблемный целевой стиль. Такое общение продиктовано текущей ситуацией и требует от участников мобильности, гибкости и поиска нестандартных решений. Необходимо скорректировать желания каждой из сторон так, чтобы их интересы были защищены при адаптации к меняющимся условиям [Дзялошинский, 2014, с. 173].

3. Как строить обучение на курсах делового общения и как выбрать наиболее эффективные из них?

Обучение профессиональному деловому общению – это одновременно и обучение актёрскому мастерству, психологической выдержке. Изучая особенности ведения деловых переговоров, можно не только получить ценные знания, но и овладеть многими умениями и приёмами делового общения. Бизнес-школы и тренеры предлагают широкий выбор курсов. Поиск таких курсов не застрахован от ошибок, ибо можно попасть к грамотному специалисту, но не получить желаемого результата. А. П. Шарухин советует учесть следующие обстоятельства при выборе нужного места учёбы:

- стоит обратить внимание на профессиональную направленность курса. Практика делового общения может быть узко ориентирована на представителей определённой профессии: юристов, менеджеров, секретарей и т. д.;
- следует определиться с целью курса, на основании которой выбрать тему и содержание образовательной программы, например: преодоление стресса, ведение телефонных переговоров, написание деловых писем;
- необходимо изучить преподавателей курса: образование и опыт преподавателей, в какой области знаний они специализируются, каковы отзывы аудитории о них. Репутация организации (учителя) имеет большое значение. Также обязательно наличие сертификатов на выполнение данной деятельности. Все эти факторы отразятся на качестве образования и престижности «корочек» [Фадеев, 2021, с. 119].

Автор статьи исследовал рекламы наиболее популярных курсов деловой коммуникации, планируя в будущем погрузиться, а, может быть, и пройти хотя бы часть предлагаемых курсов. Однако читатель вполне может представить по предлагаемому описанию характер и стиль организации обучения в этих бизнес-школах, мастер-классах и тренингах. Очевидно, что для автора как иностранки, приехавшей в Россию для получения филологического образования, такое знакомство могут стать актуальной задачей в развитии языковой личности [Шиянова, 2020, с. 85].

Первое, что бросилось нам в глаза: все эти курсы основываются на опыте западных образовательных технологий, которые были весьма модны в 90-е годы. Эти традиции, конечно, берут начало в американских бизнес-тренингах, заимствуя иностранную терминологию и предлагая, точнее сказать, навязывая всему миру (в том числе, российскому и китайскому) свою философию организации дела, в том числе, определен-

ную методику обучения речевой коммуникации. В настоящей работе мы отмечаем это как факт, против которого, в сущности, глубинно протестует сознание как китайского, так и российского профессионала-предпринимателя. По-видимому, необходимо, изучив этот опыт, научиться использовать свои национальные традиции деловой коммуникации с целью оптимального вхождения в общемировую сферу деловых отношений [Яндарбаева, 2020, с. 220].

Представим обзор наиболее влиятельных курсов организации обучения деловой коммуникации в Москве:

Курс Профессия Soft Skills for Hard Times от Skillbox (буквально: «Мягкие навыки для трудных времен от фирмы «Набор навыков»).

На курсе обучают грамотно управлять командой: в офисе и удалённо, выстраивая эффективные коммуникации. Курс предлагает знания, как распознавать чужие эмоции и управлять ими и как предотвратить собственное выгорание с помощью техник тайм-менеджмента.

Но главное – это освоение эффективных методов ведения деловых переговоров и возможность закрывать выгодные сделки. Курс представляется как «крутой», на котором прокачиваются лидерские качества, ораторское мастерство и учат тайм-менеджменту. После него можно без страха выступать на публике и выстраивать эффективный диалог как с сотрудниками, так и с партнёрами. Обратим внимание на то, как в рекламном образовательном бизнесе используются различные жаргонные и профессиональные словечки, ориентированные на молодежную аудиторию: все эти «крутой», «классный», «прокачка», конечно, на деле демонстрируют работу на аудиторию («желание нравиться», своеобразное «человекоугождение») [Шарухин, Орлов, 2012, с. 101].

Конечно, в каждой рекламе пишется, что преподаватели – опытные бизнес-тренеры, спикеры и психологи. Данный курс содержит 200 онлайн-уроков и доступ к курсу в Интернете сохраняется и остается навсегда.

Курс Лидерство в современном бизнесе от Нетологии (Нетология – это онлайн-университет по подготовке и дополнительному обучению специалистов в области самых востребованных интернет-профессий).

Всего за один месяц обучения предлагается узнать, как мотивировать свою команду на достижение нужных результатов, варьируя лидерские стили в зависимости от ситуации. Организаторы обещают научить распознавать, как возникают конфликты и познакомиться с методами их минимизации, приобрести знания, как выстраивать деловую переписку и общение для достижения своих целей. Интенсивный курс по развитию лидерских качеств обещает научить эффективно управлять бизнесом.

Программа обучения соединяет в себе психологические, управленческие и социологические теории. Комплекс этих знаний научит находить выход из любой нестандартной ситуации.

Современная он-лайн-реклама искусно презентует самые высокие достоинства своих преподавателей – ср. в данном случае: автор курса – Станислав Шекшня, старший профессор школы INSEAD (международная бизнес-школа, занимающая 2-ое место в Европе среди лучших программ MBA) [Bryan, 2012, с. 78].

Наверно, справедливо и обещание в процессе обучения приобрести полезные знакомства в бизнес-сообществе.

Курс Soft Skills для digital-менеджеров от Product Live.

В процессе обучения, по словам рекламодателей курса, развивается умение мыслить нестандартно для решения кризисных ситуаций. Приобретаются навыки, как собрать свою команду и эффективно управлять ей. Также можно научиться отстаивать свою точку зрения перед руководством или партнёрами, познакомиться с тайм-менеджментом для грамотной организации рабочего процесса и проработать свои страхи. Обратим внимание, как складывается язык такой рекламы: фраза «проработать страхи», безусловно, принадлежит профессиональному жаргону, конечно. калькированному из английского work out fears.

Курс назван «крутым», поскольку всего за 3,5 месяца «прокачает» организационные и коммуникативные навыки, научит справляться со страхом неудачи, выстраивать эффективное общение внутри команды и с партнёрами и грамотно презентовать результаты своей работы [Taylor, 2013, с. 328].

Конечно, назван ведущий преподаватель – Максим Имасс, бизнес-коуч, психотерапевт. Обратим внимание на то, что все эти и последующие курсы, в сущности, обещают, как под копирку, развитие одних и тех же навыков.

Онлайн-курс Переговоры в бизнесе от Laba.

На каждом из десяти занятий будут изучать ведение деловых переговоров на различных эта-

пах: от подготовки и формирования портрета оппонента до переговорных стратегий и заключения сделки. На курсе можно узнать, как владеть своими эмоциями и превращать их в союзников, вызывая к себе симпатию с первой встречи. Качественный курс от Laba обещает научить грамотному ведению любых деловых переговоров. Помимо этого, можно научиться составлять психологический портрет оппонента, узнать, как отбирать людей для найма в свою команду и выстраивать в ней систему мотиваций.

Преподаватель – Андрей Акулов, директор по работе с ключевыми клиентами в Oracle с 22-летним опытом переговоров в крупных IT-компаниях. Laba аккредитована международными организациями IIBA (Канада), HRCI (США).

Онлайн-курс переговоров от Hedu.

В процессе обучения вас научат определять тип клиента, помогут узнать, как разговаривать с манипуляторами и не поддаваться на их провокации. Можно изучить механизмы влияния на людей и научиться правильно реагировать на критику, а также повысить свою самооценку.

Небольшой курс, который будет полезен каждому, чья работа связана с общением и переговорами. После обучения можно будет убеждать даже малознакомых людей, как научиться заключать сделки на выгодных условиях. Кстати, мало говорится об этической стороне «любых» сделок, как и о сомнительности дарования «убеждать даже малознакомых людей», ибо вне определения целей убеждения оно становится само по себе ущербным.

Курс Soft skills и презентации от ProductStar.

Программа состоит из лекций и воркшопов, на каждом из которых будут изучаться основы хорошего выступления и создания презентации.

Можно узнать, как сделать свою речь более доходчивой и акцентировать внимание на главном, можно научиться укладываться в тайминг и создавать слайды. Хороший курс, который прокачает навыки ораторского мастерства. После обучения можно выступать перед большой аудиторией без запинок и страха, а также научиться красиво оформлять презентации и доносить свои идеи до руководства или заказчиков.

Курс Эффективная деловая коммуникация от Skillbox

В процессе обучения научат всем видам коммуникации и, как избежать ошибок в общении с представителями других национальностей и культур.

После курса можно вести деловую переписку на русском и английском языках, определять эмоции собеседника при личной встрече и научиться управлять переговорами.

По словам организаторов, это – классный курс, который поможет находить общий язык со своей командой и партнёрами. Можно научиться представлять свои идеи и лично, и в письменном виде так, что убедить любого. Для этого на курсе особое внимание уделяется техникам переписки и влияния [Lamb, 2015, с. 101].

Обратим внимание на то, что для прохождения курса необходимо знать английский язык на уровне не ниже Intermediate (часть лекций читается на нем); предлагается создавать дипломные проекты и вести переписку на английском языке.

Заключение. Подводя итоги исследования, можно сказать, что деловое общение и переговоры обеспечивают успех общего дела, создают условия для сотрудничества людей и достижения значимых для них целей.

Некоторые из представленных курсов заточены на обучение руководителей для ведения серьёзных переговоров и заключения крупных сделок. Другие – для прокачки уверенности в себе и коммуникативных навыков.

Этика делового общения и переговоров – один из необходимых факторов в формировании грамотного специалиста, который отличается не только высокой профессиональной подготовкой, но и общей культурой, приверженностью высоким гуманистическим принципам. Именно поэтому нас не могла не поразить общестилевая ориентация на западный стиль и характер обучения, а значит, и всю «философию профессии», где как будто отсутствуют национальные отечественные традиции в понимании стратегии и тактики ведения деловой коммуникации, самого образа человека, для которого важно не просто научиться «убедить любыми способами и любого…», но главное – этическая сторона языкового общения. В России она определялась как «философия общего дела», когда главное – не собственный успех в желании переиграть и «переговорить» (а иногда и прямо обмануть) своего партнера-оппонента, а добиваться общего эффективного результата, планируя долговременное сотрудничество.

Все эти качества русского делового человека формировались столетиями честной предпринимательской практики русских деловых людей – всеми этими Демидовыми, Мамонтовыми, Морозовыми, Губониными и многими честными –

наверняка «крутыми» и «классными» – специалистами советской промышленности. Мы пишем об этом на основании изученных биографий вышеперечисленных выдающихся лиц с позиции их искусства делового общения [И Хуэй Хуэй, 2019]. Полагаем, что перед современным деловым сообществом, если оно хочет подлинного национального развития своей страны – стоит важнейшая задача создания такого культурно-образовательного пространства, которое с учетом достижений мирового опыта (не только прозападного, но и восточного, например, китайского) сможет воссоздать собственную национальную школу формирования делового человека и его коммуникативных качеств.

Библиографический список

1. Аннушкин В. И. Риторика. Вводный курс : учебное пособие. Москва : Флинта : Наука, 2008. 296 с.

2. Дзялошинский И. М. Деловые коммуникации : Теория и практика : учебник для бакалавров. Москва : Юрайт, 2014. 378 с.

3. И Хуэй Хуэй. Образ и культура общения русского делового человека: лингводидактический аспект. Москва : Гос. ИРЯ имени А. С. Пушкина, 2019. 90 с.

4. Коноваленко М. Ю. Деловые коммуникации : учебник для бакалавров. Москва : Юрайт, 2014. 427 с.

5. Таратухина Ю. В. Теория и практика кросс-культурной дидактики : Учебник и практикум для академического бакалавриата. Москва : Юрайт, 2019. 194 с.

6. Таратухина Ю. В., Авдеева З. К. Деловые и межкультурные коммуникации : Учебник и практикум для вузов. Москва : Юрайт, 2020. 324 с.

7. Тимофеев М. И. Деловые коммуникации : учебное пособие. Москва : Риор, 2018. 312 с.

8. Фадеева Е. Н. Связи с общественностью : учебник и практикум для вузов. Москва : Юрайт, 2021. 263 с.

9. Чумиков А. Н. Государственный PR: связи с общественностью для государственных организаций и проектов : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : ИНФРА-М, 2020. 343 с.

10. Чумиков А. Н. Связи с общественностью. Практикум : учебное пособие для вузов. Москва : Юрайт, 2021. 173 с.

11. Шарков Ф. И. Интегрированные коммуникации: реклама, паблик рилейшнз, брендинг. Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2020. 322 с.

12. Шиянова А. А. Современные PR-технологии в стартапе. Как заявить о себе? // Образование и наука в России и за рубежом. 2020. № 5(69). С. 83–86.

13. Яндарбаева Л. А. Специфика PR-деятельности НКО в сети интернет // ФГУ Science. 2020. № 4(20). С. 218–225.

14. PR и деловые коммуникации в антикризисном управлении : учебник / Н. А. Ершова и др. Москва : Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2019. 190 с.

15. Шарухин А. П., Орлов А. М. Психология делового общения. Москва : Academia. 2012. 240 с.

16. Baron N. S. Always On: Language in an Online and Mobile World. Oxford : Oxford University Press, 2008. 304 p.

17. Bryan A. Garner Guide to Better Business Writing (HBR Guide Series). Boston : Harvard business review press. 2012. 120 p.

18. Davis K.W. Business writing and communication. New-York: McGrow Hill, 2010. 242 p.

19. .Taylor Sh. Model business letters, emails and other business documents. New York : Dorling Kindersley Pearson Education, 2013. 512 p.

20. Lamb S. E. Writing well for business success. New York : St. Martins Griffin, 2015. 214 p.

Reference list

1. Annushkin V. I. Ritorika. Vvodnyj kurs = Rhetoric. Introductory course : uchebnoe posobie. Moskva : Flinta : Nauka, 2008. 296 s.

2. Dzjaloshinskij I. M. Delovye kommunikacii : Teorija i praktika = Business communication : Theory and practice : uchebnik dlja bakalavrov. Moskva : Jurajt, 2014. 378 c.

3. I Hujej Hujej. Obraz i kul'tura obshhenija russkogo delovogo cheloveka: lingvodidakticheskij aspekt = The image and culture of the Russian businessman's communication: a linguo-didactic aspect. Moskva : Gos. IRJa imeni A. S. Pushkina, 2019. 90 s.

4. Konovalenko M. Ju. Delovye kommunikacii = Business communication: uchebnik dlja bakalavrov. Moskva : Jurajt, 2014. 427 c.

5. Taratuhina Ju. V. Teorija i praktika kross-kul'turnoj didaktiki : Uchebnik i praktikum dlja akademicheskogo bakalavriata = Theory and practice of cross-cultural didactics : Textbook and practice book for academic baccalaureate. Moskva : Jurajt, 2019. 194 s.

6. Taratuhina Ju. V., Avdeeva Z. K. Delovye i mezhkul'turnye kommunikacii = Business and cross-cultural communication : Uchebnik i praktikum dlja vuzov. Moskva : Jurajt, 2020. 324 s.

7. Timofeev M. I. Delovye kommunikacii = Business communication : uchebnoe posobie. Moskva : Rior, 2018. 312 c.

8. Fadeeva E. N. Svjazi s obshhestvennost'ju = Public relations : uchebnik i praktikum dlja vuzov. Moskva : Jurajt, 2021. 263 s.

9. Chumikov A. N. Gosudarstvennyj PR: svjazi s obshhestvennost'ju dlja gosudarstvennyh organizacij i proektov = State PR: public relations for state organizations and projects : uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva : INFRA-M, 2020. 343 s.

10. Chumikov A. N. Svjazi s obshhestvennost'ju. Praktikum = Public relations. Workbook : uchebnoe posobie dlja vuzov. Moskva : Jurajt, 2021. 173 s.

11. Sharkov F. I. Integrirovannye kommunikacii: reklama, pablik rilejshnz, brending = Integrated communication: advertising, public relations, branding. Moskva : Izdatel'sko-torgovaja korporacija «Dashkov i K», 2020. 322 s.

12. Shijanova A. A. Sovremennye PR-tehnologii v startape. Kak zajavit' o sebe? = Modern PR technologies in a startup. How to make yourself known? // Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom. 2020. № 5(69). S. 83–86.

13. Jandarbaeva L. A. Specifika PR-dejatel'nosti NKO v seti internet = Specifics of PR-activities of non-profit organizations in the Internet // FGU Science. 2020. № 4(20). S. 218–225.

14. PR i delovye kommunikacii v antikrizisnom upravlenii = PR and business communication in crisis management : uchebnik / N. A. Ershova i dr. Moskva : Diplomaticheskaja akademija Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii, 2019. 190 s.

15. Sharuhin A. P., Orlov A. M. Psihologija delovogo obshhenija = Psychology of business communication. Moskva : Academia. 2012. 240 s.

16. Baron N. S. Always On: Language in an Online and Mobile World. Oxford : Oxford University Press, 2008. 304 p.

17. Bryan A. Garner Guide to Better Business Writing (HBR Guide Series). Boston : Harvard business review press. 2012. 120 p.

18. Davis K.W. Business writing and communication. New-York: McGrow Hill, 2010. 242 p.

19. .Taylor Sh. Model business letters, emails and other business documents. New York : Dorling Kindersley Pearson Education, 2013. 512 p.

20. Lamb S. E. Writing well for business success. New York : St. Martins Griffin, 2015. 214 p..

Статья поступила в редакцию 21.12.2021; одобрена после рецензирования 16.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 21.12.2021; approved after reviewing 16.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-104-110

Тематические группы эвфемизмов с градуальной семантикой в русском языке

Ольга Александровна Морозова
Старший преподаватель кафедры теории и практики перевода и коммуникации ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
olgamorosova@list.ru, https://orcid.org/0000-0001-7064-2939

Аннотация. Изменения, происходящие в современном обществе, естественным образом отражаются в языке. Место эвфемистических замен всегда играло важную роль в коммуникации: «неприятные» и «некомфортные» обозначения процессов, объектов или явлений заменяются на более подходящие в каждой конкретной речевой ситуации. В речи политиков, выступлениях аналитиков и описаниях экономических процессов, анонсировании действий военных или презентации новаторских внедрений постоянно используются эвфемизмы. Бытовая тематика, физиология и анатомия человека не мыслимы без употребления описательных оборотов и формального улучшения обозначаемого предмета и явления.

Цель данного исследования заключается в рассмотрении сфер деятельности человека и определении основных тематических групп использования эвфемистических замен. В статье анализируются основные признаки эвфемизмов и наличие градуальной семантики в исследуемых языковых единицах.

В ходе исследования используются методы поискового и описательного анализа, классификации и аналитического подхода.

Актуальность данного исследования обусловлена использованием в современном русском языке большого количества иносказательной лексики и необходимостью разграничения ***эвфемистической замены*** от ***искажения смысла*** высказывания.

В статье уточнено определение понятия **«эвфемизм»**, выделены основные тематические группы эвфемизмов, рассмотрены сферы употребления и распространения данного языкового явления, исследуется влияние эвфемизмов на процесс межкультурной коммуникации. Присутствие градуального компонента в рассматриваемых языковых единицах [эвфемизмах] и описание шкалы градации в эвфемии устанавливается по разным основаниям; выявляется субъективный контекстный характер конкретного языкового факта и на основе иллюстративного материала, взятого из Национального корпуса русского языка, доказывается наличие **мерительных отношений** между денотатом и эвфемистической заменой, между эвфемизмами одного и того же слова, употребляемыми в разных коммуникативных ситуациях и с разной стилистической коннотацией.

Ключевые слова: эвфемизм; градуальность; мера и степень; тематическая группа; сфера эвфемизации

Для цитирования: Морозова О. А. Тематические группы эвфемизмов с градуальной семантикой в русском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 104-110. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-104-110

Original article

Thematic groups of euphemisms with gradual semantics in Russian

Olga A. Morozova
Senior lecturer, department of theory and practice of translation and communication, Moscow pedagogical state university. 119435, Moscow, Malaya Pirogovskaya st., 1
olgamorosova@list.ru, https://orcid.org/0000-0001-7064-2939

Abstract. The changes taking place in modern society are naturally reflected in the language. The place of euphemistic substitutions has always played an important role in communication: «unpleasant» and «uncomfortable» designations of processes, objects or phenomena are replaced by more appropriate ones in each specific speech situation. Euphemisms are constantly used in politicians' speeches, analysts' speeches and descriptions of economic processes, announcing military actions or presenting innovative implementations. Household subjects, human physiology and anatomy are unthinkable without the use of descriptive phrases and formal improvement of the designated object and phe-

© Морозова О. А., 2022

nomenon.

The purpose of this study is to consider the spheres of human activity and identify the main thematic groups of the use of euphemistic substitutions. The article analyzes the main features of euphemisms and the presence of graded semantics in the studied language units.

The research uses the methods of search and descriptive analysis, classification and analytical approach.

The relevance of this study is due to the use of a large number of allegorical vocabulary in modern Russian and the need to distinguish **euphemistic substitution** from **distortion of the meaning** of the utterance.

The article clarifies the definition of the concept of **«euphemism»**, highlights the main thematic groups of euphemisms, examines the spheres of use and dissemination of this linguistic phenomenon, examines the influence of euphemisms on the process of intercultural communication. The presence of a gradual component in the considered linguistic units [euphemisms] and the description of the gradation scale in euphemisms is established for different reasons; the subjective contextual nature of a specific linguistic fact is revealed and, based on illustrative material taken from the National Corpus of the Russian language, the existence of **measuring relations** between denotation and euphemistic substitution, between euphemisms of the same word used in different communicative situations and with different stylistic connotations is proved.

Key words: euphemism; gradation; measure and degree; thematic group; sphere of euphemization

For citation: Morozova O. A. Thematic groups of euphemisms with gradual semantics in Russian. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):104-110. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-104-110

Постановка проблемы

С развитием языка, с процессами, которые происходят в обществе, неразрывно связано исследование эвфемии. Язык как наиболее сильное средство воздействия на человека используется в качестве массового манипулятора, но одновременно может корректировать и смягчать поток информации, доносимой до реципиентов. Вопросами исследования эвфемизмов занимались отечественные и зарубежные ученые на протяжении веков: Цицерон (1), Блунт (1656), Пауль (1897), лингвисты современности: Ларин (1961), Видлак (1967), Ляйнфелльнер (1978), Лухтенберг (1985), Холдер (1987), Крысин (1994), Сеничкина (2006) и др. Эвфемизмы служат определенным отражением языковой реальности в конкретное время и в определенном обществе. В зависимости от различных факторов (контекста, речевой ситуации, эмоционального состояния, цели высказывания, места и времени) языковые единицы могут получать или терять эвфемистическое значение. Эвфемизмы определяются как особые знаки культуры, отвечающие за осуществление позитивной межкультурной коммуникации и ее успешность.

В современном мультикультурном обществе часто размыты границы хорошего и плохого, правильного и неправильного, страшного и смешного, национального и межнационального. Для сохранения коммуникативного баланса в языке существуют слова и выражения, которые носят описательный характер, выполняя функцию вуалирования или приукрашивания, что позволяет избежать излишней прямолинейности, обиды или ситуации дискомфорта, например: крыша едет – ср. сходит с ума, небезопасный – ср. опасный, прибавка в семействе – ср. рождение ребенка, теневой – ср. незаконный.

Эвфемизмы – «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными. …Под эвфемизмами понимаются <...> окказиональные индивидуально-контекстные замены одних слов другими с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого» [Арапова, 1990, с. 590].

В лингвистике сформировались узкий и широкий подходы к определению понятия «эвфемизм». Представители узкого подхода относят к эвфемизмам только замены табуированных, запрещенных выражений [Булаховский, 1953, Реформатский, 2004]. В узком понимании рассматриваются и лексические замены обсценной лексики [Буй, 2005]. Широкое понимание эвфемизмов основано на принципе не только замен запрещенной лексики, но и нежелательных, невежливых, доставляющих дискомфорт выражений в той или иной коммуникативной ситуации (Видлак, 1967, Кацев, 1988, Крысин, 1996, Лухтенберг, 1977, Холдер, 1987).

Несмотря на широкую изученность явления эвфемии, до сих пор не существует единого подхода к определению понятия. Предлагаемые широким кругом ученых варианты определений эвфемизма не противопоставлены, а скорее

дополняют друг друга в зависимости от функционала, выполняемого эвфемизмами в той или иной речевой ситуации [Москвин, 1999, Сеничкина, 2006, Ларин, 1961, Ахманова, 1969 и др.].

С целью систематизации и конкретизации эвфемистического функционирования в статье используется авторское определение понятия: **эвфемизм – это единица определенной знаковой системы, заменяющая слова или выражения с негативной семантикой во всех функциональных стилях языка и сферах бытия человека для достижения коммуникативной целевой установки** (авторское определение – *О. М.*)

На основании данного определения отмечается изменение негативной семантики денотата для реализации процесса коммуникации и семантическая неопределенность эвфемизма [Сеничкина, 2008, с. 6]: толстый – ср. в меру упитанный, нулевой рост – ср. простой.

Эвфемизмы смягчают форму выражения, но не меняют смысл – «он проступает при восприятии эвфемизма как семантическая сущность, которая закодирована тем или иным словом или выражением, ставшим своего рода форматом, подходящим для выражения этого глубинного смысла, этой имплицитной пропозиции эвфемизма» [Ковшова, 2007, с. 43]: состояние, не совместимое с жизненными показателями – ср. смерть, обходиться носовым платком – ср. сморкаться.

Подобные признаки процесса эвфемизации позволяют предположить реализацию градуальной категориальной семантики при использовании языковой замены, что и отражает актуальность данного исследования.

Категория градуальности в славистике подробно представлена в работах С. М. Колесниковой [Колесникова, 1998–2021]. Градуирование языковых единиц имеет всепронизывающий характер, так как градационные отношения устанавливаются на всех уровнях системы языка по разным основаниям.

Языковые единицы, подвергающиеся эвфемизации, градуируются, то есть выражают значение меры и степени, величины признака, процесса, явления, предмета. Контекст, стиль, речевая ситуация влияют на степень эвфемизации. Определение градуальной (градационной) функции эвфемизмов подтверждает достижение коммуникативной цели – выражение степени признака разнообразных объектов действительности [Колесникова, 2018, с. 7], например: *романчик* – ср. *интрижка*. Уменьшительный суффикс ***–чик*** обозначает несерьезность и недолговечность обозначаемого процесса; *крошить* – ср. *убивать*. Семантика основы ***крош-*** указывает на значение разделения на маленькие части. *Приостанавливать* – ср. *закрывать*. Приставка ***–при*** имеет значения неполного действия [Сеничкина, 2008, с. 377, 167, 352].

Исследование градуальной семантики эвфемизмов в различных сферах употребления.

Комплексный анализ градуальной семантики эвфемистических замен нами осуществляется с опорой на принцип антропоцентризма [ср. Бугорская, 2004], так как эвфемизмы возникают в ходе жизнедеятельности человека, реализации его отношения к ситуации, его способностям и качественно-оценочным характеристикам. Человек, носитель языка, единица социума и микросоциума, выражает разные типы отношений к собственному состоянию и внешним факторам.

Материалом исследования послужили лексические единицы, представленные в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) [НКРЯ, 2003–2021] в эвфемистической функции, вступающие в градационные отношения по разным основаниям и выражающие градуальную семантику разноуровневыми способами.

Отечественные и зарубежные исследователи в зависимости от разных географических, исторических и политических факторов, от разного времени использования различают разное количество тематических групп, наиболее сильно подвергающихся эвфемизации [Лухтенберг, 1985, Спирс, 2001, Шведова, 2002, Холдер, 2007]. В настоящее время «наибольшее развитие получают как раз способы и средства эвфемизации, затрагивающие социально значимые темы, сферы деятельности человека, его отношения с другими людьми, с обществом, властью» [Крысин, 1994, с. 32].

В данной работе нами рассматриваются группы эвфемизмов, употребляющиеся в разных сферах бытия человека, которые, соблюдая принцип антропоцентризма, делятся на два основных направления: а) человек и его характеристики, б) человек и его место в социуме.

Основная задача данного исследования заключается в выявлении **сфер употребления** эвфемистических замен и установлении качественного характера градуальных (мерительных) отношений. См.:

Человек и его характеристики:

– физиологические процессы, функции, состояния (зачатие, беременность, рождение, возраст, смерть): *нежный возраст* – ср. *молодой, немолодой человек, пожилой человек, человек в возрасте* – ср. *старый, слабослышащий* – ср. *глухой, слабовидящий* – ср. *слепой; сходить на дорожку* – ср. *пописать, авария* – ср. *несдержанное мочеиспускание, дела, гости* – ср. *менструация, дышать на ладан* – ср. *умирать, отойти в мир иной* – ср. *умереть;*

– строение тела (вес, внешность): *полный, корпулентный* – ср. *толстый, не первая красавица* – ср. *некрасивая, две руки левые* – ср. *неаккуратный, неряшливый, пятая точка – ягодицы;*

– внутренняя организация (характер, человеческие пороки, пристрастия): *в разведку не пойдешь* – ср. *ненадежный, ворон считает* – ср. *рассеянный, рассказывать* – ср. *врать, быть навеселе, заложить за воротник, быть под мухой* – ср. *выпить алкоголь.*

Например, обозначение беременности: *Богатые мужья старались своих жен* ***в положении*** *запечатлеть… Итак все оформлялось… по принципу «все прикрыто, все целомудренно, только чуть наготы для особой красоты»* (2); ср. *Давным-давно, около двенадцати лет назад, Катя узнала, что* ***ждет ребенка****.*(3); ср.: *Не испытывая угрызений,* ***будущая мать*** *Веры отправилась спускать вырученное, купив заодно для мамы валерьянкии «Наполеон»* (4); описание нетрезвого человека: *Михаил Иванович, сейчас только десять утра, а наши сапожники уже* ***под мухой****! (5); Не то чтобы пьяная, но явно* ***навеселе*** *(6);* представление смерти: *Вторым из их компании ушел* ***в мир иной*** *Леонардо (7); Начался печальный и медленный* ***уход и зжизни****. (8); И вот тоже* ***конец*** *мне пришёл, а с чем я остался? (9).*

Рассмотрев различные эвфемистические описания одного и того же денотата заметна субъективная оценка говорящего, эмоциональное состояние, контекст, цель высказывания, которые определяют способ образования эвфемизма, его функцию и качественную характеристику.

Человек и социум:

– быт, социальное обеспечение, статус: *сапоги каши просят* – ср. *старые, изношенные, другой ориентации, голубой* – ср. *гомосексуалист;*

– человеческие взаимоотношения (интимные связи, дружба, отношения: *заключить союз, связать себя узами* – ср. *жениться, переспать, заниматься любовью, сойтись в экстазе* – ср. *иметь сексуальные отношения;*

– межкультурные и межэтнические различия: *афроамериканец, с ярким цветом кожи, шоколадный* – ср. *негр;*

– религия: *книга книг* – ср. *Библия, Создатель* – ср. *Бог;*

– внутренняя и внешняя политика, дипломатия: *взлет по карьерной лестнице* – ср. *быстрый карьерный рост, уход, отпуск, освобождение, оптимизация* – ср. *увольнение, отставка*

Подготовка выступлений политических лидеров, написание речей, диалогов, переговоров и интервью – это целая наука, которая требует большого количества знаний не только о самой политической ситуации в стране или даже мире, но и в журналистике, психологии, социологии, лингвистике и пр. Речи политиков во время пресс-конференций отличаются от парламентских выступлений, они все тщательно готовятся и продумываются. Ведь каждое слово, использованное политиком в одной ситуации, может в другой его скомпрометировать или приобрести противоположный смысл. Выступления нужны для передачи информации или для мотивации определенных действий, но не обязательно непосредственно через прямые высказывания. Политические эвфемизмы являются одним из важнейших стратегических средств убеждения, часто служащих вуалью неблаговидных поступков в глазах общественности.

– экономика, бизнес: *выходить из бюджета, не рассчитать расходы* – ср. *превысить денежный лимит; нулевой рост, стабильное положение* – ср. *простой; дефицит, опасность, недостаток* – ср. *кризис*

– образование: *серый, темный, малограмотный, неопытный* – ср. *необразованный;*

– профессии, сферы обслуживания, проституция: девушка с *улицы красных фонарей, представительница самой древней профессии, ночная бабочка, девушка по вызову, без комплексов* – ср. *проститутка; клининг-менеджер, клинер* – ср. *уборщица*

– военное дело, *акция* – ср. *военная операция*, *гости, чужаки* – ср. *враги*; *действия, кампания, столкновение, конфликт* – ср. *война;*

– криминал, преступления, наказания: *места не столь отдаленные, учреждение, казенный дом* – ср. *тюрьма; брать, залезать в чужой карман* – ср. *красть.*

Например, у проститутки есть большое количество эвфемистических замен для указания более конкретной цели употребления выражения, вида услуг или условий их оказания: *Картину дополнял соответствующий макияж и парик. Потом «**ночные бабочки**» выпархивали на улицу. И дальше начиналось самое интересное: ловля клиентов. (10); – У вас здесь работает **девушка по вызову** по имени Алена. (11); Затем приезжают еще: Данкова, племянница Талецкого, **женщина легкого поведения**, и некто Стожников, молодой человек окончательно малоумный (12);* увольнение часто заменяют из-за нежелания травмировать психику увольняемого и разрушать атмосферу в коллективе*: Тогдашний глава Комитета по науке Минобрнауки Самвел Арутюнян сообщил, что с января 2020 года предстоит **оптимизация** структуры госуправления и расходов (13), Эта форма подходит лишь рабам идеологического общества, которые свободой называют **освобождение от обязанностей** перед обществом (14);* выражения с лексической единицей война встречаются крайне редко в обыденной речи, так как несут в себе опасность с высокой степенью плохих последствий*: «В ходе Корейской войны Англия весьма чутко реагировала на каждый шаг других мировых держав и, в соответствии со своими национальными интересами, старалась использовать военный **конфликт** для создания выгодного для себя нового миропорядка» (с. 172–173) (15); В результате военные **действия** развивались медленно, сопровождаясь чудовищным геноцидом по отношению к местному населению.*(16);

В зависимости от выбранного значения в каждой конкретной языковой ситуации эвфемизм отражает большую или меньшую степень субъективности, принадлежность к определенному уровню языка, степень вуалированности или смягчения содержания значения заменяемого денотата.

При вторичной номинации уже номинированного когнитивного понятия происходит функциональное или семантическое переосмысление. Контекст и цель высказывания могут влиять на сферу употребления эвфемистической замены: *акция* – может быть использовано в быту как *хулиганское поведение*, в военном деле – это *военная операция*; *серый – необразованный,* может употребляться в значении 'чего-то незаконного', а также заменять табуизированное обозначение животного *волк*.

Сферы употребления эвфемизмов и тематическое распределение подтверждают наличие замен на всех уровнях и во всех функциональных стилях языка (см. выше, определение эвфемизма). Признак семантической неопределенности приведенных эвфемизмов объясняет наличие градуальной семантики «заменных» образований, значением меры и степени (см., архисема, градосема, «которая называет имя ***лексико-семантического поля***» [Современный..., 2015, с. 119]) и разноуровневыми способами их выражения [Колесникова, 2018. с. 87].

Выводы

В работе рассмотрены эвфемизмы, используемые в разных сферах бытия человека. Выделяется две основные группы: человек и его внутренний мир (а) и человек и социум (б). Каждая из групп имеет последующее деление на более точные, «качественные», групповые объединения.

Эвфемистические замены демонстрируют наличие признаков меры и степени. Градуальная семантика рассматриваемых языковых единиц определяется наличием семы меры и степени в семантической структуре слова, а также путем компонентного анализа структуры эвфемистичного слова / выражения / конструкции и выявления особенностей их функционирования.

Современная коммуникация позволяет использовать большое количество языковых единиц и разноуровневых средств выражения определенных категориальных смыслов и модальных значений для оптимизации речетворческого процесса, достижения целевой установки и успешности коммуникативного процесса. Результаты проведенного исследования дают нам основание использовать полученные результаты в лексикографической практике, так как в настоящее время возникла острая необходимость составления словаря эвфемизмов по лексико-тематическому принципу.

Библиографический список

1. Арапова Н. С. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва : Советская энциклопедия, 1990. 590 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов (2-е изд.). Москва : Советская энциклопедия, 1969. 607 с.
3. Бугорская Н. В. Антропоцентризм как категория современного языкознания // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentrizm-kak-kategoriya-sovremennogo-yazykoznaniya (дата обращения: 03.02.2022).
4. Буй В. Веселый словарь народных выражений. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Москва : Альта-Принт, 2005. 368 с.
5. Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Москва : Учпедгиз, 1954. 174 с.
6. Долгих З. Б. Актуальные подходы исследования градуальных значений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 12 (751). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-podhody-issledovaniya-gradualnyh-znacheniy (дата обращения: 03.02.2022).
7. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. Москва : Гнозис, 2007. 320 с.
8. Колесникова С. М. Градуальность в системе русского языка : монография. Москва : Флинта, 2018. 232 с.
9. Колесникова С. М. Средства выражения степени величины признака: синонимы и антонимы // Русский язык в школе. № 1. 1999. С. 78–82.
10. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи. Русистика. Берлин, 1994. С. 28–49.
11. Ларин Б. А. Об эвфемизмах // Ученые записки Ленинградского ун-та No 301. Серия филол. наук. Вып. 60, 1961. С. 108–122.
12. Национальный корпус русского языка. 2003–2021. URL: ruscorpora.ru
13. Реформатский А. А. Введение в языковедение : учебник для вузов. 5-е изд. Москва : Аспект Пресс, 2004. 536 с.
14. Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. Москва : Флинта : Наука, 2008. 464 с.
15. Современный русский язык : учебник и практикум / под ред. С. М. Колесниковой : в 3-х томах. Москва : Юрайт, 2015. Т. 1. 119 с.
16. Цицерон М. Т. О переводчиках (о наилучшем роде ораторов). URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1285148370 (дата обращения: 02.02.2022).
17. Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь. Москва : РАН. Институт русского языка, 2002. 800 с.
18. Holder R. W. How not to say what you mean / A Dictionary of euphemisms, 4th edition. Oxford University press, 2007. 416 p.
19. Luchtenberg S. Euphemismen im heutigen Deutsch. P. Lang in Frankfurt am Main, New York, 1985. 299 p.
20. Spears R. A. Slang and Euphemism: A Dictionary of Oaths, Curses, Insults, Ethnic Slurs, Sexual Slang and Metaphor, Drug Talk, College Lingo and Related Matters. Signet, 2001. 412 p.

Reference list

1. Arapova N. S. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' = Linguistic encyclopedic dictionary. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. 590 c.
2. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskih terminov (2-e izd.) = Dictionary of linguistic terms (2nd ed.). Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1969. 607 s.
3. Bugorskaja N. V. Antropocentrizm kak kategorija sovremennogo jazykoznanija = Anthropocentrism as a category of modern linguistics // Voprosy psiholingvistiki. 2004. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/antropotsentrizm-kak-kategoriya-sovremennogo-yazykoznaniya (data obrashhenija: 03.02.2022).
4. Buj V. Veselyj slovar' narodnyh vyrazhenij. Izdanie 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe = Funny dictionary of folk expressions. 2nd edition, revised and updated. Moskva : Al'ta-Print, 2005. 368 s.
5. Bulahovskij L. A. Vvedenie v jazykoznanie = Introduction to linguistics. Moskva : Uchpedgiz, 1954. 174 s.
6. Dolgih Z. B. Aktual'nye podhody issledovanija gradual'nyh znachenij = Current approaches to studying gradational values // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2016. № 12 (751). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-podhody-issledovaniya-gradualnyh-znacheniy (data obrashhenija: 03.02.2022).
7. Kovshova M. L. Semantika i pragmatika jevfemizmov. Kratkij tematicheskij slovar' sovremennyh russkih jevfemizmov = Semantics and pragmatics of euphemisms. A concise thematic dictionary of modern Russian euphemisms. Moskva : Gnozis, 2007. 320 s.
8. Kolesnikova S. M. Gradual'nost' v sisteme russkogo jazyka = Graduality in the Russian language system : monografija. Moskva : Flinta, 2018. 232 s.
9. Kolesnikova S. M. Sredstva vyrazhenija stepeni velichiny priznaka: sinonimy i antonimy = Means of expressing the degree of the feature: synonyms and antonyms // Russkij jazyk v shkole. № 1. 1999. S. 78–82.
10. Krysin L. P. Jevfemizmy v sovremennoj russkoj rechi = Euphemisms in modern Russian speech. Rusistika. Berlin, 1994. S. 28–49.
11. Larin B. A. Ob jevfemizmah = On euphemisms // Uchenye zapiski Leningradskogo un-ta No 301. Serija filol. nauk. Vyp. 60, 1961. S. 108–122.
12. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. 2003–2021 = National corpus of the Russian language. 2003-

2021. URL: ruscorpora.ru

13. Reformatskij A. A. Vvedenie v jazykovedenie = Introduction to linguistics : uchebnik dlja vuzov. 5-e izd. Moskva : Aspekt Press, 2004. 536 s.

14. Senichkina E. P. Slovar' jevfemizmov russkogo jazyka = Dictionary of Russian euphemisms. Moskva : Flinta : Nauka, 2008. 464 s.

15. Sovremennyj russkij jazyk = Contemporary Russian language : uchebnik i praktikum / pod red. S. M. Kolesnikovoj : v 3-h tomah. Moskva : Jurajt, 2015. T. 1. 119 s.

16. Ciceron M. T. O perevodchikah (o nailuchshem rode oratorov) = On translators (on the best kind of speakers). URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1285148370 (data obrashhenija: 02.02.2022).

17. Shvedova N. Ju. Russkij semanticheskij slovar' = Russian semantic dictionary. Moskva : RAN. Institut russkogo jazyka, 2002. 800 s.

18. Holder R. W. How not to say what you mean / A Dictionary of euphemisms, 4th edition. Oxford University press, 2007. 416 p.

19. Luchtenberg S. Euphemismen im heutigen Deutsch. P. Lang in Frankfurt am Main, New York, 1985. 299 p.

20. Spears R. A. Slang and Euphemism: A Dictionary of Oaths, Curses, Insults, Ethnic Slurs, Sexual Slang and Metaphor, Drug Talk, College Lingo and Related Matters. Signet, 2001. 412 p.

Статья поступила в редакцию 10.12.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 10.12.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья
УДК 81'34
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-111-117

О корковых механизмах ритмической интерференции (к постановке проблемы)

Галина Михайловна Вишневская[1]✉, Михаил Эдуардович Зверев[2]
[1]Доктор филологических наук, профессор, академик Российской Академии Естествознания (действительный член РАЕ) ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра интеграции науки и образования ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет». 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39
[2]Аспирант института гуманитарных наук кафедры зарубежной филологии ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет». 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39
[1]galamail2002@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-0615-7351
[2]m.zverev2001@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-7657-6805

Аннотация. Настоящая статья посвящена лингвистическим и корковым механизмам языковой и речевой интерференции. Предметом рассмотрения в работе являются корковые механизмы ритмической интерференции. Роль данных механизмов в осуществлении речевой коммуникации как динамическом квазирегулярном и регулярном изменении лингвистических и экстралингвистических элементов только начинает осознаваться учеными. Феномен языковой и речевой интерференции в целом и ритмической интерференции в частности, рассматривающийся как «отрицательный языковой материал» (по Л. В. Щербе), играет исключительно важную роль как в лингвистике, так и в смежных областях знания. Ритм (речевой и неречевой) может быть определен как форма движения и структурирования материи, как универсальное свойство живой и неживой природы наряду со временем и пространством. Отмечается, что вербальный (фонетический, речевой) ритм как часть универсального ритма обнаруживается на всех стратах (модулях) языка и речи, а также формируется всеми языковыми средствами – единицами и признаками (графическими, фонетическими, морфологическими, синтаксическими, лексическими, семантическими, стилистическими, прагматическими). Подчеркивается, что ритмическая система носит общелингвистический иерархический характер: она не может быть отнесена только к просодической, лексической, морфологической, синтаксической, стилистической или семантическим структурам. Анализируются основные черты ритмической организации на материале ненативной (неродной) английской звучащей речи. Представляется необходимым более глубокое изучение вопросов и проблем, связанных с фонетической наукой в целом и вербальной и невербальной ритмологией в частности в русле нейрофонетической теории и полипарадигмального подхода к лингвистическому коду.

Ключевые слова: нейроритмология; лингвистические и корковые механизмы интерференции; ритмическая интерференция; ритмические универсалии; системный подход; ритм нативной и ненативной речи; метадисциплинарный подход

Для цитирования: Вишневская Г. М., Зверев М. Э. О корковых механизмах ритмической интерференции (к постановке проблемы) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 111-117. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-111-117

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Original article

On cortical mechanisms of rhythmic interference in non-native speech

Galina M. Vishnevskaya[1]✉, Mikhail E. Zverev[2]
[1]Doctor of philological sciences, professor, academician of the Russian Academy of natural sciences (full member of RAE), leading researcher of the Scientific educational center for integration of science and education of Ivanovo State University. 153025, Ivanovo, Ermak st., 39
[2]Postgraduate student, Institute of humanities, Department of foreign philology, Ivanovo state university. 153025, Ivanovo, Ermak st., 39
[1]galamail2002@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-0615-7351
[2]m.zverev2001@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-7657-6805

© Вишневская Г. М., Зверев М. Э., 2022

Abstract. The present article is aimed at describing linguistic and cortical mechanisms of language and speech interference with a focus on rhythmic elements of sound speech. The role of cortical mechanisms in sound speech communication is only commencing to be understood by different scientists. In turn, verbal communication itself can be described as a dynamic quasi-regular and regular transformation of linguistic and extra-linguistic units. Some linguistic (rhythmic) interference phenomena, dealing with «negative language material» (L. V. Shcherba), play an extremely significant role both in linguistics and in some related fields of scientific knowledge. Rhythm (verbal and non-verbal) can be defined, on the one hand, as a form of moving and structuring matter, on the other hand, as an omnipresent peculiarity of living and non-living matter along with time and space. It is noted that verbal rhythm, being part of universal rhythm, is formed by means of all linguistic strata and all their units and features (graphic, phonetic, morphological, syntactic, etc.). It is also emphasised that any rhythmic system exists in the linguistic hierarchically structured pattern, that is to say, it cannot be referred only to prosodic, lexical, or semantic structures. The main features of rhythmic patterning of native and non-native English speech are analysed. It seems to indicate more deeply some of the issues related to phonetic sciences in general and verbal and non-verbal rhythmology in particular in keeping with the framework of neurophonetic theory and multi-paradigmatic approach to any linguistic code.

Key words: neurorhythmology; linguistic and cortical mechanisms of interference; rhythmic interference; rhythmic universals; systemic approach; rhythm of native and non-native speech; metadisciplinary approach

For citation: Vishnevskaya G. M., Zverev M. E. On cortical mechanisms of rhythmic interference in non-native speech. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):111-117. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-111-117

…в овладении механизмами звучащей речи –
ключ к овладению всеми богатствами чужого языка.
Интерференция звуковых систем [1987]

Актуальность

Настоящая работа посвящена малоизученным вопросам, связанным с корковыми и лингвистическими механизмами мультилингвизма, билингвизма, интерференции и иноязычного акцента. Значительное число фундаментальных (теоретических) и экспериментальных работ последних лет были направлены на изучение (а) архитектоники двух и более языковых кодов в мозге мультилингва и билингва; (б) механизмов, обеспечивающих «хранение» языковых систем; (в) процессов, происходящих в коре головного мозга при овладении языковыми системами; (г) межполушарной функциональной асимметрии; (д) латерализации языковых и речевых функций в неокортексе; (е) нейрофизиологических и нейропсихологических процессов языковой и речевой интерференции в целом и ритмической интерференции в частности и др. Тем не менее современная наука продолжает исследовать релевантные мозговые паттерны, обеспечивающие данные механизмы, процессы и функции, с позиции полипарадигмального подхода.

В аспекте ретроспективы выбранной темы отметим, что в 1958 году была издана известная монография Н. И. Жинкина (1893–1979) «Механизмы речи» [Жинкин, 1958], проливающая свет на вопросы продукции естественной звучащей речи, механизмы голосообразования, речевого дыхания, речедвигательного анализатора, сегментных и супрасегментных рядов и др. Данная работа актуальна тем, что автор отмечает релевантность создания *полипарадигмального и интегративного* подходов к различным феноменам звучащей материи и теории механизмов речи: «надо преодолеть разобщенность наук, часто мешающую правильно видеть простые явления, сопоставлять то, что разобщено в разных дисциплинах…» [Жинкин, 1958, с. 6]. «Изучение механизма речи невозможно, если не преодолеть разобщенности смежных дисциплин. Вместе с тем на пути сближения дисциплин возникают трудности изложения материала. То, что фонетисту кажется простым и достаточно известным, остается не всегда знакомым психологу и физиологу, и наоборот» [Жинкин, 1958, с. 7].

Постановка проблемы

Несмотря на пестрый спектр вопросов, объектом пристального внимания исследователей всегда были афатические нарушения у полиглотов (мультилингвов) при локальных поражениях левого полушария головного мозга – зона Брока (левая нижняя лобная извилина / Л-НЛИ) [Broca, 1861] и зона Вернике (ВТЗ-объединение/височно-теменно-затылочное) [Wernicke, 1874], а также очаговые поражения лобных долей (в особенности префронтальные формации новой коры) (см., например, [Fabbro, 2001] и др.). Необходимо отметить, что ряд теоретических и экспериментальных работ имеют довольно разнородные данные и часто дают диаметрально противоположные интерпретации (см., например, [Paradis, 1977; Ben-Dov, Carmon,

1984] и др.). В современной науке появился новый подход к исследованию функциональной асимметрии мозга и латерализации языковых и речевых функций у здоровых мультилингвов и билингвов – так называемые *неинвазивные методы и методики* (дихотические, дихоптические, отставленная слуховая обратная связь, регистрация движения глаз, позитронная эмиссионная томография, функциональная магнитно-резонансная томография, магнитоэнцефалография, электроэнцефалография и др.). Считается установленным, что не только *левое*, но и *правое* полушарие имеет непосредственное отношение к языку и речи ([Балонов, Деглин, 1976; Mesulam, 1990; Черниговская, 1993, 2017; Baars, Gage, 2010] и др.). Важно отметить, что с точки зрения психической деятельности релевантными становятся не только корковые/кортикальные, но и подкорковые/субкортикальные структуры коры больших полушарий. В связи со сверхсложностью, тонкой настройкой и самоорганизацией *нейронной гиперсети* (см. работы К. В. Анохина) пока неизвестно, «…возможно ли в принципе решение этой задачи. Ведь кроме приборов и методов главным средством познания мозга опять-таки остается… мозг. Обычно прибор, который изучает какое-то явление или объект, сложнее этого объекта, в этом же случае мы пытаемся действовать на равных – мозг против мозга» [Бехтерева, 2007, с. 160].

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются *корковые механизмы, управляющие процессами речевой коммуникации в целом и ритмической интерференции в частности*. Под ритмической интерференцией понимаются разного рода модификации ритмической системы вторичного языка (L_2), вызванные влиянием ритмической системы первичного кода (L_1). Анализ некоторых теоретических вопросов в области вербальной ритмологии через призму теорий «ненативности», интерференции и иноязычного акцента может оказаться довольно продуктивным. Именно ненативная звучащая речь как «отрицательный языковой материал» (по Л. В. Щербе, 1931) служит маркером (стигмой) идентификации Homo Loquens – одного из объектов современной лингвистики.

Теоретический обзор

Известно, что языковая *интерференция* (физический термин; термин Пражской лингвистической школы) может рассматриваться с точки зрения трех различных аспектов: как *результат* взаимодействия двух или более систем, как *процесс* этого взаимодействия и как *предпосылки* для него [Интерференция звуковых систем, 1987]. Языковая интерференция проявляется *на всех стратах языкового кода* (фонетической, морфологической, синтаксической, лексической, семантической, дискурсивной, стилистической, прагматической), а также в графике языка и речи. Однако интерференция особенно заметна на *фонетическом ярусе* (как следствие или результат фонетической интерференции – иноязычный акцент, *«чужое»* качество звучащей речи [Вишневская 1993]). При этом она затрагивает *сегментный, просодический и интонационный уровни* и все *сегментные, просодические и интонационные единицы и признаки* звуковой стороны языка и речи (о корреляции и дифференциации/некорреляции супрасегментики, просодии, интонации, просодики, просодемики и др. терминов см. работы А. М. Антиповой, В. А. Артемова, Л. П. Блохиной, Г. М. Вишневской, Ю. А. Дубовского, Л. В. Златоустовой, Ю. А. Клейнера, С. В. Кодзасова, О. Ф. Кривновой, Р. Г. Потаповой, Н. Д. Светозаровой, И. Г. Торсуевой, Н. С. Трубецкого, I. Lehiste и др.). Интерференция как «живой» механизм локализована в мультилингвальном и билингвальном индивидууме, а именно в его речи. Интерференция может иметь либо *положительный*, либо *отрицательный* характер, а также разную *степень* выраженности.

Ясно, что фонетическая интерференция затрагивает *акустико-артикуляционную* и *перцептивную* системы вторичного кода, проявляясь в нарушении иерархии и взаимодействия артикуляционно-рецептивных характеристик звучащей речи на языке вторичной системы. В условиях фонетической интерференции данные стороны речевой деятельности не являются полностью автоматизированными, именно поэтому тип взаимодействия звуковых систем накладывает существенные ограничения на те *аберрации* (отклонения, т. е. фонологические и фонетические ошибки в общем смысле; см. работу Л. В. Щербы (1963)), которые могут возникнуть. В процессе овладения звуковой системой первичного кода, произносительные органы синхронно контролируются перцептивной системой. Между артикуляционным и слуховым аппаратом существует обратная связь. Поскольку слух фонологичен (также слух может быть фонетическим и интонационным), работа артикуляторов регулируется фонологической программой, то есть совокупностью сведений о фонемном коде языка и

правил комбинирования фонем (законы фонотактики). В связи с появлением встречной активности артикуляционных центров коры головного мозга параметры воспринимаемого иноязычного акустического сигнала моделируются в произносительно-слуховой функциональной системе в виде *интерферированного континуума*, что приводит к появлению не только продуктивной (генеративной) интерференции, но и к перцептивной интерференции. Разумеется, вышеописанные механизмы релевантны не только для сегментики, но и для супрасегментики языка и речи [Albert, Obler, 1978; Интерференция звуковых систем, 1987; Любимова, 1988; Вишневская, 1993; Абрамова, 2012]. Важно также отметить, что «…у животных фарингс не управляется для формирования звуковых сигналов общения. У человека появляется двойное управление – корковое и подкорковое. По первому каналу управляется артикуляция, по второму – слоговедение (т. е. слоговая система, объект изучения слоговой фонетики – Г. В., М. З.)» [Жинкин, 1998, с. 82].

В современной фонетической науке существуют *два основных направления* (узкий и широкий подход), рассматривающих вербальный ритм, с одной стороны, как исключительно *временно́й* и/или *динамический* (см., например, [Pike, 1945] и др.) компонент просодии и интонации с точки зрения акустического аспекта, перцептивными коррелятами которого выступают долгота и громкость, с другой стороны, как *универсальную общелингвистическую структуру*, которая обнаруживается на всех уровнях языка и организует его в целом (т. е. иерархический принцип генерации). Именно поэтому ритмическая система не может быть отнесена только к просодической или лексико-грамматической системам. Ритмическая структура носит общелингвистический характер и формируется всеми языковыми средствами – единицами и признаками [Антипова, 1980, 1984, 1990].

Разумеется, вербальный ритм может рассматриваться исключительно как просодический и интонационный феномен, особенно в терминах ритмообразующей функции (функционального слоя) просодии, которая во многом генерирует квазирегулярную (квазипериодическую) и периодическую (регулярную) повторяемость явлений, разворачивающихся во времени и пространстве развивающейся материи (в нашем случае, звучащей материи). Тем не менее просодический аспект вербального ритма является лишь *частью* полиаспектной ритмической системы [Антипова, 1984, с. 53]. Специфическими характеристиками ритма (речевого и неречевого), которые являются, по-видимому, *ритмическими универсалиями*, оказываются *вариативность* и *константность*. Именно вариативность и константность, динамика и статика, устойчивость и изменчивость, равномерность и неравномерность, гибкость и жесткость, чередование разнотипных и квазипериодичность и периодичность сходных и соизмеримых единиц обуславливает *структурообразующее, организующее* начало любой материи – живой и неживой, их форму существования [Пространственно-временная и ритмическая организация текста, 1986; Речевой ритм и его функции, 1987].

Одним из направлений в области вербальной ритмологии следует считать *типологическую* ритмологию. В рамках данной дисциплины существует так называемая гипотеза «Пайка-Аберкромби» [Pike, 1945; Abercrombie, 1967; Mitchell, 1969], авторы которой предлагают дифференцировать лингвистические коды на две основные группы: *акцентносчитающие* языки (акцентные, тактосчитающие, *stress-timed, accent-based*) и *слогосчитающие* языки (слоговые, силлабические, *syllable-timed, syllable-based*). В 70-е годы XX века также был выделен третий ритмический класс языков – *моросчитающие* языки (языки морного типа, *mora-timed, mora-based*). Разумеется, подобная дифференциация является скорее удобной описательной техникой, чем реальным свойством явления: *«…there is no language which is totally syllable-timed or totally stress-timed – all languages display both sorts of timing…»* [Roach, 1982, p. 78]. Установлено, что различия в ритмической организации языка и речи имеют *градуальный*, а не категориальный характер [Dauer, 1983; Nespor, 1990].

В современной фонетической науке также прослеживается тенденция к поиску иного пути изучения ритма звучащей речи. В настоящее время в вербальной ритмологии широко применяются новые методы и методики вычисления ритмических характеристик, которые рассматриваются в качестве акустических коррелятов вербального ритма. Например, метод *PVI* (*Pairwise Variability Index* – индекс попарного сопоставления сегментов, индекс парной вариативности [Low et al., 2000]), вычисляющий индекс попарного сопоставления как вокалических и консонантных интервалов, так и соседних слогов по их длительности.

В рамках данной статьи представляется реле-

вантным также обращение к констрастивной (сопоставительной) ритмологии, объектом которой являются типологические аспекты вербального ритма. К основным *типологическим* чертам ритмической системы *английской ненативной речи* относятся следующие положения [Вишневская, 1993]:

1. Ритмический импульс английской речи, порождаемый мультилингвом и билингвом, не совпадает с ритмическим импульсом родной речи ненативного говорящего, в результате чего нарушается общая перцептивная картина звучащей речи, то есть *некачественное* ритмическое структурирование речи, *деформация* как сегментных, так и супрасегментных характеристик звучащей речи.

2. В организации ненативной английской речи наблюдается недостаточный контраст ударных слогов по отношению к безударным, создающий эффект «размытости» ритмической структуры речи, иными словами нарушение «*ритмического скелета»* (*ритмический рельеф* – Р. К. Потапова и В. В. Потапов [2001]) *звучащей речи*. Отметим, что длительность и артикуляционная полнота английских гласных сегментов вовлечены в контраст ударных и безударных слогов не в такой степени, как в русском языке, так как они (длительность и артикуляционная полнота гласного) используются уже в сегментном противопоставлении английских гласных по признаку напряженности – ненапряженности [Кодзасов, Кривнова, 2001].

3. В продукции неродной речи также отмечается неверное распределение сильных и слабых форм слов в звуковом потоке, недостаточная степень редукции служебных (незнаменательных, формальных) слов, отсутствие вариативности редуцированных форм.

4. В звучащей речи мультилингва и билингва прослеживается модификация акцентной структуры слова (изменения в степени ударности слогов в слове, в месте постановки словесного ударения) и модификация степени выделенности слова в потоке звучащей речи. Игнорирование правила, подразумевающего обязательное разделение соседних фразовых ударений («*separation of accents»* [Bolinger, 1986]) в звуковом потоке.

Выводы

Одним из важнейших факторов проявления организации и развития живой и неживой материи (мира, природы) является универсальный ритм. Вербальный ритм как супрасегментная абсолютная универсалия органически связан со всеми модулями и средствами лингвистического кода. Именно через вербальный ритм проявляется идентичность любой языковой системы. Ритмическая организация звучащей ненативной речи, модифицирующая сегментные и супрасегментные единицы и признаки, может значительно отличаться от ее реализации в речи носителя языка. Корковые механизмы определяют глобальные (универсальные) и локальные (специфические) динамические паттерны человеческого мозга в аспекте кодирования и декодирования звучащего дискурса.

Дальнейшее изучение корковых механизмов языковой и речевой интерференции в целом и ритмической интерференции в частности видится в конвергенции гуманитарного, естественного и технического научного знания. Современная фонетическая наука занимает особое место среди гуманитарных наук в силу сложности своего объекта описания (звучащая материя). Данная *«многовекторная» наука* нуждается в привлечении специалистов самых различных сфер знания (лингвистов, нейропсихологов, нейробиологов, акустиков и др.) для осуществления адекватного теоретико-экспериментального описания универсальных, типологических и специфических (индивидуальных) механизмов звучащей речи (вербального ритма) в условиях языковой и речевой интерференции.

Библиографический список

1. Антипова А. М. Основные проблемы в изучении речевого ритма // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 124–134.

2. Антипова А. М. Ритмическая система английской речи. Москва : Высшая школа, 1984. 119 с.

3. Антипова А. М. Ритмическая организация английской речи (экспериментально-теоретическое исследование ритмообразующей функции просодии). Москва, 1980. 447 с.

4. Балонов Л. Я., Деглин В. Л. Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. Ленинград : Наука, 1976. 218 с.

5. Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. Москва : АСТ; Санкт-Петербург : Сова, 2007. 384 с.

6. Вишневская Г. М. Интерференция и акцент: (на материале интонационных ошибок при изучении неродного языка). Санкт-Петербург, 1993. 481 с.

7. Жинкин Н. И. Механизмы речи. Москва : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 370 с.

8. Жинкин Н. И. Язык – речь – творчество: Избранные труды. Москва : Лабиринт, 1998. 368 с.

9. Интерференция звуковых систем / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая и др. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1987. 280 с.

10. Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. Москва : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 592 с.

11. Любимова Н. А. Фонетический аспект общения на неродном языке (в условиях финно-русского двуязычия). Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1988. 195 с.

12. Потапова Р. К., Потапов В. В. Проблемы ритма немецкой звучащей речи // Вопросы языкознания. 2001. № 6. С. 104–122.

13. Пространственно-временная и ритмическая организация текста: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. Москва, 1986. Вып. 265. 152 с.

14. Речевой ритм и его функции: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. Москва, 1987. Вып. 293. 152 с.

15. Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. Москва : Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. 448 с.

16. Черниговская Т. В. Эволюция языковых и когнитивных функций: физиологические и нейролингвистические аспекты. Санкт-Петербург, 1993. 51 с.

17. Abercrombie D. Elements of General Phonetics. Edinburgh : Edinburgh University Press, 1967. 203 p.

18. Albert M., Obler L. The Bilingual Brain: Neuropsychological and Neurolinguistic Aspects of Bilingualism. London : Academic Press, 1978. 320 p.

19. Baars B. J., Gage N. M. Cognition, Brain, and Consciousness: Introduction to Cognitive Neuroscience. New York : Academic Press, 2010. 677 p.

20. Ben-Dov G., Carmon A. Rhythm Length and Hemispheric Asymmetry // Brain and Cognition. 3(1). 1984. P. 35–41.

21. Bolinger D. Intonation and its Parts: Melody in Spoken English. Stanford : Stanford University Press, 1986. 433 p.

22. Broca, P. Perte de la parole, ramollissement chronique de destruction partielle du lobe anterieur gauche du cerveau // Bulletins et Memoires de la Societe d'anthropologie de Paris. 1861. P. 235–238.

23. Dauer R. M. Stress-Timing and Syllable-Timing Reanalysed // Journal of Phonetics. 1983. Vol. 11. № 1. P. 51–62.

24. Fabbro F. The Bilingual Brain: Cerebral Representation of Languages // Brain and Language 79. 2001. P. 211–222.

25. Low E. L., Grabe E., Nolan F. Quantitative Characterisations of Speech Rhythm: «Syllable-Timing» in Singapore English // Language and Speech. 43 (1). 2000. P. 377–401.

26. Mesulam M. M. Large-Scale Neurocognitive Networks and Distributed Processing for Attention, Language, and Memory // Annals of Neurology. 28 (5). 1990. P. 597–613.

27. Mitchell T. F. Review of David Abercrombie, Elements of General Phonetics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1967. 203 p. // Journal of Linguistics, 5(1). 1969. P. 153–164.

28. Nespor M. On the Rhythm Parameter in Phonology // Logical Issues in Language Acquisition. 1990. P. 157–175.

29. Paradis M. Bilingualism and Aphasia // Studies in Neurolinguistics. Vol. 3. 1977. P. 65–121.

30. Pike K. L. The Intonation of American English. Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1945. 200 p.

31. Roach P. J. On the Distinction between «Stress-Timed» and «Syllable-Timed» Languages // Linguistic Controversies. London : Edward Arnold, 1982. P. 73–79.

32. Wernicke C. Der aphasische Symptomencomplex: Eine psychologische Studie auf anatomischer Basis. Breslau : Cohn and Weigert, 1874. 72 p.

Reference list

1. Antipova A. M. Osnovnye problemy v izuchenii rechevogo ritma = The main problems in studying speech rhythm // Voprosy jazykoznanija. 1990. № 5. S. 124–134.

2. Antipova A. M. Ritmicheskaja sistema anglijskoj rechi = The rhythmic system of English speech. Moskva : Vysshaja shkola, 1984. 119 s.

3. Antipova A. M. Ritmicheskaja organizacija anglijskoj rechi (jeksperimental'no-teoreticheskoe issledovanie ritmoobrazujushhej funkcii prosodii) = The rhythmic organization of English speech (an experimental theoretical study of the rhythm-forming function of prosody). Moskva, 1980. 447 s.

4. Balonov L. Ja., Deglin V. L. Sluh i rech' dominantnogo i nedominantnogo polusharij = Hearing and speech of the dominant and non-dominant hemispheres. Leningrad : Nauka, 1976. 218 s.

5. Behtereva N. P. Magija mozga i labirinty zhizni = Magic of the brain and the labyrinths of life. Moskva : AST; Sankt-Peterburg : Sova, 2007. 384 s.

6. Vishnevskaja G. M. Interferencija i akcent: (na materiale intonacionnyh oshibok pri izuchenii nerodnogo jazyka) = Interference and accent: (on the material of intonation errors in learning a non-native language). Sankt-Peterburg, 1993. 481 s.

7. Zhinkin N. I. Mehanizmy rechi = Speech mechanisms. Moskva : Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR, 1958. 370 s.

8. Zhinkin N. I. Jazyk – rech' – tvorchestvo: Izbrannye trudy = Language – speech – creativity: Selected works. Moskva : Labirint, 1998. 368 s.

9. Interferencija zvukovyh sistem = Interference of sound systems / L. V. Bondarko, L. A. Verbickaja i dr. Leningrad : Izd-vo LGU, 1987. 280 s.

10. Kodzasov S. V., Krivnova O. F. Obshhaja fonetika = General phonetics. Moskva : Ros. gos. gumanit. un-t, 2001. 592 s.

11. Ljubimova N. A. Foneticheskij aspekt obshhenija na nerodnom jazyke (v uslovijah finno-russkogo dvujazychija) = Phonetic aspect of communication in a non-native language (in the context of Finnish-Russian bilingualism). Leningrad : Izd-vo LGU, 1988. 195 s.

12. Potapova R. K., Potapov V. V. Problemy ritma

nemeckoj zvuchashhej rechi = Problems of rhythm in German sounding speech // Voprosy jazykoznanija. 2001. № 6. S. 104–122.

13. Prostranstvenno-vremennaja i ritmicheskaja organizacija teksta: Sb. nauch. tr. MGPIIJa im. M. Toreza = The spatio-temporal and rhythmic organization of the text: Collection of scientific works of the M. Torez Moscow State Institute of Foreign Languages. Moskva, 1986. Vyp. 265. 152 s.

14. Rechevoj ritm i ego funkcii: Sb. nauch. tr. MGPIIJa im. M. Toreza = Speech rythm and its functions: Collection of scientific works of the M. Torez Moscow State Institute of Foreign Languages. Moskva, 1987. Vyp. 293. 152 s.

15. Chernigovskaja T. V. Cheshirskaja ulybka kota Shrjodingera: jazyk i soznanie = The Cheshire smile of Schrodinger's cat: language and consciousness. Moskva : Izdatel'skij Dom JaSK: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2017. 448 s.

16. Chernigovskaja T. V. Jevoljucija jazykovyh i kognitivnyh funkcij: fiziologicheskie i nejrolingvisticheskie aspekty = Evolution of language and cognitive functions: physiological and neurolinguistic aspects. Sankt-Peterburg, 1993. 51 s.

17. Abercrombie D. Elements of General Phonetics. Edinburgh : Edinburgh University Press, 1967. 203 p.

18. Albert M., Obler L. The Bilingual Brain: Neuropsychological and Neurolinguistic Aspects of Bilingualism. London : Academic Press, 1978. 320 p.

19. Baars B. J., Gage N. M. Cognition, Brain, and Consciousness: Introduction to Cognitive Neuroscience. New York : Academic Press, 2010. 677 p.

20. Ben-Dov G., Carmon A. Rhythm Length and Hemispheric Asymmetry // Brain and Cognition. 3(1). 1984. P. 35–41.

21. Bolinger D. Intonation and its Parts: Melody in Spoken English. Stanford : Stanford University Press, 1986. 433 p.

22. Broca P. Perte de la parole, ramollissement chronique de destruction partielle du lobe anterieur gauche du cerveau // Bulletins et Memoires de la Societe d'anthropologie de Paris. 1861. P. 235–238.

23. Dauer R. M. Stress-Timing and Syllable-Timing Reanalysed // Journal of Phonetics. 1983. Vol. 11. № 1. P. 51–62.

24. Fabbro F. The Bilingual Brain: Cerebral Representation of Languages // Brain and Language 79. 2001. P. 211–222.

25. Low E. L., Grabe E., Nolan F. Quantitative Characterisations of Speech Rhythm: «Syllable-Timing» in Singapore English // Language and Speech. 43 (1). 2000. P. 377–401.

26. Mesulam M. M. Large-Scale Neurocognitive Networks and Distributed Processing for Attention, Language, and Memory // Annals of Neurology. 28 (5). 1990. P. 597–613.

27. Mitchell T. F. Review of David Abercrombie, Elements of General Phonetics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1967. 203 p. // Journal of Linguistics, 5(1). 1969. P. 153–164.

28. Nespor M. On the Rhythm Parameter in Phonology // Logical Issues in Language Acquisition. 1990. P. 157–175.

29. Paradis M. Bilingualism and Aphasia // Studies in Neurolinguistics. Vol. 3. 1977. P. 65–121.

30. Pike K. L. The Intonation of American English. Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1945. 200 p.

31. Roach P. J. On the Distinction between «Stress-Timed» and «Syllable-Timed» Languages // Linguistic Controversies. London : Edward Arnold, 1982. P. 73–79.

32. Wernicke C. Der aphasische Symptomencomplex: Eine psychologische Studie auf anatomischer Basis. Breslau : Cohn and Weigert, 1874. 72 p.

Статья поступила в редакцию 18.12.2021; одобрена после рецензирования 18.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 18.12.2021; approved after reviewing 18.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 81-11
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-118-124

«Работал сознательно для будущих поколений»: академик О. Н. фон Бётлингк и развитие сравнительно-исторического языкознания в XIX веке

Лукин Олег Владимирович
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
oloukine@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9101-9134

Аннотация. Представленная статья посвящена биографии и научному творчеству крупного отечественного языковеда академика О. Н. Бётлингка. Актуальность нашей работы объясняется неизменным интересом лингвистов всех специальностей к истории своей науки и ее отдельных отраслей, рассмотрением биографий ученых с позиций нарративной лингвоисториографии. Автор статьи анализирует грани научной деятельности ученого, особенно в области санскритологии и тюркологии. Подавляющее большинство его трудов, как известно, посвящено санскритологии. Самым выдающимся произведением О. Н. Бётлингка в этой области стали санскрито-немецкие словари: с 1855 по 1875 год в Петербурге в семи томах издавался «Большой Петербургский словарь», с 1879 по 1889 годы – его краткая версия. Не менее значимы его труды в области тюркологии: фундаментальный труд о языке якутов стал одним из самых первых и остается действительно классическим произведением о якутском языке. Новизна данной статьи состоит в следующем утверждении: труды О. Н. Бётлингка послужили основой для дальнейшего развития не только этих двух отраслей языкознания, его многочисленные работы стали фактологической и методологической основой для дальнейшего развития сравнительно-исторического языкознания, причем на материале не только индоевропейских языков, но и языков других языковых семей. Труды академика, написанные в середине–конце столетия оказались актуальными, востребованными во время господства других лингвистических парадигм. Особый интерес для автора статьи представляет также круг общения лингвиста, в который входили не только крупные ученые – представители немецкой диаспоры российской столицы, но и виднейшие представители санскритологии и сравнительно-исторического языкознания, признанным центром которых была Германия.

Ключевые слова: нарративная лингвоисториография; О. Н. Бётлингк; сравнительно-историческое языкознание; санскритология; тюркология; XIX век; Россия; Германия

Для цитирования: Лукин О. В. «Работал сознательно для будущих поколений»: академик О. Н. фон Бётлингк и развитие сравнительно-исторического языкознания в XIX веке // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 118-124. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-118-124

Original article

«Worked consciously for future generations»: academician O. N. von Böhtlingk and development of comparative historical linguistics in the 19th century

Oleg V. Lukin
Doctor of philological sciences, professor, head of the department of language theory and the German language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
oloukine@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9101-9134

Abstract. The article considers the biography and scientific work of O. N. Böhtlingk, a prominent Russian linguist and academician. The topicality of the research comes from the persistent scientific interest in the history of linguistics and its branches, as well as ongoing examination of scientists' biographies from the standpoint of narrative linguistic historiography. The author of the article looks at different sides of the scientist's work, paying special attention to his Sanskrit and Turkic studies. It is well known that an overwhelming majority of his works were in Sanskrit studies. O. N. Böhtlingk's most outstanding works in this area were the Sanskrit-German dictionaries. «The Great Petersburg Dictionary» was published in St. Petersburg in seven volumes between 1855 and 1875, its concise version was issued in the

© Лукин О. В., 2022

period from 1879 to 1889. His Turkic studies are no less significant: his work on the Yakut language has become and still remains one of the first fundamental ones. The novelty of the paper is explained in the following statement: O. N. Böhtlingk's scientific works paved the path for further development of more than only these two branches of linguistics. His numerous works have become the factual and methodological basis for the development of comparative historical linguistics, not only of Indo-European languages but also of other language families. The academician's works written in the middle and at the end of the century, turned out to be relevant and in demand in the frame of other linguistic paradigms. Of particular interest to the author is also the linguist's social circle, which included not only major scholars from the German diaspora in the Russian capital, but also the most prominent representatives of Sanskrit studies and comparative historical linguistics, whose recognized center was Germany.

Key words: narrative linguistic historiography; O. N. Böhtlingk; comparative historical linguistics; Sanskrit studies; Turkic studies; XIXth century; Russia; Germany

For citation: Lukin O. V. «Worked consciously for future generations»: academician O. N. von Böhtlingk and development of comparative historical linguistics in the 19th century. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):118-124. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-118-124

Введение

1 апреля 1904 года в Лейпциге в возрасте восьмидесяти восьми лет скончался академик Отто(н) Николаевич фон Бётлингк (нем. *Otto von Böhtlingk*; 11.06.1815 – 1.04.1904), знаменитый языковед, которого Б. Дельбрюк назвал «богоподобным героем науки» (нем. *Heros*) [Delbrück, 1904/1905, S. 131].

О. Н. Бётлингк относится к действительно выдающимся ученым XIX столетия. Его труды по индийской грамматике, особенно его эпохальный словарь санскрита, оказали значительное влияние на дальнейшее изучение этого языка. Его работы в области якутского языка стали своего рода эталоном, которому следовали и следуют не только якутологи и тюркологи, но и монголоведы и специалисты по сравнительно-историческому языкознанию.

Несомненные заслуги ученого в области санскритологии и тюркологии высоко оценили как его современники, так и исследователи XX–XXI вв. Имя ученого нашло свое достойное место в истории санкскритологии и тюркологии, ему посвящены многочисленные статьи и главы исследований по истории языкознания, доклады на научных конференциях. Одним из последних крупных исследований стала опубликованная в 2017 году в ФРГ книга немецкого индолога А. Штахе-Вайске «... для науки, которой я живу от всей души». Отто Бётлингк (1815–1904): жизнь ученого, реконструированная и описанная на основе его писем», дающая богатый биографический материал об ученом.

Задача предлагаемой читателю статьи состоит в оценке роли О. Н. Бётлингка в развитии сравнительно-исторического языкознания в России и Германии, определению его места в истории языкознания. При этом особое внимание мы уделяем сотрудничеству российских и немецких ученых в этой сфере.

Факты биографии. Круг общения

О. Н. Бётлингк родился в Санкт-Петербурге в немецкой семье (биографические сведения приводим по: [Булич, 1904], [Вигасин, 2003], [Вигасин, 2018], [Кисарова, 2014], [Ольденбург, 1904], [Kirfel, 1955], [Stache-Weiske, 2017]). Его предки переселились в Российскую столицу при Петре Первом в 1713 году. Его отец, коммерсант Н. Д. Бётлингк (Nikolaus Dietrich Böhtlingk, 1773–1839), был сыном петербургского банкира Л. Ф. Бётлингка (Levin Fabian Böhtlingk, 1727–1800).

С 1822 до 1829 будущий академик учился в знаменитой Петришуле (St. Petri-Schule – Главном немецком училище Святого Петра, в которой с 1809 по 1814 гг. преподавал русский язык и словесность Н. И. Греч (14.8.1787 – 24.1.1867) (см. [Лукин, 2020])), затем – в Дерптской гимназии. Впоследствии он поступил в Санкт-Петербургский университет, где с 1833 до 1834 года изучал санскрит (его учителем был Ф. фон Аделунг (Friedrich von Adelung, 25.02.1768 – 18(30).01.1843), арабский (Ф. Б. Шармуа (François Bernard Charmoy, 14.05.1793 – 9.12.1868)), персидский (О. Ю.Сенковский (Józef Julian Sękowski, псевдоним – Барон Брамбеус, 19(31).03.1800 – 4(16).03.1858)) языки и классическую филологию (Ф. Б. Грефе (Christian Friedrich Gräfe, 1.07.1780 – 12.12.1851)).

Его первым преподавателем санскрита стал Ф. Болензен (Friedrich Bollensen, 12.01.1809 – 29.02.1896), изучавший этот язык в Тюбингенском университете под руководством Г. Эвальда (Georg Heinrich August Ewald, 16.11.1803 – 4.05.1875). Во время своего пребывания в России он работал вначале учителем немецкого языка в Гатчине, впоследствии стал профессором сан-

скритского языка в Казанском университете.

Однако Ф. Боллензен был далеко не первым российским ученым, занимавшимся санскритом. Р. Х. Ленц (Robert Lenz, 23.01(4.02)1808 – 30.07(11.08)1836), рано ушедший из жизни балтийский немец, младший брат известного физика, основателя электротехники Э. Ленца (Heinrich Friedrich Emil Lenz, 12(24).02.1804 – 29.01(10.02)1865), в 1833 году издал драму «Урваши» древнеиндийского поэта и драматурга Калидасы с латинским переводом и критическими примечаниями. В 1835 году он стал первым профессором-санскритологом в России, заведующим кафедрой санскрита в Санкт-Петербургском университете. Следует заметить, что в 1832 году Р. Х. Ленц учился у Ф. Боппа в Берлинском университете.

Неудивительно, что на двадцатом году жизни, весной 1835 года, О. Н. Бётлингк отправился в Берлин к Ф. Боппу (Franz Bopp, 14.09.1791 – 23.10.1867), основателю сравнительно-исторического языкознания, работы которого «*Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache*» (1816) и «*Ausführliches Lehrgebäude der Sanskrita-Sprache*» (1827) юноша к тому времени уже знал. Однако в Берлине он провел всего лишь один летний семестр 1835 года, потому что, по его собственному признанию, на лекциях Ф. Боппа он слышал о сравнительной грамматике то, что мог прочитать и в письменном виде (ср. [Stache-Weiske, 2017, S. 24]).

Затем для практического изучения санскрита юноша переезжает в Бонн, где учится у А. В. Шлегеля (August Wilhelm von Schlegel, 8.09.1767 – 12.05.1845), возглавлявшего с 1818 года кафедру индологии в университете, и его норвежского ученика Х. Лассена (Christian Lassen, 22.10.1800 – 8.05.1876), основателей критической и исторической школы санскритологии в Германии [Buckland, 1906, p. 47]. К этому времени, в 1829–1831 годах Х. Лассен и А. В. Шлегель уже выпустили первое критико-филологическое издание санскритского текста – сборник басен XII в. н. э. «Гитопадеши».

В 1838 г. О. Н. Бётлингк защитил *in absentia* в Гисенском университете диссертацию, которая была посвящена грамматике Панини. Диссертация эта напечатана не была, а уже в 1839/40 гг. в Бонне двадцатичетырехлетним российским исследователем было издано в его переводе на немецкий язык знаменитое «Восьмикнижие» Панини, выдающееся произведение грамматической мысли Древней Индии.

Вся его многолетняя творческая жизнь О. Н. Бётлингка была связана с Императорской Санкт-Петербургской академией наук: в 1842 году двадцатисемилетний ученый был приглашен ее адъюнктом, в 1845 году избран экстраординарным, а в 1855 году – ординарным академиком.

После возвращения в 1842 году в Санкт-Петербург он прожил в российской столице двадцать шесть лет и в 1868 году, получив право на академическую пенсию, уехал с Германию – сначала с Йену, а в 1885 году – в Лейпциг. В 1860 году он стал действительным статским советником, в 1875 году получил титул тайного советника и потомственное дворянство.

За время жизни в Санкт-Петербурге круг общения О. Н. Бётлингка состоял исключительно из представителей немецкой колонии. Среди них следует назвать востоковеда А. А. Шифнера (Franz Anton Schiefner, 06(18).07.1817 – 04(16).11.1879), финно-угороведа, специалиста по эстонскому языку Ф. И. Видемана (Ferdinand Johann Wiedemann, 18(30).03.1805 – 17(29).12.1887), автора многочисленных трудов по культурной истории и литературоведению В. Гена (Victor Amandus Hehn, 9.10.1813 – 21.03.1890), известного путешественника, географа, зоолога, ботаника и натуралиста А. Ф. Миддендорфа (Alexander Theodor von Middendorff, 6(18).08.1815 – 16(28).01.1894), библиотекаря и публициста Г. Беркгольца (Georg Berkholz, 23.11.1817 – 7.01.1886), писателя и переводчика Ф. Лёве (Friedrich Ferdinand Benedict Löwe, 12.10.1809 – 29.04.1889) и известного естествоиспытателя, одного из основоположников эмбриологии и сравнительной анатомии К. М.Бэра (Karl Ernst Ritter von Baer Edler von Huthorn, 17(28).02.1792 – 16(28).11.1876).

С 1849 по 1868 год О. Н. Бетлингк занимал должность директора типографии Императорской Санкт-Петербургской академии наук, в которой тогда работало более ста пятидесяти сотрудников. В ней была специальная наборная мастерская на санскрите со своими печатными буквами, литейными формами и опытными наборщиками.

Во время пребывания в Йене друзьями ученого были крупный индоевропеист, основатель теории родословного древа А. Шлейхер (August Schleicher, 19.02.1821 – 6.12.1868), один из основателей школы младограмматистов А. Лескин

(August Leskien, 8.07.1840 – 20.09.1916), крупный специалист по сравнительному языкознанию, младограмматист Б. Дельбрюк (Berthold Gustav Gottlieb Delbrück, 26.07.1842 – 3.01.1922), санскритологи К. Каппеллер (Carl Cappeller, 22.03.1840 – 10.07.1925), П. фон Брадке (Peter von Bradke, 27.06.1853 – 7. 03.1897), Л. фон Шрёдер (Leopold Alexander von Schroeder, 24.12.1851 – 8.02.1920) и библиотекарь университетской библиотеки в Йене А. Клетте (Anton Klette (24.02.1834 – после 1898).

В Лейпциге в круг общения О. Н. Бётлингка был несколько уже: в него входили А. Лескин, один из ведущих представителей младограмматизма К. Бругман (Karl Brugman(n), 5(16).03.1849 – 26.06.1919) и немецкий санскритолог, кельтолог и лингвоисториограф Э. Виндиш (Ernst Wilhelm Oskar Windisch, 4.09.1844 – 30.10.1918).

Научное творчество О. Н. Бётлингка. Вклад в санскритологию

За свою длительную и плодотворную жизнь в науке О. Н. Бётлингк опубликовал значительное количество научных трудов: только список его работ, опубликованных в изданиях Академии наук, насчитывает 39 позиций, причем, в одной позиции могут быть указаны, например, все семь томов Большого Петербургского словаря или два тома книги «О языке якутов» (*«Über die Sprache der Jakuten»*) (см. [Ливотова, 1966, с. 34–37]).

Подавляющее большинство его трудов посвящено санскритологии. Но, несомненно, самым выдающимся трудом, трудом всей его жизни, стали санскрито-немецкие словари. С 1855 по 1875 год в Петербурге в семи томах издавался «Большой Петербургский словарь» (*Sanskrit-Wörterbuch. Herausgegeben von der K. Akademie der Wissenschaften, bearbeitet von O. Böhtlingk und R. Roth. Th. 1 – 7. St.-Pbg., 1855 – 1875), составленный О. Н. Бётлингом и Р. Ротом (Walter Rudolph Roth, 3.04.1821 – 23.06.1895*) [Böhtlingk, 1855–1875]. Впоследствии, с 1879 по 1889 годы, издавалась его краткая версия (*Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Bearbeitet von O. Böhtlingk. Th. 1 – 7. St.-Pbg., 1879 – 1889*) [Böhtlingk, 1879–1889]. Эти словари, известные во всем мире под названием «Петербургских словарей» стали поистине венцом многолетней деятельности ученого, и «... ознаменовали собой эпоху в изучении санскрита... Они служили основой для всей индологической науки в течение целого столетия и способствовали развитию сравнительно-исторического языкознания» [Кальянов, 1972, с. 236–237].

При составлении словарей О. Н. Бётлинг кардинально изменил существовавшие до него принципы составления подобных словарей: он «… исходил не из средневековых лексикографических пособий, а из древних памятников, анализируя значение слов по их употреблению. Не менее важным признавалось и построение каждой словарной статьи. Оно подчинялось историческому принципу – вначале первое и основное значение, затем его развитие в текстах различного времени и содержания. Определению первичного смысла слова способствовали этимологические изыскания, исходившие из принципов сравнительно-исторического языкознания, а также активное использование наиболее древних источников – Вед» [Вигасин, 2003, с. 196].

Значительный вклад в «Большой Петербургский словарь» внесли не только известные немецкие санскритологи Т. Ауфрехт (Theodor Aufrecht, 07.01.1822 – 03.04.1907), А. Штенцлер (Adolf Friedrich Stenzler, 9.07.1809 – 27.02.1887), А. Вебер (Albrecht Friedrich Weber, 17.02.1825 – 30.11.1901), но и крупный немецкий индоевропеист и историк А. Кун (Franz Felix Adalbert Kuhn, 19.11.1812 – 5.05.1881), голландский востоковед Х. Керн (Johan Hendrik Caspar Kern, 6.04.1833 – 4.07.1917) и известный американский лексикограф У. Д. Уитни (William Dwight Whitney, 9.02.1827 – 7.06.1894).

Тот факт, что такого масштаба санскритский словарь издавался в Санкт-Петербурге, крупный отечественный востоковед, индолог и санскритолог А. А. Вигасин не считал случайностью, ср.: «И Академия наук, и Министерство народного просвещения способствовали такого рода ученой деятельности в России. Поощрение санскритологии как «чистой науки» казалось делом престижа – и средств не считали» [Вигасин, 2003, с. 197]. К тому же сам Президент Академии наук граф С. С. Уваров (25.08(5.09)1786 – 4(16)09.1855) имел репутацию покровителя санскритологии. Ему как «основателю санскритологических исследований в России» посвящали свои работы Р. Х. Ленц, О. Н. Бётлингк, Ф. Боллензен [Вигасин, 2003, с. 197].

Известный российский лингвист и лингвоисториограф С. К. Булич (27.8.1859 – 15.4.1921,) так оценил значение этого словаря: «Можно сказать без всякого преувеличения, что только словарь О. Бетлинга и Р. Рота сделал возможным правильное понимание многих индийских па-

мятников и раскрыл их настоящее содержание» [Булич, 1904, с. 190].

Говоря о значении О. Н. Бётлингка для развития санскритологии, Э. Виндиш особо подчеркивал, что из триумвирата О. Н. Бётлингк, Р. Рот и А. Вебер, который во второй половине XIX столетия владел умами людей, именно О. Н. Бётлингк был тем человеком, кто благодаря своему санскритскому словарю поднял всю санскритологию на более высокий уровень [Windisch, 1920, S. 238–239].

Работы по якутскому языку

В историю науки о языке академик О. Н. Бётлинг вошел не только как всемирно признанный санскритолог, чьи работы были сопоставимы, а зачастую и превосходили достижения его немецких коллег – признанных корифеев в этой области. Его фундаментальный труд о языке якутов (47 печатных листов), изданный в 1851 году в Санкт-Петербурге на немецком языке, был одним из самых первых и до сих пор остается едва ли превзойденным классическим произведением о якутском языке (см. [Böhtlingk, 1851]).

Значение этого труда восторженно оценивали специалисты-тюркологи и исследователи других языковых семей, ср.: «По убеждению всех якутоведов и тюркологов, труд О. Бётлингка – это в подлинном смысле слова классический труд, откуда пошла мировая сравнительно-историческая тюркология, труд, в значительной мере из-за которого все единодушно считают якутский язык одним из широко и глубоко изученных тюркских языков» [Слепцов, 2011, с. 7]. Высоко оценивал достижения ученого в области тюркологии академик А. Н. Кононов (ср. [Кононов, 1972, с. 404]).

Современные исследователи подчеркивают, что «... О. Н. Бетлингк в своей работе «О языке якутов» первым разработал сравнительную грамматику якутского языка. Его научные изыскания в фонетике, морфологии поныне имеют колоссальное значение в изучении истории якутского, а также тюркских и монгольских языков» [Левин, 2010, с. 152].

Наследием О. Н. Бетлингка в области изучения якутского языка интересуются современные исследователи: в 2013 году в Якутске состоялась Всероссийская научная конференция «О. Н. Бетлингк и тюркское языкознание», которая была посвящена 160-летию со дня выхода в свет работы «О языке якутов» (см. [О. Н. Бетлингк, 2013]).

Сотрудники отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук – авторы опубликованного в 2021 году на сайте этого института материала «170 лет труду «О языке якутов»» – особо подчеркивали, что:

1. Ученым был разработал алфавит на основе русской графики с добавлением нескольких букв для специфических звуков якутского языка (h, ҕ, н, γ, j (носовой), нь). Этот алфавит в основном унаследован современной якутской орфографией.

2. С этого труда началось сравнительное изучение тюркских языков на основе достижений индоевропеистики того времени (см. [170 лет]).

Кроме санскритологии и работы «О языке якутов» перу О. Н. Бётлингка принадлежат несколько небольших статей по русской грамматике, цыганскому языку и древним языкам (см. [Ольденбург, 1904, с. 46]).

Заключение

Знаменитый российский и советский востоковед академик С. Ф. Ольденбург (14(26)09.1863 – 28.02.1934) так охарактеризовал этого незаурядного и исключительно работоспособного человека, который 65 лет своей жизни посвятил науке: «Цельный человек и определенный, он работал сознательно для будущих поколений: он считал, что живет в такое время, когда преждевременны еще обобщения в излюбленной им области знания, когда надо прокладывать пути, по которым со временем пойдут другие в обетованную землю широких и твердых научных обобщений» [Ольденбург, 1904, с. 42].

Говоря о значении О. Н. Бётлингка в истории языкознания XIX века, следует обратить внимание на ряд аспектов. Важным аспектом является непосредственная вовлеченность ученого в мировую лингвистическую парадигму того времени, центр которой находился в Германии. Этнический немец – гражданин Российской Империи – мог быстрее находить и человеческий, и научный контакт в ученой немецкоязычной среде как России, так и Германии. Публикация практически всех его работ на немецком языке – языке науки XIX столетия – способствовала популярности ученого в широчайших мировых научных кругах. Выдающиеся немецкие лингвисты, основатели и крупнейшие представители ведущих лингвистических школ и направлений в мировой лингвистике XIX века (Ф. Бопп, А. В. Шлегель, Р. Рот, А. Лескин и многие другие) бы-

ли не только учителями, но и ближайшими соратниками и друзьями О. Н. Бётлингка.

Но особо следует подчеркнуть, что ученый создал труды по санскритологии и тюркологии, которые послужили основой для дальнейшего развития не только этих наук. Многочисленные работы О. Н. Бётлингка стали и фактологической, и методологической основой дальнейшего развития сравнительно-исторического языкознания, причем на материале не только индоевропейских, но и языков других языковых семей. Труды, написанные в середине–конце столетия оказались актуальными, востребованными во время господства других лингвистических парадигм.

Библиографический список

1. Булич С. К. Памяти О. Н. ф. Бетлинга // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. IX. 1904. Кн. 3. С. 187–200.

2. Вигасин А. А. Дело о санскритском словаре // Вестник древней истории. № 2 (245). 2003. С. 194–210.

3. Вигасин А. А. Жизнеописание Отто Бетлинга (1815–1904) // Вестник древней истории. № 3 (78). 2018. С. 711–721.

4. Кальянов В. И. Санскритология // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института Востоковедения АН СССР. Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 400–427.

5. Кисарова М. Е. Род Бётлингк в Петербурге. Начало // История Петербурга. № 1 (70), 2014. С. 66–73.

6. Левин Г. Г. О происхождении якутского языка в этнографических и лингвистических трудах исследователей XVII–XIX вв. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 4 (16). С. 149–154.

7. Кононов А. Н. Тюркология // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института Востоковедения АН СССР. Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 235–259.

8. Ливотова О. Э. Востоковедение в изданиях Академии Наук 1726–1917. Библиография / О. Э. Ливотова, В. Б. Португаль. Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1966. 146 с.

9. Лукин О. В. Русские грамматики Н. И. Греча и их немецкие источники // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 158–163.

10. О. Н. Бетлингк и вопросы тюркской филологии: сборник научных статей. Якутск : Издательство ИГИиПМНС СО РАН, 2013. 212 с.

11. Ольденбург С. Ф. Памяти Оттона Николаевича Бетлингка (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Т. CCCLIII. Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1904. С. 41–47.

12. Слепцов П. А. Труд, составивший эпоху в мировой тюркологии // Наука в Сибири. № 25 (23 июня 2011 г.). С. 7.

13. 170 лет труду «О языке якутов» // Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. URL: http://igi.ysn.ru/?p=3858.

14. Böhtlingk O. Sanskrit-Wörterbuch. Herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, bearbeitet von O. Böhtlingk und R. Roth. Th. 1–7. St.-Pbg.: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1855–1875. Th. 1. 1855. XII S., 1142 Sp., Ill S. Th. 2. 1858. [4] S,. 1100 Sp., II S. Th. 3. 1861. [4] S., 1016 Sp. Th. 4. 1865. [6] S. 1214 Sp. Th. 5. 1868. [4] S., 1678 Sp. Th. 6. 1871. [2] S., 1506 Sp., [2] S. Th. 7. 1875. [4] S., 1822 Sp.

15. Böhtlingk O. Sanskrit-Worterbuch in kürzerer Fassung. Bearbeitet von O. Böhtlingk. Th. 1–7. St.-Pbg.: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1879–1889. Th. 1. 1879. VI, 299 S. Th. 2. 1881. IV, 301 S. Th. 3. 1882. IV, 265 S. Th. 4. 1883. [2], IV, 302, S. Th. 5. 1884. [2], II, 264 S. Th. 6. 1886. [4], 306 S. Th. 7. 1889. [2], II, 390 S.

16. Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. Th. 1–2. St.-Pbg.: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1851. LIV, 397, 184 S. (Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844. Hrsg. von Dr. A. Th. V. Middendorff. III. Bd). Th. 1. Einleitung. Jakutischer Text. Jakutische Grammatik. (LIV, 1–96; 97–397 S.). Th. 2. Jakutisch-Deutsches Wörterbuch. (S. 1–184).

17. Buckland C. E. Dictionary of Indian Biography. London : Swan Sonnenschein & Co., Lim, 1906. XII, 496 p.

18. Delbrück B. Otto Böhtlingk // Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Hrsg. von K. Brugmann u. W. Streitberg. 17. Bd. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904/1905. S. 131–136.

19. Kirfel W. Böhtlingk, Otto von // Neue Deutsche Biographie. Band 2, Berlin: Duncker & Humblot, 1955. S. 396–397.

20. Stache-Weiske A. «...für die Wißenschaft, der ich von ganzer Seele lebe». Otto Böhtlingk (1815–1904): ein Gelehrtenleben rekonstruiert und beschrieben anhand seiner Briefe. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2017. XV, 583 S.

21. Windisch E. Geschichte der Sanskrit-Philologie und indischen Altertumskunde. 2. Teil. Berlin u. Leipzig : Vereinigung wissenschaftlicher Verleger, 1920. S. 209–460.

Reference list

1. Bulich S. K. Pamjati O. H. f. Betlinga = In Memory of O. H. f. Böhtlingk // Izvestija Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk. T. IX. 1904. Kn. 3. S. 187–200.

2. Vigasin A. A. Delo o sanskritskom slovare = The case of the Sanskrit dictionary // Vestnik drevnej istorii. № 2 (245). 2003. S. 194–210.

3. Vigasin A. A. Zhizneopisanie Otto Betlinga (1815–1904) = A biography of Otto Böhtlingk (1815-1904) // Vestnik drevnej istorii. № 3 (78). 2018. S. 711–721.

4. Kal'janov V. I. Sanskritologija = Sanskrit studies // Aziatskij muzej – Leningradskoe otdelenie Instituta Vostokovedenija AN SSSR. Moskva : Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1972. S. 400–427.

5. Kisarova M. E. Rod Bëtlingk v Peterburge. Nachalo = Böhtlingk family in St. Petersburg. The beginning // Istorija Peterburga. № 1 (70), 2014. S. 66–73.

6. Levin G. G. O proishozhdenii jakutskogo jazyka v jetnograficheskih i lingvisticheskih trudah issledovatelej XVII–XIX vv. = On the origin of the Yakut language in the ethnographic and linguistic works of 17th-19th century researchers // Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 4 (16). S. 149–154.

7. Kononov A. N. Tjurkologija = Turkic studies // Aziatskij muzej – Leningradskoe otdelenie Instituta Vostokovedenija AN SSSR. Moskva : Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1972. S. 235–259.

8. Livotova O. Je. Vostokovedenie v izdanijah Akademii Nauk 1726–1917. Bibliografija = Orientalism in the Academy of Sciences publications in 1726-1917. Bibliography / O. Je. Livotova, V. B. Portugal'. Moskva : Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1966. 146 s.

9. Lukin O. V. Russkie grammatiki N. I. Grecha i ih nemeckie istochniki = N. I. Grech's Russian grammars and their German sources // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 2 (21). S. 158–163.

10. O. N. Betlingk i voprosy tjurkskoj filologii: sbornik nauchnyh statej = O. N. Böhtlingk and the problems of Turkic philology: a collection of scientific articles. Jakutsk : Izdatel'stvo IGIiPMNS SO RAN, 2013. 212 s.

11. Ol'denburg S. F. Pamjati Ottona Nikolaevicha Betlingka (Nekrolog) = In memory of Otton Nikolayevich Böhtlingk (Obituary) // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. T. CCCLIII. Sankt-Peterburg : Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk, 1904. C. 41–47.

12. Slepcov P. A. Trud, sostavivshij jepohu v mirovoj tjurkologii = The work that made up an epoch in world Turkology // Nauka v Sibiri. № 25 (23 ijunja 2011 g.). S. 7.

13. 170 let trudu «O jazyke jakutov» = 170 years of the work «On the Language of the Yakuts» // Institut gumanitarnyh issledovanij i problem malochislennyh narodov Severa Sibirskogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. URL: http://igi.ysn.ru/?p=3858.

14. Böhtlingk O. Sanskrit-Wörterbuch. Herausgegeben von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, bearbeitet von O. Böhtlingk und R. Roth. Th. 1–7. St.-Pbg.: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1855–1875. Th. 1. 1855. XII S., 1142 Sp., Ill S. Th. 2. 1858. [4] S,. 1100 Sp., II S. Th. 3. 1861. [4] S., 1016 Sp. Th. 4. 1865. [6] S. 1214 Sp. Th. 5. 1868. [4] S., 1678 Sp. Th. 6. 1871. [2] S., 1506 Sp., [2] S. Th. 7. 1875. [4] S., 1822 Sp.

15. Böhtlingk O. Sanskrit-Worterbuch in kürzerer Fassung. Bearbeitet von O. Böhtlingk. Th. 1–7. St.-Pbg.: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1879–1889. Th. 1. 1879. VI, 299 S. Th. 2. 1881. IV, 301 S. Th. 3. 1882. IV, 265 S. Th. 4. 1883. [2], IV, 302, S. Th. 5. 1884. [2], II, 264 S. Th. 6. 1886. [4], 306 S. Th. 7. 1889. [2], II, 390 S.

16. Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. Th. 1–2. St.-Pbg.: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1851. LIV, 397, 184 S. (Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844. Hrsg. von Dr. A. Th. V. Middendorff. III. Bd). Th. 1. Einleitung. Jakutischer Text. Jakutische Grammatik. (LIV, 1–96; 97–397 S.). Th. 2. Jakutisch-Deutsches Wörterbuch. (S. 1–184).

17. Buckland C. E. Dictionary of Indian Biography. London : Swan Sonnenschein & Co., Lim, 1906. XII, 496 p.

18. Delbrück V. Otto Böhtlingk // Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Hrsg. von K. Brugmann u. W. Streitberg. 17. Bd. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904/1905. S. 131–136.

19. Kirfel W. Böhtlingk, Otto von // Neue Deutsche Biographie. Band 2, Berlin: Duncker & Humblot, 1955. S. 396–397.

20. Stache-Weiske A. «...für die Wißenschaft, der ich von ganzer Seele lebe». Otto Böhtlingk (1815–1904): ein Gelehrtenleben rekonstruiert und beschrieben anhand seiner Briefe. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2017. XV, 583 S.

21. Windisch E. Geschichte der Sanskrit-Philologie und indischen Altertumskunde. 2. Teil. Berlin u. Leipzig : Vereinigung wissenschaftlicher Verleger, 1920. S. 209–460.

Статья поступила в редакцию 22.12.2021; одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 22.12.2021; approved after reviewing 17.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-125-132

Отражение референциальных ситуаций в оценочной семантике русских и английских паремий с лексемами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending» и их смысловыми репрезентаторами

Любовь Алексеевна Ермакова[1]✉, Светлана Юрьевна Лаврова[2]
[1]Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17
[2]Доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет». 162600, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5
[1]s.eadem@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-9263-2747
[2]svella1012@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3628-3463

Аннотация. В статье представлен анализ референциальных ситуаций в русских и английских паремиях с семантикой ‘начала’ и ‘конца’, извлечённых методом сплошной выборки из лексикографического дискурса русского и английского словарей. Объектом анализа данной работы послужили русские и английские паремии с лексемами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending» и их смысловыми репрезентаторами. Предметом анализа выступают референциальные ситуации, получившие языковое выражение в оценочной семантике рассматриваемых паремий, в которых выявляются пропозициональные смыслы, закрепленные за такими универсальными понятиями наивной картины мира как «начало» и «конец». Основной целью исследования является семантико-прагматический анализ оценочных паремий с абстрактными субстантивами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending», а так же их деривационных и смысловых репрезентаторов. Русские и английские паремии, анализируемые в контексте референциальных ситуаций, рассматриваются нами как определенные типы семантических высказываний. Результаты показывают, что, как правило, паремии с лексемами «начало» / «конец», «beginning» / «ending» и их смысловыми репрезентаторами фиксируют в языковой конструкции знание-предостережение, знание-совет или знание-констатацию. Специфика описываемых в высказываниях референциальных ситуаций как русских, так и английских паремий с выбранными лексемами и их смысловыми репрезентаторами предопределяет их как: контролируемые – неконтролируемые, конкретизируемые – неконкретизируемые. Отмечается, что понятие оценочности пронизывает практически все рассматриваемые паремии обоих языков, но смысловая форма ее репрезентации в разных конструкциях различна. Делается вывод о том, что исследуемых языках одни и те же референциальные ситуации оцениваются говорящими по-разному с учётом специфики национально-культурных особенностей русского и английского языков.

Ключевые слова: референциальная ситуация; оценочная семантика; русские и английские паремии; лексемы *начало/конец;* лексемы *beginning/ending;* смысловые репрезентаторы; лексикографической дискурс

Для цитирования Ермакова Л. А., Лаврова С. Ю. Отражение референциальных ситуаций в оценочной семантике русских и английских паремий с лексемами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending» и их смысловыми репрезентаторами // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 125-132. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-125-132

Original article

Depiction of referential situations in the evaluative semantics of Russian and English proverbs with the lexemes «nachalo» / «konets» and «beginning» / «ending» and their semantic representatives

Lyubov A. Ermakova[1], Svetlana Yu. Lavrova[2]
[1]Candidate of philological sciences, associate professor of the department of Romance and Germanic languages, Kostroma state university. 156005, Kostroma, Dzerzhinsky St., 17
[2]Doctor of philology, professor of the department of Russian philology and applied communications, Cherepovets state university. 162600, Cherepovets, Lunacharsky Ave. 5
[1]s.eadem@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-9263-2747
[2]svella1012@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3628-3463

© Ермакова Л. А., Лаврова С. Ю., 2022

Abstract. The article presents an analysis of referential situations in Russian and English proverbs with the semantics of 'beginning' and 'ending', extracted by the continuous sampling method from the lexicographic discourse of Russian and English dictionaries. The object of the analysis is Russian and English proverbs with the lexemes «nachalo» / «konets» and «beginning» / «ending» and their semantic representatives. The subject of the analysis is referential situations that have received linguistic expression in the evaluative semantics of the paroemias under consideration, in which propositional meanings, assigned to such universal concepts of the naive picture of the world as «beginning» and «ending», are revealed. The main goal of the study is a semantic-pragmatic analysis of evaluative paroemias with abstract nouns «nachalo» / «konets» and «beginning» / «ending», as well as their derivational and semantic representatives. Russian and English proverbs analyzed in the context of referential situations are considered as certain types of semantic statements. The results show that, as a rule, paroemias with the lexemes «nachalo» / «konets», «beginning» / «ending» and their semantic representatives reproduce a knowledge-warning, knowledge-advice or a knowledge-statement. The specificity of the referential situations described in the utterances of both Russian and English paroemias with selected lexemes and their semantic representatives classifies them into controlled – uncontrolled, specified – non-specified. It is noted that the concept of evaluation permeates almost all the proverbs of both languages, but the semantic form of its representation in different constructions is not the same. It is concluded that in the languages under study the speakers evaluate the same referential situations differently, taking into account the specifics of the national and cultural characteristics of the Russian and English languages.

Key words: referential situation; evaluative semantics; Russian and English proverbs; lexemes «nachalo» / «konets»; lexemes «beginning» / «ending»; semantic representatives; lexicographic discourse

For citation: Ermakova L. A., Lavrova S. Y. Depiction of referential situations in the evaluative semantics of Russian and English proverbs with the lexemes «nachalo» / «konets» and «beginning» / «ending» and their semantic representatives. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):125-132. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-125-132

Введение

Одной из форм категоризации внеязыковой действительности в сознании говорящего человека можно назвать референциальные (референтные) ситуации, воплощающиеся с помощью языка в конкретных функциональных высказываниях. Данная проблематика активно изучается российскими исследователями как с точки зрения определения специфики референтных ситуаций (соотношения экстралингвистики и прототипической семантики языка) [Арутюнова 1998; Шмелев 2002, Попова 2003, Лингвистика 2009; Сергеева 2008; Долинин 2010; Яковлева 2010, Сидельников 2013. Болдырев 2019 и др.], так и с точки зрения анализа референтных ситуаций в разножанровых текстах [Фролова 2007; Абакумова 2010; Ковшова 2017 и др.].

Высказывания с семантическими универсальными смыслами, выраженными в структуре простого (реже – сложного) предложения, обладающие афористичностью, устойчивостью и воспроизводимостью в речи, номинируются как паремии. Человек, создавший пословицы, – прежде всего говорящий, потому что устная форма их репрезентации первична.

Объектом анализа данной работы послужили русские и английские паремии с лексемами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending» и их смысловыми репрезентаторами, представленные в двух базовых словарях: Даль В. И. «Пословицы и поговорки русского народа» и «The Oxford Dictionary of English Proverbs».

Актуализация явления референции в современных языках и способы ее изучения обусловлены различными факторами, среди которых особое место занимает референциальный анализ воспроизводимых высказываний в контексте паремиологического дискурса.

Паремиологический дискурс является первичной сферой функционирования пословиц. Данный дискурс коррелирует как с лексикографическим (словарным) дискурсом, из недр которого извлекаются интересующие нас конструкции, так и с функциональными дискурсами, от институционального до персонально-личностного, в которых употребляются паремии. Помимо этого, выбранное нами сопоставление русских и английских паремий позволяет ориентироваться и на лингвокультурологический дискурс менталитетов разных стран.

Как справедливо отмечает исследователь О.В. Ломакина, словарь паремий «запечатлевает языковую реальность, помогает представить языковую картину мира, являясь источником культурологической информации» [Ломакина 2018, с. 40]. Лексикографический (словарный) дискурс можно охарактеризовать как оценочный, поскольку обозначенные в паремиях разноаспектные ситуации так или иначе представлены с язы-

ковой оценкой, потому что сентенциальные конструкции по своей сути всегда оценочные.

Предметом нашего анализа выступают референциальные ситуации, получившие языковое выражение в оценочной семантике рассматриваемых паремий, в которых выявляются пропозициональные смыслы, закрепленные за такими универсальными понятиями наивной картины мира как «начало» и «конец».

В данной работе мы ограничиваемся анализом референциальных ситуаций как внеязыковых параметров формирования паремий, представленных в лексикографическом (словарном) дискурсе.

Обосновывая понятие ситуации, обратимся к работе лингвиста Л. И. Горбуновой, отмечающей, что сам термин «ситуация» наиболее релевантен при описании внеязыковой действительности, поскольку «это положение дел, совокупность обстоятельств, обстановка, что может быть применено как к визуально воспринимаемым фрагментам действительности, так и к нефизическим обстоятельствам <…> ситуация подразумевает участников и отношения между ними» [Горбунова, 2010, с. 358].

Референциальная (синоним – референтная) ситуация определяется как ее соотносимость с действительностью при функционировании единицы в речи [Падучева, 2004]. Паремии, получившие словарный статус, своим источником имеют разговорную речь, поскольку в большинстве случаев выявлены из фольклорного хронотопа.

Русские и английские паремии, анализируемые в контексте референциальных ситуаций, рассматриваются нами как определенные типы семантических высказываний. В работе И. П. Матхановой предлагаются различные референциальные аспекты описания семантического типа высказывания. Нас интересует первый из данных аспектов – характеристика по способу получения информации, в которой выделяются непосредственное восприятие, логические операции, пересказ чужой речи и так далее [Матханова 2011, с. 138].

Референциальная семантика оценочной лексики – одно из актуальных направлений изучения современной функциональной семантики. В данной работе речь идет о функционально-прагматическом направлении в анализе паремий, суть которого состоит в определении референциальных ситуаций, структурирующих паремиологическое пространство в целом и в частности при сравнительном анализе материала двух разных языков. Отметим, что референциальные ситуации отражают специфику формирования концептуализации мира говорящих.

Цель данной работы заключается в семантико-прагматическом анализе оценочных паремий с абстрактными субстантивами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending» в качестве ключевых, а так же их репрезентаторов, выраженных языковыми единицами конкретной семантики.

В качестве основных методов анализа выбираются метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный метод, структурно-семантический анализ, смысловая интерпретация дискурса.

Основная часть

Порождение оценочных выражений, формирующихся на основе референциальных связей, обусловлено определённым типом референциальной ситуации. В связи с целевыми установками говорящего осуществляется та или иная референция по отношению к объектам внеязыковой действительности.

Обращаясь к работе И. Ю. Колесова, отмечаем, что ментальная репрезентация определяется учёными как знание, пропозиция же – как средство вербального описания референциальной ситуации [Колесов, 2007, с. 5]. Соответственно, знание, которое зафиксировано в анализируемых паремиях, приобретает ментальный характер на основе фактов жизни говорящего – событий, сопровождающих данные факты, оценки результативности случившегося – и помогает сформировать суждения-сентенции, обладающие свойством воспроизводимости, обобщённости и устойчивости.

В анализируемых паремиях с указанными лексемами нет референции по поводу предметных ситуаций, все ситуации характеризуются как ментальные (мыслительные), поскольку в них фиксируется опыт говорящего. Те абстрактные истины, которые заключены в сентенциях, есть результат исключительно логических операций говорящих, результат обобщения поведенческих норм, предостерегающих от ошибок. В некоторых высказываниях – попытка автора осуществить контроль за другими участниками ситуации. Событийные пропозиции были, вероятно, в определённый период времени наполнены конкретными действиями человека и конкретным знанием, которое возникло после того, как события миновали и оставили след воспоминаний.

Повторение результата, характеризующего событийные пропозиции, сыграло свою роль: паремии-сентенции создавались человеком как форма обобщения пережитого, того фрейма, который сформировался в сознании говорящего при сопровождении событий. Так родилось знание-предостережение. По большому счёту, паремии с лексемами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending» и их деривационными и смысловыми репрезентаторами фиксируют в языковой конструкции либо знание-предостережение, знание-совет: (например: «Сначала думай, а под конец делай»; «He who would climb the ladder must begin at the bottom»), либо знание-констатацию: (например: «Без начала нет конца», «Liars begin by imposing upon others, but end by deceiving themselves»). Отмечая специфику референциальных ситуаций, зафиксированных в языковой форме в паремиях двух языков, акцентируем внимание на том, что в данных ситуациях получают выражение конкретные пропозиции, оценочно характеризующие человеческое поведение, например: «Зачин (начин, почин) дело красит» или: «What the fool does in the end, the wise man does at the beginning».

«Языковые выражения как факты языка лишены референции, но благодаря своей структуре они обладают предназначением для использования с тем или иным статусом или статусами», – отмечает исследователь О. Б. Абакумова [Абакумова, 2011, с. 7]. Автор констатирует, что описание референции пословиц, их семантики и прагматики проводится в рамках модели актуализации смысла пословицы в дискурсе [Абакумова, 2011, с. 8]. Нас интересует именно такой аспект анализа паремий с лексемами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending» в структуре лексикографического дискурса.

Субъективное толкование реалий мира, получившее языковое выражение в паремиях, но обладающее определенной прецедентностью в национальной культуре народа, представляет особый интерес в том случае, когда речь идет об абстрактных понятиях, интерпретированных в прагматическом контексте.

Материал показывает, что специфика описываемых в высказываниях референциальных ситуаций как русских, так и английских паремий с выбранными лексемами и их смысловыми репрезентаторами предопределяет их как: а) контролируемые – неконтролируемые ситуации: «Доброе начало – половина дела», «Плохое начало – и дело стало»; «Charity begins at home», «He that would the daughter win, must with the mother first begin» – «Сколько веревку ни вить, а концу быть»; «As soon as man is born he begins to die», «The first breath is the beginning of death», «Everything hath an end»; б) конкретизируемые – неконкретизируемые ситуации, например: «Без кольца да без венца в деле не живет конца»; «Начал за здравие, а кончил за упокой»; «Почин дороже рубля»; «Начал духом, а кончил брюхом»; «Begin with needles and pins and leave off with horse and horned nowt»; «He that will England win, must with Ireland begin» – «Легко начать, да нелегко кончить»; «Начало трудно, а конец мудрен»; «Good to begin well, better to end well»; «All things in their beginning are good for something».

Контролируемые ситуации часто носят характер предостережения – обоснования поступать тем или иным образом для выполнения задачи действий. Абстрактность понятий начала и конца позволяет говорящему использовать их в качестве поведенческого инварианта: применять советы-рекомендации либо советы-предостережения в любом конкретном деле, которое в каждом случае имеет как начало, так и конец, как и вся человеческая жизнь. В паремиях используются и предикаты, выраженные конситуативно обусловленными антонимичными глаголами, употреблённые в том числе и в повелительном наклонении в качестве предикативной основы (стращать – показать: «Не стращай началом, покажи конец!»; бояться – беречься: «Не бойся начала, а берегись конца!», и актанты, выраженные именами существительными одной тематической группы (голова – хвост), например: «Где хвост начало, там голова мочало». В анализируемых паремиях представлены и их лексические варианты в рамках одной и той же синтаксической конструкции, например: «Начать – не кончать!» – «Начать – не кончить!»; «The end tries all» – «The end crowns all».

Говорящий субъект не является субъектом предполагаемого действия, он занимает позицию дидактичного наставника, пытающегося обозначить границы возможности в ситуации будущего действия, например: «Не круто (горячо, спешно) начинай, а круто кончай!»; «Умел начать, умей и кончать!»; «Beware beginnings». Следует отметить, что императивные конструкции свойственны именно русским паремиям, в английских они представляют единичные случаи.

Отмечаем, что говорящий субъект пытается контролировать актуализируемую ситуацию в

создаваемом им высказывании. В некоторых ситуациях этот контроль имеет качественную характеристику, например: «Не круто начинай, а круто кончай»; «Вначале запасись, а потом заносись»; «Better come at the latter end of a feast than the beginning of a fray»; «What the fool does in the end, the wise man does at the beginning».

Таким образом, контролируемой ситуация становится только лишь на уровне предупреждения с опорой либо на свой опыт, либо на чужой. Говорящий, осуществляя акт референции, опирается на возможность наличия собственного опыта у собеседника.

Все неконтролируемые ситуации носят характер непредсказуемости, попытки оценочного контроля, который не получается в начале дела и огорчает результатом в конце дела. Ситуации антонимичны по оценочным результатам и рифмуются: гладко – гадко; духом – брюхом («Начал гладко, а кончил гадко», «Начал духом, а кончил брюхом»); breath – death («The first breath is the beginning of death»). В данной группе также представлены лексические варианты паремий, например: «Начал гладко, а кончил гадко» / «Начали гладью, а кончили гадью».

Стихийность действий, непредсказуемость результатов в частных ситуациях и разочарование окончанием данных ситуаций сформировали у говорящих негативный фрейм «начало какого-либо действия под знаком «+» конец такого действия под знаком «–». В таком случае фиксируется лишь начало и конец проведённого действия без конкретизации его семантического наполнения. Само действие, соотносимое с промежуточной «серединой», «остаётся за кадром».

Исследователь А. В. Леонова констатирует, что «категория контролируемости / неконтролируемости, помимо отражения реального положения вещей в мире, заключает в себе интерпретативные возможности субъективного представления действительности, сопряженного с выражением модальной семантики» [Леонова, 2012, с. 70]. А. А. Зализняк показывает, что «контролируемость / неконтролируемость ситуации, будучи частью семантики предложения, может определяться не только семантикой глагола, но также и другими компонентами предложения или выводиться из более широкого контекста» [Зализняк, 2006, с. 518].

Все конкретизированные ситуации, представленные в русских паремиях, типа: «Без кольца да без венца в деле не живет конца»; «Начал за здравие, а кончил за упокой»; «Почин дороже рубля»; «Лиха беда почин: есть дыра, будет и прореха»; «Начал погудкой, так и кончил дудкой» и т. п., имеют заполненные актантные позиции, например: кольцо / венец; здравие / упокой; почин / рубль – или антонимичные предикаты, например: начал / кончил; есть / будет. В английских, типа: «Begin with needles and pins and leave off with horse and horned nowt»; «He that will England win, must with Ireland begin»; «He who would climb the ladder must begin at the bottom»; «Better come at the latter end of a feast than the beginning of a fray» и т. п., ситуации также имеют заполненные актантные позиции, например: needles, pins / horse, horned nowt; England / Ireland; ladder / bottom; feast / fray и др. или антонимичные предикаты, например: begin / leave off.

Все неконкретизированные ситуации, представленные в паремиях, типа: «Начало трудно, а конец мудрен»; «Начало было трудно, а конец еще труднее»; «Легко начать, да нелегко кончить»; «Good to begin well, better to end well»; «All is well that ends well»; «Well begun is half done» и т. п., часто характеризуются незаполненными актантным позициями и референциально не конкретизированными качественными характеристиками, распространяющими базовые предикаты паремий, например: не мудрено / мудрено; трудно / ещё труднее; легко / нелегко; good / better. Такие паремии могут быть определены как паремии общереферентного типа, поскольку могут быть отнесены к любому говорящему или его адресату. Именно данной особенностью и отличаются обобщающие конструкции, несущие в своей семантике нравоучительный смысл.

В концептуализации начала и конца становится значимым и понятие наблюдателя. Примечательно, что в русской паремиологии присутствуют пословицы как с прямым обращением к виртуальному собеседнику («Не начавши думай, а начавши делай!»; «Не бойся начала, а жди конца!»; «Начиная дело, о конце помышляй!»; «Умел начать, умей и кончать!»; «Не стращай началом, покажи конец!»), так и паремии, в которых выражена позиция наблюдателя («Не дорого начало, а похвален конец»; «Не дорого начало, а похвален конец»; «Всякое дело с концом хорошо»). В английском языке паремии редко строятся на прямом обращении, чаще всего они описываются ситуации именно с позиции наблюдателя («All things in their beginnings are good for something»; «He begins to die that quits his desires»; «Well begun is half done»; «He who commences many things, finishes but few»).

Исследователь З. Д. Попова отмечает, что «абстрактные понятия формируются на основе тех семантических признаков, которые накоплены в языковом сознании народа, хотя в нем они могут оставаться рассыпанными по разным средствам выражения Соответственно, их репрезентантами могут выступать любые явления, предметы, действия, признаки и так далее» [Попова, 2003, с. 140]. Корпус выделенных пословиц показывает, что конкретизируемые паремии с лексемами «начало»/«конец» и их дериватами могут быть выражены репрезентантами данных базовых лексем: приезд–отъезд («Не суди по приезду, суди по отъезду»); утро–вечер («Красному утру не верь! Хвались вечером, днем не сеченный»); девичество–замужество («Что в девках ни было, да теперь замужем») и т. п. В английских паремиях репрезентаторы расширяют значения «начала» и «конца», уточняя их границы, например: birth – death («The first breath is the beginning of death»); war – peace («Of all wars peace is the end»); feast – fray («Better come at the latter end of a feast than the beginning of a fray»); sweet – sour («Sweet sauce begins to wax sour»); passion – repentance («The end of passion is the beginning of repentance»); fool – wise man («What the fool does in the end, the wise man does at the beginning»); daughter – mother («He that would the daughter win, must with the mother first begin»); England – Ireland («He that will England win, must with Ireland begin») и др.

Если такие лексемы как приезд / отъезд или sweet / sour являются языковыми антонимами в обоих языках, то лексемы daughter / mother, England / Ireland используются в структуре паремий исключительно как контекстуальные антонимы, приобретая оппозитивный смысл в конкретных сентенциях.

Смысловые репрезентаторы, актуализирующие абстрактные понятия «начало» / «конец», представляют собой реалии, осознаваемые говорящим на уровне его перцептивных возможностей (кислое – сладкое), области чувств (passion – repentance), календарных традиций и временных промежутков (утро – вечер; приезд – отъезд; здравие – упокой) и т. п.

Все отмеченные выше ситуации характеризуются либо эксплицитной оценкой, либо имплицитной оценкой действительности: «Дело без конца, что кобыла без хвоста», «Всякое дело с концом хорошо», «Путному началу благой конец», «Где хвост начало, там голова мочало», «Well begun is half done», «All things in their beginning are good for something», «Good to begin well, better to end well» – «Сколько веревку ни вить, а концу быть» (плохие поступки проявятся и наступит возмездие); «Begin with needles and pins and leave off with horse and horned nowt» (те, кто начинают с мелкого воровства, заканчивают более серьезными преступлениями). В центре внимания оказывается чаще всего объект оценки, субъектом оценки выступает сам говорящий, осуществляющий акт референции по отношению к своему виртуальному (в контексте паремий как народного опыта) собеседнику. Несмотря на явное отсутствие конкретного собеседника в лексикографическом (словарном) дискурсе, неизвестные авторы большого количества паремий в силу назидательно-дидактического характера сентенций подразумевают этого собеседника, отражая референциальную ситуацию в речи.

Отметим, что понятие оценочности, несмотря на то что выделено как конкретный признак классификации, в той или иной мере пронизывает практически все рассматриваемые паремии обоих языков. Однако смысловая форма ее репрезентации в разных конструкциях различна.

Заключение

Подводя итог нашим наблюдениям, констатируем: 1) референциальные ситуации, получающие языковое отражение в паремиологических структурах с концептуальными сущностями начала/конца, не отличаются особым разнообразием, поскольку актуализируют в дискурсе одни и те же смыслы: предельности, контролируемости / неконтролируемости, конкретизируемости / неконкретизируемости; 2) говорящий фиксирует знание-совет, знание-предостережение, знание-констатацию; 3) говорящий акцентирует обращение к обобщенному виртуальному собеседнику, стремясь с помощью оценочной составляющей, используя разные референциальные механизмы, описать результативность выбора грамотного поведения с наличием четкого контроля над ситуацией / нерезультативность – при игнорировании советов.

В плане сопоставления русских и английских паремий отмечаем, что в силу различия менталитетов (в частности, межличностных взаимоотношений) одни и те же референциальные ситуации по-разному оцениваются говорящими: выявляется прямолинейная форма оценочности и ярко выраженный императив у русских, например: «Не круто начинай, а круто кончай», «Не хвались отъездом, а хвались приездом; определенная

сдержанность прослеживается в оценке ситуаций у англичан, например: «Such beginning, such end», «Good to begin well, better to end well». Отличительной особенностью выступает и различное отношение говорящего к виртуальному собеседнику: в русских паремиях говорящий стремится, учитывая собственный опыт, напрямую обратиться к виртуальному собеседнику, чтобы помочь ему не оказаться в трудной ситуации; в английских паремиях говорящий чаще всего представлен как независимый наблюдатель, старающийся с отсутствием эмоциональной сердечности классифицировать специфику той или иной референциальной ситуации.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Референция // БЭС. Языкознание. Москва : БРЭ, 1998. С. 411–412.

2. Абакумова О. Б. Пословичный концепт, деонтические нормы и языковая личность // Вестник ОГУ. Орел. 2010. № 3 (11). С. 130–137.

3. Абакумова О. Б. Проблемы референции и инференции пословиц и референциально-ролевая грамматика // Язык и культура. Языкознание и литературоведение. Томск. 2011. № 3 (15). С. 1–10.

4. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.

5. Горбунова Л. И. Прототипическая ситуация: к вопросу о содержании термина и перспективах его использования // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2010. № 4(45). Иркутск. С. 356–361.

6. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Москва : ЭКСМО-Пресс, 2000. 606 с.

7. Долинин К. А. Интерпретация текста: Французский язык : Учебное пособие. Изд. 4-е. Москва : КомКнига, 2010. 304 с.

8. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. Москва : Языки славянских культур, 2006. 672 с.

9. Ковшова М. Л. К вопросу о культурной референции пословиц (на материале русских пословиц с образами одежды) // Слово.ру : балтийский акцент. Калининград. 2017. Том 8. № 3 «Трансферы в языке и культуре». Часть 1. С. 67–93.

10. Колесов И. Ю. О связи между ментальной репрезентацией, концептуализацией референтной ситуации и пропозицией как формами представления знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2007. № 2. С. 5–14.

11. Леонова А. В. Специфика потенциальной модальности в ситуации неконтролируемого действия // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. Воронеж, 2012. № 1. С. 70–72.

12. Лингвистика и экстралингвистика: аспекты коннотативного значения: Коллективная монография / отв. ред. Н. М. Перельгут. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. 158 с.

13. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль : монография / под ред. В. М. Мокиенко. Москва : РУДН, 2018. 344 с.

14. Матханова И. П. Референция, инференция и описание семантики высказывания // Сибирский филологический журнал. Языкознание и литературоведение. Новосибирск, 2011. № 3 . С. 136–143.

15. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. Москва : Языки славянской культуры. 2004. 608 с.

16. Попова З. Д. Концептуальная природа абстрактных понятий // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. Воронеж. 2003. № 1. С. 132–141.

17. Сергеева Ю. М. Экстралингвистическая ситуация как один из факторов порождения внутренней речи индивидуума // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2008. № 27. С. 122–130.

18. Сидельников В. П. Слова, значения, смыслы в их соотнесении с внеязыковой действительностью // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Донецк, 2013. Том 26 (65). № 1. С. 18–24.

19. Фролова О. Е. Мир, который стоит за текстом. Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. 320 с.

20. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

21. Яковлева Е. В. Механизм референции. Тенденции изучения // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 18 (89). Выпуск 7. Санкт-Петербург. С. 175–182.

22. The Oxford Dictionary of English Proverbs. Oxford : At the Clarendon Press, 1935. 644 p.

Reference list

1. Arutjunova N. D. Referencija = Reference // BJeS. Jazykoznanie. Moskva : BRJe, 1998. S. 411–412.

2. Abakumova O. B. Poslovichnyj koncept, deonticheskie normy i jazykovaja lichnost' = Proverbial concept, deontic norms and linguistic personality // Vestnik OGU. Orel. 2010. № 3 (11). S. 130–137.

3. Abakumova O. B. Problemy referencii i inferencii poslovic i referencial'no-rolevaja grammatika = The problems of referential and inferential proverbs and referential role grammar // Jazyk i kul'tura. Jazykoznanie i literaturovedenie. Tomsk. 2011. № 3 (15). S. 1–10.

4. Boldyrev N. N. Jazyk i sistema znanij. Kognitivnaja teorija jazyka = Language and the knowledge system. Cognitive theory of language. Moskva : Izdatel'skij Dom JaSK, 2018. 480 s.

5. Gorbunova L. I. Prototipicheskaja situacija: k voprosu o soderzhanii termina i perspektivah ego ispol'zovanija = Prototypical situation: on the content of the term and prospects for its use // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta. 2010. №

4(45). Irkutsk. S. 356–361.

6. Dal' V. I. Poslovicy i pogovorki russkogo naroda = Proverbs and sayings of the Russian people. Moskva : JeKSMO-Press, 2000. 606 s.

7. Dolinin K. A. Interpretacija teksta: Francuzskij jazyk = Text interpretation: The French language: Uchebnoe posobie. Izd. 4-e. Moskva : KomKniga, 2010. 304 s.

8. Zaliznjak A. A. Mnogoznachnost' v jazyke i sposoby ee predstavlenija = Linguistic polysemy and the ways of its representation. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2006. 672 s.

9. Kovshova M. L. K voprosu o kul'turnoj referencii poslovic (na materiale russkih poslovic s obrazami odezhdy) = On the cultural references of proverbs (on the material of Russian proverbs with images of clothes) // Slovo.ru : baltijskij akcent. Kaliningrad. 2017. Tom 8. № 3 «Transfery v jazyke i kul'ture». Chast' 1. S. 67–93.

10. Kolesov I. Ju. O svjazi mezhdu mental'noj reprezentaciej, konceptualizaciej referentnoj situacii i propoziciej kak formami predstavlenija znanij = On the relationship between mental representation, referential situation conceptualization, and proposition as forms of knowledge representation // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. Tambov, 2007. № 2. S. 5–14.

11. Leonova A. V. Specifika potencial'noj modal'nosti v situacii nekontroliruemogo dejstvija = Specificity of potential modality in the uncontrolled situation // Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika. Voronezh, 2012. № 1. S. 70–72.

12. Lingvistika i jekstralingvistika: aspekty konnotativnogo znachenija = Linguistics and extralinguistics: aspects of connotative meaning : kollektivnaja monografija / otv. red. N. M. Perel'gut. Nizhnevartovsk : Izd-vo Nizhnevart. gumanit. un-ta, 2009. 158 s.

13. Lomakina O. V. Frazeologija v tekste: funkcionirovanie i idiostil' = Phraseology in the text: function and idiostyle : monografija / pod red. V. M. Mokienko. Moskva : RUDN, 2018. 344 s.

14. Mathanova I. P. Referencija, inferencija i opisanie semantiki vyskazyvanija = Reference, inference, and description of the utterance semantics // Sibirskij filologicheskij zhurnal. Jazykoznanie i literaturovedenie. Novosibirsk, 2011. № 3 . S. 136–143.

15. Paducheva E. V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki = Dynamic models in lexical semantics. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury. 2004. 608 s.

16. Popova Z. D. Konceptual'naja priroda abstraktnyh ponjatij = The conceptual nature of abstract concepts // Vestnik VGU. Serija Gumanitarnye nauki. Voronezh. 2003. № 1. S. 132–141.

17. Sergeeva Ju. M. Jekstralingvisticheskaja situacija kak odin iz faktorov porozhdenija vnutrennej rechi individuuma = The extralinguistic situation as a factor in generating a person's inner speech // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Cheljabinsk, 2008. № 27. S. 122–130.

18. Sidel'nikov V. P. Slova, znachenija, smysly v ih sootnesenii s vnejazykovoj dejstvitel'nost'ju = Words, meanings, senses in their correlation with extra-linguistic reality // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Serija «Filologija. Social'nye kommunikacii». Doneck, 2013. Tom 26 (65). № 1. S. 18–24.

19. Frolova O. E. Mir, kotoryj stoit za tekstom = World behind the text. Moskva : Izd-vo LKI, 2007. 320 s.

20. Shmelev A. D. Russkij jazyk i vnejazykovaja dejstvitel'nost' = The Russian language and extralinguistic reality. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 496 s.

21. Jakovleva E. V. Mehanizm referencii. Tendencii izuchenija = The reference mechanism. Trends in research // Nauchnye vedomosti. Serija Gumanitarnye nauki. 2010. № 18 (89). Vypusk 7. Sankt-Peterburg. S. 175–182.

22. The Oxford Dictionary of English Proverbs. Oxford : At the Clarendon Press, 1935. 644 p.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021; одобрена после рецензирования 15.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.

The article was submitted on 15.12.2021; approved after reviewing 15.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 81.42
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-133-139

Интернет-мемы с национально-политическим подтекстом в восприятии молодежи

Виолета Михайловна Беренкова
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет». 350004, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13
berenkovs@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0243-9397

Аннотация. В настоящее время одним из главных средств социального общения и обмена информацией является интернет-коммуникация, которая происходит в рамках информационного пространства, созданного специальными технологиями. Несомненно, в руках опытных манипуляторов Интернет может превратиться в весьма мощное и опасное психологическое оружие, воздействующее на сознание людей. Одним из таких средств массового воздействия является интернет-мем с национально-политическим контентом. Эти шуточные картинки с лаконичными постами послужили поводом для возбуждения большого количества дел в суде. Целью изложенного в данной статье эмпирического исследования является изучение диапазона разнообразных суждений, которые отражают особенности восприятия молодежью интернет-мемов с национальным подтекстом и уровень их толерантности. Методика исследования – анонимное анкетирование в виде соцопроса. Научная новизна работы заключается в том, что автор исследует особенности интернет-мемов с национальным подтекстом и подходы к установлению наличия в них оскорбительного подтекста. Мем – это шутка, насмешка или критика, выраженная с помощью конкретных языковых средств: чаще всего, некой картинки и лаконичной фразы, распространяющаяся в Интернете разнообразными способами. Он обычно вызывает особый интерес и эмоциональный отклик у пользователей. В его основе лежит какая-то актуальная и злободневная проблема. Таким образом, интернет-мем представляет собой некий скрытый механизм речевого воздействия. Основанием для уголовного преследования по распространению мемов в сети является прежде всего ст. 282 УК РФ об экстремизме. В настоящее время подходы к лингвистической экспертизе мемов еще только разрабатываются, доказать наличие оскорбительного и экстремистского подтекста в медиа-объекте часто затруднительно. Анализ изученной информации позволяет установить, что мем, представляющий собой определённую опасность для общества, распространение которого может повлечь за собой уголовное преследование, должен обладать следующими характеристиками: 1) призыв к агрессии, 2) оскорбительный контент, 3) распространение через СМИ и интернет, 4) рецидивный характер появления в сети. Проведенный эксперимент позволяет сделать вывод, что интернет-мем является довольно действенным психологическим приемом воздействия на людей. Тем не менее, его влияние не однозначно и зависит от умонастроения самого реципиента. Несомненно, крайне актуальным является вопрос о составлении критериев лингвистической оценки мема с целью определения его опасности для общества.

Ключевые слова: интернет-мемы; экстремизм; социальный опрос; креолизованный текст; оскорбительный контент; национально-политическая толерантность

Для цитирования: Беренкова В. М. Интернет-мемы с национально-политическим подтекстом в восприятии молодежи // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 133-139. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-133-139

Original article

Internet-memes as object of linguistic research from the position of national and political tolerance

Violeta M. Berenkova
Candidate of philological sciences, associate professor, department of foreign languages, Kuban State Agrarian University. 350004, Krasnodar, Kalinin St., 13
berenkovs@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0243-9397

© Беренкова В. М., 2022

Abstract. Now the Internet is one of the main means of social communication and information interchange, which is carried out within the framework of the information field created with special technologies. Undoubtedly, in the hands of skilled manipulators the Internet can turn into a rather powerful and dangerous psychological weapon attacking people's mind. One of such means of mass influence is the meme with national and political content. These comic pictures with laconic posts have become the cause for initiation of numerous legal proceedings. The purpose of the research is to investigate the opinion range that reflect peculiarities of the youth reaction concerning the Internet-meme with the national and political background and their tolerance level. The scientific novelty of the work is that the author examines the features of Internet memes with national connotations and approaches to identify offensive connotations in them. Besides, to reveal the degree of influence of the Internet-memes on recipients and their personal assessment of this information and communication phenomenon, anonymous questioning was carried out. The meme is a joke, sneer or criticism expressed by means of certain language means: more often, it is a picture with a laconic phrase spread throughout the Internet by various means. It usually causes particular interest and emotional response in the recipients. It has a certain urgent and topical problem in its background. Thus, the Internet-meme represents certain latent mechanism of speech influence. The basis for criminal prosecution for distributing memes online is primarily Article 282 of the Criminal Code of the RF concerning extremism. At present, approaches to linguistic examination of memes are just being developed; it is often hard to prove the presence of offensive and extremist implications in the media object. The analysis of the studied information allows to establish that a meme whose propagation can cause legal proceedings and which represents certain danger to our society should possess the following characteristics: 1) aggression appeal, 2) offensive content, 3) propagation via mass-media and the Internet, 4) net relapse. The carried out experiment leads to the conclusion that Internet-memes are psychological means effective enough to influence people. Nevertheless, its influence is not equivocal and depends on the recipient's mood. Undoubtedly, the issue of drawing up criteria for the linguistic analysis of memes to determine their danger to society is extremely relevant.

Key words: internet-meme; extremism; social survey; creolized text; offensive content; national and political tolerance

For citation: Barenkova V. M. Internet-memes as object of linguistic research from the position of national and political tolerance. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):133-139. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-133-139

1. Введение

В настоящее время одним из главных средств общения и обмена информацией является интернет-коммуникация. Под интернет-коммуникацией следует понимать общение в специально созданной «электронной среде, возникшей вследствие объединения персональных компьютеров в единую сеть и обеспечивающей высокоскоростное прохождение информационных потоков» [Вязигина, 2016]. Она представляет собой особое виртуальное пространство, которое обладает совокупностью определенных экстралингвистических и коммуникативных факторов, с применением технических средств. В этом пространстве происходит реализация и трансформация уже существующих в социуме форм общения. Кроме того, становится возможным «возникновение, закрепление и распространение инновационных способов коммуникации, постоянно пополняющих и видоизменяющих» опыт социума [Усачева, 2007].

Данные технологии имеют особые формы распространения и потребления информации, позволяя «осуществлять информационно-коммуникационное взаимодействие между конечными пользователями» [Гандалоева, 2017, с. 104–105]. Таким образом, в руках манипуляторов Интернет превращается в весьма мощное и опасное оружие, воздействующее на сознание людей [Ворошилова, 2016]. Если информацию в виртуальном пространстве активно распространяют авторитетные пользователи, придерживающихся экстремистских убеждений, «то последствия от публикуемых ими материалов могут быть непредсказуемы» [Борисова, 2018, с. 450].

Одним из средств массового воздействия на сознание людей является казалось бы такое безобидное явление как интернет-мем [Беренкова, 2020]. Эти шуточные картинки с лаконичными постами послужили поводом для возбуждения большого количества дел в суде, повлекших за собой разные формы наказания, начиная от административного штрафа, заканчивая сроком заключения до пяти лет. При определении степени вины основная оценка мема проводится с позиций лингвистической экспертизы. Следует отметить, что в настоящее время система проведения подобной экспертизы интернет-мемов еще не достаточно разработана, поэтому доказать наличие экстремистского подтекста довольно тяжело. Примером может послужить громкое дело Марии Мотузной, обвиняемой в экстремизме из-за публикаций мемов в соцсетях [Чиков, 2019].

Цель данной статьи заключается в рассмотре-

нии интернет-мема с национально-политическим подтекстом в восприятии молодежи. Научная новизна работы заключается в том, что автор проводит социальный опрос представителей студенческой среды и исследует их реакцию на просмотр нескольких мемов национально-политического характера. Опрос в форме анкетирования проводился с целью выяснить отношение реципиентов к демонстрируемому материалу, а также попытаться определить степень воздействия мемов на молодежную среду.

Прежде всего, необходимо уточнить понятие «интернет-мем».

2. Интернет-мем как информационно-коммуникационное явление

Точно сказать нельзя, кто является автором термина *интернет-мем*, но, вполне вероятно, он берет корни из *меметики Ричарда Докинза*, теории о том, что вся значимая для культуры информация состоит из базовых единиц – мемов, точно так же как биологическая информация состоит из генов [Dawkins, 1976].

Также в исследовательских работах часто фигурирует термин «креолизованный текст» [Карташова, 2019, с. 427].

Согласно источнику Википедия, интернет-мем (англ. Internet meme) — это «информация в той или иной форме (медиаобъект, то есть объект, создаваемый электронными средствами коммуникации, фраза, концепция или занятие), как правило, остроумная и ироническая, спонтанно приобретающая популярность, распространяясь в Интернете разнообразными способами (посредством социальных сетей, форумов, блогов, мессенджеров и пр.)» [Интернет-мем].

Таким образом, любые ценности нашего мира могут превратиться в объект шутки, насмешки или критики, порой переходя нравственные и моральные границы. Это отношение к реальности выражается с помощью конкретных языковых средств: чаще всего, некой картинки и лаконичной фразы, т. е. «представляет собой единство иконического знака и надписи» [Карташова, 2019, с. 427].

Лингвистика давно проявляет повышенный интерес к изучению эффективности коммуникативного акта, выявлению «скрытых механизмов речевого воздействия в различных коммуникативных системах, в том числе, в художественной литературе, кинематографе, рекламных текстах, политической пропаганде и т. д. [Анисимова, 2016, с. 57].

Несомненно, создатель мема преследует следующие цели: 1) выражение определенной точки зрения; 2) поиск единомышленников, разделяющих взгляды данного автора; 3) распространение этих взглядов в сети интернет [Вязигина, 2016].

Так, при характеристике отправителя мема, нужно учитывать, что интернет-мемы по своей сути являются некой своеобразной формой творческой экспрессии, созданной членами интернет-сообщества и адресованной тому же сообществу» [Кэмпа-Фигура, 2019]. Таким образом, любой мем является средством интернет-коммуникации, и цель его создания – получить отклик на тот информационный посыл, который заложен его автором.

Следовательно, планируемый получатель мема является полноценным участником данной коммуникации. Мем обычно вызывает особый интерес и эмоциональный отклик у пользователей. В его основе лежит какая-то актуальная и злободневная проблема. Таким образом, «мемы воздействует на формирование и дополнение социальной и индивидуальной картины мира» [Зиновьева, 2015, с. 195–201].

3. К вопросу об определении оскорбительного контента в интернет-меме

Не вызывает сомнения, что наиболее опасными по своему воздействию на реципиентов являются мемы с экстремистским подтекстом [Шанхайская конвенция, 2001, Статья 282]. Тем не менее, в сети чаще можно встретить в некоторой степени оскорбительный медиаконтент, который трудно подвести под определении экстремизм.

Так, мемы с национальным подтекстом содержат определенную «долю яда» и, в связи со своей политической направленностью, определенно могут оказать негативное воздействие на своего получателя, особенно если это молодой человек с не сложившейся еще системой ценностей.

Исследуя данный вопрос, автор выделил определенные характеристики мема, представляющего собой определённую опасность для общества, распространение которого может даже повлечь за собой уголовное преследование: 1) призыв к агрессии, 2) оскорбительный контент, 3) распространение через СМИ и интернет, 4) рецидивный характер появления в сети.

Рассмотрим изложенное более подробно. Если в случае последних пунктов все достаточно ясно, то при установлении первых двух возника-

ет ряд проблем.

По определению Ю. В. Щербининой, речевая агрессия – это некое негативное речевое воздействие «в неприемлемой в данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме» [Щербинина 2015].

Так, наиболее очевидными примерами агрессивных речевых действий является использование резкой, категоричной формы высказывания с использованием «ненормативной (грубой и нецензурной) лексики» [Курьянова, 2018, с. 32].

Что же касается оскорбительной, неуважительной формы высказывания, то «в лингвистической экспертизе нет понятия «неуважение», но есть понятие «дискредитация»» [Гляшина, 2019, с. 47]. Согласно словарю Д. Н. Ушакова, дискредитация означает «умаление, утрата значения, авторитета» [Ушаков, 2012].

И. А. Стернин также указывает на необходимость различения общественной и личной публичной отрицательной оценки [Стернин, 2013, с. 4].

Возникает вопрос об определении оскорбительного подтекста в меме, представляющем собой так называемый креолизованный (поликодовый, семантически обогащенный) очень лаконичный текст, зачастую содержащий имплицитную информацию.

Кроме того, определение акта агрессии становится невозможным при опоре исключительно на вербальный компонент объекта, т. к. коммуникативная цель мема заключается именно в совокупности вербального и визуального компонентов информации.

Таким образом, наиболее резонно понимать под агрессией и оскорблением явное или завуалированное использование языковых средств и кодов в контексте визуальной репрезентации для выражения определенной неприязни, враждебности; оскорбление достоинства и побуждение к агрессии по отношению определенной группы лиц (в том числе в форме призыва).

Именно такие мемы, обладающие указанными характеристиками, были выбраны в качестве материала для проведения анкетирования.

4. Постановка эксперимента

В качестве эксперимента было проведено анонимное анкетирование студентов в количестве 100 человек (возраст – от 17 до 23 лет). Цель анкетирования – оценка степени негативного воздействия мемов на реципиента, опрос общественного мнения. В ходе эксперимента опрашиваемым были продемонстрированы несколько популярных интернет-мемов с определенным национально-политическим подтекстом. Следует отметить, что отобранный для анкетирования материал не содержал яркой негативной информации, не относился к скандальному или запрещенному контенту, и имел скорее шуточный характер. После демонстрации визуального материала, участвующим в эксперименте студентам было предложено письменно ответить на 7 вопросов:

1) Как вы относитесь к такому явлению как интернер-мем?
2) Считаете ли Вы просмотренные мемы оскорбительными? Если да, то что, по Вашему мнению, содержит оскорбительную информацию?
3) Следует ли их запретить?
4) Должно ли быть за их распространение в сети быть установлено какое-то наказание?
5) Как Вы считаете, какова цель создания подобных мемов?
6) Какую реакцию вызвали у вас данные мемы?
7) Считаете ли вы содержание подобных мемов толерантным?

Анализ собранных анкет позволил получить следующие результаты.

5. Анализ результатов эксперимента

Практически все анкетируемые ответили на первый вопрос, что считают, что мем – это что-то вроде шутки или анекдота, только в виде смешной картинки.

При оценке наличия оскорбительного контента, 70 % опрашиваемых ответили положительно, 25 % отрицательно, 5 % затруднились ответить. При этом, прямого вербального негативного воздействия (уничижительные слова, фразы, непристойная лексика) никто не обнаружил. Таким образом, можно сделать вывод, что главную роль при воздействии на реципиента в подобных интернет-мемах играет контекст – сочетание картинки и надписи. Вербальный и визуальный компоненты мема сливаются, формируя некое смысловое единство [Курьянова, 2018, с. 66]. При их разделении весь негативный политический и национальный подтекст пропадает. Следует отметить, что анкетируемые, ответившие положительно на второй вопрос, указали следующие компоненты оскорбительного подтекста, характеризующие, по их мнению, содержание продемонстрированных мемов: призыв к насилию, унижение, неадекватность.

Лишь 10 % опрашиваемых посчитали необходимым запретить распространение данных мемов в сети. Большинство сочли их скорее шуткой «на любителя», не стоящей столь большого внимания.

Отвечая на четвертый вопрос, лишь 30 % высказались за необходимость установления наказания за распространение подобных интернет-мемов в сети. При этом, самым серьезным видом наказания был указан административный штраф. Кроме этого, было предложено заблокировать распространителя в социальных сетях, удаление мемов из сети и вынесение предупреждения. Опять же, большая часть опрошенных не посчитали продемонстрированные мемы сколько-нибудь серьезной угрозой обществу. По их мнению, подобный контент следует рассматривать как шутку, «черный юмор».

При ответе на пятый вопрос о цели, которую преследуют создатели подобных интернет-мемов, опрашиваемые высказали следующие предположения (в порядке убывания частотности указания): юмор, оскорбление, провокация, привлечение внимания, самоутверждение, выражение ненависти, некая критика, психологическое давление.

В качестве реакции на демонстрируемый материал все опрашиваемые указали смех и улыбку. Тем не менее, 70 % из них признали, что параллельной эмоцией было чувство некой неловкости.

Около 85 % реципиентов посчитали продемонстрированные мемы не слишком толерантными. Хотя заявили, что, возможно, это не очень удачная шутка.

Как видно, многие анкетируемые склоняются к мнению, что подобные мемы являются средством привлечения автором внимания посредством провокационного юмористического контента. Тем не менее, обилие подобного контента в сети через многократное повторение может, несомненно, вызвать фиксацию памяти на определенных идеях и, таким образом, оказывать некоторое влияние на общественное мнение.

6. Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что интернет-мем является довольно действенным психологическим приемом воздействия на молодежь. Тем не менее, его влияние не однозначно и зависит от умонастроения самого реципиента. Чаще всего, он вызывает лишь улыбку и для человека со здравым критическим мышлением не представляет особой опасности.

Несомненно, на эмоционально неустойчивого и агрессивного реципиента мемы могут оказать более глубокой воздействие, особенно если они носят явный национально-политический подтекст и активно призывают к акту агрессии по отношению к определенной группе лиц.

Как показал опрос, все анкетируемые достаточно нейтрально отреагировали на предложенные мемы. Можно сделать вывод, что их разовый просмотр не оказал большого влияния на их мировоззрение. Тем не менее, часть из них высказалась довольно негативно по отношению к свободному распространению их в сети интернет и посчитали их достаточно оскорбительными по отношению к определенной указанной группе лиц по национальному признаку. Оскорбительных слов выявлено не было. Уничижительный контекст был определен реципиентами как результат совмещения текста и картинки.

Таким образом, актуальным кажется вопрос о создании системы критериев лингвистической оценки мема для определения его социальной угрозы. Это позволит выявить действительно опасный медиа-контент с целью ограничения его массового распространения.

Библиографический список

1. Анисимова А. Т. Риторика и лингвистика текста. Научный вестник Южного института менеджмента. 2016. № 2. С. 56–61.

2. Беренкова В. М. Интернет-мемы как основание для углового преследования. Эпомен. 2020. № 41. С. 224–234.

3. Борисова А. С., Кургузенкова Ж. В., Никишин В. Д. Проблема перевода религиозно-экстремистских текстов в процессе судебной лингвистической экспертизы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2.

4. Ворошилова М. Б. Реконструкция культурных смыслов визуальных символов в современном националистическом дискурсе // Региональная картина мира в языковой концептуализации: динамика культурных смыслов: сб. ст. / под ред. Л. А. Мардиевой, Т. Ю. Щуклиной. Казань, 2016. С. 22–25.

5. Вязигина Н. В. Тексты интернет-коммуникации как объекты судебной лингвистической экспертизы по делам об экстремизме. 2016. URL: http://lingva-expert.ru/articles/Teksty-internet-kommunikatsii-obekty-lingvisticheskoy-ekspertizy-ekstremizm/ (дата обращения 12.02.2021)

6. Галяшина Е. И. Феномен «неуважение к власти» в аспекте судебной лингвистической экспертизы по делам об информационных правонарушениях // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МПОА). 2019. № 5 С. 45–55.

7. Гандалоева М. Т. Интернет-мем как избирательная технология // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). 2017. № 4. С. 104–112.

8. Зиновьева Н. А. Воздействие мемов на Интернет-пользователей: типология Интернет-мемов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 195–201.

9. Интернет-мем. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Интернет-мем (дата обращения 12.02.2021)

10. Карташова Е. П., Ахмедзянова А. Р. Интернет-мем как основной вид креолизованного текста в самопрезентации «человека творящего // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13. № 3. С. 426–430.

11. Курьянова И. В. Маркеры речевой агрессии в интернет-коммуникации при исследовании текстов экстремистской направленности // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Москва. Вып. 6 (797). 2018. С. 29–38.

12. Кэмпа-Фигура Д. (Интернет-)мем как новый медиажанр. Постановка вопроса. Медиалингвистика. 6 (1). 2019. С. 103–121.

13. Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. URL: https://legalacts.ru/kodeks/UK-RF/osobennaja-chast/razdel-x/glava-29/statja-282/ (дата обращения 12.02.2021)

14. Стернин И. А. и др. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013. 35 с.

15. Усачева О. Ю. Интернет-коммуникация как лингвистический феномен // Язык и культура. (Научный журнал). Киев, 2007. Вып. 9. Т. VI (95). С. 83–90.

16. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка Ушакова. 2012. URL: https://slovar.cc/rus/ushakov/394656.html (дата обращения 12.02.2021)

17. Чиков П. СК прекратил уголовное дело об экстремизме против Марии Мотузной. 2019. URL: https://meduza.io/news/2019/01/10/mariyu-motuznuyu-isklyuchili-iz-spiska-ekstremistov-rosfinmonitoringa (дата обращения 12.02.2021)

18. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. 2001. URL: https://www.mid.ru/web/guest/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/579790 (дата обращения 12.02.2021)

19. Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды. Москва : Форум, 2012. 400 с.

20. Dawkins R. The selfish gene. Oxford. 1976. URL: http://www. https://alraziuni.edu.ye/uploads/pdf/The-Selfish-Gene-R.-Dawkins-1976-WW-.pdf. (дата обращения 12.02.2021)

Reference list

1. Anisimova A. T. Ritorika i lingvistika teksta = Text rhetoric and linguistics. Nauchnyj vestnik Juzhnogo instituta menedzhmenta. 2016. № 2. S. 56–61.

2. Berenkova V. M. Internet-memy kak osnovanie dlja uglovogo presledovanija = Internet memes as grounds for criminal prosecution. Jepomen. 2020. № 41. S. 224–234.

3. Borisova A. S., Kurguzenkova Zh. V., Nikishin V. D. Problema perevoda religiozno-jekstremistskih tekstov v processe sudebnoj lingvisticheskoj jekspertizy = The problem of religious extremist texts translation in the process of forensic linguistic expertise // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Lingvistika. 2018. T. 22. № 2.

4. Voroshilova M. B. Rekonstrukcija kul'turnyh smyslov vizual'nyh simvolov v sovremennom nacionalisticheskom diskurse = Reconstructing cultural meanings of visual symbols in contemporary nationalist discourse // Regional'naja kartina mira v jazykovoj konceptualizacii: dinamika kul'turnyh smyslov: sb. st. / pod red. L. A. Mardievoj, T. Ju. Shhuklinoj. Kazan', 2016. S. 22–25.

5. Vjazigina N. V. Teksty internet-kommunikacii kak ob#ekty sudebnoj lingvisticheskoj jekspertizy po delam ob jekstremizme = Internet communication texts as objects of forensic linguistic expertise in extremism cases. 2016. URL: http://lingva-expert.ru/articles/Teksty-internet-kommunikatsii-obekty-lingvisticheskoy-ekspertizy-ekstremizm/ (data obrashhenija 12.02.2021)

6. Galjashina E. I. Fenomen «neuvazhenie k vlasti» v aspekte sudebnoj lingvisticheskoj jekspertizy po delam ob informacionnyh pravonarushenijah = The phenomenon of «disrespect to authority» in the aspect of forensic linguistic expertise in cases of information offenses // Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina (MPOA). 2019. № 5 S. 45-55.

7. Gandaloeva M. T. Internet-mem kak izbiratel'naja tehnologija = Internet meme as an election technology // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kul'turologija. Tom 3 (69). 2017. № 4. S. 104–112.

8. Zinov'eva N. A. Vozdejstvie memov na Internet-pol'zovatelej: tipologija Internet-memov = The impact of memes on Internet users: a typology of Internet memes // Vestnik jekonomiki, prava i sociologii. 2015. № 1. S. 195–201.

9. Internet-mem = Internet meme. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Internet-mem (data obrashhenija 12.02.2021)

10. Kartashova E. P., Ahmedzjanova A. R. Internet-mem kak osnovnoj vid kreolizovannogo teksta v samoprezentacii «cheloveka tvorjashhego = Internet meme as the main type of creolized text in self-presentation of the «homo creative» // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. T. 13. № 3. S. 426–430.

11. Kur'janova I. V. Markery rechevoj agressii v internet-kommunikacii pri issledovanii tekstov jekstremistskoj napravlennosti = Markers of speech aggression in

Internet communication in studying extremist texts // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. Moskva. Vyp. 6 (797). 2018. S. 29–38.

12. Kjempa-Figura D. (Internet-)mem kak novyj mediazhanr. Postanovka voprosa. Medialingvistika = (Internet) meme as a new media genre. Posing the problem. Medialinguistics. 6 (1). 2019. S. 103–121.

13. Stat'ja 282. Vozbuzhdenie nenavisti libo vrazhdy, a ravno unizhenie chelovecheskogo dostoinstva = Article 282. Incitement of hatred or hostility, as well as humiliation of human dignity. URL: https://legalacts.ru/kodeks/UK-RF/osobennaja-chast/razdel-x/glava-29/statja-282/ (data obrashhenija 12.02.2021)

14. Sternin I. A. i dr. Vyjavlenie priznakov unizhenija chesti, dostoinstva, umalenija delovoj reputacii i oskorblenija v lingvisticheskoj jekspertize teksta = Identifying signs of humiliation of honor and dignity, belittling business reputation and insult in linguistic expertise of the text. Jaroslavl', 2013. 35 s.

15. Usacheva O. Ju. Internet-kommunikacija kak lingvisticheskij fenomen = Internet communication as a linguistic phenomenon // Jazyk i kul'tura. (Nauchnyj zhurnal). Kiev, 2007. Vyp. 9. T. VI (95). S. 83–90.

16. Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka Ushakova = Ushakov's Russian explanatory dictionary. 2012. URL: https://slovar.cc/rus/ushakov/394656.html (data obrashhenija 12.02.2021)

17. Chikov P. SK prekratil ugolovnoe delo ob jekstremizme protiv Marii Motuznoj = The Investigation Committee dismissed the criminal case of extremism against Maria Motuznaya. 2019. URL: https://meduza.io/news/2019/01/10/mariyu-motuznuyu-isklyuchili-iz-spiska-ekstremistov-rosfinmonitoringa (data obrashhenija 12.02.2021)

18. Shanhajskaja konvencija o bor'be s terrorizmom, separatizmom i jekstremizmom = Shanghai convention on combating terrorism, separatism and extremism. 2001. URL: https://www.mid.ru/web/guest/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/579790 (data obrashhenija 12.02.2021)

19. Shherbinina Ju. V. Rechevaja agressija. Territorija vrazhdy = Speech aggression. The territory of hostility. Moskva : Forum, 2012. 400 s.

20. Dawkins R. The selfish gene. Oxford. 1976. URL: http://www. https://alraziuni.edu.ye/uploads/pdf/The-Selfish-Gene-R.-Dawkins-1976-WW-.pdf. (data obrashhenija 12.02.2021)

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 09.12.2021; approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 811.111-26
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-140-145

Метафорический образ культуры современной России в американской прессе

Анна Алексеевна Шарова
Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.
yadvig@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4849-7699

Аннотация. Статья посвящена проблеме конструирования образа культуры современной России в американских СМИ. Отмечается особая роль метафоры в формировании данного образа. На материале статей трех американских газет «The New York Times», «Newsweek» и «The Washington Post» за период 2010-2020 гг. анализируются самые употребительные метафорические модели создания образа российской культуры, в том числе модели «культура = война» и «культура = политика», «Владимир Путин – покровитель культуры», «культура = сила современной России» и «культура = Россия». Отмечается, что в большинстве случаев образ российской культуры в американской прессе рассматривается в тесной связи с политикой и личностью президента Владимира Путина. На основании проведенного исследования делается вывод о том, что значительная часть метафорических словоупотреблений формируют у читателя негативный образ современной российской культуры. Отрицательную оценку получают, прежде всего, зависимость культуры от политики, консервативность и нежелание принимать западные ценности, влияние на культуру правящей элиты и олигархов. Положительно оцениваются богатые культурные традиции современной России, масштабность затрагиваемых в сфере культуры тем, а также личная поддержка некоторых институтов и деятелей культуры российским президентом. С нейтральной точки зрения культура рассматривается в качестве «мягкой силы», способной влиять на отношения России с Западом (как противопоставление жесткой силе принуждения и финансового влияния). В целом, результаты исследования подтверждают, что в настоящее время метафоры в американских СМИ при характеристике культурной жизни России используются, по большей части, не как средства выразительности, а как средства изображения негативных сторон культуры в нашем обществе.

Ключевые слова: культура; образ; метафора; метафорическая модель; метафорическое словоупотребление; понятийная сфера; оценочность; позитивный образ; негативный образ

Для цитирования: Шарова А. А. Метафорический образ культуры современной России в американской прессе // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 140-145. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-140-145

Original article

Metaphorical image of modern Russian culture in the American press

Anna A. Sharova
Candidate of philological sciences, senior lecturer, department of theory and practice of translation, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
yadvig@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-4849-7699

Abstract. The article deals with constructing the image of contemporary Russian culture in the US media. It states an important role of metaphors in this process. The most widely used metaphoric models of representing Russian culture are analyzed on the basis of a number of articles in three American newspapers – The New York Times, Newsweek and The Washington Post (2010–2020), including the models «culture is war», «culture is politics», «Vladimir Putin is the godfather of culture», «culture is the power of modern Russia» and «culture is Russia». The study shows that in most cases Russian culture in American press is looked upon in close connection with politics and V. Putin's personality. The research data prove that the majority of metaphoric word usages tend to form the negative image of Russian culture in the eyes of US readers. Such aspects as the close ties of culture and politics, conservatism and reluctance to accept

© Шарова А. А., 2022

western values, significant impact of the ruling elite and oligarchs on culture are assessed negatively. Rich cultural traditions, the scale of issues addressed in the sphere of culture and personal support of some cultural institutions and figures by the president get the positive evaluation. At the same time culture is evaluated neutrally as the means of «soft power» – the ability to influence Russia's relations with western countries (as opposed to the hard power of constraint and financial influence). In general, the study proves that nowadays metaphors describing our cultural life in American press are mostly used not as expressive means, but as the means of showing the negative aspects of culture in contemporary Russia.

Key words: culture; image; metaphor; metaphoric model; metaphoric word usage; conceptual field; evaluation; positive image; negative image

For citation: Sharova A. A. Metaphorical image of modern Russian culture in the American press. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):140-145. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-140-145

Введение

В последние годы изучение образа или имиджа страны стало одним из важных направлений в рамках лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Исследованию теоретических аспектов формирования образа страны посвящен целый ряд работ [Данилова, 2009; Евгеньева, 2019; Чудинов, 2001 и др.]. При этом образ страны определяется как знаковая модель, опосредующая представления о национальной общности и ее членах через доступные обыденному сознанию понятия и суждения [Швецова, 2012, с. 288]. Ключевую роль в формировании данной модели выполняют средства массовой информации.

В силу недавних политических событий Россия привлекает особое внимание иностранных СМИ, а конструируемый ими образ нашей страны стал предметом многочисленных исследований лингвистов: изучается образ России в целом [Григорьева, 2015; Клещина, 2017; Лугуева, 2016; Чудинов, Илюшкина, 2019], образ российского президента [Моисеева, 2007; Шестопал, 2018], сфера отношений России и Запада [Моисеева, 2007; Швецова, 2012] и др. Однако практически неизученным остается образ современной российской культуры в иноязычных СМИ. Вместе с тем, данная проблематика представляется весьма актуальной ввиду того, что Россия всегда славилась своими культурными традициями. Особенно интересно рассмотреть образ современной российской культуры на фоне политических событий последних лет и ухудшения отношений России с западными странами.

Материал и методы исследования

В рамках данного исследования мы изучили формируемый в американских СМИ образ современной российской культуры. В качестве материала исследования использовались статьи американских изданий «The New York Times», «Newsweek» и «The Washington Post», имеющих высокий авторитет в США. Хронологические рамки исследования – 2010–2020 гг. Всего было проанализировано 120 статей, посвященных теме культуры, в которых методом сплошной выборки выделено 195 контекстов, содержащих образные наименования российской культуры.

Результаты исследования

Культура страны (национальная культура) – это совокупность материальных и духовных ценностей нации, а также практикуемых ей основных способов взаимодействия с природой и социальным окружением [Berrell, 2021]. В терминах Г. П. Федотова, это «культурное единство нации», которое включает в себя такие элементы, как религия, язык, система нравственных ценностей, искусство, литература и общность быта [Федотов, 1992, с. 245].

С точки зрения языковых средств формирования образа России и ее культуры особое место занимает метафора. Согласно определению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, представленном в монографии «Метафоры, которыми мы живем», метафора – это языковое явление, отражающее процесс познания и рубрикации мира; метафоры заложены в самой понятийной системе человеческого разума, это своего рода схемы, по которым человек осознает действительность. При этом формирование метафорического образа действительности происходит по определенной метафорической модели, которую Дж. Лакофф и М. Джонсон определяют как существующую в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами типа X=Y. Однако авторы отмечают, что в основе подобной формулы лежит не полное совпадение, а схожесть отдельных качеств, присущих X и Y [Lakoff, Johnson, 2003].

Рассмотрим наиболее частотные метафорические модели конструирования образа культуры современной России в американской прессе.

1. КУЛЬТУРА=ВОЙНА.

Метафорические наименования понятийной сферы «Война» (*war, battle, revolution, combat*) оказались наиболее продуктивными для описания «положения дел» в культуре современной России (в нашей выборке таковых встретилось 54, около 28 %). Например:

Russia's culture wars (The NY Times, 7.02.2014).

Yet the release of trailers of that scene (...) and a few others, was enough to ignite a firestorm in Russia's culture wars (The Washington Post, 3.06.2017).

Основной причиной «культурной войны» в современной России, с точки зрения американской прессы, является конфликт между традиционными и либеральными, западными ценностями, а главным противником последних представляется, собственно, руководство страны:

That is why the Kremlin is waging its own culture war — stoking the values of religion and nationalism as it rails against «foreigners», sexual «deviants» and a «degenerate» West (The NY Times, 7.02.2014).

Интересно отметить, что на фоне происходящих в России «культурных войн» особая воинственность приписывается отдельным чиновникам сферы культуры:

...Russia's more combative culture minister, Vladimir Medinsky, who is known for aggressive assertions of Russian superiority and conservative values (The NY Times, 20.03.2015).

Помимо представления российской культуры как театра военных действий, в американской прессе также нередко встречаются военные метафоры, представляющие культуру как цель завоевания для современной правящей элиты и лично для Владимира Путина:

Putin's Last Realm to Conquer: Russian Culture (The NY Times, 27.01.2013).

Особая употребительность милитаристской метафоры, по-видимому, объясняется большим количеством войн в истории человечества, что, как отмечает А. П. Чудинов [Чудинов, 2001], способствовало милитаризации сознания.

2. КУЛЬТУРА=ПОЛИТИКА (49 употреблений, 25 %).

Негативную оценку в американских СМИ получает значительное влияние политики на культуру современной России:

It (The Mariinsky Theatre) is now not just a temple of opera but a monument to the vulgar dynamics of oligarchy, a nexus of money, power and ostentation that is the defining quality of Russian cultural life under Putin (The Washington Post, 30.08.2013).

Подчеркивается политическая ангажированность выдающихся деятелей российской культуры. Например:

....Gergiev is one of the most dynamic and hard-working musicians in the world but intimately intertwined with Putin and his government (The Washington Post, 30.08.2013)

Кроме большого политического влияния на культуру со стороны российской власти, довольно часто подчеркивается активное использование руководством страны культуры в качестве «мягкой силы» в сфере международных политических отношений. «Мягкая сила» – термин, введенный политологом Дж. Найем, подразумевает способность добиваться нужных результатов в отношениях с другими государствами и влиять на них за счет привлекательности собственной культуры [Nye, 2004]:

President Vladimir V. Putin's expanding efforts to use the «soft power» of cultural diplomacy as a tool of foreign policy (The NY Times, 7.10.2019).

Call it «cultural diplomacy» or «soft power», the blockbuster show was just one half of the major Russian cultural initiatives that debuted in Paris during the week (The Washington Post, 22.10.2016).

При этом «мягкая сила» российской культуры противопоставляется «жесткой силе» принуждения и финансового влияния:

...despite the revanchist foreign policy, Russia has deep reserves of cultural soft power. It is, after all, the home of the Hermitage Museum, the Bolshoi Ballet, Chekhov, Dostoyevsky, Malevich, Tchaikovsky, and Bulgakov (Newsweek, 14.06.2016).

3. ВЛАДИМИР ПУТИН – ПОКРОВИТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (37 единиц, около 19 %).

Влияние российского президента на сферу культуры в американской прессе нередко описывается с помощью метафор концептуальных полей «Религия» и «Монархия» с использованием таких образных номинаций, как *godfather, patron, emperor, sovereign, czar* – подобные оценки с помощью, в частности, «царственных метафор», в целом, характерны для образа Владимира Путина в англоязычных СМИ (см., например, Моисеева, 2007):

Czar Putin's Culture (Newsweek, 30.08.2015).

Отмечаются давние традиции «вмешательства» лидеров страны в сферу культуры и искусства:

From Stalin to Brezhnev, the leader directed, intervened in and settled arguments in any area, be it higher mathematics or the high arts. Putin apparent-

ly decided recently that it was time for him to take over literature (The NY Times, 25.11.2013).

Подчеркивается привилегированное положение тех деятелей и учреждений культуры, которые находятся под личным покровительством президента. Например:

...the National Philharmonic is in a cozier spot, having President Vladimir V. Putin as its personal godfather (The NY Times, 21.03.2017).

4. КУЛЬТУРА=СИЛА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (32 метафорических контекста, около 16 %).

Данная модель реализуется с помощью метафорических словоупотреблений различных концептуальных полей. Например: *....the extraordinary scope and power of Russian culture* (The NY Times, 10.11.2012)*;the firepower of Russian music* (The NY Times, 21.03.2017)*;the proliferation of Russian artists that changed the face of opera and dance* (The Washington Post, 26.06.2020).

5. КУЛЬТУРА=РОССИЯ (23 единицы, около 12 %).

Ряд метафорических контекстов отождествляет культуру с самой страной:

Russia without culture is not a country, but a huge piece of land. A country makes it, together with culture, an entity (The NY Times, 05.02.2014).

In Russia, the performing arts – and ballet in particular – are so entwined in the national identity that theaters are unaccustomed to empty seats... (The Washington Post, 25.04.2020)

Данные метафорические словоупотребления, как и метафоры предыдущей модели, несут в себе положительную оценку и могут формировать у читателей позитивный образ культуры нашей страны.

Заключение

В целом, по результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Наиболее продуктивными метафорическими моделями для формирования образа культуры современной Росси в американских СМИ являются модели КУЛЬТУРА=ВОЙНА и КУЛЬТУРА=ПОЛИТИКА (на них пришлось более половины метафорических словоупотреблений выборки).

2. Большая часть метафорических словоупотреблений формируют у читателя негативный образ современной российской культуры (58 %). Отрицательную оценку получают такие аспекты, как: зависимость культуры от политики, консервативность и нежелание принимать западные ценности, влияние на культуру правящей элиты и олигархов. Достаточно нейтрально оценивается культура как «мягкая сила», нацеленная на продвижение интересов страны в мире, что, в общем, довольно типично для большинства стран – крупных игроков на международной политической арене. Такая оценка встретилась нам в 10 % контекстов. Явную положительную оценку (32 % единиц) получают богатые культурные традиции современной России, глубина и масштабность затрагиваемых в сфере культуры тем, а также личная поддержка некоторых институтов и деятелей культуры президентом Путиным.

3. В большинстве случаев образ российской культуры в американской прессе рассматривается в тесной связи с деятельностью и личностью президента Путина или сквозь призму политики. Лишь малая часть метафорических единиц содержат оценку культуры «в чистом виде», без политического фона.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что в настоящее время метафоры в СМИ чаще используются не столько как средства выразительности, сколько как средства изображения негативных сторон жизни общества или, по выражению В. Г. Костомарова [Костомаров, 1999, с. 127], для «образного обругивания политического противника».

Библиографический список

1. Виноградова Н. С. Влияние новых форм политической коммуникации на формирование образов стран // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы. Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием. РАПН, 2020, 27–28 ноября 2020 г. Москва : МГПУ, 2020. С. 123–124.

2. Григорьева И. В. Стереотипное представление России как страны «управляемой» демократии в англоязычных медиатекстах // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации. 2015. С. 427–432.

3. Данилова А. А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. Москва : Добросвет, Издательство «КДУ», 2009. 232 с.

4. Евгеньева Т. В. Идентификационное измерение образа страны: методы исследования и интерпретация результатов // Материалы IX международной социологической Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир», 20–21 марта 2019 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. Москва : АО «ВЦИОМ», 2019. С. 188–193.

5. Клещина Н. Н. Метафоричность образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ прошлого и настоящего // Власть. 2017. Т. 25. № 9. С. 32–36.

6. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. Москва : Изд-во МГУ, 1999. 268 с.

7. Лугуева Р. Г. Концептуальная метафора как средство создания образа врага в англоязычных СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-3 (66). С. 134–136.

8. Моисеева Т. В. Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ. Екатеринбург, 2007. 23 с.

9. Пищева Т. Н. Образ России: теоретические аспекты изучения // Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов. Москва, 6–8 декабря 2018 г. / Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. Москва : Аспект Пресс, 2018. С. 419–420.

10. Пищева Т. Н. Образ страны глазами ее граждан: проблема исследования // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы. Материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, 6–7 декабря 2019 г. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. Москва : МПГУ, 2019. С. 311–312.

11. Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избр. ст. по филос. рус. истории и культуры. Т. 2. Санкт-Петербург : София, 1992. 348 с.

12. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография. Екатеринбург : Урал.гос.пед.университет, 2001. 238 с.

13. Чудинов А. П., Илюшкина М. Ю. Метафорическое моделирование образа России в СМИ (на материале американской прессы) // Язык и культура 2019. № 45. С. 20–30.

14. Швецова М. Г. Роль СМИ в конструировании образа страны // Проблемы истории, филологии, культуры. № 4. Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2012. С. 288–298.

15. Шестопал Е. Б. Восприятие кандидатов в Президенты РФ в кампании 2018 года: политико-психологический анализ // Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов. Москва, 6–8 декабря 2018 г. / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. Москва : Аспект Пресс, 2018. С. 585–586.

16. Berrell M. National Culture and Social Relations of Anywhere Working // Anywhere Working and the Future of Work. Australia, 2021. P. 23–59. URL: https://www.igi-global.com/chapter/national-culture-and-the-social-relations-of-anywhere-working/263827 (дата обращения 30.09.2021)

17. Lakoff G., Johnson. Metaphors We Live by. Chicago : University of Chicago Press, 2003. 276 p.

18. Newsweek. URL: http:// www.newsweek.com (дата обращения 24.09.2021)

19. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs Group, 2004. 191 p.

20. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / edited by R.W. Gibbs, Jr. New York : Cambridge University Press, 2016. 566 p.

21. The New York Times. URL: http:// www.nytimes.com (дата обращения 24.09.2021)

22. The Washington Post. URL: http://www.washingtonpost.com (дата обращения 24.09.2021)

Reference list

1. Vinogradova N. S. Vlijanie novyh form politicheskoj kommunikacii na formirovanie obrazov stran = The influence of new forms of political communication on forming images of countries // Politicheskoe predstavitel'stvo i publichnaja vlast': transformacionnye vyzovy i perspektivy. Materialy Ezhegodnoj vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. RAPN, 2020, 27–28 nojabrja 2020 g. Moskva : MGPU, 2020. S. 123–124.

2. Grigor'eva I. V. Stereotipnoe predstavlenie Rossii kak strany «upravljaemoj» demokratii v anglojazychnyh mediatekstah = Stereotypical representation of Russia as a country of « controlled» democracy in English media texts // Mirovoe kul'turno-jazykovoe i politicheskoe prostranstvo: innovacii v kommunikacii. 2015. S. 427–432.

3. Danilova A. A. Manipulirovanie slovom v sredstvah massovoj informacii = Verbal manipulation in the media. Moskva : Dobrosvet, Izdatel'stvo «KDU», 2009. 232 s.

4. Evgen'eva T. V. Identifikacionnoe izmerenie obraza strany: metody issledovanija i interpretacija rezul'tatov = The identity dimension of the country image: research methods and interpretation of results // Materialy IX mezhdunarodnoj sociologicheskoj Grushinskoj konferencii «Social'naja inzhenerija: kak sociologija menjaet mir», 20–21 marta 2019 g. / otv. red. A. V. Kuleshova. Moskva : AO «VCIOM», 2019. S. 188–193.

5. Kleshhina N. N. Metaforichnost' obraza Rossii v amerikanskih SMI i obraza SShA v rossijskih SMI proshlogo i nastojashhego = Metaphoric image of Russia in the U.S. media and the image of the U.S. in the Russian media of the past and present // Vlast'. 2017. T. 25. № 9. S. 32–36.

6. Kostomarov V. G. Russkij jazyk na gazetnoj polose. Nekotorye osobennosti jazyka sovremennoj gazetnoj publicistiki = Russian on the newspaper page. Some language peculiarities of modern newspaper journalism. Moskva : Izd-vo MGU, 1999. 268 s.

7. Lugueva R. G. Konceptual'naja metafora kak sredstvo sozdanija obraza vraga v anglojazychnyh SMI = Conceptual metaphor as a means of creating an enemy image in English-language media // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 12-3 (66). S. 134–136.

8. Moiseeva T. V. Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v amerikanskih SMI i obraza SShA v rossijskih SMI = Metaphorical modeling of Russia's image in

the U.S. media and the image of the U.S. in the Russian media. Ekaterinburg, 2007. 23 s.

9. Pishheva T. N. Obraz Rossii: teoreticheskie aspekty izuchenija = The image of Russia: theoretical aspects of the study // Politika razvitija, gosudarstvo i mirovoj porjadok: Materialy VIII Vserossijskogo kongressa politologov. Moskva, 6–8 dekabrja 2018 g. / Pod obshh. red. O. V. Gaman-Golutvinoj, L. V. Smorgunova, L. N. Timofeevoj. Moskva : Aspekt Press, 2018. S. 419–420.

10. Pishheva T. N. Obraz strany glazami ee grazhdan: problema issledovanija = The image of the country through the eyes of its citizens: a research problem // Traektorii politicheskogo razvitija Rossii: instituty, proekty, aktory. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii RAPN, g. Moskva, 6–7 dekabrja 2019 g. / pod red. O. V. Gaman-Golutvinoj, L. V. Smorgunova, L. N. Timofeevoj. Moskva : MPGU, 2019. S. 311–312.

11. Fedotov G. P. Sud'ba i grehi Rossii: izbr. st. po filos. rus. istorii i kul'tury = The destiny and sins of Russia: selected articles on philosophical Russian history and culture. T. 2. Sankt-Peterburg : Sofija, 1992. 348 s.

12. Chudinov A. P. Rossija v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory (1991–2000) = Russia in the metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991-2000) : monografija. Ekaterinburg : Ural.gos.ped.universitet, 2001. 238 c.

13. Chudinov A. P., Iljushkina M. Ju. Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v SMI (na materiale amerikanskoj pressy) = Metaphorical modeling of Russia's image in the American media // Jazyk i kul'tura 2019. № 45. C. 20–30.

14. Shvecova M. G. Rol' SMI v konstruirovanii obraza strany = The role of the media in constructing the image of the country // Problemy istorii, filologii, kul'tury. № 4. Magnitogorsk : Izd-vo MaGU, 2012. S. 288–298.

15. Shestopal E. B. Vosprijatie kandidatov v Prezidenty RF v kampanii 2018 goda: politiko-psihologicheskij analiz = Perception of Russian candidates for the presidency in the 2018 campaign: a political-psychological analysis // Politika razvitija, gosudarstvo i mirovoj porjadok: Materialy VIII Vserossijskogo kongressa politologov. Moskva, 6–8 dekabrja 2018 g. / pod obshh. red. O. V. Gaman-Golutvinoj, L. V. Smorgunova, L. N. Timofeevoj. Moskva : Aspekt Press, 2018. C. 585–586.

16. Berrell M. National Culture and Social Relations of Anywhere Working // Anywhere Working and the Future of Work. Australia, 2021. P. 23–59. URL: https://www.igi-global.com/chapter/national-culture-and-the-social-relations-of-anywhere-working/263827 (data obrashhenija 30.09.2021)

17. Lakoff G., Johnson. Metaphors We Live by. Chicago : University of Chicago Press, 2003. 276 p.

18. Newsweek. URL: http:// www.newsweek.com (data obrashhenija 24.09.2021)

19. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs Group, 2004. 191 p.

20. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / edited by R.W. Gibbs, Jr. New York : Cambridge University Press, 2016. 566 p.

21. The New York Times. URL: http:// www.nytimes.com (data obrashhenija 24.09.2021)

22. The Washington Post. URL: http://www.washingtonpost.com (data obrashhenija 24.09.2021)

Статья поступила в редакцию 21.12.2021; одобрена после рецензирования 14.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 21.12.2021; approved after reviewing 14.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 811
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-146-154

Дискурсивный маркер как один из показателей презентационно-интерактивного общения (на примере русскоязычного бьюти-влога)

Наталья Михайловна Царенко
Аспирант кафедры теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
tsarenkonm@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2589-7515

Аннотация. Интернет-коммуникация способствует удовлетворению одной из основополагающих потребностей человека, заключающейся в обмене информацией. Любой дискурс всегда выступает в качестве источника информации и регулятора потребностей человека. Влог представляет собой дискурс видео-дневника, автор которого делится своими взглядами, мыслями и событиями своей жизни, тем самым реализуя функции самопрезентации и изменения концептосферы реципиента, а так же осуществляя манипулятивное воздействие. Влог обладает признаками презентационно-интерактивного дискурса.

Цель данного исследования – проанализировать использование и функционирование дискурсивных маркеров в дискурсе бьюти-влога на примере русского языка. В результате анализа было выявлено, что дискурсивные маркеры могут быть причислены к классу лексико-семантических презентем, отражающих когнитивно-освоенные и субъективизированные концепты действительности, оказывающие влияние на реципиента информации. Дискурсивные маркеры могут принадлежать к классу презентем-контактивов, презентем-демонстративов, эмотивых и персональных презентем. Часть, выявленных в результате анализа дискурсивных маркеров, не вписывается в существующую классификацию презентем, но их можно объединить в группы по принципу когнитивно-прагматического функционирования в дискурсе. Большинство дискурсивных маркеров, выявленных в дискурсе бьюти-влога, выполняю функции по логической организации мыслей, их правильной интерпретации реципиентом и интерактивизации интернет-коммуникации, создавая условия максимально приближенные к условиям коммуникации лицом к лицу.

Ключевые слова: дискурс; бьюти-влог; презентационно-интерактивный дискурс; презентема; дискурсивный маркер; когнитивная нагрузка; функция

Для цитирования: Царенко Н. М. Дискурсивный маркер как один из показателей презентационно-интерактивного общения (на примере русскоязычного бьюти-влога) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 146–154. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-146-154

Original article

Discourse marker as one of the indicators of presentation-interactive discourse (on the example of a russian beauty vlog)

Natalia M. Tsarenko
Postgraduate student, department of language theory and the German language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
tsarenkonm@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2589-7515

Abstract. Internet communication contributes to the satisfaction of a fundamental human need – the exchange of information. Any discourse is always a source of information and a regulator of human needs. One of the discourse types is vlog discourse. A vlog is a video diary where the author shares their views, thoughts and events of their life, thereby turning into action the functions of self-presentation and changing the recipient's conceptual sphere, as well as exerting manipulative influence. A vlog has some features of presentation-interactive discourse.

The purpose of this study is to analyze the use and functioning of discursive markers in the discourse of a beauty vlog in russian. According to the results of the analysis the discursive markers can be classified as lexical-semantic presentems, reflecting cognitively mastered and subjectivized concepts of reality that affect the recipient of information. Discursive markers can belong to the class of presentems of contact, presentems of demonstration, emotive and person-

© Царенко Н. М., 2022

al presentems. Some of the discursive markers identified as a result of the analysis do not fit into the existing classification of presentems, but they can be combined into groups according to the principle of their cognitive-pragmatic functioning in discourse. Most of the discursive markers identified in the discourse of the beauty vlog perform the functions of logical organization of thoughts, their correct interpretation by the recipient and interactivising of Internet communication, creating conditions as close as possible to the conditions of face-to-face communication.

Key words: discourse; beauty vlog; presentation-interactive discourse; presentem; discursive marker; cognitive load; function

For citation: Tsarenko N. M. Discourse marker as one of the indicators of presentation-interactive discourse (on the example of a russian beauty vlog). *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):146-154. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-146-154

Введение

Коммуницируя, человек реализует потребности. Посредством использования имеющихся языковых возможностей для реализации потребностей, индивид создает дискурс, соответствующий той или иной потребности, или нескольким потребностям сразу [Олянич, 2014, с. 8]. Потребность, систематизирующая всевозможные дискурсы, произведенные человеком, это потребность в информации. Она лежит в основе спектра потребностей и определяет вербальные инструменты их реализации. Человек трансформирует потребности, переключается между дискурсионными системами, которые изменяют коммуникативное пространство, где происходит удовлетворение потребностей. Информация лежит в основе потребностей человека, потребности определяют дискурс, дискурс определяет условия коммуникации, которая способна изменить потребности человека [Олянич, 2014, с. 18].

Исчерпывающее определение дискурса еще не выработано, так как дискурс является междисциплинарным понятием [Буянов, Бурова, 2007; Егоршина, 2002; Кузнецова, 2018]. Понимание термина «дискурс» прошло эволюционное развитие от восприятия в качестве обсуждения и переговоров [Энциклопедия…, 2021] до сложного интегративного многокомпонентного понятия, способного объяснить когнитивную и концептуальную деятельность человека и его интенции [Михалёва, 2009, с. 22–23], и продемонстрировать особую социально обусловленную ситуацию дискурсивной деятельности через речевую деятельность, результирующую в текст [Буянова, 2017, с. 8]. Формой выражения дискурса является текст в устной или письменной форме с экстралингвистическими характеристиками. Дискурс всегда выступает источником информации, а в XXI веке информация зачастую носит массовый характер. Общедоступность информации на международном уровне, в настоящее время достигается, по большей части, СМИ и сетью Интернет.

История вопроса

Блог – это личный интернет-дневник открытого доступа, автор которого делится с массовой аудиторией своими мыслями и событиями. Блог предполагает сторонних читателей, вступающих в коммуникацию с автором, добавляя свои комментарии. Одним из первых блогеров считается Джастин Холл (*Justin Hall*), студент колледжа Свартмор, создавший в 1994 году веб-сайт *links.net*. Веб-сайт или «интернет-дневник» («личная страница») состоял из коротких сообщений со ссылками на его работы и другие веб-страницы [Skrba, 2021a]. Термин «веб-блог» (*web-log*) (*log* – письменная документация и *web* (*World Wide Web)* – Интернет) был придуман Йорном Баргером (*Jorn Barger*) для его личного дневника *Robot Wisdom* 17 декабря 1997 года [Skrba, 2021b].

Сегодняшний потребитель информации больше ориентирован на видео и аудио информацию, что и привело к трансформации блогов. Адам Контрас (*Adam Kontras*) 2 января 2000 года опубликовал видеозапись «влог» *(vlog)* в своем текстовом блоге. Во второй половине 2004 года *New York Times* и ряд американских газет опубликовали серию статей, посвященных видеоблогингу. 2005 год был объявлен годом влога по решению журнала *Forbes*, и в январе была проведена первая конференция влогеров в Нью-Йорке *VloggerCon 2005*. Тогда же появился видеохостинг *YouTube*, что значительно увеличило количество влогеров [Kaminsky, 2019, p. 35], [Morgan, 2008, p. 151].

Теоретические основания исследования

Любой влог можно описать в соответствии с базовыми параметрами дискурса, выделенные В. И. Карасиком: тематика, характеристики участников, коммуникативная тональность, коммуникативный режим и акциональная природа [Карасик, 2016, с. 71]. При описании тематики дискурса влога выделяют влог путешественника,

бьюти-влог, комедийный влог, политический влог, обзор продукта/товара, прохождение компьютерной игры, гастрономический влог, розыгрыш и т. д. [Абросимова, 2017, с. 70–71].

Описывая субъективные характеристики, можно сказать, что дискурс влога занимает промежуточное положение между личностно-обусловленным и статусно-обусловленным, если следовать терминологии В. И. Карасика. С одной стороны, влогер приближает себя к аудитории, используя просторечия, дискурсивные маркеры, выбирая тематику общения актуальную для потребителя, переключаясь с одной тематики на другую. С другой стороны, одна из целей влогера – это распространение информации, тем самым влог может превратиться в СМИ, чему была посвящена одна из сессий деловой программы Петербургского международного экономического форума в 2021 году [Интернет-газета «Лента.ру» …, 2021]. Стоит упомянуть процесс институционализации видео-хостинга *YouTube*. Так в 2010 первоначальный принцип «Заяви о себе» *(«Broadcast Yourself»*) был заменен идеей о создании контента для увеличения количества пользователей и получения экономической выгоды от деятельности влогеров. Специалисты той или иной сферы становятся влогерами, заключают контракты с рекламными агентствами и выражают точку зрения, актуальную для конкретного социального института [Hou, 2019, p. 537–539]. Если говорить о признаках институционального дискурса, то во влоге:

- выделяется пара субъектов – влогер и его подписчики;
- хронотоп включает место общения – Интернет, время общения может быть как сиюминутным, так и отсроченным;
- коммуникативные стратегии могут предполагать информирование, объяснение, представление продукта и др.;
- коммуникативные формулы в качестве вербальных и невербальных знаков, например, призыв влогера ставить лайки, задавать вопросы, высказывать мнения. Возможно использование определенных речевых клише в соответствии с тематикой влога [Попова, 2015, с. 296].

С точки зрения эмоционально-стилевого модуса общения влог может быть информативным, фатическим, шутливым, идеологическим, агрессивным и т. д, которые могут изменять в процессе протекания общения.

Влог – это компьютерно- или смарфоно-опосредованный дискурс. Коммуникативная дистанция между влогером и его аудиторий ранжируется от интимной до публичной. Дискурс влога может быть подготовленным, когда влогер выкладывает на интернет-страницу заранее смонтированное видео и общается с подписчиками заочно. Стрим (от англ. *stream* ‘поток’), как вид влога, представляет собой формат общения посредством прямого эфира в Интернете, через потоковое вещание со стороны влогера в режиме реального времени [Бочарова, 2020, с. 219].

Дискурс влога можно назвать презентационным дискурсом. Изучением презентационного дискурса в отечественной лингвистике занимаются А. В. Олянич [Олянич, 2007, 2014, 2015], О. Ф. Русакова [Русакова, 2013], М. Е. Букеева [Букеева, 2019]. «Презентационный дискурс – «надстроечный» тип дискурса, в рамках которого говорящий транслирует важную для него информацию, им классифицированную и когнитивно освоенную, в коммуникативную разноуровневую среду – как персональную, так и институционализированную» [Олянич, 2015, с. 148]. «Надстроечность» презентацонного дискурса идейно заключается в том, что это любой дискурс, в котором адресант воздействует на адресата, внедряя в его сознание собственные «представления», идеи, концепты. Исследователя выделяют особую репрезентативную единицу дискурса, которая отражает это информационное воздействие, презентему. По А. В. Оляничу, презентема является комплексным знаком – триадой, а именно: лингвистическим знаком или их совокупностью, коммуникативной единицей, передающей в дискурсе информацию и интенцией воздействующего коммуниканта [Олянич, 2015, с. 150]. Полагаем, что дискурсивные маркеры (далее ДМ) можно считать презентемами, так как они являются транскатегориальным классом языковых единиц, выполняющих прагматическую и организационно-регулирующую функции в дискурсе и участвующих в презентации языковой личности, отражая его интенции.

Дискурс стимулирует потребность ответной реакции со стороны конечного адресата, что объясняет интерактивность влога [Букеева, 2019, с. 18]. Подписчики влога, воспринимая дискурс, совершают коммуникативные действия, подсказанные им этим дискурсом. Их деятельность управляется этим дискурсом, через который концепт коммуникации их деятельности соотносится с концептом в составе деятельности личности, произведшей текст [Тупицына, 2005, с. 118]. Влогер ориентируется на свою аудиторию, про-

сит задавать вопросы, оставлять комментарии и выстраивает свое последующее общение со своими подписчиками на основе анализа этой информации. В интерактивном общении значимость информации оценивается на основе вовлеченности аудитории в коммуникацию [Кириллина, 2021, с. 42].

Методы исследования

Для осуществления исследования по определению функционирования ДМ как элементов презентационно-интерактивного дискурса влогов были использованы теоретические методы дедуктивного логического анализа и классификации, и практические методы сплошной выборки и прагматического анализа функций языковых единиц.

Материал исследования

Материалом исследования послужили 32 видео-поста о макияже и косметике, размещенные на видео-хостинге YouTube на канале Sevelenium с 4 октября 2013 по 23 июля 2021 года. Автором выступает влогер Елена, 31 год, проживающая в Москве. Ее влог содержит различные видеоматериалы посвященные макияжу, косметике, маникюру, декору и рецептам. Для исследования была выбрана превалирующая тематика влога в целом, что дает обозначить данный влог в качестве бьюти-влога [Sevelenium…, 2021].

Результаты исследования

Для проведения исследования по определению прагматико-лингвистических признаков интерактивно-презентационного дискурса в виде функционирования ДМ соответствующих понятию презентем мы руководствовались классификацией презентем А.В. Олянича [Олянич, 2007]. В соответствии с этой классификацией ДМ являются лексико-семантическими презентемами прагматического уровня. Все ДМ обладают когнитивной нагрузкой, которая в свою очередь выражается в прагматических интенциях и воздействии адресанта на адресата. В зависимости от этой когнитивной нагрузки ДМ могут быть классифицированы. В качестве отправной точки типологизации идентифицированных нами ДМ в дискурсе бьюти-влога мы прибегаем к классификации данных языковых единиц М. В. Каменского [Каменский, 2015; Каменский, 2018].

Анализируемый бьюти-влог начинается со стандартного приветствия, которое можно считать этикетным ДМ, создающим дружелюбную атмосферу для последующего обмена информацией и обеспечения некой гарантии возможного воздействия на адресата. Первые два поста помимо фразы *«Всем привет»*, где ***привет*** можно считать ДМ этикетного и клишированного характера, содержат обращение *«девушки»*, что является презентемой, очерчивающей круг воспринимающей аудитории. Хронологически средние 16 постов содержат фразу *«Всем большой привет»*, а вот последние 10 из 32 начинаются со слова *«привет»*. С точки зрения презентативности приветствие одним и тем же ДМ создает доверительные отношения между влогером и его подписчиками. Использование в последних постав влога всего одной фразы для приветствия можно объяснить с точки зрения прагматики, когда говорящий чувствует себя уверенно по отношению к слушателю, полностью ему доверяет, и подсознательно выстраивает ожидание дружеской беседы. В дополнение влогер для поддержания доброжелательного настроя в 8 постах использует фразы «*Я* ***очень/так*** *рада вас видеть/что вы присоединились»* [Sevelenium…, 2021], где усилительные частицы, неся когнитивную нагрузку, считаются ДМ, а все высказывание принадлежит к классу презентем-контактивов. *«Добро пожаловать на канал»* [Sevelenium…, 2021] в 8 хронологически последних постах является способом представить себя и свою среду обитания.

Еще одним ДМ этикетного характера является ***пока***, которым влогер заканчивает 31 из 32 постов на своем канале. Использование данной лексической единицы дополнительно подчеркивает атмосферу близких и непринужденных отношений между влогером и его подписчиками. Указанный ДМ можно считать статусной и контакто-устанавливающей презентемой, как и языковую единицу ***привет***. Эти ДМ создают впечатление неформальных отношениях между участниками общения.

В процессе анализа дискурса бьюти-влога методом сплошной выборки были выявлены презентемы-демонстративы, выраженные указательными местоимениями и наречиями места. Одновременно с этим указательные местоимения являются ДМ с различными когнитивными функциями.

Высказывание ***«Вот*** *о чем мы поговорим»* в ряде постов выступает в качестве организующего последующее содержание дискурса, где ДМ ***вот*** выполняет функцию вынесения мен-

тального заключения об описываемом явления или события. В следующих примерах *«Без каких-либо заморочек прорисовываем стрелку,* ***вот,*** *как получится», «Когда я рисую стрелку справа, мне очень легко вытянуть ее, вообще,* ***вот****, под любым углом»* [Sevelenium…, 2021] при помощи ДМ обеспечивается интерпретации отношения говорящего к ситуации и его эмоций, снижается категоричность высказывания. Функция акцентирования внимания реципиента на определенном явлении или действии тоже может осуществляться при помощи ДМ ***вот*** – *«Моя идеальная форма оказалась–****во-от*** *такой плавной, без резкого уголка в основании хвостика», «Кстати, за этой областью очень легко ухаживать, именно,* ***вот****, с помощью такого формата»* [Sevelenium…, 2021].

Наречия места ***здесь*** и ***тут*** передают дискурсивное значение ситуативности действия, актуализируя в сознании реципиента ассоциативные связи с подобной ситуацией в данный момент и прогнозирование на будущее реципиента, например, *«****Здесь*** *у вас могут быть свои моменты», «****И тут****, вы добавляете черный цвет на глаза», «Если я опущу эту линию,* ***тут-то,*** *я и сделаю взгляд более тяжелым»* [Sevelenium…, 2021].

Эмотивные презентемы находят свое выражение в ДМ. Во-первых, при помощи них говорящий выражает свое эмоциональное состояние, во-вторых, реципиент наделяется способностью через интерпретацию высказывания понять истинное отношение говорящего к описываемому событию или явлению. Таким образом, эмотивы выполняют двойную функцию. В качестве примеров могут служить многочисленные ДМ отрицательной эмоциональной окраски, типа: ***к сожалению*** *(«Но,* ***к сожалению****, от самих продуктов у меня таких восторгов нет»),* ***жаль*** *(«****Жаль,*** *что у него сложилась такая репутация как чего-то неудобного»),* ***честно говоря*** *(«****Честно говоря,*** *какой-то прямо супер кардинальной разницы я не заметила»)* или положительной, например, ***ура*** *(«Ну что ж, мы добрались до теней,* ***ура****!»)* [Sevelenium…, 2021]. Положительные эмоции влогер выражает практически всегда при помощи высказывания *«я рада, что…»,* что не является ДМ, но может считаться презентемой.

По нашему представлению, персональной презентемой, выраженной ДМ, могут быть вводные фразы, указывающие на источник передаваемой информации. В данном дискурсе бьюти-влога в основном используются ДМ, отражающие личное мнение влогера и его точку зрения, например, *«****На мой взгляд****, это только утяжеляет взгляд», «****Мне кажется****, что здесь просто спирт», «****Как по мне****, так эта тушь вообще не годится», «****В моем случае,*** *когда я стерла нижний уголок, у меня линия стрелки перестала быть продолжением нижнего века», «Начнем мы, пожалуй, с маркера для бровей, потому что,* ***по-моему****, в последних видео я только про эти маркеры и говорю»* [Sevelenium…, 2021].

Ряд ДМ не вписываются в классификацию презентем А. В. Олянича, но оказывают воздействие на реципиента дискурса, управляют его сознанием и способствуют интеракции с говорящим, пусть даже на имплицитном уровне, а значит, могут принадлежать к классу презентем. К таким ДМ относятся языковые единицы, регулирующие ментальный процесс интерпретации высказывания типа:

- в значении обобщений: ***в общем*** (*«****В общем,*** *как-то последнее время продукты L'Oréal меня разочаровывают»****, «****В общем,*** *с гелевыми подводками тоже все отлично»*), ***вообще*** (*«Честно говоря, сначала я* ***вообще*** *не понимала, зачем сыворотка в формате спрея», «И это,* ***вообще****, тема, наверное, отдельного видео»*)***, итак*** (*«****Итак,*** *шаг первый: определите свою форму методом от противного»*)***, в итоге*** (*«И* ***в итоге,*** *будете недовольны»*)***, на самом деле*** *(«Уже самое главное****, на самом деле,*** *это навыки»*)***, в целом*** *(«Моя кожа склонна к сухости и,* ***в целом,*** *она такая чувствительная»*) [Sevelenium…, 2021];

- в значении последовательности мыслей: ***во-первых, во-вторых и тд.*** *(«Мне нужно отмерять стрелку,* ***во-первых****, с небольшим поворотом головы,* ***во-вторых****, с небольшим отступом от внешнего уголка глаза****», «****Я ощущаю,*** ***во-первых****, его запах»),* ***далее*** *(«****Далее****, опять на примере этого черновика идеальный стрелки, я поняла, что мне не подходит****», «****Далее,*** *давайте, поговорим про фиксирующую пудру»),* ***сначала, зачем*** *(«Мы* ***сначала*** *нанесем Relouis,* ***затем*** *растушуем»),* ***в качестве заключения*** *(«****В качестве заключения,*** *такой общий итог»)* [Sevelenium…, 2021];

- в значении дополнительной информации: ***кстати*** *(«И,* ***кстати****, в видео еще будет подводка, которая меня тоже*

разочаровала», «*И* ***кстати****, про растушеванные стрелки у меня есть видео»),* ***плюс, также*** *(«Ну и* ***плюс****, мне противопоказаны какие-то резкие изгибы»,* «***Плюс****, еще,* ***также****, что не нужно выстраивать направляющую каким-то незаметным карандашом»)* [Sevelenium…, 2021]*;*

- в значении дополнительной информации, которая несколько противоречит или контрастирует с предыдущим высказыванием: ***тем не менее*** *(«Сейчас она стало попроще, но,* ***тем не менее****, сохранила свою доступность»,* «*Но,* ***тем не менее****, здесь все-таки, вот из таких минусов, здесь в составе есть спирт»),* ***как раз таки*** *(«На мой взгляд, это,* ***как раз таки****, отличные продукты, для того чтобы рисовать стрелки»,* «*И,* ***как раз таки****, в этом случае расход был гораздо больше»)* [Sevelenium…, 2021]*;*

- в значении пояснения: ***то есть*** *(«Вы можете буквально активировать движения,* ***то есть*** *вы определили направляющую»,* «*Заполняете хвостик уже новой порции подводки,* ***то есть*** *набираете новую порцию»),* ***например*** *(«У меня,* ***например****, левый глаз меньше, чем правый»,* «*Здесь заявлено множество ухаживающих каких-то компонентов,* ***например,*** *гиалуроновая кислота»*) [Sevelenium…, 2021];

- в значении акцентирования внимания: ***именно*** *(«Проанализировать все это нам помогут тонкие стрелки, которые, кстати, проще всего рисовать,* ***именно*** *с тем самым, нелюбимым мною фетровым маркером»,* «***Именно*** *это отличает его от большинства прозрачных гелей для бровей»),* ***действительно*** *(«И требуется* ***действительно*** *минимальное количество»,* «*И, сейчас, могу сказать, что это* ***действительно*** *чудесный тонн финиша»),* ***реально*** *(«Но они оказались* ***реально*** *классными»,* «*Пользоваться им* ***реально*** *просто»),* ***прямо*** *(«Вот здесь же я* ***прям*** *специально искала к чему придраться»,* «*Честно говоря, какой-то* ***прямо*** *супер-кардинальной разницы я не заметила»),* ***конкретно*** *(«И получаются такие* ***конкретно*** *серые наплывы, которые особенно видны по контуру губ»,* «*На тот момент он был темнее, чем мне нужен и* ***конкретно*** *желтел»);* ***довольно*** *(«Невозможно контролировать количество подаваемой подводки и* ***довольно*** *сложно вывести тонкий красивый хвостик стрелки»),* ***ведь*** *(«Даже если на мои собственные посмотреть, они* ***ведь*** *не торчат под резким углом вверх»)* [Sevelenium…, 2021]*;*

- в значении некоторой неуверенности говорящего в сообщаемой информации: ***пожалуй*** *(«****Пожалуй****, самый сложный момент в рисовании стрелки – хвостики»,* «*Начнем сегодня,* ***пожалуй,*** *с обзора тональной основы»),* ***наверное*** *(«А вот далее,* ***наверное****, самый популярный среди новичков продукт»,* «***Наверное****, двумя форматами подводки я все-таки не обойдусь»),* ***вроде (как/бы)*** *(«Еще,* ***вроде как****, должна быть палетка теней»,* «***Вроде бы,*** *на сегодня это все, что я хотела вам рассказать»)* [Sevelenium…, 2021]*;*

- в значении демонстрации уверенности в сообщаемой информации: ***конечно*** *(«И,* ***конечно*** *же, в осенне-зимний сезон эта сыворотка будет просто незаменима»,* «*Я,* ***конечно,*** *помню еще их другую упаковку»)* [Sevelenium…, 2021];

- в значении убеждения реципиента путем аргументации: ***по факту*** *(«****По факту****, он оказался довольно с явным жёлтым подтоном»,* «*А* ***по факту,*** *состав я никак проверить не могу»);* ***в принципе*** *(«****В принципе,*** *никаких проблем у меня не возникало с этим продуктом»);*

- в значении передачи своей или чужой речи или мыслей и возможной актуализации у реципиента понимания ссылки на прошлые события: ***как бы*** *(«****Как бы*** *у меня вопрос, а почему этот бальзам поступил в продажу?»,* «***Как бы****, что им будет от того, что выведет бальзам с новой формулой?»),* ***такая*** *(«И я,* ***такая,*** *пусть так будет, посмотрим»),* ***ну*** *(«****Ну,*** *ладно, думаю»)* [Sevelenium…, 2021]*;*

- в значении хезитации и обеспечения интерпретации реципиентом необходимости времени для формулирования мысли говорящим: ***ну*** *(«Искала к чему придраться,* ***ну-у****, нашла, конечно же»,* «***Нуу-у****, и как вы понимаете, этот гель я никому не рекомендую»,* «***Ну-у,*** *и следующим мне попадается гель для бровей»)* [Sevelenium…, 2021]*;*

- в значении поддержания существующих когнитивных представление реципиента и их актуализации в процессе

интерпретации дискурса: ***знаете*** *(«Я всегда обращала внимание, что слева моя стрелка получалось как такой,* ***знаете****, обрубочек непонятный», «****Знаете****, у нее такая матовая текстура» «****Знаете****, Maybelline любят так делать»)* [Sevelenium…, 2021].

Речевой особенность влогера является минимальное количество хезитационных ДМ несмотря на то, что дискурс представлен в устной форме. Это можно объяснить тщательной подготовкой постов и высоким уровнем культуры влогера, что подчеркивают подписчики канала. Многочисленные комментарии содержат положительную оценку, как контента постов, так и его презентацию реципиенту.

Заключение

Подводя итоги лингвистического исследования, можно сделать вывод о том, что влог является примером презентационно-интерактивного дискурса в сети Интернет. Одной из основных функций влога, как источника информации, является обогащение когнитивной сферы реципиента. Автор влога вступает во взаимную коммуникацию с реципиентом, презентуя не только передаваемую информацию, но и собственную личность через различные языковые единицы речи. В качестве таких единиц могут выступать ДМ, наделенные определенной когнитивной нагрузкой, способствующей правильной интерпретации намерений говорящего и оказывающие влияние на реципиента и вызывающие определенные поведенческие реакции, что вписывается в понятие лингво-семантических презентем. Анализ когнитивной нагрузки ДМ, выраженной в виде их функционирования в дискурсе, может обеспечить более точное понимание прагматического содержания дискурса в целом, в том числе с учетом имплицитных намерений автора этого дискурса.

Библиографический список

1. Абросимова Е. Е. Видеоблогсфера: построение онтологии предметной области // Научный журнал «Дискурс». Москва : ООО «Исследовательская компания «ДИСКУРС», 2017. № 8 (10). С. 66–75.

2. Бочарова Т. И. Особенности коммуникации в формате видеоблога // Текст в социальном, политическом, культурном пространстве. Сборник научных статей. Москва : Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2020. С. 215–220.

3. Букеева М. Е. Прагмалингвистический анализ презентационного дискурса // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. Материалы V Международной научно-методической конференции. 2019. Омск : Омский автобронетанковый инженерный институт, 2019. С. 17–19.

4. Буянова Л. Ю. Дискурс: социокоммуникативные и культурогенные параметры интерпретации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, 2017. № 1 (25). С. 7–14.

5. Буянов Н. В., Бурова Г. П. Понятие дискурса в современной гуманитарной парадигме: опыт осмысления // Культурная жизнь Юга России. Краснодар : Краснодарский государственный институт культуры, 2007. № 6(25). С. 15–17.

6. Егоршина Н. В. Нарративный дискурс: Семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации. Тверь, 2002. 308 с.

7. Интернет-газета «Лента.ру». На ПМЭФ-2021 состоится сессия «Блогеры – это новые СМИ?». Сайт: Москва. URL: https://lenta.ru/pressrelease/2021/06/02/blog/ (дата обращения: 08.08.2021).

8. Каменский М. В. Когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров. Ставрополь, 2015. 548 с.

9. Каменский М. В. Эвристический подход к расширению когнитивной классификации дискурсных маркеров английского языка // Вопросы когнитивной лингвистики, 2018. № 4. С. 143–150.

10. Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. Москва : РУДН, 2016. Т. 20. № 4. С. 56–77.

11. Кириллина Н. В. О роли пользователя и фрагментации сети // Коммуникология. Москва : ЗАО «Центр исследований и внедрения инновационных технологий управления организациями „ОПТИМА ПРОЕКТ"», 2021. Том 9. № 2. С. 41–49.

12. Кузнецова Н. В. Подходы к понятию дискурса в романской лингвистике. // Постулат. Биробиджан : Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, 2018. № 2–2 (28). С. 1–9.

13. Михалёва О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

14. Олянич А.В. Презентационный дискурс // Дискурс-Пи. Екатеринбург: Институт философии и права Уральского отделения РАН, 2015. Т. 12. № 3–4. С. 148 –150.

15. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : монография. Москва : Гнозис, 2007. 407 с.

16. Олянич А. В. Потребности – дискурс – коммуникация : монография. Волгоград : ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ, 2014. 216 с.

17. Попова Т. П. Характеристики институционального дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар : Северо-

Кубанский гуманитарно-технологический институт. 2015. Том 7. № 6. Ч. 2. С. 295–300.

18. Русакова О. Ф. Презентационный дисурс // Дисурс-Пи. Екатеринбург : Институт философии и права Уральского отделения РАН, 2013. № 3(13). С. 141–143.

19. Тупицына И. Н. Интерактивное, личностное и когнитивное в семантике дискурса // Ученые записки Российского государственного социального университета. Москва : Российский государственный социальный университет, 2005. № 3(47). С. 114–121.

20. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Дискурс. URL: https://rus-philosophynauk.slovaronline.com/322 %D0 %B4 %D0 %B8 %D1 %81 %D0 %BA%D1 %83 %D 1 %80 %D1 %81 (дата обращения: 28.07.21).

21. Hou M. Social media celebrity and the institutionalization of YouTube // Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies. London : Sage Publications, 2019. Vol. 25(3). P. 534–553.

22. Kaminsky M. S. Naked Lens: Video Blogging & Video Journaling to Reclaim the YOU in YouTube. Winnipeg : Organik Media, Incorporated, 2019. 222 p.

23. Morgan V. Practising Video journalism. Abington : Routledge, 2008. 192 p.

24. Sevelenium. YouTube. URL: https://www.youtube.com/ channel/UCbFXAKO1nsVYCna2uCY7WVQ (дата обращения 12.08.2021)

25. Skrba A. The History Of Blogging – A Complete Chronology. URL: https://firstsiteguide.com/history-of-blogging/(дата обращения: 07.08.2021) a.

26. Skrba A. Robot Wisdom and How Jorn Barger Invented Blogging. URL: https://firstsiteguide.com/robot-wisdom-and-jorn-barger/ (дата обращения: 07.08.2021)b.

Reference list

1. Abrosimova E. E. Videoblogsfera: postroenie ontologii predmetnoj oblasti = Video blog sphere: building a domain ontology // Nauchnyj zhurnal «Diskurs». Moskva : OOO «Issledovatel'skaja kompanija «DISKURS», 2017. № 8 (10). S. 66–75.

2. Bocharova T. I. Osobennosti kommunikacii v formate videobloga = Features of communication in the format of a video blog // Tekst v social'nom, politicheskom, kul'turnom prostranstve. Sbornik nauchnyh statej. Moskva : Moskovskij finansovo-juridicheskij universitet MFJuA, 2020. S. 215–220.

3. Bukeeva M. E. Pragmalingvisticheskij analiz prezentacionnogo diskursa = A pragmatic linguistic analysis of presentation discourse // Problemy modernizacii sovremennogo vysshego obrazovanija: lingvisticheskie aspekty. Lingvometodicheskie problemy i tendencii prepodavanija inostrannyh jazykov v nejazykovom vuze. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii. 2019. Omsk : Omskij avtobronetankovyj inzhenernyj institut, 2019. S. 17–19.

4. Bujanova L. Ju. Diskurs: sociokommunikativnye i kul'turogennye parametry interpretacii = Discourse: socio-communicative and culturogenic parameters of interpretation // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki. Vladikavkaz: Severo-Osetinskij gosudarstvennyj universitet im. K. L. Hetagurova, 2017. № 1 (25). S. 7–14.

5. Bujanov N. V., Burova G. P. Ponjatie diskursa v sovremennoj gumanitarnoj paradigme: opyt osmyslenija = The concept of discourse in the modern humanitarian paradigm: an experience of comprehension // Kul'turnaja zhizn' Juga Rossii. Krasnodar : Krasnodarskij gosudarstvennyj institut kul'tury, 2007. № 6(25). S. 15–17.

6. Egorshina N. V. Narrativnyj diskurs: Semiologicheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty interpretacii. Tver', 2002. 308 s.

7. Internet-gazeta «Lenta.ru». Na PMJeF-2021 sostoitsja sessija «Blogery – jeto novye SMI?» = Lenta.ru online newspaper. SPIEF-2021 will host a session titled «Are Bloggers the New Media? Sajt: Moskva. URL: https://lenta.ru/pressrelease/2021/06/02/blog/ (data obrashhenija: 08.08.2021).

8. Kamenskij M. V. Kognitivno-funkcional'naja model' diskursnyh markerov = Cognitive functional model of discourse markers. Stavropol', 2015. 548 s.

9. Kamenskij M. V. Jevristicheskij podhod k rasshireniju kognitivnoj klassifikacii diskursnyh markerov anglijskogo jazyka = A heuristic approach to extending the cognitive classification of English discourse markers // Voprosy kognitivnoj lingvistiki, 2018. № 4. S. 143–150.

10. Karasik V. I. Diskursivnoe projavlenie lichnosti = Discursive manifestation of personality // Vestnik RUDN. Serija: Lingvistika. Moskva : RUDN, 2016. T. 20. № 4. S. 56–77.

11. Kirillina N. V. O roli pol'zovatelja i fragmentacii seti = On the role of the user and network fragmentation // Kommunikologija. Moskva : ZAO «Centr issledovanij i vnedrenija innovacionnyh tehnologij upravlenija organizacijami „OPTIMA PROEKT”», 2021. Tom 9. № 2. S. 41–49.

12. Kuznecova N. V. Podhody k ponjatiju diskursa v romanskoj lingvistike = Approaches to the concept of discourse in Romance linguistics// Postulat. Birobidzhan : Priamurskij gosudarstvennyj universitet im. Sholom-Alejhema, 2018. № 2–2 (28). S. 1–9.

13. Mihaljova O. L. Politicheskij diskurs: Specifika manipuljativnogo vozdejstvija = Political discourse: Specifics of manipulative influence. Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 256 s.

14. Oljanich A.V. Prezentacionnyj diskurs = Presentation discourse // Diskurs-Pi. Ekaterinburg: Institut filosofii i prava Ural'skogo otdelenija RAN, 2015. T. 12. № 3–4. S. 148 –150.

15. Oljanich A. V. Prezentacionnaja teorija diskursa = Presentation theory of discourse : monografija. Moskva : Gnozis, 2007. 407 s.

16. Oljanich A. V. Potrebnosti – diskurs – kommunikacija = Needs – discourse – communication : mono-

grafija. Volgograd : FGBOU VPO Volgogradskij GAU, 2014. 216 s.

17. Popova T. P. Harakteristiki institucional'nogo diskursa = Characteristics of institutional discourse // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. Krasnodar : Severo-Kubanskij gumanitarno-tehnologicheskij institut. 2015. Tom 7. № 6. Ch. 2. S. 295–300.

18. Rusakova O. F. Prezentacionnyj disurs = Presentation discourse // Disurs-Pi. Ekaterinburg : Institut filosofii i prava Ural'skogo otdelenija RAN, 2013. № 3(13). S. 141–143.

19. Tupicyna I. N. Interaktivnoe, lichnostnoe i kognitivnoe v semantike diskursa = Interactive, personal, and cognitive in the semantics of discourse // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. Moskva : Rossijskij gosudarstvennyj social'nyj universitet, 2005. № 3(47). S. 114–121.

20. Jenciklopedija jepistemologii i filosofii nauki. Diskurs = Encyclopedia of epistemology and philosophy of science. Discourse. URL: https://rus-philosophynauk.slovaronline.com/322 %
D0 %B4 %D0 %B8 %D1 %81 %D0 %BA%D1 %83 %D
1 %80 %D1 %81 (data obrashhenija: 28.07.21).

21. Hou M. Social media celebrity and the institutionalization of YouTube // Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies. London : Sage Publications, 2019. Vol. 25(3). P. 534–553.

22. Kaminsky M. S. Naked Lens: Video Blogging & Video Journaling to Reclaim the YOU in YouTube. Winnipeg : Organik Media, Incorporated, 2019. 222 p.

23. Morgan V. Practising Video journalism. Abington : Routledge, 2008. 192 p.

24. Sevelenium. YouTube. URL: https://www.youtube.com/ channel/UCbFXAKO1nsVYCna2uCY7WVQ (data obrashhenija 12.08.2021)

25. Skrba A. The History Of Blogging – A Complete Chronology. URL: https://firstsiteguide.com/history-of-blogging/(data obrashhenija: 07.08.2021) a.

26. Skrba A. Robot Wisdom and How Jorn Barger Invented Blogging. URL: https://firstsiteguide.com/robot-wisdom-and-jorn-barger/ (data obrashhenija: 07.08.2021)b.

Статья поступила в редакцию 16.12.2021; одобрена после рецензирования 16.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 16.12.2021; approved after reviewing 16.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья
УДК 811.133.1
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-155-161

Компьютерно-геймерский жаргон французской молодёжи

Светлана Игоревна Соловьева
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры романских языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
madam.sv-solovieva@yandex.ru, https:/ orcid.org/0000-0001-8467-152x

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности компьютерно-геймерского жаргона французской молодежи. Основной целью исследования являлся описательный анализ особенностей компьютерно-геймерского жаргона французской молодежи. В качестве основной задачи исследования выступала классификация компьютерно-геймерского жаргона по сферам использования. На материалах таких источников, как словарь «Vocabulaire des techniques de l'information et de la communication (TIC)», франкоязычного интернет-портала «Le Jargon Français» (той его части, которая относится к компьютерному и геймерскому жаргону), а также исследований франкоязычных авторов (J.-M. Adam, I. Oseki-Dépré, A. Jeandidier, J. Lazar и др.) были проанализированы особенности использования компьютерно-геймерского жаргона с точки зрения его классификации по сферам. Был также проведен анализ особенностей образования интернет-сленга, который повсеместно используется французскими геймерами и практически всей молодежью, активно использующей компьютер. Также было уделено отдельное внимание англицизмам в анализируемой сфере, причем был сделан вывод, что французский компьютерно-геймерский жаргон активно заимствует лексические единицы из английского языка, либо оставляя их без изменения, либо изменяя их написание в соответствии с правилами современного французского языка. Автором делается общий вывод о том, что дальнейшее системное исследование особенностей компьютерно-геймерского жаргона французской молодежи даст возможность более глубокого понимания языковых процессов, происходящих в сфере современного французского языка с точки зрения его функционирования в рамках интернет-дискурса в целом и компьютерно-геймерского жаргона в частности.

Ключевые слова: французская молодежь; жаргон; геймеры; компьютерная лексика; сокращения; Интернет; французский язык; франкоязычные пользователи; коммуникация

Для цитирования: Соловьева С. И. Компьютерно-геймерский жаргон французской молодёжи // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 155-161. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-155-161

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

Linguistic specificity of french youth computer gamer jargon

Svetlana I. Solovieva
Candidate of pedagogical sciences, associate professor, department of Romance languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st.,108/1
madam.sv-solovieva@yandex.ru, https:/ orcid.org/0000-0001-8467-152x

Abstract. This article discusses the features of the computer gaming jargon of the french youth. The main purpose of the study was a descriptive analysis of the features of french youth computer gaming jargon. The main task of the study was to classify computer gaming jargon by areas of use. Based on the materials of such sources as the dictionary «Vocabulary des techniques de l'information et de la communication (TIC)», the french-language Internet portal «Le Jargon Français» (the part that relates to computer and gaming jargon), as well as studies by french speaking authors (J.-M.

© Соловьева С. И., 2022

Adam, I. Oseki-Dépré, A. Jeandidier, J. Lazar, etc.), the features of using computer gaming jargon were analyzed from the point of view of its classification by spheres. There was also an analysis of the formation of Internet slang which is widely used by French gamers and almost all young people who actively use computers. Special attention was paid to Anglicisms in the analyzed area, and it was concluded that the French computer gaming jargon actively borrows lexical units from the english language, either leaving them unchanged, or changing their spelling in accordance with the rules of the modern French language. A general conclusion was made: further systematic study of french youth computer gaming jargon will provide an opportunity for a deeper understanding of the language processes taking place in the field of modern french from the point of view of its functioning within the Internet discourse and computer gaming jargon.

Key words: french youth; jargon; gamers; computer vocabulary; abbreviations; Internet; french language; french-speaking users; communication

For citation: Solovieva S. I. Linguistic specificity of french youth computer gamer jargon. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):155-161. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-155-161

Введение

Актуальность исследования заявленной темы обусловлена тем, что франкоязычное виртуальное пространство, в том числе и то, в рамках которого имеет место общение французских геймеров, характеризуется выстраиванием письменных сообщений (как правило, коротких текстов) на французском языке, которые с одной стороны, являются частью реальных условий бытия, а с другой стороны, они передаются от адресата к адресату дистанционно [Ахренова, 2009, с. 3]. Именно данный подход к исследованию франкоязычной коммуникации в сети Интернет говорит о том, что такая коммуникация носит неформальный характер и не отражает всех тех процессов, которые происходят в литературном французском языке или, по крайней мере, отражает их частично [Абрамов, 2016]. Данный факт подтверждается также в работах М. Л. Макарова, который обращает особое внимание на то, что в процессе исследования такого типа дискурса, как дискурс интернет-коммуникации, важно анализировать не только формальную организацию данной разновидности дискурса, но также и особенности реального социального взаимодействия между его субъектами, равно как и коммуникативную результативность такого воздействия [Макаров, 2003, с. 26]. В рамках интернет-дискурса имеет место избирательная актуализация в речевых дискурсивных реализациях адресатов и адресантов в направлении их творческих идей, которые направлены со стороны адресанта в сторону адресата [Adam, 2005, с. 44]. Те различные языковые средства, а также стилистические приемы, которые отбираются адресантом, дают возможность передачи адресату желаемой информации, что, в свою очередь, дает возможность воплощения в интернет-дискурсе языковые и отдельные иные характеристики авторов сообщений в имплицитной или эксплицитной форме [Селютин, 2009]. В силу того, что в настоящий период времени пользователей компьютера, равно как и любителей различных компьютерных игр становится всё больше во всём мире в целом и во Франции в частности, представляется целесообразным проанализировать особенности компьютерно-геймерского жаргона используемого французами, в частности, французской молодежью.

Методы исследования

Данное исследование было выполнено на материале таких источников, как словарь «Vocabulaire des techniques de l'information et de la communication (TIC)» [TIC, 2017], франкоязычных интернет-порталов «Etudier en France, 2021], «Le Jargon Français» [Le Jargon Français, 2008] (его части, относящейся к компьютерному и геймерскому жаргону), а также работ таких франкоязычных авторов, как: J.-M. Adam [Adam, 2005], I. Oseki-Dépré [Oseki-Dépré, 2003]., A. Jeandidier [Jeandidier, 2018], J Lazar [Lazar, 2012] и др.

В качестве основных методов исследования были использованы теоретические и практические. К теоретическим методам исследования относятся различные виды анализа и классификации. К практическим методам исследования можно отнести метод сплошной выборки, пред- и постпереводческого анализа, а также метод обобщений (синтеза).

Результаты исследования

В процессе исследования особенностей компьютерно-геймерского жаргона современной французской молодежи автором было выявлено, что он, в целом, может быть классифицирован в соответствии со сферами употребления, что подтверждается также работой М. С. Лукиной, которая разделила данный вид жаргонной лексики на пять сфер [Лукина, 2010, с. 13], причем эта клас-

сификация была дополнена автором данной статьи следующим образом: компьютер и его составляющие, пользователи компьютерных программ и игр, собственно программы и программное обеспечение, сеть Интернет, профессионалы в области компьютерных технологий и профессиональные геймеры.

К первой сфере (компьютер и его составляющие) могут быть отнесены следующие лексические единицы, представляющие собой жаргонные слова и выражения:

- agenda électronique [TIC, 2017]. Данное выражение на русский язык может быть переведено как «компьютерный секретарь» или «карманный мини-компьютер, в функциях которого имеется дневник, календарь, телефонный справочник, возможность делать заметки и т. д.». В наиболее современном понимании это либо смартфон, либо мини-планшет;

- assistant électronique de poche [TIC, 2017]. Данное выражение можно перевести на русский язык как «карманный компьютер (планшет), который используется не только как компьютер, но также может выполнять отдельные специализированные функции»;

- console de visualization [TIC, 2017], что можно перевести как «видеотерминал» или «дисплей».

Среди лексических единиц, которые были зафиксированы в текстах пользователей портала Le Jargon Français, были отмечены следующие жаргонные слова и выражения:

- bécane [Le Jargon Français, 2008], что можно перевести на русский язык как «машина» или «механизм»;

- beurk [Le Jargon Français, 2008] – гадость, пакость. Выражение может употребляться в рамках широкого круга ситуаций, например, для описания невозможности пройти определенный уровень в компьютерной игре или для того, чтобы указать на неработающую программу;

- Big iron [Le Jargon Français, 2008] – большая железяка. Данное выражение является англицизмом, написание которого не изменилось, однако во французском варианте выражение падает на последний слог слова iron, что соответствует нормативному французскому ударению [Etudier en France]. Это словосочетание представляет собой уважительное название большого сверхмощного и сверхпроизводительного компьютера;

- coucou [Le Jargon Français, 2008] – старье, развалюха. Так может обозначаться устаревший компьютер или же тот, за которым его владелец не следит, в силу чего он работает медленно и с ошибками;

- tacot [Le Jargon Français, 2008] – драндулет, колымага. Также используется для обозначения устаревшего компьютера в целом или какой-либо части его аппаратного обеспечения;

- usine gaz [Le Jargon Français, 2008] – первый компьютер. Выражение употребляется для обозначения либо первого компьютера в истории, либо первого компьютера у конкретного пользователя. Обозначает устаревшую модель, которая, как иронично полагают французы, работала чуть ли не на газу.

Следующая сфера, в соответствии с которой может быть классифицирована часть компьютерно-геймерского жаргона современной французской молодежи – это сфера пользователей компьютерных программ и игр. К ней могут быть отнесены следующие жаргонные слова и выражения:

- arroseur [TIC, 2017] – спамер: тот пользователь сети Интернет, который рассылает другим пользователям бесполезную им информацию;

- fouineur [TIC, 2017] – хакер, взломщик компьютерных программ, игр, электронных адресов других пользователей и др.;

- internaute [TIC, 2017] – пользователь сети Интернет.

Среди лексических единиц и словосочетаний данной сферы, которые были выделены из текстов пользователей портала Le Jargon Français, были отмечены такие, как:

- Applemaniaque [Le Jargon Français, 2008] – дословно: ««яблочный» маньяк». Так обозначают пользователя, который всем компьютерам предпочитает исключительно компьютерную технику фирмы «Apple». В данном случае речь идет об англицизме, который был модифицирован в соответствии с правилами французского языка [Апетян, 2015, с. 940]. Точно такую же этимологию имеет слово Macintosheur [Le Jargon Français, 2008], которое обозначает любителя компьютерной техники фирмы Macintosh.

- bigot [Le Jargon Français, 2008] – ханжа, святоша. Так говорят о геймере, который подчеркнуто старается не использовать в игровых чатах обсценную лексику, требуя, чтобы другие пользователи придерживались того же правила;

- naz [Le Jargon Français, 2008] – малолетний хакер; подросток, пробующий себя на ниве хакерства.

Следующая рассмотренная сфера в рамках анализируемой классификации – это сфера соб-

ственно программ и программного обеспечения. Сюда же можно отнести игровую сферу. В данной сфере были выделены следующие лексические единицы и их сочетания:

- additif [TIC, 2017] – игровая приставка. Иногда этим же словом обозначается игровая консоль, которая, фактически, также является приставкой [Свиридонова, 2006, с. 171];

- affichage [TIC, 2017] – процесс вывода на экран компьютера какой-либо информации (текст, графика, видеоизображение и т. д.);

- bloc [TIC, 2017] – блог. В данном случае речь идет о модифицированной кальке с английского языка.

В текстах и сообщениях пользователей портала Le Jargon Français встречается множество лексических единиц, относящихся к данной сфере, например:

- daube [Le Jargon Français, 2008] – прозвище кампании Adobe. Может быть употреблено как выражение с нейтральным оттенком или же с оттенком пренебрежения;

- compilo [Le Jargon Français, 2008] – программа-компилятор;

- Nux [Le Jargon Français, 2008] – прозвище системы Linux. Употребляется, как правило, с оттенком одобрения любителями данной системы;

- soft [Le Jargon Français, 2008] – сокращенное наименование компании Microsoft. Однако, необходимо отметить, что англицизм soft может также употребляться для обозначения любого программного обеспечения, соответственно, при переводе данного слова на русский язык необходимо принимать во внимание контекст сообщения [Гапотченко, 2019, с. 138].

Четвертая из рассматриваемых сфер в рамках анализируемой классификации – это сфера сети Интернет в целом. В рамках данной сферы также имеется большое количество жаргонных обозначений, активно употребляемых французскими пользователями интернета и геймерами, например:

- accès sans fil l'internet [TIC, 2017] – беспроводной доступ в Интернет, вай-фай;

- anneau de sites [TIC, 2017] – группа сайтов;

- serveur mandataire [TIC, 2017] – прокси-сервер, брандмауэр, промежуточный сервер.

Как можно видеть, в данном случае часть жаргонных выражений данной сферы представляет собой видоизмененные англицизмы.

Пользователи портала Le Jargon Français часто употребляют следующие жаргонные выражения для обозначения сети Интернет:

- araignée [Le Jargon Français, 2008] – паутина. Имеется в виду «всемирная паутина» – широко распространенное во множестве языков название сети Интернет;

- binette [Le Jargon Français, 2008] – смайлик, эмотикон;

- Gougueule [Le Jargon Français, 2008] – программа Google. В данном случае имеет место ее уменьшительно-ласкательное название.

- trollodrome [Le Jargon Français, 2008] – форум. Если применять калькированный перевод, что на русском языке данное выражение будет звучать как «место, где соревнуются интернет-тролли», что достаточно метко и оригинально характеризует некоторые ресурсы сети Интернет.

Последняя из рассматриваемых сфер в рамках доработанной автором данной статьи классификации М.С. Лукиной – это сфера, которую можно назвать «профессионалы в области компьютерных технологий и профессиональные геймеры». К ней можно отнести следующие жаргонные слова и выражения:

- administrateur de site, de serveur [TIC, 2017] – веб-мастер, представляющий собой официальное или неофициальное должностное лицо, которое несет ответственность за нормальное функционирование конкретного сервера сети Интернет, и всех или части его веб-страниц;

- modérateur [TIC, 2017] – посредник. Тем не менее, на русский язык данное слово чаще всего переводится именно как «модератор», когда речь идет именно о компьютерной сфере.

В письменной речи активных пользователей портала Le Jargon Français было также выделено множество жаргонных слов и выражений, относящихся к профессионалам как в области компьютерных технологий, так и к области компьютерных игр, к примеру:

- Bill Brother [Le Touzé, 2005, с. 57] – прозвище Билла Гейтса. По аналогии с Big Brother, под которым понимается неустанный надзор за деятельностью пользователей сети Интернет (выражение пришло из произведения Дж. Оруэлла «1984»);

- leet [Le Jargon Français, 2008] – элита. Может быть как игровой (самые успешные игроки), так и с профессиональной точки зрения: высокооплачиваемые программисты и т. д.;

- modo [Le Jargon Français, 2008] – модератор.

После проведения анализа вышеприведенной классификации жаргонной лексики французской молодежи, относящихся к пользователям компьютера и геймерам, можно прийти к выводу о том, что наиболее частотными являются лекси-

ческие единицы, которые относятся к первой группе из данной классификации (компьютер и его составляющие), а также к третьей (собственно программы и программное обеспечение) и четвертой (профессионалы в области компьютерных технологий и профессиональные геймеры), в то время как группы «пользователи компьютерных программ и игр» и «профессионалы в области компьютерных технологий и профессиональные геймеры» представлены абсолютным меньшинством лексем.

Также необходимо кратко остановиться на особенностях лексем интернет-сленга (i-сленг), поскольку данная разновидность сленга очень широко используется французскими пользователями интернета [Свиридонова, 2006, с. 170], а также любителями компьютерных игр [Oseki-Dépré, 2003, с. 10]. Среди наиболее значимых особенностей данной разновидности компьютерного жаргона можно отметить такие, как:

- заимствование иностранных аббревиатур (как правило, из английского языка). Например: lol (lots of laughs) – много смеха;

- в процессе споров и дискуссий в игровых чатах французская молодежь нередко прибегает к ироничным ремаркам, ярким примером которых является следующая аббревиатура: weta (wikipedia est ton amie) [Le Petit Robert pour tous, 2004, с. 1000] – Википедия – твой лучший друг. Так говорят, когда хотят указать на то, что собеседник настолько некомпетентен в обсуждаемом вопросе, что ему не мешало бы заглянуть в Википедию [Баграмян, 2016];

- наличие собственных лексем, которые могут дублировать английские заимствования, например: mdr (mort de rire) [Lazar, 2012, с. 53], что является заменой английского lol и на русский язык может быть переведено как «умираю со смеху»;

- желая подвергнуть критике высказывание оппонента, французская молодежь часто употребляет выражение talc (topic à la con) [Jeandidier, 2018], что может быть переведено на русский язык как «дурацкий (идиотский, тупой) топик».

Также необходимо отметить факт, о котором уже упоминалось выше, а именно: большое количество англоязычных заимствований, которые используются в компьютерно-геймерском жаргоне либо без каких-либо изменений, либо подвергаясь минимальным изменениям для удобства произношения [Бирюкова, 2014, с. 81]. Сюда можно отнести такие лексические единицы, как: gameur (геймер), liker (любитель ставить лайки), bitcion (биткойн), darknet (даркнет), geeker (passer du temps sur son ordinateur) (гик (любитель проводить большое количество времени за своим компьютером) и т. д. [Воробьева, 2019, с. 102]. Такого рода лексические единицы представляют собой интернационализмы и в переводе, как правило, не нуждаются [Селютин, 2009, с. 140]. С точки зрения Н.Б. Мечковской, это обусловлено тем, что «в большинстве стран мира экспансия английских заимствований в те сферы жизни, которые имеют прямое отношение к информационным технологиям, находится в полном соответствии с общим трендом в развитии языковых ситуаций, что, в свою очередь, приводит к постоянно увеличивающимся объемам коммуникации на английском языке» [Мечковская, 2007, с. 50].

Заключение

Подводя общий итог исследованию, можно сделать ряд выводов относительно особенностей компьютерно-геймерского жаргона современной французской молодежи, а именно:

1. Во-первых, компьютерно-геймерский жаргон современной французской молодежи может быть классифицирован в соответствии с пятью сферами, а именно: 1. компьютер и его составляющие, 2. пользователи компьютерных программ и игр, 3. собственно программы и программное обеспечение, 4. сеть Интернет, 5. профессионалы в области компьютерных технологий и профессиональные геймеры. Частота встречаемости жаргонных слов и выражений неодинакова, поскольку первая, третья и четвертая сферы демонстрируют наличие значительного количества лексических единиц, в противовес второй и пятой.

2. В компьютерно-геймерском жаргоне широкое распространение получил так называемый i-сленг, который хотя и не относится напрямую к компьютерно-геймерским выражениям, тем не менее, употребляется очень широко.

3. Наличие большого количества заимствований из английского языка, что свойственно сфере компьютерных технологий и гейминга практически во всех существующих языках.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что дальнейшая работа в данном направлении является весьма перспективной. Более глубокие исследования компьютерно-геймерского жаргона французской молодежи (например, с точки зрения его сравнительно-сопоставительных характеристик с данной разновидностью жаргона в других языках: русском,

английском и т. д.) даст возможность более четкого понимания особенностей развития современного франкоязычного интернет-дискурса в целом и компьютерно-геймерского жаргона в частности.

Библиографический список

1. Абрамов В. Е., Хуснуллина Ю. А. Коммуникативная аббревиация компьютерного дискурса // монография. Самара : ИУНЛ ПГУТИ, 2016. URL: http://elib.psuti.ru/Abramov_kommunikativ_abbrev_komputern_dickurca.pdf (дата обращения: 12.08.2021).

2. Апетян М. К. Особенности виртуальной коммуникации // Молодой ученый. 2015. № 3. С. 939–941.

3. Ахренова Н. А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление. Москва : МГОУ, 2009. 220 с.

4. Баграмян А. Е., Корягина А. С. Особенности французского интернет-языка (сленга). 2016. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/fab/5.pdf (дата обращения: 12.08.2021).

5. Бирюкова Е. А. Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения: жанровые и языковые особенности // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 6. С. 75–98.

6. Воробьева С. В. Новейшие англицизмы во французском языке: реальна ли угроза? // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию основания кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета. Минск: Белорусский государственный университет. 2019. С. 100–106.

7. Гапотченко Н. Е. Прагматика франкоязычных интернет-дискурсов // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (41). С. 135–139.

8. Лукина М. С. Компьютерная терминология: лингвистические возможности // Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2010. С. 87–98.

9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. Москва : Гнозис, 2003. 280 с.

10. Мечковская Н. Б. Лингвистический киберпанк в русском интернете: функции и виды языковой игры с английскими заимствованиями // Slavistična revija, letnik 55. 2007. S. 47–64.

11. Свиридонова В. П. Тенденции словотворчества в среде современной французской молодежи // Межрегиональные научные чтения, посвященные памяти профессора Р. К. Миньяр-Белоручева : сб. ст. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2006. С. 169–175.

12. Селютин А. А. Жанры как форма коммуникативного выражения онлайновой личности // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. № 35 (172). С. 138–141.

13. Adam J.-M. La linguistique textuelle. Introduction à l'analyse textuelle des discours. Paris: Armand Colin, 2005. 234 p.

14. Etudier en France: сайт. URL: http://etudier-en-france.fr (дата обращения: 12.08.2021).

15. Jeandidier A. Les buzzwords d'origine anglaise dans la langue française : simples anglicismes ou véritables néologismes? // ELAD-SILDA. 2018. № 1 «NEOLEX». URL : https://revues.univ-lyon3.fr/eladsilda/index.php?id=303&file=1 (дата обращения : 12.08.2021).

16. Lazar J. Les anglicismes dans le dicours électronique médié (The anglicisms in computermediated communication) // Studia Romanica Posnaniensia. Poznań : Adam Mickiewicz University Press, 2012. Vol. 39/4. P. 61-69.

17. Le Jargon Français: портал. 2008. URL: http://www.linux-fi-ance.org/prj/jargonf/ind/ (дата обращения: 12.08.2021).

18. Le Petit Robert pour tous // Dictionnaire de la langue française. Paris: Dictionnaire Le Robert, 2004. 1278 p.

19. Le Touzé Ph. Clefs des Styles. Paris: L'Harmattan, 2005. 168 p.

20. Oseki-Dépré I. Théories et pratiques de la traduction littéraire en France // Le français aujourd'hui. 2003. № 142. P. 5-17.

21. Vocabulaire des techniques de l'information et de la communication (TIC): официальный сайт. 2017. URL: file:///C:/Users/Jenski/Downloads/Vocabulaire-TIC_en%20ligne.pdf (дата обращения: 12.08.2021).

Reference list

1. Abramov V. E., Husnullina Ju. A. Kommunikativnaja abbreviacija komp'juternogo diskursa = Communicative abbreviation of computer discourse : monografija. Samara : IUNL PGUTI, 2016. URL: http://elib.psuti.ru/Abramov_kommunikativ_abbrev_komputern_dickurca.pdf (data obrashhenija: 12.08.2021).

2. Apetjan M. K. Osobennosti virtual'noj kommunikacii = Features of online communication // Molodoj uchenyj. 2015. № 3. S. 939–941.

3. Ahrenova N. A. Internet-diskurs kak global'noe mezhkul'turnoe javlenie i ego jazykovoe oformlenie = Internet discourse as a global intercultural phenomenon and its linguistic design. Moskva : MGOU, 2009. 220 s.

4. Bagramjan A. E., Korjagina A. S. Osobennosti francuzskogo internet-jazyka (slenga) = Features of the French internet language (slang). 2016. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/fab/5.pdf (data obrashhenija: 12.08.2021).

5. Birjukova E. A. Internet-kommunikacija kak sredstvo mezhkul'turnogo obshhenija: zhanrovye i jazykovye osobennosti = Internet communication as a means of intercultural communication: genre and language features // Jazyk. Slovesnost'. Kul'tura. 2014. № 6. S. 75–98.

6. Vorob'eva S. V. Novejshie anglicizmy vo francuzskom jazyke: real'na li ugroza? = Newest anglicisms in

French: Is the threat real? // Jazykovaja lichnost' i jeffektivnaja kommunikacija v sovremennom polikul'turnom mire: materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 20-letiju osnovanija kafedry teorii i praktiki perevoda fakul'teta sociokul'turnyh kommunikacij Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Minsk: Belorusskij gosudarstvennyj universitet. 2019. S. 100–106.

7. Gapotchenko N. E. Pragmatika frankojazychnyh internet-diskursov = The pragmatics of francophone Internet discourse // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. № 1 (41). S. 135–139.

8. Lukina M. S. Komp'juternaja terminologija: lingvisticheskie vozmozhnosti = Computer terminology: linguistic possibilities // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. I. Ul'janova-Lenina. Kazan', 2010. S. 87–98.

9. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa = Basic theory of discourse. Moskva : Gnozis, 2003. 280 s.

10. Mechkovskaja N. B. Lingvisticheskij kiberpank v russkom internete: funkcii i vidy jazykovoj igry s anglijskimi zaimstvovanijami = Linguistic cyberpunk on the Russian Internet: functions and types of language game with English borrowings // Slavistična revija, letnik 55. 2007. S. 47–64.

11. Sviridonova V. P. Tendencii slovotvorchestva v srede sovremennoj francuzskoj molodezhi = Trends in word formation among contemporary French youth // Mezhregional'nye nauchnye chtenija, posvjashhennye pamjati professora R. K. Min'jar-Belorucheva : sb. st. Volgograd : Volgogr. nauch. izd-vo, 2006. S. 169–175.

12. Seljutin A. A. Zhanry kak forma kommunikativnogo vyrazhenija onlajnovoj lichnosti = Genres as a form of communicative expression of online personality // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie. 2009. № 35 (172). S. 138–141.

13. Adam J.-M. La linguistique textuelle. Introduction à l'analyse textuelle des discours. Paris: Armand Colin, 2005. 234 p.

14. Etudier en France: sajt. URL: http://etudier-en-france.fr (data obrashhenija: 12.08.2021).

15. Jeandidier A. Les buzzwords d'origine anglaise dans la langue française : simples anglicismes ou véritables néologismes? // ELAD-SILDA. 2018. № 1 «NEOLEX». URL : https://revues.univ-lyon3.fr/eladsilda/index.php?id=303&file=1 (data obrashhenija : 12.08.2021).

16. Lazar J. Les anglicismes dans le dicours électronique médié (The anglicisms in computermediated communication) // Studia Romanica Posnaniensia. Poznań : Adam Mickiewicz University Press, 2012. Vol. 39/4. P. 61-69.

17. Le Jargon Français: portal. 2008. URL: http://www.linux-fi-ance.org/prj/jargonf/ind/ (data obrashhenija: 12.08.2021).

18. Le Petit Robert pour tous // Dictionnaire de la langue française. Paris: Dictionnaire Le Robert, 2004. 1278 p.

19. Le Touzé Ph. Clefs des Styles. Paris: L'Harmattan, 2005. 168 p.

20. Oseki-Dépré I. Théories et pratiques de la traduction littéraire en France // Le français aujourd'hui. 2003. № 142. P. 5-17.

21. Vocabulaire des techniques de l'information et de la communication (TIC): oficial'nyj sajt. 2017. URL: file:///C:/Users/Jenski/Downloads/Vocabulaire-TIC_en%20ligne.pdf (data obrashhenija: 12.08.2021).

Статья поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 12.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 12.12.2021; approved after reviewing 12.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 81'32
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-162-168

О некоторых лексических особенностях португальского энологического дискурса

Зоя Борисовна Долгих
Кандидат филологических наук, доцент кафедры португальского языка переводческого факультета ФГБОУ ВО «Московский лингвистический университет». 119992, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38
z.dolgikh@linguanet.ru, https://orcid.org/0000-0001-9313-6166

Аннотация. Интерес к вину как к культурному и ценностно-смысловому феномену обусловил возникновение и становление специализированного языка, так называемого энологического дискурса, затрагивающего как описание процессов производства напитка, так и оценки его цветовых, ароматических и вкусовых и иных характеристик.

В связи с комплексным характером энологического дискурса, который задействует практически все сферы человеческого восприятия (кроме слуха), а также известной сложности вербализации и передачи с одного языка на другой человеческих ощущений винная терминология не могла долго оставаться вне фокуса лингвистов, языковедов и переводчиков. Автор статьи подчеркивает актуальность исследуемой проблематики и приводит исследования отечественных и зарубежных лингвистов, сделавших вклад в изучение энологического дискурса.

Энологический дискурс, характеризующийся богатством номинаций цвета, вкуса и аромата, высокой степенью образности и экспрессии, в статье рассматривается прежде всего с точки зрения своих лексических особенностей. Автор сравнивает португальские и русские органолептические описания, анализирует лексические единицы, обеспечивающие визуальную, ольфактивную и вкусовую оценку вина. В описываемых трех тематических группах («цвет», «аромат», «вкус») есть прилагательные, значение которых напрямую соотносится с существующими номинациями оттенков цвета, запахов (ароматов) и вкусов, а есть те, которые фиксируют ощущения на основе более комплексных и многослойных сравнений с предметами, объектами или явлениями, могут быть связаны с тактильным восприятием (осязанием), выходя за рамки линейных обозначений и сообщая реципиенту некую дополнительную информацию. Декодирование смыслов таких лексико-семантических единиц происходит исключительно в соответствии с уровнем информированности реципиента, его опыта и профессионализма в этой сфере. По тому, какими терминами и словосочетаниями пользуется говорящий и собеседник, можно легко определить масштаб его знаний и степень его вовлеченности в исследуемую область.

Автор статьи приходит к выводу о потрясающей метафоричности энологических описаний, вскрывающей глубинные когнитивные механизмы, присущие говорящим на португальском и русском языках.

Ключевые слова: энология; энологический; тактильный; цветовой; вкусовой; обонятельный; метафоричность; оценка; семантика; дискурс

Для цитирования: Долгих З. Б. О некоторых лексических особенностях португальского энологического дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 162-168. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-162-168

Original article

On some lexical particularities of the Portuguese oenological discourse

Zoya B. Dolgikh
Candidate of philological sciences, associate professor of the Portuguese language department, Faculty of translation, Moscow Linguistic University. 119992, Moscow, Ostozhenka st., 38
z.dolgikh@linguanet.ru, https://orcid.org/0000-0001-9313-6166

Abstract. The interest in wine as a cultural and value-semantic phenomenon led to the emergence and formation of a specialized language, the so-called oenological discourse, affecting both the description of the processes of beverage production and the evaluation of its color, aromatic, taste and other characteristics.

© Долгих З. Б., 2022

Due to the complex nature of the oenological discourse, which involves almost all spheres of human perception (except hearing), as well as the well-known complexity of verbalization and transmission of human sensations from one language to another, wine terminology could not remain out of the focus of linguists, interpreters and translators for a long time. The author of the article emphasizes the relevance of the studied issues and cites the studies of Russian and foreign linguists who have made a contribution to the study of oenological discourse.

The oenological discourse, characterized by an abundance of color, taste and aroma nominations, a high degree of imagery and expression, is considered primarily in the article from the point of view of its lexical features. The author compares Portuguese and Russian organoleptic descriptions, analyzes lexical units that provide visual, olfactory and taste evaluation of wine. In the three thematic groups described («color», «aroma», «taste») there are adjectives whose meaning directly correlates with the existing nominations of shades of color, smells (aromas) and tastes, and there are those that fix sensations based on more complex and multi-layered comparisons with objects, objects or phenomena, can be associated with tactile perception (touching), going beyond linear designations and informing the recipient of some additional information. Decoding the meanings of such lexico-semantic units occurs exclusively in accordance with the level of awareness of the recipient, his experience and professionalism in this field. By the terms and phrases used by the speaker and the interlocutor, it is easy to determine the scale of their knowledge and the degree of their involvement in the area under study.

The author of the article comes to the conclusion about the amazing metaphoric features of oenological descriptions, revealing the deep cognitive mechanisms inherent in Portuguese and Russian speakers.

Key words: oenology; oenological; tactile; color; gustatory; olfactory; metaphoric; evaluation; semantics; discourse

For citation: Dolgikh Z. B. On some lexical particularities of the Portuguese oenological discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):176-168 (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-162-168

Введение

В современном мире вино и виноделие приобрели не только экономическую, но и культурную значимость. Развитие виноделия как сферы промышленности и энологии как науки о производстве и потреблении вина – объясняет рост всеобщего интереса к вину не только как к напитку, но и как к фрагменту культуры, обусловливают все большую популярность винного туризма, дегустаций и курсов сомелье, постоянное появление узкоспециализированных и научно-популярных публикаций, а также лекций, блогов и форумов по вину. Спектр иностранных языков, порождающих разноплановые тексты на данную тематику, весьма широк, что накладывает дополнительную нагрузку на тех, кто занимается переводом в этой области (будь то технический перевод или же работа на выставке-дегустации).

Все выше указанные сферы деятельности связаны между собой в языковом плане, ввиду того, что оперируют зачастую общими понятиями, терминами и лексическими единицами. В этом контексте лингвисты уже давно говорят о специализированном языке, описывающем с одной стороны процессы производства и реализации вина, с другой, – затрагивающем любопытнейший пласт лексики, относящийся к оценке вина, его цвета, аромата, вкуса, послевкусия и др. Речь идет об энологическом дискурсе [Чеботарев, 2003], [Черданцева, 2010].

1. Основные характеристики и структура энологического дискурса

Энология (от др.-греч. οἶνος – вино и λογία – наука, слово) – это отрасль знаний, включающая в себя самые разные аспекты биологии, химии, геологии и даже психологии, науки, так или иначе касающиеся виноградарства, виноделия, употребления вина и всего того, что с этим связано.

Энологический дискурс может быть определен как особый вид институционального дискурса – профессиональный дискурс виноделов и потребителей, т. е. общение специалистов между собой или с теми, кто к ним обращается за консультацией или профессиональной помощью [Бейлинсон, 2009, с. 145–149]. Участниками дискурса являются виноделы и потребители. Понятие винодел включает в себя несколько профессий, связанных с созданием вина: винодел-технолог, купажист, инженер-технолог и, наконец, дегустатор-профессионал, дающий перцептивную оценку винной продукции, соответствующей эталону и норме качества, что должно быть зафиксировано в том числе и языковыми средствами. Потребителями выступают как ценители напитка, так и люди, пишущие некие обзоры, рекламирующие и продвигающие продукт на рынке.

Как отмечают исследователи [Lehrer, 2009, с. 213–229], энологический дискурс может бытовать в том числе в форме квазипрофессионального, как некая фатическая коммуникация: когда люди, употребляющие спиртные напитки в не-

формальных условиях, обсуждают их качества, а это, в свою очередь, является платформой для установления контакта и коммуникации между ними. И конечно же, несмотря на то, что одним из участников подобной коммуникации нередко является наивный потребитель, в случае возникновения затруднений и сложностей, связанных с номинацией вкусовых и иных характеристик, приоритет отдается описаниям людей, глубже владеющих терминологией, а посему наделяемых экспертным статусом.

Энологический дискурс анализируется в работах таких исследователей, как: Шатлен-Куртуа [Châtelain-Courtois, 1984], Кутье [Coutier, 1994] на французском языке, Робинсон [Robinson, 2006], Кабальеро и Суарес-Тоста [Caballero & Suárez-Toste, 2008], Годед и Варела [Goded & Varela, 2008] на английском и испанском языках, Мартина Риццотти [Martina Rizzotti, 2018], Сильвия Джилардони [Silvia Gilardoni, 2007] на итальянском языке. В португальском языке самым ярким исследователем и одновременно популяризатором энологического знания в языковом преломлении является журналистка Мария Жуау Дэ Алмейда, автор книги «Вино на кончике языка» [Maria João de Almeida, 2016].

Многообразие смежных с энологией областей, дает основание рассуждать о неоднородности энологического дискурса и на базе коммуникативно-функциональных параметров выделять в его структуре:

1) научно-техническое описание процесса выращивания винограда и производства вина (научно-технический или производственный дискурс);

2) «винную» документацию: прайс-листы, техническую документацию;

3) дискурс в сфере дегустации [Абрамичева, Лашина, 2020, с. 5].

Комплексный характер винной терминологии и дискурса (особенно в сфере дегустации) и тот факт, что он задействует практически все сферы человеческого восприятия, кроме слуха, обусловливает специфику выражения перцепции в области цвета, вкуса и аромата. С этой точки зрения португальский язык не является исключением.

2. Особенности португальских и русских энологических описаний

Вообще в португальской культуре вино считается, наряду с хлебом, основным продуктом потребления. Язык и речь фиксируют здоровые качества вина: оно радует, доставляет удовольствие, очищает, бодрит, исцеляет, является символом радости и дружбы. Вино в португальской культуре имеет исключительно положительную коннотацию. Согласно португальским пословицам и поговоркам: *Quem tem bom vinho tem bons amigos* – У кого есть хорошее вино, у того хорошие друзья; *Quem não gosta de vinho não gosta de Deus* – Кто не любит вино, не любит Бога; *Quem na sopa deita vinho de velho se faz menino* – Кто в суп добавляет немного вина, становится моложе; *Vinho, azeite e amigo – prefere o mais antigo* – Когда выбираешь между вином, оливковым маслом и верной дружбой, всегда думай, что из этого старше по возрасту.

Энологический дискурс в целом и португальский энологический дискурс в частности избегает крайне отрицательной оценки вин и ощущений вкуса и аромата. Плохое вино – это частная и зачастую вынужденная оценка в ограниченном количестве ситуаций. Если вино ничем не примечательно, а это качество должно быть как-то зафиксировано вербально, носители португальского языка, вероятнее всего, будут использовать такое обозначение, как *vinho simples, fácil, ordinário* (простое, понятное, ординарное вино). Кстати, значение португальского прилагательного *simples* (простой) не лежит в поле негативной оценки, как это происходит с русским прилагательным «простой», которое часто соотносится с понятием «простак», «дурак», «неудачник». Наоборот, *simples* – означает «честный», «правильный», «бесхитростный», «искренний», «понятный». Даже о себе, как о народе, португальцы с гордостью заявляют: «Somos um povo muito simples».

Кстати, в русском энологическом дискурсе достаточно часто используется определение, заимствованное из романских языков, – «ординарное вино» (неплохое, просто ничем не примечательное, невыдающееся, обычное, но у которого все равно найдется свой потребитель).

Bom vinho (хорошее вино) – в энологическом дискурсе не является похвалой или восхищением, а представляется собой фиксацию некого среднего, нейтрального, приемлемого большинством людей качества продукта.

В целом, португальский энологический дискурс характеризуется терминологическим богатством, используемым экспертами и не только для описания технических и производственных процессов создания вина и выращивания винограда, а также высокой степенью экспрессии и метафо-

ричности, требуемых для вербализации визуальных, обонятельных, вкусовых и тактильных (осязательных) ощущений [Писанова, 2011].

3. Лексические особенности винных описаний в португальском языке с точки зрения визуального, обонятельного и вкусового анализа вина.

3.1 Визуальный анализ вина (análise visual)

Как говорят дегустаторы и сомелье, оценка вина начинается с визуального анализа его цветовых характеристик.

Визуальное восприятие цвета красных вин (по-португальски *tinto / tintos*) вербализуется такими прилагательными, как: *vermelho* (красный), *rubi* (рубиновый), *granada* (гранатовый), *violácea* (фиалковый), *roxo* (фиолетовый), *com reflexos azulados* (синеватый, с синим отливом), *com reflexos acastanhados* (коричневатый, с коричневым отливом), *terracota* (терракотовый), *borgonha / bordeaux* (бордовый, бордо). Розовые вина имеют такие обозначения: *rosé salmão* (лососево-розовый), *cor de rosa* (розовый), *rosado* (розоватый). Белые и зеленые вина: *citrino* (лимонный, цитрусовый), *palha* (соломенный), *amarelo* (желтый), *âmbar* (янтарный), *amarelado* (желтоватый), *com reflexos verdeados* (с зеленоватым отливом), *amarelo palha* (соломенно-желтый), *com reflexos alaranjados* (с оранжевым отливом).

Однако для всех групп, помимо цвета, характерно использование прилагательных, фиксирующих насыщенность и густоту цвета, плотность, определяемую на глаз: *límpido* (чистый), *limpo* (прозрачный), *cristalino* (кристально-прозрачный), *opaco* (матовый), *turvo* (мутный), *intenso, intensivo* (интенсивный), *denso* (насыщенный), *profundo* (глубокий), *concentrado* (насыщенный), *vivo* (яркий), *pálido* (бледный), *claro* (светлый), *escuro* (темный), *leve* (легкий), *puro, transparente* (прозрачный). И зачастую прилагательные цвета используются в сочетаниях с прилагательными интенсивности, глубины, насыщенности или прозрачности.

На самом деле, стоит сразу задуматься о том, что визуальное восприятие вина охватывает не только цвет вина, но и многие другие аспекты [Романова, 2008].

Помимо самого цвета и плотности прилагательные и дескрипторы, о которых мы говорили, сообщают дополнительный объем информации собеседнику. Ведь обозначить и словесно зафиксировать цвет, плотность и, к примеру, наличие «слез» или «ножек» у вина (капли, стекающие по стенкам бокала) зачастую означает сообщить также о:

 возрасте вина (молодые вина ярче и светлее, в старых – тона более насыщенные), а *vinho verde* – это не вино зеленого цвета (термин «зеленое вино» является переводческой ошибкой, которая закрепилась в русском языке), – это молодое вино, которое может быть как белым и розовым, так и красным;

− регионе, где выращивался виноград (вина из солнечных, теплых, южных областей темнее и плотнее, из прохладных областей с менее жарким климатом, с меньшим количеством солнечных дней – светлее, ярче и менее плотные), поэтому *vinho verde* – это еще и вино из региона «Виньу Верде»;

− методах производства вина, к примеру, выдержке вина в новой или старой бочке (вина, которые выдерживаются в новых бочках, имеют обычно весьма насыщенный цвет);

− высоком или невысоком содержании алкоголя. Если «слезы», «ножки» толстые, частые и стекают медленно, содержание алкоголя в вине высокое, если тонкие и редкие – содержание алкоголя ниже, соответственно эксперты, использующие означенные описания, акцентируют внимание и именно на дополнительной информации, а не на банальное наличие «ножек» или «слез».

Иначе говоря, номинации цвета обеспечивают получение реципиентом некой первичной информации, но ее декодирование происходит исключительно в соответствии с уровнем его информированности, опыта и профессионализма в этой сфере. Эксперты в области виноделия говорят, что по тому, какими терминами и лексическими единицами и словосочетаниями пользуется собеседник, можно легко определить масштаб его знаний и степень его вовлеченности в эту область .

3.2 Обонятельный анализ вина (análise olfativa)

Обонятельные впечатления дегустации это своеобразная вторая ступень с точки зрения анализа, а также с точки зрения ее комплексности, многомерности и неоднозначности. Обонятельные ощущения составляют «нос» вина (термин на основании метонимического переноса, закрепившийся в русском языке), то есть набор его запахов и включают тип, качество и интенсивность его ароматов. В португальском языке эти

лексические единицы будут входить в тематическую группу «aroma».

Все ароматы делятся на первичные (*primários*) – рожденные от самого сорта винограда, вторичные (*secundários*) – получающиеся вследствие процессов винификации (ноты дрожжей, деревесные ноты), третичные (*terciários*) – те, что развиваются уже после бутилирования (грибок, плесень, трюфель).

По типу ароматы могут подразделяться на множество подгрупп. К примеру, Энн Ноубл, профессор энологии в Университете Дэвиса, Калифорния / США, создала еще в 80-х годах «Колесо вкусов», систему с должным образом организованной классификацией всех групп ароматов и их подкатегорий [Ann C. Noble, 1980].

Например:

Фруктовые ароматы (*frutados*): *cereja, morango, ameixa, pêssego, limão, laranja, maçã, toranja* (вишневый, клубничный, сливовый, персиковый, лимонный, апельсиновый, яблочный, грейпфрутовый).

Цветочные ароматы (*florados*): *rosa, violeta, jasmim, acácia, flores brancas* (аромат розы, фиалки, жасмина, акации, цветочный).

Ароматы специй и пряностей (*aromas de especiarias*): *pimenta, cravo, canela, noz-moscada* (перечный, гвоздики, корицы, мускатного ореха).

Животные ароматы (*animáis*): *carne, pelo molhado, couro* (мясной, аромат кожи, мокрой шерсти, сырости).

Травяные / овощные / растительные ароматы (*vegetáis*): *relva, relva fresca cortada, pimentão, chá, tomate* (травы, свежескошенной травы, чая, болгарского перца, томатный).

И другие: *balsámico* (бальзамический), *químico* (химический), *mineral* (минеральный), *fresco* (свежий).

По интенсивности аромат может быть: *fechado* (закрытый), *mudo* (некричащий), *pouco expressivo* (неэкспрессивный), *perfumado* (пахучий, броский), *aromático* (ароматный), *valente, potente* (мощный, сильный, яркий), *que sobressalta* (выпрыгивающий, выпирающий), *intenso, intensivo* (интенсивный).

По качеству: *fino* (тонкий), *delicado* (аккуратный, деликатный), *agradável* (приятный), *elegante* (элегантный, стильный), *suave* (нежный), *macio* (мягкий), *subtil* (деликатный).

Интересно, что часть единиц, описывающих обонятельные впечатления и ощущения от вина, пересекаются с прилагательными, фиксирующими плотность, интенсивность, насыщенность из предыдущей группы номинаций цвета.

3.3 Вкусовой анализ вина (análise gustativa)

Ощущения, порождаемые вкусом вина, составляют «рот» вина и включают вкус (тут есть пересечения с запахом вина и группами, которые мы описывали выше), тело (плотность), консистенцию, постоянство вкуса во рту и баланс между его компонентами (остаточные сахара, кислотность, алкогольная градация и дубильные вещества), послевкусие.

Вино на вкус может иметь тело / плотность, что фиксируется такими прилагательным как: *magro* (плоское), *leve* (легкое), *com estrutura intensa, estruturado, duro* (мощное, структурированное, насыщенное), *encorpado* (полнотелое), *austero* (строгое, серьезное, внушительное), *complexo* (сложное), *maduro, evoluído* (зрелое), *pesado* (тяжелое), *redondo* (округлое).

Вино может обладать текстурой (*textura*), описываемой следующими единицами: *amadeirada* (древесная), *amanteigada* (маслянистая), *cremosa* (кремовая, сливочная), *grossa* (жирная), *aveludada, com a textura aveludada* (бархатистая), *suave* (мягкая), *com notas da tosta* (с нотками хлебной корочки).

Вино имеет или не имеет баланс, или букет (*equilíbrio*) и может быть: *correto, equilibrado* (сбалансированное, с хорошим балансом), *harmonioso, harmonizado* (иметь гармонию, быть гармоничным), *com taninos, álcool, doçura, acidez em harmonia* (иметь хорошо сбалансированные танины, алкоголь и сахарозность и кислотность), *fácil de beber* / *difícil de beber* (питкое / непиткое), *simples* (ординарное, понятное), *mineral* (минеральное, свежее).

В вине могут ощущаться остаточные сахара: *notáveis* (ощутимые), *pouco notáveis* (слабо ощутимые), *que sobressaltam* (выпирающие, выпрыгивающие), *de mel* (медовые), *amanteigados* (маслянистые), *aveludados* (бархатистые), *doces* (сладкие), *secos* (сухие).

Вино может иметь такую характеристику, как кислотность: *ácido* (кислотное), *tem adstingência e amargor na boca* (вяжет), *taninoso, com muitos taninos* (терпкое, вяжущее), *nervoso* (нервное).

Вино может характеризоваться как спиртуозное, причем эта характеристика также может быть подвержена некой градации: *álcool fino* (тонкий), *grosso* (полный), *largo* (широкий), *rico*

(щедрый), *pesado* (тяжелый), *vinho espiritual* (спиртуозное вино).

Вино может быть охарактеризовано с точки зрения содержащихся в нем дубильных веществ: *pálido* (бледное), *rico* (богатое), *duro* (твердое), *grosso* (полное, толстое, вяжущее).

Вино и его вкус (послевкусие) могут иметь устойчивость / постоянство: *comprido / curto*.

Группа лексико-семантических единиц, номинирующих вкус, отличается еще большим разнообразием в сравнении с двумя предыдущими группами и имеет много пересечений с тематической группой «aroma».

Заключение

Интересно, что во всех трех рассмотренных нами тематических группах есть прилагательные, значение которых напрямую соотносятся с существующими номинациями оттенков цвета, запахов и вкусов вин, а есть те, которые фиксируют ощущения на основе более сложных и многомерных сравнений с предметами, объектами или явлениями. Большая часть таких единиц связана с тактильным восприятием вин и сосредоточена в тематических группах «aroma» и «paladar», вербализация смысла которых зачастую выходит за рамки линейных описаний и / или призвана сообщить реципиенту некую дополнительную информацию (качество, возраст, выдержку, сортовые характеристики вина).

Осознание скудности средств вербализации таких многомерных и многослойных перцептивных ощущений, как плотность, баланс, структура, объем, текстура и нек. др., подводит нас к мысли о высокой метафоричности языка винных описаний (энологического дискурса) как одной из его базовых характеристик [Isabel Negro Alousque, 2011], [Телия, 1988], [Телия, 1988. с. 173–204].

Мы считаем, что данная проблематика нуждается в расширенном и глубоком исследовании.

Библиографический список

1. Абрамичева Е. Н., Лашина Д. А. Энологические термины как объект перевода // Проблемы и перспективы современной гуманитаристики: педагогика, методика преподавания, филология, организация работы с молодёжью [сборник научных работ]. Воронеж : Кварта, Севастополь : ООО Издательство «Шико – Севастополь», 2020. Вып. 1. С. 3–13.

2. Бейлинсон Л. С. Профессиональный дискурс как предмет лингвистического изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2009. № 1. С. 145–149

3. Писанова Т. В. Гастрономический тезаурус испанского языка: систематизация ценностных представлений о мире // Вестник ИГЛУ, № 1 (13), 2011. С. 132–141.

4. Романова К. М. Средиземноморские субрегиональные реалии лингвокультурной сферы «виноделие» на материале итальянского, испанского и французского языков. Екатеринбург, 2008. 222 с.

5. Телия В. Н. Метафора в языке и тексте. Москва : Наука, 1988. 176 с.

6. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Москва : Наука, 1988. С. 173–204.

7. Чеботарев В. А. Вина Испании / В. Л. Чеботарев, С. В. Чеботарева. Москва : Издательство Жигульского, 2003. 304 с.

8. Черданцева Т. З. Язык и его образы: Очерки по итальянской фразеологии. Изд. 3-е. Москва : Издательство ЛКИ, 2010. 168 с.

9. Наука энология. URL: http://magicsci.ru/opening/enologia-nauka-o-vine (дата обращения 16.10.2021)

10. Ann C. Noble. Wine head space analysis. Reproducibility and application to varietal classification. Journal of Agricultural and Food Chemistry, 1980.

11. Caballero, R. and E. Suárez-Toste. Berlin : Mouton. Translating the senses. Teaching the metaphors in winespeak. In F. Boers and S. Lindstromberg (eds.), Cognitive Linguistic Approaches to Teaching Vocabulary and Phraseology. 2008. P. 241–259.

12. Châtelain-Courtois, Les mots du vin et de l'ivresse. Belin litterature, 1984. 303 p.

13. Coutier M. Tropes et termes: le vocabulaire de la dégustation du vin. META XXXIX, 1994. P. 662–675.

14. Gilardoni Silvia. Descrivere il vino: analisi semantico-lessicale di una terminologia specialistica. L'ANALISI LINGUISTICA E LETTERARIA. P. 25–46.

15. Goded M. and R. Varela, eds. The Language of Wine. An English Course. Madrid : Ediciones Académicas. 2008. 267 p.

16. Isabel Negro Alousque. Lingüística cognitiva y lenguas para fines específicos. La metáfora en el discurso enológico en español. Universidad Complutense, 2011. P. 479–487.

17. Lehrer A. Wine and conversation. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 213–229.

18. Maria João de Almeida. Vinho na Ponta da Língua. Edições Saída de Emergência, 2016. 255 p.

19. Martina Rizzotti. IL LINGUAGGIO DEL VINO espressione identitaria e complesso semiotico al servizio dei produttori. 2018. 12 p.

20. Robinson J., 3 ed. The Oxford Companion to Wine. Oxford : Oxford University Press. 2006. 850 p.

Reference list

1. Abramicheva E. N., Lashina D. A. Jenologicheskie terminy kak ob#ekt perevoda = Enological terms as an object of translation // Problemy i perspektivy sovremen-

noj gumanitaristiki: pedagogika, metodika prepodavanija, filologija, organizacija raboty s molodjozh'ju [sbornik nauchnyh rabot]. Voronezh : Kvarta, Sevastopol' : OOO Izdatel'stvo «Shiko – Sevastopol'», 2020. Vyp. 1. S. 3–13.

2. Bejlinson L. S. Professional'nyj diskurs kak predmet lingvisticheskogo izuchenija = Professional discourse as a subject of linguistic study // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie. 2009. № 1. S. 145–149.

3. Pisanova T. V. Gastronomicheskij tezaurus ispanskogo jazyka: sistematizacija cennostnyh predstavlenij o mire = The gastronomic thesaurus of the Spanish language: systematization of value perceptions of the world // Vestnik IGLU, № 1 (13), 2011. S. 132–141.

4. Romanova K. M. Sredizemnomorskie subregional'nye realii lingvokul'turnoj sfery «vinodelie» na materiale ital'janskogo, ispanskogo i francuzskogo jazykov = Mediterranean sub-regional realities of the linguistic and cultural sphere «wine making» in Italian, Spanish and French. Ekaterinburg, 2008. 222 s.

5. Telija V. N. Metafora v jazyke i tekste = Metaphor in language and text. Moskva : Nauka, 1988. 176 s.

6. Telija V. N. Metaforizacija i ee rol' v sozdanii jazykovoj kartiny mira = Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world // Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira. Moskva : Nauka, 1988. S. 173–204.

7. Chebotarev V. A. Vina Ispanii = Spanish wines / V. L. Chebotarev, S. V. Chebotareva. Moskva : Izdatel'stvo Zhigul'skogo, 2003. 304 s.

8. Cherdanceva T. Z. Jazyk i ego obrazy: Ocherki po ital'janskoj frazeologii = Language and its Images: Essays on Italian phraseology. Izd. 3-e. Moskva : Izdatel'stvo LKI, 2010. 168 s.

9. Nauka jenologija = The science of oenology. URL: http://magicsci.ru/opening/enologia-nauka-o-vine (data obrashhenija 16.10.2021)

10. Ann C. Noble. Wine head space analysis. Reproducibility and application to varietal classification. Journal of Agricultural and Food Chemistry, 1980.

11. Caballero, R. and E. Suárez-Toste. Berlin : Mouton. Translating the senses. Teaching the metaphors in winespeak. In F. Boers and S. Lindstromberg (eds.), Cognitive Linguistic Approaches to Teaching Vocabulary and Phraseology. 2008. P. 241–259.

12. Châtelain-Courtois, Les mots du vin et de l'ivresse. Belin litterature, 1984. 303 p.

13. Coutier M. Tropes et termes: le vocabulaire de la dégustation du vin. META XXXIX, 1994. P. 662–675.

14. Gilardoni Silvia. Descrivere il vino: analisi semantico-lessicale di una terminologia specialistica. L'ANALISI LINGUISTICA E LETTERARIA. P. 25–46.

15. Goded M. and R. Varela, eds. The Language of Wine. An English Course. Madrid : Ediciones Académicas. 2008. 267 p.

16. Isabel Negro Alousque. Lingüística cognitiva y lenguas para fines específicos. La metáfora en el discurso enológico en español. Universidad Complutense, 2011. P. 479–487.

17. Lehrer A. Wine and conversation. Oxford : Oxford University Press, 2009. R. 213–229.

18. Maria João de Almeida. Vinho na Ponta da Língua. Edições Saída de Emergência, 2016. 255 p.

19. Martina Rizzotti. IL LINGUAGGIO DEL VINO espressione identitaria e complesso semiotico al servizio dei produttori. 2018. 12 p.

20. Robinson J., 3 ed. The Oxford Companion to Wine. Oxford : Oxford University Press. 2006. 850 p.

Статья поступила в редакцию 23.12.2021; одобрена после рецензирования 16.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 23.12.2021; approved after reviewing 16.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Научная статья
УДК 811.112.2’373: 616.31
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-169-175

Источники возникновения синонимии в немецкой стоматологической терминологии

Юлия Валериевна Плоцкая
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Омский государственный медицинский университет». 644099, г. Омск, ул. Ленина, д. 12
inconnue1@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0583-638X

Аннотация. В настоящее время большое количество научных работ посвящено проблеме исследований терминологий различных областей. Медицина представляет собой одну из наиболее стремительно развивающихся отраслей, соответственно, развивается и терминология, обслуживающая её. Появление новых средств и приёмов лечения, аппаратов и инструментов, технологических процессов и оборудования влечёт за собой необходимость их номинации.

Данная работа посвящена проблеме синонимии в немецком стоматологическом дискурсе. Актуальность темы обусловлена наличием открытых дискуссионных вопросов, касающихся правомерности использования синонимичных терминов в терминологии вообще и медицинской терминологии в частности.

Цель статьи состоит в выявлении и подробном анализе источников возникновения синонимичных терминов, функционирующих в исследуемой терминологии. В работе рассмотрены различные точки зрения на существование явления синонимии в терминологии, проведён анализ терминов-синонимов, подробно исследованы источники возникновения синонимии и факторы, влияющие на её формирование в немецкой стоматологической терминологии.

В статье представлена классификация источников образования синонимичных терминов, созданная на базе предложенных ранее, и адаптированная к немецкой стоматологической терминологии. При проведении исследования были использованы описательный и статистический методы.

В результате тщательного анализа фактического материала автору удалось выявить, что явление терминологической синонимии достаточно широко распространено в исследуемой терминологии, а также установить, что 42 % териноединиц исследуемой выборки имеют синонимичные ряды. Завершая данную работу, автор высказывает предположение, что употребление синонимов в профессиональной коммуникации специалиста-стоматолога расширяет и углубляет его профессиональную языковую картину мира.

Ключевые слова: немецкая стоматологическая терминология; синонимия; терминогенез; подъязык медицины; дублеты

Для цитирования: Плоцкая Ю. В. Источники возникновения синонимии в немецкой стоматологической терминологии // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 169-175. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-169-175

Languages of foreign countries (germanic languages)

Original article

Sources of synonymy in german dental terminology

Julia V. Plotskaya
Candidate of philological sciences, associate professor, department of foreign languages, Omsk state medical university. 644099, Omsk, Lenin st., 12
inconnue1@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0583-638X

Abstract. Currently, a large number of scientific works are devoted to the problem of researching terminologies in various fields. Medicine is one of the most rapidly developing industries, in turn the terminology, that serves it, is also

© Плоцкая Ю. В., 2022

developing. The appearance of new means and methods of treatment, apparatuses and instruments, technological processes and equipment entails the need for their nomination.

This work is devoted to the problem of synonymy in german dental discourse. The relevance of the topic is due to the presence of unresolved debatable issues concerning the legality of using synonymous terms in terminology in general and medical terminology in particular.

The purpose of the article is to identify and analyze in detail the sources of the emergence of synonymous terms that function in the studied terminology. The paper considers various points of view on the existence of the synonymy phenomenon in terminology, analyzes synonymic terms, investigates in detail the sources of synonymy and factors influencing its formation in german dental terminology.

The article presents the classification of the sources for synonymous terms, created on the basis of those proposed earlier, and adapted to german dental terminology. Descriptive and statistical methods were used in the study.

As a result of a thorough analysis of the factual material, the author was able to reveal that the phenomenon of terminological synonymy is quite widespread in the studied terminology, and also to establish that 42 % of the term units of the studied sample have synonymous series. Concluding this work, the author suggests that the use of synonyms in professional communication of a dentist expands and deepens their professional linguistic picture of the world.

Key words: german dental terminology; synonymy; terminogenesis; medical sublanguage; alternatives

For citation: Plotskaya Yu. V. Sources of synonymy in german dental terminology. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):169-175. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-169-175

Введение

Проблема синонимии в терминологии различных отраслей науки исследована довольно широко, однако в настоящее время всё ещё остаётся открытым ряд дискуссионных вопросов. Одним из основных требований, предъявляемых к термину, является отсутствие у него синонимов. О. Духачек подчёркивает, что терминология должна быть ясной, аккуратной и точной, чтобы облегчить понимание. Следовательно, любой термин должен обозначать одно понятие. Каждое понятие следует обозначать одним термином, то есть синонимы, омонимы, двузначные и многозначные слова не должны употребляться в терминологии научных дисциплин [Duchacek, 1979, p. 10]. Эту точку зрения поддерживает С. Якимовска, рассматривая синонимию как дефект естественного языка, явление, которое нельзя искоренить, но которое необходимо ограничить. Поэтому терминология стремится свести её к минимуму, чтобы избежать двусмысленности и сделать общение между специалистами более точным [Jakimovska, 2013, p. 9]. Р. Арнцт считает присвоение одному понятию одного термина, и, таким образом, устранение синонимии, важной целью стандартизации терминологии [Arntz, 2014, S. 4].

Тем не менее, как показывают исследования терминологий многих областей научного знания, явление синонимии присуще практически каждой области. По мнению М. Т. Кабре, теоретически в терминологии каждое понятие выражается посредством одного наименования, но реальность вынуждает нас признать существование конкурирующих наименований для одного понятия. Таким образом, мы можем сказать, что две единицы являются синонимами, когда они обозначают одно и то же понятие [Cabré, 1998, p. 188]. По утверждению Ф. Туарона, обзор работы министерских комиссий по терминологии во Франции свидетельствует об официальном признании синонимии в терминологии. «Таким образом, в реальности фактов мы имеем ситуацию, в которой для одного и того же понятия термин представлен как стандартизированный, а другие, если необходимо, связаны с ним как его признанные синонимы» [Thoiron, 2010, p. 108]. М. Руло, описывая проблемы перевода медицинской терминологии с и на французский язык, подчёркивает, что в идеале отношения между термином и его понятием в языке для специальных целей должны быть однозначными: один термин – одно понятие. На практике один и тот же термин может охватывать несколько понятий (полисемия) или несколько терминов могут обозначать одно и то же понятие (синонимия) [M. Rouleau, 1994, p. 222]. Е. В. Бекишева отмечает, что синонимия в медицинской терминологии представляет собой показатель развития научной мысли, а, следовательно, и её языкового выражения [Бекишева, 2015, с. 447]. Несмотря на стремление терминологии работать по принципу однозначности, практически в каждой области науки существуют терминологические варианты, синонимы и квазисинонимы. Медицина не является исключением из этого правила, хотя она прилагает все усилия для соблюдения принципа

международной однородности своей терминологии, что подтверждается Международной анатомической номенклатурой, а также правилами формирования терминов этой науки. Е. А. Федина, анализируя проблему синонимии в медицинской терминологии немецкого языка, обращает внимание на важность знания терминов-синонимов при профессиональной коммуникации [Федина, 2017, с. 88]. Как отмечает С. Лервад, синонимия, спонтанно развивающаяся в терминологии, может быть источником переводческих ошибок, последствия которых могут быть очень серьёзными [S. Lervad, 2009, p. 74]. Выбор одного из синонимичных терминов при переводе зависит от уровня профессиональной коммуникации (специалист – специалист, специалист – пациент, пациент – пациент), от лингвистического контекста (специальный научный текст, научно-популярный текст, переведённый текст и т. д.).

Многие исследователи различают терминологическую вариацию и синонимию. М.-К. Лём считает, что оба явления относятся к разным формам, используемым для одного и того же значения, но это разные явления: если вариация касается изменений, которым подвергается термин в специализированных текстах в соответствии с его использованием в лингвистическом контексте, тогда речь идёт о графическом, флективном, синтаксическом и морфосинтаксическом вариантах, синонимия же – это связь, установленная между двумя или более формами, которые имеют одинаковое значение и затрагивают только единицы, признанные как термины. Кроме того, синонимия подразумевает два термина, принадлежащих к одной и той же части речи, в то время как вариация может привести к синтаксическому изменению [L'Homme, 2004, p. 74–75]. По утверждению А. В. Суперанской, дублетам в отличие от синонимов не требуется чёткая связь с понятием; к синонимам учёный, вслед за А. А. Реформатским, относит разные слова, к дублетам – варианты одного и того же слова [Суперанская, 2003, с. 52]. Рассматривая понятия дублетности и синонимии, К. Я. Авербух констатирует, что при обозначении терминов, имеющих идентичные значения, речь идёт о терминах-дублетах, в противовес понятию синонимии, которое связывается с наличием сходных значений у сопоставляемых терминоединиц [Авербух, 2006, с. 81]. С. Д. Шелов различает синонимию (идентичность понятий, обозначенных этими терминами), дублетность (обозначение понятий исконным термином-словом и заимствованным термином), эквивалентность (денотативная идентичность обозначенного этими терминами, не объяснимая фактами общего языка) и вариативность терминов (соотношение ряда терминов, при котором все они имеют общность понятийного содержания, а все различия в понятийном содержании терминов того же ряда не касаются специального понятийного содержания данной области знания) [Шелов, 2018, с. 82].

Источниками синонимии в терминологии являются: 1) попытки специалистов придумать более адекватные термины, чем те, которые используются; 2) заимствования из других языков, в медицинской терминологии, прежде всего, из латинского и древнегреческого; 3) изменение значения термина; 4) калькирование; 5) морфологическая деривация; 6) тенденция к экономии языковых средств; 7) одновременное существование современного и устаревшего термина. По утверждению Т. Шиппан, значение термина может изменяться спонтанно, так как новое знание, проверка или опровержение гипотез влияют на терминологические системы и их элементы. Следовательно, термины, как правило, имеют тенденцию к синонимии, хотя это противоречит стремлению к однозначности и самой сути терминологической работы [Schippan, 1992, S. 231].

Анализ возникновения источников синонимии

В данной работе за основу была взята классификация источников появления синонимии в терминологии Н. С. Шарафутдиновой [Шарафутдинова, 2013, с. 215]. Опираясь на данную классификацию, были выделены следующие источники синонимичных терминов в немецкой стоматологической терминологии:

1. Греческий термин, латинский термин, исконный термин: Anodontie –Adentie – Zahnlosigkeit – адентия, анодонтия (отсутствие зуба (-ов)); Odontolithus – Calculus dentalis – Zahnstein – зубной камень.

«Anlagebedingtes Fehlen von Zähnen ist definiert als *Anodontie* (vollständiges Fehlen aller Zähne), Oligodontie (partielle *Anodontie*) und Hypodontie (Fehlen einzelner Zähne)» [Hellwig, 2009, S. 74]. Врождённое отсутствие зубов определяется как анодонтия (полное отсутствие всех зубов), олигодонтия (частичное отсутствие зубов) и гиподонтия (отсутствие отдельных зубов). (*Здесь и далее перевод наш* – Ю. П.)

«Eine besonders häufige Ursache der paradentalen Erkrankungen bildet die sekundäre partielle *Adentie*» [Strub, 2011, S. 311]. Особенно частой причиной заболеваний зубов является вторичная частичная адентия.

«Der Übergang zur *Zahnlosigkeit* bringt für zahlreiche Patienten auch psychische Probleme mit sich» [Marxkors, 2011, S. 210]. Переход к отсутствию зубов также приносит многим пациентам психологические проблемы.

2. Латинский термин – исконный термин: Salivation – Speichelfluss – саливация, слюноотделение; Cranium – Schädel – череп; Psalidontie – Scherenbiss – псалидонтия, ножницеобразный прикус.

«Dazu zählen vor allem eine Alteration des Allgemeinzustandes, Unruhe, erhöhte Reizbarkeit und *Salivation* sowie Appetitlosigkeit» [Künzel, 1976, S. 55]. К ним относятся, прежде всего, изменение общего состояния, беспокойство, повышенная раздражительность и слюноотделение, а также потеря аппетита.

«*Speichelfluss*: 4. normal, 3. leichter aber eindeutiger Speichelüberschuss im Mund, evtl. nächtlicher Ausfluss von Speichel, 2. mäßiger Speichelüberschuss, evtl. minimaler *Speichelfluss* aus dem Mund, 1. deutlicher Speichelüberschuss» [Hufschmidt, 2009, S. 723]. Слюноотделение: 4. нормальное, 3. небольшое, но явное избыток слюны во рту, возможно ночные выделения слюны, 2. умеренный избыток слюны, возможно минимальный отток слюны изо рта, 1. значительный избыток слюны.

3. Основной компонент сложного термина имеет синонимы: *Verschluss*kappe – *Abdeck*kappe – защитный колпачок; Abdruck*arten* – Abdruck*techniken* – виды оттисков; Zahn*anomalie* – Zahn*fehl-/missbildung* – зубная аномалия.

«Alle Formen von *Zahnanomalien* sind möglich: Auffälligkeiten der Zahnform, der Zahnanzahl, der Zahnfarbe/des Zahnschmelzes sowie des Zahndurchbruchs» [Wolf, 2007, S. 414]. Возможны все формы аномалий зубов: аномалии формы зуба, количества зубов, цвета зуба / эмали зуба и прорезывания зуба.

«Klinisches Bild der *Zahnfehlbildung* kombiniert mit Nichtanlagen der Zweier» [Terheyden, 2021, S. 1120].

4. Определяющий компонент термина имеет синонимы. Необходимо отметить, что в приведённых примерах выделенные элементы рассматриваются как синонимы только применительно к исследуемой терминологии: *primäre* Verblockung – *direkte* Verblockung – первичная / прямая блокировка; *Engstand* der Zähne – S*chmalstand* der Zähne – тесное положение зубов; marktot – marklos – безмиелиновый (о нервном волокне).

«Sie verbinden zwei oder mehrere Pfeilerzähne oder Implantate eines Kiefers und bewirken eine *primäre* (*direkte*) Verblockung» [Strub, 2011, S. 183].Они соединяют два или более опорных зуба или имплантата челюсти и вызывают первичное (прямое) сцепление.

5. Аббревиатура или усечение компонентов термина влечёт за собой возникновение синонимов: MAP – Mund-Antrum-Perforation – прободение ротовой полости; SÄT – Säure-Ätz-Technik – техника травления кислотой, A-Punkt – Alveolarpunkt – альвеолярная точка.

«Mithilfe der Säure-Ätz-Technik (SÄT) und moderner Kompositmaterialien gelingt es , zahnfarbene Füllungen zu gestalten , die einerseits Substanz schonend präpariert werden können , andererseits hinreichend stabil und randdicht sind» [Esders, 2007, S. 44]. С помощью технологии кислотного травления и современных композитных материалов можно создавать пломбы цвета зуба, которые, с одной стороны, можно аккуратно препарировать, а с другой стороны, они достаточно устойчивы и непроницаемы по краям.

6. Сокращённый вариант термина и полный вариант образуют синонимический ряд: Sauger – Prothesensauger – отсасывающая накладка для протеза; Sanierung – Gebisssanierung – лечение прикуса; Alveolotomie – alv – альвеолотомия.

«Durch wechselseitiges Entfernen der Primärkronen auf jeweils einem Pfeiler muss nun herausgefunden werden, welches *Teleskop* stört» [Pospiech, 2002, S. 70]. Поочередно удаляя первичные коронки на каждой опоре, теперь необходимо выяснить, какой телескоп мешает.

«Welche Möglichkeiten haben wir in der Praxis, um dem Patienten zu einem besseren Halt seiner *Teleskopprothese* zu verhelfen?» [Bücking, 2011, S. 47]. Какие возможности у нас есть на практике, чтобы помочь пациентам лучше удерживать телескопический протез?

7. Термин, образованный семантическим способом (метафора) и термин, образованный морфологическим способом формируют синонимический ряд: Phoenix-Abszess – chronische apikale Parodontitis – хронический апикальный периодонтит (феникс-абсцесс); Froschgeschwulst – Retentionszyste – ретенционная киста (лягушачья

опухоль); Papageizange – Schnabelzange – клювовидные щипцы (щипцы-попугай).

«Auch die Ranula (*Froschgeschwulst*) ist eine *Retentionszyste*, liegt unterhalb der Zunge am Mundboden und geht von der sublingualen Speicheldrüse aus» [Reinhardt, 2004, S. 1016]. Ранула (лягушачья опухоль) это ретенционная киста, расположенная под языком на дне ротовой полости, исходящая из подъязычной слюнной железы.

8. Иноязычное заимствование и исконный термин: Scaler – Schaber – скалер, инструмент для очищения зубной поверхности; Sealer – Versiegler, Dichtzement – силер, материал для пломбирования корневых каналов; Brackets – Häkchen – брекеты, ортодонтические несъёмные конструкции.

«Bei optimaler Platzierung der Attachments kann auf zusätzliche *Häckhen* oder *Brackets* ganz verzichtet werden» [Polzar, 2012, S. 46]. При оптимальном размещении аттачментов можно полностью отказаться от дополнительных крючков или брекетов.

9. Синонимичные приставки или суффиксы: *ab*nehmbare Brücke – *heraus*nehmbare Brücke – съёмный мостовидный протез; schmerz*frei*e Zahnentfernung – schmerz*los*e Zahnentfernung – удаление зубов без боли; *ab*nehmbare Prothese – *heraus*nehmbare Prothese – съёмный зубной протез.

«Eine *herausnehmbare* Brücke bietet den Vorteil, dass durch den Verlust eines Pfeilerzahns die Gesamtkonstruktion nicht insgesamt unbrauchbar wird» [Hohmann, 2012, S. 288]. Преимущество съёмного мостовидного протеза состоит в том, что потеря опорного зуба не делает всю конструкцию непригодной для использования.

«*Abnehmbare* Brücken finden immer mehr Verwendung und könnten ihrer Bauform nach den partiellen Prothesen zugeordnet werden» [Hohmann, 2012, S. 711]. Съёмные мостовидные протезы используются все чаще и могут быть отнесены к частичным протезам в соответствии с их конструкцией.

10. Термин с графическим элементом или символом и термин-слово или словосочетание: Z-Plastik – chirurgische Verschiebeplastik – пластика встречными треугольниками (Z-пластика); X-Strahlen – Röntgenstrahlen – рентгеновские лучи; 3D-Imaging-Verfahren – optischer Abdruck – оптический (цифровой) оттиск (зуба).

«Die am häufigsten verwendete *Verschiebeplastik* ist die Z-*Plastik*, die hauptsächlich dem Längengewinn bei Narbenkorrekturen dient» [Schmidt, 2005, S. 34]. Наиболее часто используемая пластика смещаемым лоскутом – Z-пластика, которая в основном служит для увеличения длины во время коррекции шрамов.

11. Многокомпонентные терминологические сочетания и сложные термины создают синонимический ряд: Bleichen von Zähnen – Zahnaufhellung – отбеливание зубов; Bügelprothese – Teilprothese mit Sublingualbügel – бюгельный протез; Ganzheitliche Zahnmedizin – Ganzheitsmedizin – целостная медицина, холистическая медицина.

«Diese Methode dient der generellen *Zahnaufhellung* und ist vor der Herstellung von Zahnersatz zu empfehlen, falls eine komplette Farbumstellung gewünscht wird» [Fleiner, 2013, S. 18]. Этот метод используется для общего отбеливания зубов и рекомендуется перед изготовлением протезов, если требуется полное изменение цвета.

«Deshalb wird auch zur *Bleichung von Zähnen* mit lebender Pulpa nur ein zu gleichen Teilen mit Wasser verdünntes Perhydrol benutzt» [Lipschitz, 2013, S. 247]. Вот почему для отбеливания зубов с живой пульпой используется только пергидроль, разбавленный в равных частях водой.

12. Эпонимный термин и термин, образованный иным способом: Bauhin Drüse – Zungenspitzendrüse (Glandula apicis linguae) – железа верхушки языка; Bohn Perlen – Epithelperle – узелки Бона / эпителиальные жемчужины; Aderer Zange – «Drei-Finger-Zange», Biegezange – щипцы Адерера / ортодонтические трёхпалые щипцы, плоскогубцы.

«*Dreifingerzange (Aderer-Biegezange)* hat eine geteilte Zangenbacke, in die eine mittig liegende Zangenbacke eingreift» [Hohmann, 2012, S. 526]. Трёхпалые щипцы (плоскогубцы Адерера) имеют разделённую губку тисков, в которую входит центральная губка плоскогубцев.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить, что синонимия представляет собой характерное явление для немецкой стоматологической терминологии: 2562 термина, что составляет 42 % от всей выборки (6100 терминоединиц), имеют синонимические ряды. Данный факт обусловлен как экстралингвистическими причинами: заимствование термина, замена многословного термина его сокращённым вариантом, условия формирования нового понятия, так и лингвистическими: семантические процессы, происходящие в языке, различные варианты

формы термина, одновременное существование в языке современного и устаревшего термина.

Знание и употребление синонимичных терминов расширяет и дополняет профессиональную языковую картину мира специалиста-стоматолога. Использование наиболее подходящих терминов облегчает взаимопонимание на различных уровнях профессиональной коммуникации, что способствует достижению лучших результатов в профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Авербух К. Я. Общая теория термина Москва : Изд-во МГОУ, 2006. 252 с.

2. Бекишева Е. В. Некоторые аспекты терминологии оториноларингологии / Е. В. Бекишева, Т. Ю. Владимирова, О. М. Рылкина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. № 2(2). Самара : Издательство Самарского федерального исследовательского центра РАН, 2015. С. 445–448.

3. Суперанская А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. Москва : Едиториал УРСС, 2003. 248 с.

4. Федина Е. А. К проблеме синонимии в медицинской терминологии // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). Томск : Издательство ТПГУ, 2017. № 6 (183). С. 85–90.

5. Шарафутдинова Н. С. Источники возникновения синонимов в немецкой авиационной терминосистеме // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 7 (25). Ч. 2. С. 213–216.

6. Шеллов С. Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. Москва : ПринтПро, 2018. 472 с.

7. Arntz R. Einführung in die Terminologiearbeit / R. Arntz, H. Picht, F. Mayer. Hildesheim : Olms, 2014. 331 S.

8. Bücking W. Die dentale Trickkiste. Berlin : Quintessenz Verlags-GmbH, 2011. 416 S.

9. Cabré M. T. La terminologie. Théorie, méthode et applications. Ottawa : Les Presses de l'Université d'Ottawa, 1998. 322 p.

10. Duchacek O. Synonymie en terminologie // Studia Minora Facultatis Philosophicae Universitatis Brunensis. Brno : Univerzita J.E. Purkyné v Brně, 1979. L 1. ERB 10. P. 9–19.

11. Esders W.-G. Rationelle Arbeitsabläufe in der Zahnarztpraxis. Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 2007. 416 S.

12. Fleiner M. Die Zukunft Ihrer Zähne: Patientenaufklärung leicht gemacht. Köln : Deutscher Ärzteverlag, 2013. 77 S.

13. Hellwig E. Einführung in die Zahnerhaltung / E. Hellwig, J. Klimek, T. Attin. Köln : Deutscher Ärzteverlag, 2009. 635 S.

14. Hohmann A. Lehrbuch der Zahntechnik: Prothetik / A. Hohmann, W. Hielscher. Berlin : Quintessenz Verlags-GmbH, 2012. 424 S.

15. Hufschmidt A. Neurologie compact: für Klinik und Praxis. Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 2009. 821 S.

16. Jakimovska S. Analyse comparative du phenomene de la synonymie dans les terminologies juridiques française et macedonienne // Vestnik za tuje jezike. Ljubljana : Znanstvena založba FF, 2013. № 5. P. 9–20.

17. Künzel W. Komplikationen beim Zahndurchbruch / W. Künzel, J. Toman // Kinderstomatologie. Basel : Karger, 1976. S. 55–58.

18. L'Homme M.-C. La Terminologie: principes et techniques. Montréal : Les Presses de l'Université de Montréal, 2004. 278 p.

19. Lervad S. Recherche en terminologie et applications pratiques : quelques axes de collaboration avec des partenaires industriels danois // Revue française de linguistique appliquée. Paris : Publications linguistiques, 2009/2, (Vol. XIV). P. 73–80.

20. Lipschitz M. Diagnostik und Therapie der Pulpakrankheiten. Berlin : Springer-Verlag, 2013. 292 S.

21. Marxkors R. Lehrbuch der zahnärztlichen Prothetik. Köln : Deutscher Ärzteverlag, 2007. 329 S.

22. Polzar G. Internetfachbuch: Alignertherapie in der Kieferorthopädie. Norderstedt : BoD – Books on Demand, 2012. 168 S.

23. Pospiech P. Die prophylaktisch orientierte Versorgung mit Teilprothesen. Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 2002. 209 S.

24. Reinhardt D. Therapie der Krankheiten im Kindes- und Jugendalter. Berlin : Springer Verlag, 2004. 2104 S.

25. Rouleau M. La traduction médicale. Une approche méthodique. Brossard : Linguatech, 1994. P. 221–225.

26. Schippan Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen : Niemeyer, 1992. 306 S.

27. Schmidt D. Chirurgie. München : Elsevier GmbH, 2005. 388 S.

28. Strub J. R. Curriculum Prothetik: Band 3 / J. R. Strub, M. Kern, J. Ch. Türp. Berlin : Quintessenz Verlags-GmbH, 2011. 416 S.

29. Terheyden H. Augmentationschirurgie: Biologische Grundlagen, Operationstechniken, Klinische Herausforderungen. Berlin : Quintessenz Verlags-GmbH, 2021. 1383 S.

30. Thoiron Ph. La terminologie, une question de termes? / Ph. Thoiron, H. Béjoint // Meta. Montréal : Les Presses de l'Université de Montréal, 2010. 55(1). P. 105–118. URL: https://www.erudit.org/en/journals/meta/1900-v1-n1-meta3696/039605ar.pdf (Date of access 31.09.2021).

31. Wolf N. Zahnanomalien in der Neuropädiatrie // Medizinische Genetik. Berlin : Berufsverband Medizinische Genetik e.V., 2007. № 4. S. 414–417.

Reference list

1. Averbuh K. Ja. Obshhaja teorija termina = General theory of term. Moskva : Izd-vo MGOU, 2006. 252 s.

2. Bekisheva E. V. Nekotorye aspekty terminologii otorinolaringologii = Some aspects of terminology in otorhinolaryngology / E. V. Bekisheva, T. Ju. Vladimirova, O. M. Rylkina // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. T. 17. № 2(2). Samara : Izdatel'stvo Samarskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra RAN, 2015. S. 445–448.

3. Superanskaja A. V. Obshhaja terminologija: Voprosy teorii = General terminology: Theory issues / A. V. Superanskaja, N. V. Podol'skaja, N. V. Vasil'eva. Moskva : Editorial URSS, 2003. 248 s.

4. Fedina E. A. K probleme sinonimii v medicinskoj terminologii // Vestnik TGPU (TSPU Bulletin). Tomsk : Izdatel'stvo TPGU, 2017. № 6 (183). S. 85–90.

5. Sharafutdinova N. S. Istochniki vozniknovenija sinonimov v nemeckoj aviacionnoj terminosisteme = Sources of synonyms in the German aviation terminology // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2013. № 7 (25). Ch. 2. C. 213–216.

6. Shellov S. D. Ocherk teorii terminologii: sostav, ponjatijnaja organizacija, prakticheskie prilozhenija = An outline of the theory of terminology: composition, conceptual organization, and practical applications. Moskva : PrintPro, 2018. 472 s.

7. Arntz R. Einführung in die Terminologiearbeit / R. Arntz, H. Picht, F. Mayer. Hildesheim : Olms, 2014. 331 S.

8. Bücking W. Die dentale Trickkiste. Berlin : Quintessenz Verlags-GmbH, 2011. 416 S.

9. Cabré M. T. La terminologie. Théorie, méthode et applications. Ottawa : Les Presses de l'Université d'Ottawa, 1998. 322 p.

10. Duchacek O. Synonymie en terminologie // Studia Minora Facultatis Philosophicae Universitatis Brunensis. Brno : Univerzita J.E. Purkyné v Brně, 1979. L 1. ERB 10. P. 9–19.

11. Esders W.-G. Rationelle Arbeitsabläufe in der Zahnarztpraxis. Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 2007. 416 S.

12. Fleiner M. Die Zukunft Ihrer Zähne: Patientenaufklärung leicht gemacht. Köln : Deutscher Ärzteverlag, 2013. 77 S.

13. Hellwig E. Einführung in die Zahnerhaltung / E. Hellwig, J. Klimek, T. Attin. Köln : Deutscher Ärzteverlag, 2009. 635 S.

14. Hohmann A. Lehrbuch der Zahntechnik: Prothetik / A. Hohmann, W. Hielscher. Berlin : Quintessenz Verlags-GmbH, 2012. 424 S.

15. Hufschmidt A. Neurologie compact: für Klinik und Praxis. Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 2009. 821 S.

16. Jakimovska S. Analyse comparative du phenomene de la synonymie dans les terminologies juridiques française et macedonienne // Vestnik za tuje jezike. Ljubljana : Znanstvena založba FF, 2013. № 5. P. 9–20.

17. Künzel W. Komplikationen beim Zahndurchbruch / W. Künzel, J. Toman // Kinderstomatologie. Basel : Karger, 1976. S. 55–58.

18. L'Homme M.-C. La Terminologie: principes et techniques. Montréal : Les Presses de l'Université de Montréal, 2004. 278 p.

19. Lervad S. Recherche en terminologie et applications pratiques : quelques axes de collaboration avec des partenaires industriels danois // Revue française de linguistique appliquée. Paris : Publications linguistiques, 2009/2, (Vol. XIV). P. 73–80.

20. Lipschitz M. Diagnostik und Therapie der Pulpakrankheiten. Berlin : Springer-Verlag, 2013. 292 S.

21. Marxkors R. Lehrbuch der zahnärztlichen Prothetik. Köln : Deutscher Ärzteverlag, 2007. 329 S.

22. Polzar G. Internetfachbuch: Alignertherapie in der Kieferorthopädie. Norderstedt : BoD – Books on Demand, 2012. 168 S.

23. Pospiech P. Die prophylaktisch orientierte Versorgung mit Teilprothesen. Stuttgart : Georg Thieme Verlag, 2002. 209 S.

24. Reinhardt D. Therapie der Krankheiten im Kindes- und Jugendalter. Berlin : Springer Verlag, 2004. 2104 S.

25. Rouleau M. La traduction médicale. Une approche méthodique. Brossard : Linguatech, 1994. P. 221–225.

26. Schippan Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen : Niemeyer, 1992. 306 S.

27. Schmidt D. Chirurgie. München : Elsevier GmbH, 2005. 388 S.

28. Strub J. R. Curriculum Prothetik: Band 3 / J. R. Strub, M. Kern, J. Ch. Türp. Berlin : Quintessenz Verlags-GmbH, 2011. 416 S.

29. Terheyden H. Augmentationschirurgie: Biologische Grundlagen, Operationstechniken, Klinische Herausforderungen. Berlin : Quintessenz Verlags-GmbH, 2021. 1383 S.

30. Thoiron Ph. La terminologie, une question de termes? / Ph. Thoiron, H. Béjoint // Meta. Montréal : Les Presses de l'Université de Montréal, 2010. 55(1). P. 105–118. URL: https://www.erudit.org/en/journals/meta/1900-v1-n1-meta3696/039605ar.pdf (Date of access 31.09.2021).

31. Wolf N. Zahnanomalien in der Neuropädiatrie // Medizinische Genetik. Berlin : Berufsverband Medizinische Genetik e.V., 2007. № 4. S. 414–417.

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 13.12.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 81-26.651.926
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-176-185

Перевод терминологии научно-технического дискурса (на примере инструкций по эксплуатации сельскохозяйственной техники)

Екатерина Игоревна Петрова[1]✉, Оксана Николаевна Налетова[2]
[1]Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии ФГАОУ «Южный федеральный университет». 344029, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42
[2]Сотрудник ООО КЗ «Ростсельмаш». 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Менжинского, д. 2
[1]eipetrova@sfedu.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-2421-1729
[2]naletova@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9511-1293

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу приемов и методов перевода терминологических единиц на материале текстов научно-технического дискурса.

Стремительное развитие научно-технического прогресса обуславливает практическую необходимость перевода научно-технической документации. Перевод текстов и документации в рамках научно-технического дискурса является неотъемлемой частью международных экономических связей и процессов и выступает одним из факторов успешной межкультурной коммуникации. Важным при этом выступает условие соответствия переведенных текстов требованиям эквивалентности и адекватности. Тексты научно-технического характера, а именно инструкции по эксплуатации сельскохозяйственной техники, отличаются строгостью, логичностью, точностью, сжатостью, краткостью, однозначностью и полнотой изложения, что оказывает влияние на перевод таких текстов. Повышенная плотность информации, как важнейшая черта текстов научно-технического дискурса, достигается за счет значительного количества терминологических лексических единиц. Как показало проведенное исследование, лексические особенности немецкого и русского языков, в частности специфика терминологических единиц, не идентичны и требуют применения переводчиком особых приемов перевода. В статье рассматриваются две основные ситуации встречающиеся при переводе терминологии, когда в языке, на который выполняется перевод, существует эквивалент или эквиваленты, указанные в соответствующих словарях, и когда такой эквивалент не обнаруживается. Анализ переводческих приемов в ситуации отсутствия в языке соответствующего эквивалента для перевода термина инструкции по эксплуатации показал, что чаще всего использовались терминологические единицы, образованные по гибридному типу или с использованием описательного перевода.

Ключевые слова: перевод; эквивалентность; адекватность; научно-технический дискурс; инструкция по эксплуатации; терминология

Для цитирования: Петрова Е. И., Налетова О. Н. Перевод терминологии научно-технического дискурса (на примере инструкций по эксплуатации сельскохозяйственной техники) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 176-185. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-176-185

Original article

Translation of scientific and technical discourse terminology (on the example of instructions for operating agricultural machinery)

Ekaterina I. Petrova[1]✉, Oksana N. Naletova[2]
[1]Candidate of philological sciences, associate professor, department of German philology, Southern federal university. 344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya st., 105/42
[2]Employee of KZ Rostselmash LLC. 344006, Rostov-on-Don, st. Menzhinsky, 2
[1]eipetrova@sfedu.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-2421-1729
[2]naletova@sfedu.ru, https://orcid.org/0000-0002-9511-1293

Abstract. This article is devoted to the analysis of techniques and methods of terminological units translation on the material of scientific and technical discourse texts.

© Петрова Е. И., Налетова О. Н., 2022

The rapid development of scientific and technological progress determines the practical need for the translation of scientific and technical documentation. Translation of texts and documents in scientific and technical discourse is an integral part of international economic relations and processes and is one of the factors of successful intercultural communication. In this case an important condition is compliance of the translated texts with the requirements of equivalence and adequacy. Scientific and technical texts, such as instruction manuals for agricultural machinery, are characterized by their rigor, logic, precision, conciseness, brevity, unambiguity and completeness, which all have an influence on the translation of these texts. The increased density of information, as the most important feature of the texts of scientific and technical discourse, is achieved at the expense of a considerable number of terminological lexical units. The research shows that the lexical specificities of German and Russian and in particular the specificity of the terminological units are not identical and require special translation methods to be employed by the translator. This article examines the two main situations that arise when terminology is translated into a target language when an equivalent or equivalents are found in the respective dictionaries, and when no such equivalent is found. The analysis of translation techniques in the situation when there is no appropriate equivalent in the language to translate the term operating instructions has shown that the terminological units formed by hybrid type or using descriptive translation have been used most often.

Key words: translation; equivalence; adequacy; scientific and technical discourse; instruction manual; terminology

For citation: Petrova E. I., Naletova O. N. Translation of scientific and technical discourse terminology (on the example of instructions for operating agricultural machinery). *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):176-185. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-176-185

Введение

Перевод сопровождает человека на протяжении практически всей истории развития общества. За тысячелетия существования переводческая деятельность прошла путь от посредничества в торговле и военных переговорах до незаменимого присутствия в практически каждой сфере деятельности человека, от культуры до спорта, от дипломатии и политики до науки и техники. Обмен информацией и своевременность предоставления и получения актуальной информации являются в современном мире обязательным условием успешных экономических и социокультурных процессов.

Понятие «перевод» двойственно по своей природе. С одной стороны, перевод – это вид языкового посредничества, в результате которого первичный текст подвергается перекодированию; с другой стороны, перевод – это результат такого перекодирования [Основные понятия переводоведения, 2010].

По определению В. И. Комиссарова, перевод представляет собой вид языкового посредничества, который полностью ориентирован на иноязычный оригинал и при котором содержательная часть текста оригинала передается на иностранный язык посредством создания коммуникативно равнозначного текста. Перевод – это форма существования сообщения оригинала в иноязычной форме [Комиссаров, 1990, с. 248].

Дж. Кэтфорд рассматривает перевод как процесс, при котором происходит замена текстового материала на языке оригинала эквивалентным текстовым материалом на языке перевода [Koller, 2001, с. 91].

Перевод должен обеспечивать такой уровень межъязыковой коммуникации, который позволяет воспринимать текст перевода в рамках коммуникации как полноценную замену оригинала на функциональном, структурном и содержательном уровнях.

Согласно В. Н. Комиссарову, задачей, к выполнению которой должен стремиться переводчик, является максимальная передача содержания оригинального сообщения на язык перевода [Комиссаров, 1990]. Однако данная задача не всегда выполнима в связи с лексическими, синтаксическими, фонетическими и др. особенностями языков оригинала и перевода. При межъязыковом преобразовании неизбежно происходят потери некоторых значений, вследствие этого текст перевода никогда не может рассматриваться в качестве полноценного эквивалента текста подлинника. Переводчику необходимо свести такие потери значений до минимума и максимально соблюсти эквивалентность текста перевода тексту оригинала [Бархударов, 1975, с. 11]. Важным при таком подходе является достижение равнозначности текста оригинала и текста перевода на общем уровне текста, а не на уровне отдельных знаков языка или отдельного предложения [Бархударов, 1975]. В связи с этим исследователи выступают за использование термина «относительная эквивалентность» применительно к текстам перевода [Егорова, 2018, Приказчикова, 2011].

Ю. Найда расширяет подход к изучению эквивалентности и вводит понятие «динамической

эквивалентности», под которой понимается качество перевода, при котором содержание текста оригинала передается на язык перевода таким образом, что реакция читателя (рецептора) в основном сходна с реакцией рецептора – носителя языка оригинала [Nida, Taber, 1969, с. 202]. Динамическая эквивалентность учитывает основной аспект перевода – коммуникативную ситуацию и позволяет избежать формальности при переводе, что неизбежно приводит к искажению смысла сообщения и неверному восприятию исходного сообщения.

А. Д. Швейцер в качестве первостепенного требования к переводу называет достижение коммуникативно-прагматической эквивалентности, когда определяется та составляющая коммуникации, которая является ведущей в конкретном коммуникативном акте и воспроизводится коммуникативный эффект исходного текста. Коммуникативно-прагматическая эквивалентность определяет соотношение между денотативной, коннотативной, текстуально-нормативной и формальной эквивалентностями [Швейцер, 1988].

Для оценки результатов переводческого процесса могут быть использованы понятия «адекватный перевод», «эквивалентный перевод», «точный перевод» и др. В. Н. Комиссаров рассматривает понятия эквивалентного и адекватного переводов как различные, но близкие. В качестве адекватного перевода он определяет «перевод, который удовлетворяет всем указанным требованиям и, в первую очередь, поставленной прагматической задаче» [Комиссаров, 1990, с. 147]. В то же время под адекватным переводом он понимает перевод, который обеспечивает полноценную межъязыковую коммуникации в определенных условиях.

И. С. Алексеева и А. Д. Швейцер дают понятию адекватности схожее определение и понимают адекватность как соответствие переведенного текста цели перевода [Алексеева, 2004; Швейцер, 1988, с. 92]. А. Д. Швейцер также указывает, что адекватность влияет на выбор языковых знаков в зависимости от того аспекта исходного текста, который определен в качестве основного ориентира при переводе. Рассматривая понятие адекватности как отличное от понятия эквивалентности, А. Д. Швейцер подчеркивает, что термины «адекватность» и «адекватный» ориентированы на перевод как процесс, а термины «эквивалентность» и «эквивалентный» применимы при сравнении исходного текста и текста перевода. Иными словами, адекватность ориентирована на процесс перевода, а эквивалентность – на его результат. Решение, которое принимает переводчик при переводе, зачастую является компромиссом, и нередко в целях передачи основного смысла оригинала переводчику приходится отказываться от передачи некоторой информации. Поэтому адекватность перевода может быть соблюдена даже тогда, когда текст перевода эквивалентен оригиналу лишь на одном из уровней. И наоборот, эквивалентный оригиналу перевод не всегда может отвечать требованию адекватности [Швейцер, 1988]

С. Г. Бархударов подчеркивает, что для адекватности перевода одинаковое значение имеют как прагматические, так и семантические факторы. Экстралингвистические факторы, т. е. «фоновые знания» автора сообщения и его реципиента, которые не всегда очевидны переводчику, также играют определенную роль и могут обуславливать некоторые потери информации при переводе. В этой связи для достижения полной переводческой адекватности необходимо учитывать прагматический фактор [Бархударов, 1975, с. 125, 133].

На достижение коммуникативно-прагматической эквивалентности оказывают влияние не только языковые характеристики текстов оригинала и перевода, но и особенности переводческого процесса в зависимости от цели перевода и, следовательно, от вида применяемого перевода и специфики текста. Одним из востребованных в настоящее время видов перевода является перевод научно-технический, который выполняется в отношении широкого спектра текстов научно-технической литературы: научные статьи, научно-популярные материалы, учебные пособия, тексты устных сообщений, справочные материалы, инструкции по эксплуатации оборудования, техническую и специальную документацию [Шарафутдинова, 2012, с. 282; Щербо, 2012]. Научно-технический дискурс, в рамках которого выполняется перевод таких текстов, является совокупностью вербальных и невербальных средств, которые используются специалистами при обмене информацией в научно-технической сфере, в которой осуществляется профессиональная коммуникация. Дискурс предполагает особый язык, которым владеют специалисты определенной области знаний, т. к. дискурс включает в себя как текст, так и коммуникативную ситуацию. Исходя из этого, в качестве научно-технического дискурса следует

рассматривать результат использования языка в письменной форме представления, который предполагает наличие заданной ситуации общения в научно-техническом контексте [Терпак, 2017].

Научно-технический дискурс применяется в науке и технике для изложения и описания новых открытий, теорий, гипотез, учений, для анализа и представления технологий. По объему выполняемых переводов тексты научно-технической направленности занимают третье место, что свидетельствует о высокой потребности в таких текстах как в средстве научной коммуникации и в инструменте аккумуляции знаний в различных сферах науки и техники [Алексеева, 2004, с. 9].

Тексты научно-технического дискурса обладают рядом особенностей, основными среди которых являются строгая логическая последовательность изложения, объективность изложения, некатегоричность, точность формулировок, безэмоциональность и наличие сокращений, упорядоченные связи между частями высказывания, точность, сжатость, краткость и однозначность выражения при одновременной полноте изложения. Эти характеристики позволяют успешно выполнять такие задачи научно-технических текстов, как объяснение явлений окружающей действительности, выявление причинно-следственных связей между явлениями и фактами, определение закономерностей развития [Иващенко, 2013, с. 125].

Одним из видов текстов научно-технического дискурса выступают инструкции по эксплуатации, которые включают в себя разделы описательного, пояснительного, руководящего, предписывающего и рекомендательного характера. Согласно промышленному стандарту Германии «DIN 8418» от 1974 года инструкции должны предоставлять данные о продукте, т. е. информацию о его производительности и возможностях эксплуатации, требования к установке, указания по транспортировке, установке и сборке; руководство по эксплуатации, требования к техническому обслуживанию [Гусарова, 2015, с. 7–8]. Инструкции по эксплуатации как научно-технический текст имеют строгую структуру, которая состоит из вводной части, общих указаний, подготовки и порядки работы и заключительной части. Одной из особенностей данного вида текстов является наличие элементов графической коммуникации: рисунков, чертежей, графиков, оптического выделения указаний и важной информации языковыми и типографскими средствами (шрифт, разрядка). В связи с тем, что задачей инструкции является предоставление пользователю полной информации о техническом устройстве, синтаксические средства сжатия информации встречаются нечасто.

Методы исследования

Настоящее исследование выполнено на материале инструкций по эксплуатации зерноуборочного комбайна Sampo-Rosenlew (модели 2035/2045/2055/2065) на немецком языке объемом 156 страниц и переводе этих инструкций на русский язык. В указанных инструкциях особенное внимание при анализе уделялось специфике перевода специальных языковых средств, составляющих характерную особенность текстов данного вида.

Методологической базой исследования послужил комплекс методов, включающих метод сплошной выборки, теоретикоаналитический метод; описательный метод; метод статистической обработки данных, сопоставительный анализ. Также использовались приемы переводческого и текстового поиска для интерпретации и анализа фактического материала.

Результаты исследования

Инструкции создаются на основе письменной литературной нормы с применением устаревших оборотов речи, что можно обозначить как канцелярский стиль. Такой вид изложения побуждает читателя отнестись к информации серьезно и точно следовать инструкции, в связи с чем данный стиль изложения следует учитывать при переводе.

Инструкции по эксплуатации характеризуются использованием следующих специфических языковых средств:

1. Языковые средства увеличения плотности когнитивной информации: лексические сокращения (общеязыковые, например, *usw.* – и т. д.; специальные терминологические, например, *MDW* – *Mähdrescherwerk* – комбайностроительный завод); графические (скобки, двоеточие); синтаксические (причастные обороты речи).

2. Термины, входящие в специализированный лексический аппарат для передачи когнитивной информации. В них сконцентрированы результаты познавательной деятельности человека в сфере самых разных наук, техники, технологии.

3. Общенаучная лексика, составляющая остальную нейтральную лексику. Данный вид

лексики также подчиняется литературной норме языка, не имеет эмоциональной окраски, но отличается наличием синонимии (например: *wichtig – wesentlich – bedeutend* и т. п.).

4. Языковые средства выражения пассивности в целях объективного представления научной и технической информации (безличные и неопределенно-личные предложения, пассивный залог глагола, глагольные конструкции с пассивным значением, неличная семантика подлежащего и др.).

6. Языковые средства выражения абстрактности информации: сложные слова, созданные по словообразовательным моделям с абстрактным значением; высокая номинативность текста, отглагольные существительные с десемантизированным глаголом [Алексеева, 2004].

К лексическим особенностям текстов научно-технических дискурса следует прежде всего отнести использование терминов. Термин является специальной номинативной лексической единицей, представленной словом или словосочетанием, которая используется для точной номинации понятия [Гринев-Гриневич, 2008, с. 30]. Признаки, отличающие термин от нетермина, включают в себя следующие: наименование понятия, принадлежность к определенной предметной области, дефинированность, точность значения, независимость от контекста, конвенциональность, целенаправленный характер появления, устойчивость, речевая воспроизводимость, номинативность и нейтральность на уровне стилистики [Гринев-Гриневич, 2008, с. 30].

До 75 % времени, которое переводчик затрачивает на перевод научно-технического текста, используется для перевода именно терминов, что подтверждает важность обращения к вопросам терминологии и особенностям перевода таких лексических единиц. Именно термины имеют ключевое значение и несут наибольшую информативную нагрузку в научно-технических текстах, поэтому перевод терминологических единиц и выбор оптимального соответствия в языке перевода являются первостепенной задачей переводчика [Гринев-Гриневич, 2008, с. 241].

В настоящей работе особое внимание мы обратили на специфику перевода терминов в связи с тем, что лексические системы разных языков не идентичны и для обеспечения межкультурной технической коммуникации, безусловно, важен выбор наиболее точного варианта перевода. Вслед за Я.И. Рецкер, мы выделяем три основных вида перевода терминов: перевод с помощью эквивалента, поиск аналога (варианта) и описательный перевод. Я. И. Рецкер указывает, что в качестве эквивалента следует рассматривать лексическую единица языка, на которую делается перевод, и которая полностью соответствует по своему значению единице на языке оригинала [Рецкер, 2007]. Под аналогом он понимает одну из некоторых лексических единиц, каждая из которых в определенных условиях может соответствовать переводимой единице [Рецкер, 2007]. Если в языке перевода функционирует один эквивалент, перевод не вызывает особых затруднений, т. к. следует только проверить корректность его применения в конкретном случае. Тексты научно-технического дискурса обладают высокой переводимостью именно в связи с тем, что в большинстве случаев термины переводятся с помощью однозначных эквивалентных соответствий [Алексеева, 2004].

В связи с тем, что терминологические системы разных языков не эквивалентны, следует рассматривать две основные ситуации при переводе терминологических единиц, когда в языке, на который выполняется перевод, существует эквивалент, зафиксированный в соответствующих словарях, и когда такой эквивалент не обнаруживается [Гринев-Гриневич, 2008, с. 241]. В случае наличия в языке перевода эквивалента, различают следующие приемы перевода, когда:

а) как эквивалент используется интернациональный термин:

Die Klimaanlage kühlt die Kabinenluft. – Кондиционер охлаждает воздух в кабине. В данном примере переводчик использовал для перевода гибридного немецкого термина *die Klimaanlage* закрепившийся в русском языке интернациональный термин *кондиционер*.

Das Minuskabel des Starterkabels zuerst an den Minuspol der Hilfsbatterie und dann erst an den Minuspol der entladenen Batterie anschließen. – Подключите конец второго вспомогательного кабеля к минус-полюсу дополнительного аккумулятора и последний свободный конец к минус-полюсу «пустого» аккумулятора. В данном примере как в немецком, так и в русском языке использованы интернациональные термины *der Minuspole – минус-полюс, die Batterie – аккумулятор,* а также интернациональные термины в русском переводе *аккумулятор, кабель* при переводе заимствованных немецких терминов *das Minuskabel des Starterkabels (конец второго вспомогательного кабеля)* и гибридного немецкого термина *die Hilfsbatterie (дополнительный аккумулятор).*

б) при переводе многокомпонентного термина используется многокомпонентный термин, при этом форма может быть отличной, но общее значение и внутренняя форма (значения компонентов) совпадают:

Beim Abschleppen des Mähdreschers muss der Allradantrieb abgeschaltet sein und der Motor laufen, damit die Radmotoren entkuppelt werden können. – Во время буксировки полный привод должен быть отключен и двигатель заведен, чтобы двигатели колес включились на свободную передачу. При переводе терминологической единицы *die Radmotoren* в приведенном примере сохранены внутренняя форма и значение.

Die Bremsen wirken über die Antriebswellen auf die Vorderräder. – Наружные колодочные тормоза с рычажным приводом воздействуют через полуоси на передние колеса. При переводе немецкого термина *die Vorderräder* переводчик использовал соответствующий термин русской терминологической системы *передние колеса*.

в) формы эквивалентов в языке оригинала и перевода общей связи не обнаруживают:

Die Bodenschnecken werden zusammen mit ihren Lagern aus dem Korntank entnommen. – А также вытягивают наружу нижний шнек разгрузки вместе с подшипниками. В данном предложении немецкий термин *der Lager* и русский термин *подшипник* не обнаруживают общей связи.

Prüfen Sie, dass jeder Messerhalter das Messer nur leicht berührt. – Проверьте, чтобы каждая прижимная лапка слегка касалась лапки ножа. При переводе термина *der Messerhalter* переводчик использовал русский термин *прижимная лапка*, не имеющий общей связи с немецкой единицей.

В случае, если в языке не существует соответствующего эквивалента для перевода термина научно-технического текста, могут быть рассмотрены следующие возможные варианты подбора переводчиком эквивалента:

а) материальное заимствование иноязычного термина, когда сохраняется его транскрипция или транслитерация:

Der Kornelevator und die angeschlossene Schnecke befinden sich auf der rechten Seite des Mähdreschers. – Зерновой элеватор и зерновой шнек, как его продолжение, расположены с правой стороны комбайна. В данном примере продемонстрированы приемы перевода интернационального термина *der Kornelevator* и немецкого термина *die Schnecke* заимствованными русскими терминами *элеватор* и *шнек.*

Notieren Sie sich alle Mangel und erforderlichen Wartungsmaßnahmen in nachstehender Reihenfolge: … Lagerspiel und -befestigungen. – Запаситесь для проверки бумагой и ручкой и запишите все обнаруженные недостатки и работы по их устранению, например, в такой последовательности: … Люфт подшипников и крепление. В данном примере несмотря на то, что в оригинале использован термин *das Spiel* в значении «зазор», в русском варианте переводчик использовал заимствованный из немецкого языка термин *люфт*.

б) семантическое калькирование иноязычного термина как результат семантического переноса:

Die Vordreschtrommel sorgt darüber hinaus für eine gleichmäßige Getreidezufuhr zur Haupttrommel. – Предварительный молотильный барабан одновременно выравнивает подачу на основной молотильный барабан. В данном предложении русский термин *барабан* используется как калька при переводе компонента немецких терминов *die Vordreschtrommel* и *der Haupttrommel*.

Dazu die Spannmutter A des Federtellers lockern, um das Federpaket B zu entspannen. – Ослабляется гайка А, прижимающая тарельчатые пружины, так, что блок пружин В ослабляется. В данном случае русская единица *тарельчатая пружина* представляет собой кальку немецкого термина *der Federteller*.

в) пословный перевод (структурное калькирование), при котором учитываются нормы словообразования в разных языках и возможность передачи сложных терминов немецкого языка русскими терминологическими словосочетаниями:

Der Kraftstoffvorfilter mit Wasserabscheider befindet sich unter dem Tank. – Предварительный топливный фильтр и влагоотделитель расположены в нижней части бака. Указанные русские термины переведены как структурная калька немецких терминов, в первом случае с образованием словосочетания прил.+прил.+сущ. (*предварительный топливный фильтр*), во втором случае с образованием сложного слова (*влагоотделитель*).

Verschraubte Messersektoren können ohne Ausbau des Messers vom Schneidtisch ausgewechselt werden. Устанавливаемые винтами секции ножа можно заменять без снятия ножа с жатки. Русский термин *секции ножа* является структурным заимствованием немецкого термина *Messersektoren*.

г) описательный перевод немецкоязычного

термина:

Diese Maßnahmen verhindern einen Überdruck in der Ruckleitung, wenn die Differentialsperre zugeschaltet wird. – Эти действия необходимы для того, чтобы преобладающее небольшое повышенное давление в линии возврата гидравлики не вызвало подключения замка. Данное предложение демонстрирует описательный перевод немецкоязычного термина.

Der Hersteller haftet nicht für durch nicht autorisiertes Zubehör verursachte Sach- oder Personenschaden. – Изготовитель не несет ответственности, если установка вышеупомянутых дополнительных устройств приведет к несчастному случаю или будет причинен материальный ущерб. В данном предложении переводчик использовал описательный прием при переводе термина *der Sach- oder Personenschaden.*

д) гибридные термины:

Das Schneidwerk muss abgekoppelt, die Halmteiler abmontiert und das Entleerungsrohr in Transportstellung fixiert sein. – Хлебные делители демонтированы и разгрузочная труба закреплена в транспортном положении. При переводе использованы термины, образованные по гибридному типу: *хлебные делители* (компонент с отличным внутренним значением), *транспортное положение* (компонент-заимствование).

Bei angezogener Handbremse blinkt ein Licht auf dem Armaturenbrett und es leuchtet ein Dauersymbol. – Мигающая сигнальная лампочка на приборной доске и постоянно горящая лампочка-символ указателя ручного тормоза информируют о включенном ручном тормозе. При переводе использованы термины, образованные по гибридному типу: *приборная доска* (компонент-заимствование), *постоянно горящая лампочка – символ* (компонент с описательным переводом).

Перевод терминологических словосочетаний особых затруднений не представляет. В основном используются те же приемы, что и при переводе односложных терминов. Определяющий компонент или главное слово в словосочетании выражает родовое понятие в отношении всего термина, а определяющий компонент терминологического словосочетания, как правило, отражает главное значение и смысл главного термина. Перевод терминов-словосочетаний начинают с перевода существительного или основного компонента, а затем последовательно переводят каждую смысловую группу, основным образом, справа налево: *Die hydrostatische Kraftübertragung verfügt über drei Geschwindigkeitsbereiche. – Гидростатическая трансмиссия имеет три диапазона скорости.*

Ситуация, когда не для каждого термина существует эквивалентный вариант перевод, естественна. Если в языке перевода функционируют несколько эквивалентов, то, исходя из предложенного контекста, следует выбрать наиболее адекватный вариант. Основную трудность для переводчика составляет выбор правильного значения многозначного слова. В зависимости от области применения даже основа слова в немецком языке может выражать самые разные значения. Как подчеркивает С. В. Гринев-Гриневич, выбор адекватного варианта не всегда прост по причине несоответствия терминологий, «не всегда высокого качества словарей» и «избыточности вариантов перевода» [Гринев-Гриневич, 2008, с. 241]. При выборе термина из нескольких терминов-синонимов следует обращать внимание на то, насколько он распространен, понятен специалистам и пользователям, а также на корректную область знаний, где он употребляется. Например, в онлайн-словаре Мультитран для термина *der Siebkasten* приведены следующие варианты перевода: *вод*. грохот; *горн*. короб с ситом, рама грохота; *кож*. гусс-машина; *пищ*. ситовой кузов (рассева), ситовый кузов; ситовый корпус (рассева); *с/х*. решётный стан, *текст*. сетчатый ящик (для обезвоживания кашицы из кожевенного волокна); *тех*. короб грохота [Словарь Мультитран, режим доступа: https://www.multitran.com/m.exe?l1=2&l2=3&s=Siebkasten&langlist=3]. Однако переводчик использовал термин *грохот*, который также используется в сельскохозяйственном машиностроении: *Der vom Gebläse erzeugte Luftstrom bläst das leichtere Material über den Siebkasten hinaus ins Freie. – Поток воздуха вентилятора поднимает легкую шелуху в воздух в самом начале грохота и выносит их наружу, минуя грохот.*

При описательном переводе терминов следует избегать использования громоздких и многословных конструкций, если это позволит полностью передать смысл сообщения и выполнить коммуникативную задачу. Основным требованием при выборе термина для перевода является соответствие основного компонента требуемой категории объекта, учет родового понятия определяющего компонента, которые отличают его от других предметов или явлений того же рода. При переводе с немецкого на русский и с русского на немецкий язык переводчик должен учиты-

вать особенности строя немецкого языка.

Анализ исследованных инструкций показал, что среди терминов, которые имеют эквивалент на языке перевода наиболее распространены термины, которые в языке оригинала и перевода не выявляют общей связи – 42,9 %, затем по распространенности следуют термины, общее значение и внутренняя форма которых в языках перевода и оригинала совпадают – 12,2 %. Доля терминов, которые переводятся интернациональными лексическими единицами, составляет 5,3 %. При переводе терминов, которые не имеют эквивалентной единицы в языке перевода, чаще всего используется терминологические единицы, образованные по гибридному типу – 30,6 %, затем следуют варианты с использованием описательного перевода – 5,7 %, доли остальных приемов при переводе терминов невелики – от 0,7 до 1,8 %.

Заключение

Таким образом, эффективная межкультурная техническая коммуникация невозможна без письменного научно-технического перевода. Важнейшими требованиями, предъявляемыми к таким переводам, являются эквивалентность и адекватность. Достижение коммуникативно-прагматической эквивалентности обуславливает успешное решения коммуникативной задачи при переводе. Перевод текстов научно-технического дискурса является одним из востребованных в настоящее время. Терминологические единицы как основное средство сохранения и передачи информации в таких текстах вызывают максимальное внимание переводчиков при переводе, что объясняется необходимостью выбора оптимального переводческого приема для преодоления межязыковой асимметрии и обеспечения успешной межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ; Москва : Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.

2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). Москва : Международные отношения, 1975. 239 с.

3. Большой немецко-русский и русско-немецкий автомобильный словарь : свыше 100000 терминов, сочетаний, эквивалентов и значений : в 2 т. / В. В. Богданов, В. С. Надеждин. Москва : Живой язык, 2010.

4. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение. Москва : Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.

5. Гусарова Ю. В. Немецкая инструкция по эксплуатации бытовых приборов как особый вид текста : научная электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskaya-instruktsiya-po-ekspluatatsii-bytovyh-priborov-kak-osobyy-vid-teksta/viewer (дата обращения: 11.04.2021).

6. Егорова Т. А. Проблема определения адекватности и эквивалентности перевода : научная электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-adekvatnosti-i-ekvivalentnosti-perevoda/viewer (дата обращения 01.12.2019).

7. Зерноуборочный комбайн Sampo Rosenlew. Инструкция по эксплуатации : сайт. URL: http://www.sampo-rosenlew.fi/upload/kirjat/Puimuri/SR2000/Manuaali/sr2000_manual_rus_02_2011.pbf (дата обращения: 01.06.2020).

8. Иващенко В. М. Аббревиатуры и их роль в научно-техническом тексте : научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19080596 (дата обращения 03.09.2020).

9. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва : Высш. шк., 1990. 253 с.

10. Немецко-русский сельскохозяйственный словарь: около 110000 терминов / под ред. И. И. Синягина. Москва : Руссо, 1998. 744 с.

11. Немецко-русский политехнический словарь: ок. 110000 терминов / Г. М. Бардышев и др. Москва : РУССО, 2005. 863 с.

12. Немецко-русский политехнический словарь: 75000 терминов / А. В. Панкин. Москва : URSS, 2009. 1022 с.

13. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / отв. ред. М. Б. Раренко. Москва, 2010. 260 с.

14. Приказчикова Е. В., Савенкова Е. П. Проблема выбора способа перевода художественной прозы и отбора единиц перевода как фактор, влияющий на адекватность перевода // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». № 2. 2011. С. 74–79.

15. Рецкер Я. И. Теория и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. Москва : Р. Валент, 2007. 244 с.

16. Новый немецко-русский автомобильный словарь : ок. 35000 терминов / Е. А. Дормидонтов. Москва : АБИ Пресс, 2008. 682 S.

17. Словарь Мультитран : электронный словарь. URL: https://www.multitran.com/m.exe?l1=2&l2=3&s=Siebkasten&langlist=3 (дата обращения 12.05.2021).

18. Терпак М. А. Компаративный подход к изучению научно-технического дискурса (на основе орга-

низации научно-технической статьи на русском и английском языках) : электронный журнал. URL: https://doi.org/10.18287/2542-0445-2017-23-3-66-70 (дата обращения: 11.04.2021)

19. Шарафутдинова Н. С. Сравнительный анализ технических текстов различных жанров : научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17838965 (дата обращения 03.09.2020).

20. Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус. Проблемы. Аспекты. Москва : Либроком, 1988. 216 с.

21. Щербо П. А. Специальная лексика научно-технических текстов и трудности ее перевода : научная электронная библиотека. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnaya-leksika-nauchno-tehnicheskih-tekstov-i-trudnosti-ee-perevoda (дата обращения 12.10.2020).

22. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Heidelberg, Wiesbaden : Quelle und Meyer, 1992. 291 S.

23. Langenscheidts Fachwörterbuch Technik und angewandte Wissenschaften : Russisch-Deutsch : Mit etwa 140 000 Wortstellen / Herausgegeben von H. Gorner. Berlin, München, Wien, Zürich, New York : Langenscheidt, 2001. 188 S.

24. Nida E. A., Taber C. R. The Theory and Practice of Translation. Leiden : E. J. Brill, 1969. 220 p.

25. Sampo Rosenlew. Bedienungsanleitung. URL: http://www.sampo-rosen-lew.fi/upload/kirjat/Puimuri/KIRJAT%20SAKSA/XL-Saksa-2013/sr2000_manual_2013_de.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

Reference list

1. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevodovedenie = Introduction to translation studies. Sankt-Peterburg : Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. 352 s.

2. Barhudarov L. S. Jazyk i perevod (Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda) = Language and translation (Issues of general and specific theory of translation). Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1975. 239 s.

3. Bol'shoj nemecko-russkij i russko-nemeckij avtomobil'nyj slovar' : svyshe 100000 terminov, sochetanij, jekvivalentov i znachenij = Large German-Russian and Russian-German automobile dictionary : over 100000 terms, collocations, equivalents and meanings : v 2 t. / V. V. Bogdanov, V. S. Nadezhdin. Moskva : Zhivoj jazyk, 2010.

4. Grinev-Grinevich S. V. Terminovedenie = Term studies. Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2008. 304 s.

5. Gusarova Ju. V. Nemeckaja instrukcija po jekspluatacii bytovyh priborov kak osobyj vid teksta : nauchnaja jelektronnaja biblioteka = German instruction manuals for household appliances as a special type of text : a scientific electronic library. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskaya-instruktsiya-po-ekspluatatsii-bytovyh-priborov-kak-osobyy-vid-teksta/viewer (data obrashhenija: 11.04.2021).

6. Egorova T. A. Problema opredelenija adekvatnosti i jekvivalentnosti perevoda : nauchnaja jelektronnaja biblioteka = The problem of determining the adequacy and equivalence of translation : a scientific digital library. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-adekvatnosti-i-ekvivalentnosti-perevoda/viewer (data obrashhenija 01.12.2019).

7. Zernouborochnyj kombajn Sampo Rosenlew. Instrukcija po jekspluatacii = Sampo Rosenlew combine harvester. Instruction manual. URL: http://www.sampo-rosen-lew.fi/upload/kirjat/Puimuri/SR2000/Manuaali/sr2000_manual_rus_02_2011.pvf (data obrashhenija: 01.06.2020).

8. Ivashhenko V. M. Abbreviatury i ih rol' v nauchno-tehnicheskom tekste : nauchnaja jelektronnaja biblioteka = Abbreviations and their role in scientific and technical text : a scientific electronic library. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19080596 (data obrashhenija 03.09.2020).

9. Komissarov V. N. Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Translation theory (linguistic aspects). Moskva : Vyssh. shk., 1990. 253 s.

10. Nemecko-russkij sel'skohozjajstvennyj slovar': okolo 110000 terminov = German-Russian agricultural dictionary: about 110,000 terms / pod red. I. I. Sinjagina. Moskva : Russo, 1998. 744 s.

11. Nemecko-russkij politehnicheskij slovar': ok. 110000 terminov = German-Russian polytechnic dictionary: approx. 110,000 terms / G. M. Bardyshev i dr. Moskva : RUSSO, 2005. 863 s.

12. Nemecko-russkij politehnicheskij slovar': 75000 terminov = German-Russian Polytechnic Dictionary: 75000 terms / A. V. Pankin. Moskva : URSS, 2009. 1022 s.

13. Osnovnye ponjatija perevodovedenija (Otechestvennyj opyt) = Basic concepts of translation studies (Domestic experience). Terminologicheskij slovar'-spravochnik / otv. red. M. B. Rarenko. Moskva, 2010. 260 s.

14. Prikazchikova E. V., Savenkova E. P. Problema vybora sposoba perevoda hudozhestvennoj prozy i otbora edinic perevoda kak faktor, vlijajushhij na adekvatnost' perevoda = The problem of choosing the method of prose translation and the selection of translation units as a factor affecting the adequacy of the translation // Vestnik MGOU. Serija «Lingvistika». № 2. 2011. S. 74–79.

15. Recker Ja. I. Teorija i perevodcheskaja praktika. Ocherki lingvisticheskoj teorii perevoda = Theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation. Moskva : R. Valent, 2007. 244 s.

16. Novyj nemecko-russkij avtomobil'nyj slovar' : ok. 35000 terminov = New German-Russian automobile dictionary : approx. 35000 terms / E. A. Dormidontov. Moskva : ABI Press, 2008. 682 S.

17. Slovar' Mul'titran : jelektronnyj slovar' = Multitran dictionary : electronic dictionary. URL: https://www.multitran.com/m.exe?l1=2&l2=3&s=Siebkas

ten&langlist=3 (data obrashhenija 12.05.2021).

18. Terpak M. A. Komparativnyj podhod k izucheniju nauchno-tehnicheskogo diskursa (na osnove organizacii nauchno-tehnicheskoj stat'i na russkom i anglijskom jazykah) : jelektronnyj zhurnal = Comparative approach to studying scientific and technical discourse (based on the structure of a scientific and technical article in Russian and English) : an electronic journal. URL: https://doi.org/10.18287/2542-0445-2017-23-3-66-70 (data obrashhenija: 11.04.2021)

19. Sharafutdinova N. S. Sravnitel'nyj analiz tehnicheskih tekstov razlichnyh zhanrov : nauchnaja jelektronnaja biblioteka = Comparative analysis of technical texts of different genres : a scientific electronic library. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17838965 (data obrashhenija 03.09.2020).

20. Shvejcer A. D. Teorija perevoda = Theory of translation. Status. Problemy. Aspekty. Moskva : Librokom, 1988. 216 s.

21. Shherbo P. A. Special'naja leksika nauchno-tehnicheskih tekstov i trudnosti ee perevoda : nauchnaja jelektronnaja biblioteka = Specialist vocabulary of scientific and technical texts and the difficulties of translation : a scientific electronic library. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnaya-leksika-nauchno-tehnicheskih-tekstov-i-trudnosti-ee-perevoda (data obrashhenija 12.10.2020).

22. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Heidelberg, Wiesbaden : Quelle und Meyer, 1992. 291 S.

23. Langenscheidts Fachwörterbuch Technik und angewandte Wissenschaften : Russisch-Deutsch : Mit etwa 140 000 Wortstellen / Herausgegeben von H. Gorner. Berlin, München, Wien, Zürich, New York : Langenscheidt, 2001. 188 S.

24. Nida E. A., Taber C. R. The Theory and Practice of Translation. Leiden : E. J. Brill, 1969. 220 r.

25. Sampo Rosenlew. Bedienungsanleitung. URL: http://www.sampo-rosen-lew.fi/upload/kirjat/Puimuri/KIRJAT%20SAKSA/XL-Saksa-2013/sr2000_manual_2013_de.pdf (data obrashhenija: 01.06.2020).

Статья поступила в редакцию 19.12.2021; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 19.12.2021; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 81'26
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-186-194

Современные практики англоязычной онлайн-лексикографии

Инна Алексеевна Воронцова
Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
arinna1@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5897-9299

Аннотация. В настоящей статье анализируется современное состояние англоязычной онлайн-лексикографии, существующей и развивающейся в условиях тотального применения электронно-цифровых технологий. Исследование выполнено на материале более 30 англоязычных онлайн-словарей и более 30 металексикографических ресурсов с применением метода теоретико-лингвистического анализа литературы, метода лексикографического анализа и метода сравнительно-сопоставительного анализа. Проведенное исследование позволило сформулировать основные концепции и принципы функционирования современных англоязычных онлайн-словарей, а именно интеграцию лексикографических форм и функций и, как следствие, универсализацию ресурсов с расширением пользовательской аудитории, решающей различные лингвистические задачи, оптимизацию инструментария поиска и извлечения информации, обеспечивающего высокую скорость извлечения информации, ее релевантность и надежность, а также эргономичность самого словаря, интуитивность его методов и функций и др. Лексикографические онлайн-ресурсы обнаруживают и стремление к «смартизации» за счет кастомизации режима просмотра словарной статьи и создания пользовательских профилей, разработки контекстно-зависимых словарей, встроенных в другие ресурсы, применения новейших технологий оценки «лексикографического поведения» пользователей, например, технологии ай-трекинга и интерпретации файлов регистрации действий пользователя. Проведенный анализ теоретических источников и фактического словарного материала дает основания утверждать, что в эпоху глобализации и цифровизации происходит «донастройка» лексикографической парадигмы, сформировавшейся во второй половине XX столетия: словарь, выступавший в роли автоматизированного справочника с солидной информационной базой, выходит на уровень динамически меняющегося, персонально конфигурируемого, инновационного синергетического ресурса, становясь полноценным партнером пользователя в решении большого числа задач, связанных с рецепцией и генерированием информации.

Ключевые слова: автоматизированная лексикография; цифровая лексикография; лексикографическая парадигма; онлайн-словарь; интеграция лексикографических форм; кастомизация словаря; контекстно-зависимый словарь; «лексикографическое поведение» пользователя

Для цитирования: Воронцова И. А. Современные практики англоязычной онлайн-лексикографии // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 186-194. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-186-194

Original article

Modern practices of english online lexicography

Inna A. Vorontsova
Candidate of philological sciences, associate professor, theory and practice of translation department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st.,108/1
arinna1@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5897-9299

Abstract. The study attempts to analyze the current state of english online lexicography evolving in the context of electronic digital technology. The research is based on more than 30 online dictionaries of english and over 30 meta-lexicographic resources using the following methods: theoretical and linguistic analysis of literature, lexicographic analysis and comparative analysis. The research allowed to define the main concepts and principles underlying modern online dictionaries of english, including integration of lexicographic forms and functions, universalization of online

© Воронцова И. А., 2022

dictionary resources followed by the expansion of the user audience solving various linguistic problems, optimization of tools for the search and retrieval of information providing for high retrieval rate, relevance and reliability of the data, as well as dictionary ergonomics, intuitiveness of its methods and functions, etc. Online lexicographic resources also find themselves striving for «smartization» seen in the customization of the vocabulary look-up mode and creation of user profiles, compilation of context aware dictionaries embedded in other resources, application of the latest technologies to assess the users' «lexicographic behavior», such as eye-tracking and interpretation of user log files. Literature review and online dictionary analysis give grounds to assert that the lexicographic paradigm formed in the second half of the 20th century is being «fine-tuned» in the era of globalization and digitalization: once an automated reference guide with a solid information base, the dictionary is advancing to the level of a dynamically changing, personally configurable innovative synergetic resource, thus becoming a user's full partner in the solution of a large number of tasks related to data reception and generation.

Key words: automated lexicography; digital lexicography; lexicographic paradigm; online dictionary; integration of lexicographic forms; dictionary customization; context aware dictionary; user's «lexicographic behavior»

For citation: Vorontsova I. A. Modern practices of English online lexicography *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):186-194. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-186-194

Введение

Автоматизация, а затем и цифровизация информационного пространства, так или иначе, коснулась всех источников и ресурсов, несущих знание. В полной мере преимущества, а вместе с тем и вызовы компьютеризации и цифровизации осознала и приняла лексикография, преодолевшая за относительно короткий период времени (менее 50 лет) путь от бумажных монословарей к электронным полифункциональным лексикографическим продуктам – программным электронным словарям (пользовательским и машинным), онлайн-словарям (Интернет-словарям), мобильным словарным приложениям.

Объединение лексикографических и технологических подходов было неизбежным по ряду причин – компьютеризация лексикографических процессов ускорила, облегчила и удешевила подготовку и выпуск словарей, обогатила и актуализировала словарный контент и инструментарий и др. Однако, решающую роль здесь, на наш взгляд, сыграла трансформация пользовательской концепции словарных продуктов. Будучи социально-ориентированной, электронная лексикографическая практика поставила во главу угла пользователя с его новыми требованиями в отношении скорости извлечения информации, ее релевантности и надежности, а также эргономичности самого словаря, интуитивности его методов и функций, доступности и «встраиваемости» работы со словарем в другие процессы [L2 writing assistants and context-aware dictionaries…, 2017, с. 496]. Произошел сдвиг лексикографической парадигмы: процессы, наблюдаемые в лексикографической практике, потребовали анализа и осмысления не только коммуникативного и когнитивного аспектов словаря, но и операционного, утилитарного [Tarp, 2007, с. 170]. Это определило генеральные тенденции развития электронной лексикографии в сторону интеграции лексикографических форм и функций, универсализации ресурсов с расширением пользовательской аудитории, решающей различные лингвистические задачи, оптимизации инструментария поиска и извлечения информации и др.

В цифровую эпоху, переживаемую человечеством сегодня, продолжается «донастройка» лексикографической парадигмы: словарь в целом ориентирован на те же пользовательские цели и задачи, но с поправкой на то, что пользователь XXI века – все чаще цифровой резидент – предъявляет к словарю повышенные требования в аспекте персонализированной обработки пользовательского запроса, что подводит электронную лексикографию к решению задач по кастомизации режимов функционирования словарей в ответ на конкретный запрос, интеграции электронных словарей в другие ресурсы, создания металексикографических инструментов.

Актуальность исследований, связанных с прогрессивной автоматизацией и цифровизацией лексикографических процессов, не может быть оспорена, поскольку определяется текущим моментом электронной лексикографии как практики генерирования словарных ресурсов нового поколения и как науки с инновационной синергетической парадигмой. В силу невозможности охвата в рамках одной статьи предмета электронной лексикографии во всей его широте, настоящее исследование сосредоточено на анализе процессов и практик, наблюдаемых в области электронной онлайн-лексикографии.

Методы исследования

Методологическую базу исследования представляют метод теоретико-лингвистического ана-

лиза литературы, метод лексикографического анализа и метод сравнительно-сопоставительного анализа. Исследование выполнено на материале более 30 англоязычных онлайн-словарей и более 30 металексикографических ресурсов (терминологических экстракторов, корпусов, инструментов корпусного запроса).

Результаты исследования

Современные подходы к созданию лексикографических онлайн-ресурсов можно со всей ответственностью назвать инновационными, меняющими не отдельные элементы структуры словаря, а трансформирующими саму модель лексикографического процесса – от создания плана словаря с акцентом на функциональное назначение ресурса и его удобство для потребителя (*dictionary planning*), разработки его контента, дизайна и т. д. до собственно создания словаря (*dictionary making*) и последующей его поддержки (*maintenance*) и обновления (*update*). Процесс создания современных словарных ресурсов представляется в работах по лексикографии именно как проект, с вытекающей отсюда концепцией и технологией проектного менеджмента или словарного менеджмента (*dictionary management*) [The Routledge Handbook of Lexicography, 20018, с. 34–42].

Современная научная литература не спешит отказываться от употребления термина «словарь» (*dictionary*) в отношении электронных онлайн-продуктов, несмотря на то, что создаваемые сегодня онлайн-словари вышли далеко за пределы традиционного толкования данного понятия как источника, информация в котором упорядочена с помощью разбивки на небольшие статьи, отсортированные по названию или тематике. Это коррелирует с взглядами, высказываемыми в конце XX столетия, на электронный словарь как на любой справочный материал, хранящийся в электронной форме и содержащий информацию о правописании, значении и особенностях употребления слов [Nesi, 2000, с. 841].

И. И. Саженин пишет о том, что спектр продуктов электронной лексикографии настолько широк и разнообразен, что существующие попытки ограничить область определения данных понятий рамками одной дефиниции не представляется возможным [Саженин, 2013, с. 6–7].

Поликонтентность онлайн-словарей, их выход за пределы словарной концепции в ее традиционном понимании отмечает Л. Трап-Йенсен. По мнению автора, лексикография будущего определяется тенденцией к снижению на электронном лексикографическом рынке собственно числа ресурсов с усложнением их состава и структуры [Trap-Jensen, 2010, с. 1133]. Очевидно, лексикографическая практика стимулирует появление в лексикографическом дискурсе таких понятий как «лексикографический ресурс (*resource*), продукт (*product*), проект (*project*), инструмент (*tool*), сервис (*service*), среда (*medium*)» и др.

Флагманские позиции в пространстве онлайн- или Интернет-лексикографии продолжают удерживать англоязычные (преимущественно, британские) ресурсы. Часть современных продуктов по-прежнему создается командой профессиональных лексикографов в рамках задания конкретного издательства (*institutional dictionaries*), однако все чаще в той или иной степени к процессу привлекаются пользователи словарей, что делает словарные проекты партнерскими, коллаборативными или коллективными (*collaborative, collective*). Практика создания словаря «снизу вверх» (*bottom-up / user-generated / user-involvement*) хорошо известна и описана во многих трудах по лексикографии [Воронцова, 2014; Карпова, 2020; Маник, 2019; A study of a user-generated dictionary…, 2020; Krek, 2019; User studies, user behaviour and user involvement…, 2016 и др.].

Современные англоязычные лексикографические он-лайн продукты (как, к слову, и ресурсы на других языках) представлены не только как отдельные словари, но и как словарные кластеры или каталоги (*Cambridge Dictionaries online page*), словарные порталы, содержащие гиперссылки на словари (*Oxforddictionaries.com; European Dictionary Portal*), и словарные или лексикографические агрегаторы, объединяющие содержание разных словарей и размещающие его на одной странице (*Dictionary.com*) [Lew, 2010].

Современные практики онлайн-лексикографии, определяющие тенденции к усложнению структуры, содержания и функционального назначения словарей, ставят вопрос об уточнении параметров словарной типологии. За 30 лет развития электронной лексикографии был выработан ряд подходов к классификации электронных словарей и справочников, однако значительное их число имеет металексикографические основания: по ориентированности на субъекта и степени интегрированности в словарь информационных технологий (Martin, 1992), по носителям информации с выделением различий в применяемом аппаратном и программном обес-

печении (Ide, 1993), по пользовательскому охвату и применимости интернет-технологий (Lehr, 1996), по назначению и среде функционирования (Nesi, 2000), пользовательскому охвату и типу доступа (De Schryver, 2003) [цит. по: De Schryver, 2003, с. 143–199] и др., при этом собственно лексикографические параметры не получают в них достаточного освещения.

В первую очередь, в уточнении нуждается параметр лексикографической формы. Некогда автономно существовавшие толковые словари с алфавитной организацией, тезаурусы, словари сочетаемости, частотные словари, конкордансы и др. сегодня консолидируются в единый ресурс, заставляя исследователей говорить об интегрированном, комплексном или кластеризующем словаре, соединившем в своей структуре все вышеназванные лексикографические формы: *Collins Dictionary and Thesaurus, Oxford Dictionary, Thesaurus and Translator on Lexico.com, Longman Dictionary of Contemporary English, Merriam-Webster's Online Dictionary and Thesaurus, MacMillan Dictionary, Cambridge Dictionary* и др. Осуществляя вход в словарь через соответствующий фасет (раздел) (*Dictionary / Thesaurus / Collocations*) или следуя предложенному составителями маршруту словарной навигации внутри раздела, пользователь получает подробную информацию о слове в разрезе семасиологии, ономасиологии, лингвокультурологии, прагматики и др.

Идеи конвергенции словарных жанров, создания интегрированного словаря, реализующего принципы объемного портретирования заглавных единиц [Устьянцева, 2020; Шерстяных, 2020 и др.], высказывались отечественными лексикографами в 80–90 годах XX столетия (Ю. Д. Апресян, В. В. Морковкин и др.) и были до некоторой степени воплощены в жизнь в отечественной и зарубежной бумажной лексикографии. Информационные технологии позволили реализовать эту идею в гораздо более полном объеме, причем вышеназванные фасеты или разделы словаря не просто сосуществуют в рамках мегаструктуры ресурса, а (за счет системы гиперссылок) интегрированы в его медиоструктуру, обнаруживая взаимосвязь и на уровне словника, и в рамках словарной статьи.

Как отмечалось выше, современные комплексные ресурсы, в первую очередь, ресурсы, ориентированные на реализацию учебной функции (*Longman Dictionary of Contemporary English, MacMillan Dictionary, Oxford Learner's Dictionaries*), содержат раздел *Collocations*, где собраны наиболее употребительные устойчивые сочетания слов, ранжированные по семантике, структуре (частеречной принадлежности коллокантов и коллокатов, порядку следования элементов), степени идиоматичности (коллокации, идиомы), частотности и др. Некоторые ресурсы (*Linguatools*, раздел *English Collocations*) позволяют воспользоваться системой фильтров и осуществлять поиск с учетом употребительности коллокаций (диапазон статистической значимости варьируется от 5 до 100000 употреблений на корпус) и опорной синтаксической модели (глагол + существительное, прилагательное + существительное и т. д.). Все коллокации проиллюстрированы аутентичными примерами.

Перманентным разделом мегаструктуры англоязычных онлайн-словарей является тезаурус, воплощенный в форме аналогического словаря, фиксирующего синонимы, антонимы, гиперонимы, смысловые корреляты и др. (*Collins Dictionary and Thesaurus, Oxford Dictionary, Thesaurus and Translator on Lexico.com, Merriam-Webster's Online Dictionary and Thesaurus* и др.), тематического словаря (*Longman Dictionary of Contemporary English*), идеографического словаря (*MacMillan Dictionary*). Реализация идеографического подхода к объединению лексики (*MacMillan Dictionary*) представляется заслуживающей наибольшего внимания, поскольку выстраивает смысловые связи не только в пределах конечной рубрики, но и на уровне макроструктуры (словника) словаря, позволяя смоделировать по вертикали целостный фрагмент лексической системы языка и исследовать близкие в смысловом отношении темы.

Следует отметить и развитие тезаурусов как самостоятельной лексикографической формы или компонента словарных агрегаторов: *Thesaurus.com, Freethesaurus.com, Powerthesaurus.org, Thesaurus.plus, Thinkmap Visual Thesaurus, Roget's Hyperlinked Thesaurus* и др. Помимо базовых функций визуализации синонимических и антонимических рядов (пар) и смысловых коррелятов, онлайн-тезаурусы дают возможность проводить более детальное сравнение лексических единиц друг с другом в семантико-функциональном аспекте (*compare synonyms*), вычленять общие синонимы и антонимы (*shared synonyms and antonyms*), определять взаимозаменяемость единиц в контекстах (*Thesaurus.com*), вести поиск фонетически близких слов (*sound like*), рифм (*Powerthesaurus.org*), строить ментальные карты слов (*Thinkmap Visual Thesaurus,*

Roget's Hyperlinked Thesaurus) и т. д.

К активно внедряющимся в мегаструктуру англоязычных онлайн-словарей опциям относятся опции, нацеленные на решение переводческих задач – двуязычные словари и программы автоматического перевода как элементы мегаструктуры англоязычного онлайн-словаря: англо-испанский словарь и переводчик в *Oxford Dictionary, Thesaurus and Translator on Lexico.com*, двуязычные словари (для 8 языков) и онлайн-переводчики (более 100 языков и языковых вариантов) в составе *Collinsdictionary.com* и (более 20 языков и языковых вариантов) в составе *Cambridge dictionary.org* и др. Актуальность переводных словарей и сервисов автоматического перевода давно стала труизмом на фоне глобализации информационного пространства, увеличения доли текстов, продуцируемых на разных языках (немецкий, испанский, французский, китайский, корейский и др.), сохранения английского языка в статусе современного *lingua franca* и необходимости перевода и обработки огромных массивов текстов, генерируемых на английском языке, и т. п. Двуязычная онлайн-лексикография во многом развивается в рамках частных лексикографических проектов и национальных лексикографий с привлечением специалистов и волонтеров.

Двуязычные ресурсы, созданные для англо-русской языковой параллели, включают зарекомендовавшие себя словари и сервисы *Мультитран, ABBYY Lingvo Live, Linguee, PONS, Glosbe,* агрегатор *WordReference.com* и др. В целом, двуязычные ресурсы отвечают потребностям современных переводчиков, предлагая пользователю широкий набор соответствий, ранжированных по сфере (*Мультитран*) и частоте употребления (*Linguee, Glosbe*), в том числе общепринятых, закрепленных в большинстве других словарей, пользовательских (*ABBYY Lingvo Live*), алгоритмически генерируемых или предполагаемых (*algorithmically generated (guessed) translations* – *Glosbe*) соответствий. В распоряжении пользователя обширный корпус коллокаций, фразеологизмов, паремий, предложений (текстовых фрагментов), иллюстрирующих контекстуальное употребление слова, с переводом (фактически, речь идет о параллельном корпусе контекстов – *ABBYY Lingvo Live, Linguee, ReversoContext*). Словари (чаще всего агрегаторы) имеют «встроенные» страницы, визуализирующие определения искомой единицы на исходном языке и список синонимов (*WordReference.com*), таким образом, вновь вбирая в себя черты толкового, переводного словарей и тезауруса. Пользовательские настройки предполагают создание персонализированных «быстрых ссылок» на сторонние ресурсы, необходимые пользователю при работе с языковым материалом и обеспечивающие быструю навигацию в Интренет-пространстве (*Мультитран*). Отдельного упоминания заслуживают опции словарных тренажеров, позволяющих тренировать и запоминать словарные соответствия – чаще всего, через систему флэш-карт (*ABBYY Lingvo Live*). Есть возможность и создания персональных пользовательских глоссариев.

Говоря о двуязычной лексикографии, следует подчеркнуть, что для удобства ресурсы предлагают автономно работать с конкретной парой языков, однако количество языковых пар (учитываются варианты) в ресурсах достаточно велико – в среднем, не менее 50. Вновь актуальной становится идея словарной конвергенции по основанию «количество языков, используемых в словаре»: современный онлайн-ресурс является полилингвальным (интегрированным) словарем с возможностью вычленения конкретного языка (в дефинитивной части) или языковой пары (в переводной части).

В ходе обзора и анализа англоязычных лексикографических онлайн-ресурсов удалось выделить содержательные доминанты вспомогательных материалов словаря. К ним относятся рубрики, публикующие слово, фразу, картинку дня (*word / phrase / picture of the day*), слово года, модные слова (*buzz words / trending words*), статистику популярности слов по периодам, актуальные (популярные) тематические серии (*hot topics*), блоги и страницы изданий в социальных медиа и т. д. Отдельный блок – это дополнительные информационно-развивающие ресурсы (игры, тренировочные лексико-грамматические упражнения, викторины, кроссворды и др.) и научные и научно-популярные статьи и видеоматериалы по лингвистическим, лингвострановедческим, литературоведческим и т. п. вопросам (*Oxford Dictionary, Thesaurus and Translator on Lexico.com, Merriam-Webster's Online Dictionary and Thesaurus* и др.). Таким образом, словарь «обрастает» чертами справочника и учебного пособия.

Некоторые ресурсы имеют в мегаструктуре средства автоматической обработки текстов, нацеленные на создание тематических списков слов или перечней терминологической лексики.

Фактически, речь идет об инструментах терминологической экстракции, необходимых и эффективно используемых сегодня для автоматического поиска и инвентаризации лексики специальной номинации [Воронцова, 2021; Гацук, 2021; Terminology extraction and management…, 2019]. В качестве примера можно привести инструмент *Vocabulary Grabber* в составе ресурса *Thinkmap Visual Thesaurus*, позволяющий вычленить из пользовательского текста терминологическую лексику и онимы и визуализировать их в виде облака тегов, списка или галереи, организующей лексические единицы по тематической релевантности, частоте встречаемости в тексте или словарном корпусе, по алфавиту. Подобного рода ресурсы демонстрируют тенденцию к объединению в словаре лексикографических и металексикографических функций.

Интеграция нескольких лексикографических форм, многоязычность и полифункциональность словарей оказывает непосредственное влияние и на организационный аспект микроструктуры онлайн-ресурсов. Доступ к информации оперативен и удобен и организован по лемме, словоформе, словосочетанию. Главным отличительным признаком современного онлайн-словаря, разумеется, является организация словарной статьи в виде гипертекста с возможностью навигации по статье и корпусу словаря и визуализацией всплывающих окон, комментирующих значение символов и помет. Второй важной особенностью микроструктуры ресурсов (реализована в большой части рассмотренных словарей) является ее «сдвижной» («раздвижной») вид (принцип *Show more / Show less*), дающий возможность пользователю работать со статьей в компактном, «свернутом» режиме или разворачивать текст словарной статьи, вызывая дополнительные наборы дефиниций, примеров, синонимов, коллокаций и идиом. С позиций современной лексикографии это входит в понятие пользовательской профилизации словаря (словарной статьи) [Л Trap-Jensen, 2010].

Вопрос кастомизации режима просмотра словарной статьи и создания профилей пользователя, обсуждаемый в современной теоретической литературе [Маник, 2019; Trap-Jensen, 2010; Heuberger, 2020 и др.] во многом связан с аспектом «гибкости» и «фиксированности» пользовательского профиля, необходимости его соответствия типу запроса [Trap-Jensen, 2010]. Анализ современных англоязычных онлайн-словарей показал, что профили фиксированы в части своего принципа (*Show more / Show less*) и гибки в части выбора информационных категорий, которые должны быть визуализированы в текущий момент (*explore (see, more, +) definitions / example sentences / synonyms (and related words) / collocations / word forms*). Кастомизация режима просмотра словарной статьи и создание профилей пользователя, на наш взгляд, могут быть оценены как движение электронных словарей к «смартизации», то есть появлению у ресурсов черт «умного словаря».

Процесс смартизации электронных ресурсов отражают и контекстно-зависимые словари (*context aware dictionaries*), встроенные в различные инструменты-фасилитаторы, например, инструменты типа *Write (Writing) Assistants*, призванные облегчить пользователям процесс генерирования текстов на родном и иностранных языках. Анализ источников [L2 writing assistants and context-aware dictionaries…, 2017, с. 496] приводит к выводу, что современный пользователь ожидает, чтобы его запрос был не только распознан (*detected*) и при необходимости скорректирован (*corrected*), но и предугадан (*predicted*). Более того, словарь должен быть «неосознанно» доступен пользователю, то есть не просто находиться «в одном клике» от обрабатываемого пользователем документа, он должен автоматически активироваться при работе пользователя с текстовой информацией, предлагать возможные словарные варианты и предупреждать пользователя о вероятных лингвистических трудностях и ошибках, иными словами, быть контекстно-зависимым.

Смартизация словарей также связана с применением технологии ай-трекинга (окулографии) для оценки распределения внимания пользователей между различными зонами словарных статей (дефиниции, графические иллюстрации и др.) [Alhafi, 2019; A mixed methods case study…, 2021; Lew, 2018; Schierholz, 2015 и др.] и интерпретации файлов регистрации и отслеживания действий пользователя [Денисов, Карпова, 2018, с. 43] и хранения их истории (*log files*) [Маник, 2019, с. 87]. В современных исследованиях презентуются модели словарей (в частности, модель интерактивного англо-русского справочно-информационного портала общественно-политической терминологии), технологические возможности которых позволяют адаптировать и сохранять систему навигации под тот способ, который свойственен данному конкретному пользователю. В идеале программа «подстраива-

ется» под человека и его запросы при помощи анализа его поведения и предпочтений [Маник, 2019, с. 87]. Не вызывает сомнений, что исследования в этой области будут способствовать дальнейшей оптимизации процесса поиска и извлечения информации и усовершенствованию словарей.

Заключение

Таким образом, современная англоязычная онлайн-лексикография адекватно реагирует на вызовы времени, предлагая пользователю интегрированные словари, сочетающие в себе раздел дефиниций (толковый словарь), раздел коллокаций и / или обширный корпус примеров, тезаурус, автоматический переводчик, кластер двуязычных словарей и разнообразные дополнительные материалы и сервисы, в том числе металексикографического плана (например, терминологические экстракторы). Интеграция в пределах одного ресурса множественных лексикографических форм и функций ведет к расширению пользовательской аудитории словаря и диверсификации задач, решаемых с помощью одного ресурса (наведение справки о значении, прагматике и т. д. слова, перевод, генерирование текстов, учебная деятельность, исследовательская деятельность и др.). Онлайн-ресурсы обнаруживают и стремление к «смартизации» за счет кастомизации режима просмотра словарной статьи и создания пользовательских профилей, разработки контекстно-зависимых словарей, встроенных в другие ресурсы, применения новейших технологий оценки «лексикографического поведения» пользователей, например, технологии айтрекинга и интерпретации файлов регистрации действий пользователя. Таким образом, словарь выходит на уровень динамически меняющегося, персонально конфигурируемого, инновационного синергетического ресурса, становясь полноценным партнером пользователя в решении большого числа задач, связанных с рецепцией и генерированием информации.

Библиографический список

1. Воронцова И. А. Интернет-словари, сетевые решения и инструменты автоматизации как компоненты электронного рабочего места переводчика // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете: традиции и инновации: материалы Международного научно-практического фестиваля, Иваново, 19–29 апреля 2021 г. Иваново : Иван. гос. ун-т. 2021. С. 412–416.

2. Воронцова И. А. Медиасловарь: принципы организации и перспективы развития // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1. №. 2. С. 176–182.

3. Гацук Е. Ю. Выбор терминологических экстракторов для выявления номинаций понятий языковой политики в текстах официальных документов европейского союза // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Том 12. № 4. С. 60–80.

4. Денисов К. М., Карпова О. М. Современная мировая лексикография и эволюция ее научной парадигмы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. №. 1. С. 39–44.

5. Карпова О. М. Волонтёрская лексикография (на материале толково-энциклопедического словаря «Florence in the works of World famous People» // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2020. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/volontyorskaya-leksikografiya-na-materiale-tolkovo-entsiklopedicheskogo-slovarya-florence-in-the-worksof-world-famous-people (дата обращения: 06.02.2022).

6. Маник С. А. Мечты лексикографа в эпоху информационных технологий // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2019. №. 15. С. 80–88.

7. Саженин И. И. Корпусные методы в лексикографии: опыт создания модели Словарного корпуса. 2013. 24 с.

8. Устьянцева Е. В. Модель интегративного описания слова-образа // Сибирский филологический форум. 2020. №. 1 (9). С. 32–40.

9. Шерстяных И. В. Фразеографический портрет слова «деньги» в современном русском языке // Modern Humanities Success. 2020. №. 4. С. 215–219.

10. Alhafi D. et al. Usability evaluation of lexicographic e-services // IEEE/ACS 16th International Conference on Computer Systems and Applications (AICCSA). IEEE, 2019. С. 1–7.

11. De Schryver G. M. Lexicographers' dreams in the electronic dictionary age // International Journal of Lexicography. 2003. Т. 16. №. 2. P. 143–199.

12. Gánem-Gutiérrez G. A., Gilmore A. A mixed methods case study on the use and impact of web-based lexicographic tools on L2 writing // Computer Assisted Language Learning. 2021. P. 1–27.

13. Heuberger R. Monolingual Online Dictionaries for Learners of English and the Opportunities of the Electronic Medium: A Critical Survey // International Journal of Lexicography. 2020. Т. 33. №. 4. С. 404–416.

14. Kageura K., Marshman E. Terminology extraction and management // The Routledge Handbook of Translation and Technology. 2019. P. 61–77.

15. Krek S. Natural Language Processing and Automatic Knowledge Extraction for Lexicography // International Journal of Lexicography. 2019. Т. 32. №. 2. С. 115–118.

16. Lew R. Online dictionaries of English. Adam Mickiewicz University. 2010. URL: https://repozytorium.amu.edu.pl/bitstream/10593/742/1/L

ew_Online%20dictionaries%20of%20English.pdf (дата обращения 04.02.2022).

17. Lew R. et al. Competition of definition and pictorial illustration for dictionary users' attention: An eye-tracking study // International Journal of Lexicography. 2018. T. 31. №. 1. P. 53–77.

18. Lorentzen H., Trap-Jensen L. User studies, user behaviour and user involvement–evidence and experience from The Danish Dictionary. 2016 (https://www.elexicography.eu/wp-content/uploads/2016/03/Lorentzen_Trap-Jensen_ENeL-2016.pdf).

19. Nesi H. «Electronic Dictionaries in Second Language Vocabulary Comprehension and Acquisition: the State of the Art» in U. Heid et al. (eds.). 2000. P. 839–847.

20. Schierholz S. J. Methods in lexicography and dictionary research // Lexikos. 2015. T. 25. P. 323–352.

21. Sköldberg E., Wenner L. Folkmun. se: a study of a user-generated dictionary of Swedish // International Journal of Lexicography. 2020. T. 33. №. 1. P. 1–16.

22. Tarp S. Lexicography in the information age // Lexikos. 2007. T. 17. №. 1. P. 170–179.

23. Tarp S., Fisker K., Sepstrup P. L2 writing assistants and context-aware dictionaries: New challenges to lexicography // Lexikos. 2017. T. 27. P. 494–521.

24. The Routledge Handbook of Lexicography. London; New York : Taylor & Francis Group, 2018. 809 p.

25. Trap-Jensen L. One, two, many: Customization and user profiles in internet dictionaries // Proceedings of the XIV Euralex International Congress / Ljouwert: Fryske Akademy-Afûk, 2010. P. 1133–1143.

Reference list

1. Voroncova I. A. Internet-slovari, setevye reshenija i instrumenty avtomatizacii kak komponenty jelektronnogo rabochego mesta perevodchika = Internet dictionaries, online solutions, and automation tools as components of an interpreter's electronic workplace // Nauchno-issledovatel'skaja dejatel'nost' v klassicheskom universitete: tradicii i innovacii: materialy Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo festivalja, Ivanovo, 19–29 aprelja 2021 g. Ivanovo : Ivan. gos. un-t. 2021. S. 412–416.

2. Voroncova I. A. Mediaslovar': principy organizacii i perspektivy razvitija = Media dictionary: structure and development perspectives // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2014. T. 1. №. 2. S. 176–182.

3. Gacuk E. Ju. Vybor terminologicheskih jekstraktorov dlja vyjavlenija nominacij ponjatij jazykovoj politiki v tekstah oficial'nyh dokumentov evropejskogo sojuza = The choice of terminological extractors to identify nominations of language policy concepts in the texts of European Union official documents // Obshhestvo. Kommunikacija. Obrazovanie. 2021. Tom 12. № 4. S. 60–80.

4. Denisov K. M., Karpova O. M. Sovremennaja mirovaja leksikografija i jevoljucija ee nauchnoj paradigmy = Modern world lexicography and the evolution of its scientific paradigm // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2018. №. 1. S. 39–44.

5. Karpova O. M. Volontjorskaja leksikografija (na materiale tolkovo-jenciklopedicheskogo slovarja «Florence in the works of World famous People» = Volunteer lexicography (on the material of the explanatory encyclopedic dictionary «Florence in the works of World famous People»)// Vestnik MGOU. Serija: Lingvistika. 2020. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/volontyorskaya-leksikografiya-na-materiale-tolkovo-entsiklopedicheskogo-slovarya-florence-in-the-worksof-world-famous-people (data obrashhenija: 06.02.2022).

6. Manik S. A. Mechty leksikografa v jepohu informacionnyh tehnologij = A lexicographer's dreams in the age of information technology // Teorija i praktika inostrannogo jazyka v vysshej shkole. 2019. №. 15. S. 80–88.

7. Sazhenin I. I. Korpusnye metody v leksikografii: opyt sozdanija modeli Slovarnogo korpusa = Corpus methods in lexicography: the experience of the Dictionary Corpus model. 2013. 24 c.

8. Ust'janceva E. V. Model' integrativnogo opisanija slova-obraza = Model of word-image integrative description // Sibirskij filologicheskij forum. 2020. №. 1 (9). S. 32–40.

9. Sherstjanyh I. V. Frazeograficheskij portret slova «den'gi» v sovremennom russkom jazyke = Phraseographic portrait of the word «money» in modern Russian // Modern Humanities Success. 2020. №. 4. S. 215–219.

10. Alhafi D. et al. Usability evaluation of lexicographic e-services // IEEE/ACS 16th International Conference on Computer Systems and Applications (AICCSA). IEEE, 2019. S. 1–7.

11. De Schryver G. M. Lexicographers' dreams in the electronic dictionary age // International Journal of Lexicography. 2003. T. 16. №. 2. P. 143–199.

12. Gánem-Gutiérrez G. A., Gilmore A. A mixed methods case study on the use and impact of web-based lexicographic tools on L2 writing // Computer Assisted Language Learning. 2021. P. 1–27.

13. Heuberger R. Monolingual Online Dictionaries for Learners of English and the Opportunities of the Electronic Medium: A Critical Survey // International Journal of Lexicography. 2020. T. 33. №. 4. S. 404–416.

14. Kageura K., Marshman E. Terminology extraction and management // The Routledge Handbook of Translation and Technology. 2019. P. 61–77.

15. Krek S. Natural Language Processing and Automatic Knowledge Extraction for Lexicography // International Journal of Lexicography. 2019. T. 32. №. 2. S. 115–118.

16. Lew R. Online dictionaries of English. Adam Mickiewicz University. 2010. URL: https://repozytorium.amu.edu.pl/bitstream/10593/742/1/Lew_Online%20dictionaries%20of%20English.pdf (data obrashhenija 04.02.2022).

17. Lew R. et al. Competition of definition and pictorial illustration for dictionary users' attention: An eye-tracking study // International Journal of Lexicography. 2018. T. 31. №. 1. P. 53–77.

18. Lorentzen H., Trap-Jensen L. User studies, user behaviour and user involvement–evidence and experience from The Danish Dictionary. 2016 (https://www.elexicography.eu/wp-content/uploads/2016/03/Lorentzen_Trap-Jensen_ENeL-2016.pdf).

19. Nesi H. «Electronic Dictionaries in Second Language Vocabulary Comprehension and Acquisition: the State of the Art» in U. Heid et al. (eds.). 2000. P. 839–847.

20. Schierholz S. J. Methods in lexicography and dictionary research // Lexikos. 2015. T. 25. P. 323–352.

21. Sköldberg E., Wenner L. Folkmun. se: a study of a user-generated dictionary of Swedish // International Journal of Lexicography. 2020. T. 33. №. 1. P. 1–16.

22. Tarp S. Lexicography in the information age // Lexikos. 2007. T. 17. №. 1. P. 170–179.

23. Tarp S., Fisker K., Sepstrup P. L2 writing assistants and context-aware dictionaries: New challenges to lexicography // Lexikos. 2017. T. 27. P. 494–521.

24. The Routledge Handbook of Lexicography. London; New York : Taylor & Francis Group, 2018. 809 p.

25. Trap-Jensen L. One, two, many: Customization and user profiles in internet dictionaries // Proceedings of the XIV Euralex International Congress / Ljouwert: Fryske Akademy-Afûk, 2010. P. 1133–1143.

Статья поступила в редакцию 14.12.2021; одобрена после рецензирования 15.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 14.12.2021; approved after reviewing 15.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства

Научная статья
УДК 94(470) «19-20»
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-195-203

Американцы о Ярославском крае (вторая половина XIX – начало XX в.)

Петр Геннадьевич Аграфонов
Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
ppeter@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1030-4334

Аннотация. Статья посвящена анализу материалов о Ярославском крае, принадлежащих перу представителей Соединенных Штатов Америки и опубликованных во второй половине XIX – начале XX столетия, в том числе – публикаций путевых впечатлений от личного знакомства американцев с регионом. Первые печатные сообщения о Ярославле, опубликованные на Американском континенте, появляются с середины XIX столетия. Эти публикации различаются степенью информационной насыщенности, источниками и стилем авторов. Особую выразительность собранным в статье материалам придает резкий содержательный контраст их между собой – от сдержанного информационно-справочного издания до дневника свадебного путешествия и записок очевидца предреволюционной ситуации в Ярославле в сентябре 1917 года. Приводимые американцами сведения представляют интерес как с исторической, так и с культурологической точки зрения, и анализируются во взаимосвязи этих двух ракурсов. Особо отмечено, что записки путешественников, вне зависимости от индивидуальных особенностей авторского текста, представляют собой отражение встречи элементов различных культур, в том числе образования, искусства, политики, обычаев, бытовых привычек и т. д. Следовательно, наряду с историческим аспектом описываемые материалы служат инструментом соприкосновения культур, что предоставляет возможности для изучения взаимовосприятия различных социумов. Особое внимание уделено сравнительному анализу исследуемых данных. Кроме того, в статье рассматривается социально-культурный характер информации, звучащей в откликах иностранцев и способствующей более глубокому исследованию деятельности человека на определенном отрезке истории. Соответственно, в рамках многогранного коммуникативного взаимодействия подобное сближение культур позволяет более полно и ярко охарактеризовать картину общественной жизни на известный исторический момент.

Ключевые слова: Ярославль; Ярославская губерния; XIX век; 1917 год; США; Роберт Сирс; Рут Кедзи Вуд; Оррин Сейдж Уайтмен

Для цитирования: Аграфонов П. Г. Американцы о Ярославском крае (вторая половина XIX – начало XX в.) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 195-203. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-195-203

© Аграфонов П. Г., 2022

ART HISTORY AND CULTURAL STUDIES

Theory and history of culture and the arts

Original article

Americans on the Yaroslavl region (second half of XIX – early XX centuries)

Petr G. Agrafonov
Candidate of historical sciences, associate professor, department of Russian history, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
ppeter@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1030-4334

Abstract. The article analyzes materials about the Yaroslavl region, written by the representatives of the United States and published in the second half of XIX – early XX centuries, including personal travel experiences of the Americans who visited the region. The first printed reports about Yaroslavl published on the American continent appeared in the middle of the 19th century. These publications differ in the degree of the authors' awareness, their sources and style. What makes the materials collected in the article especially expressive is the sharp contrast in their content – from a reserved informational reference book to a honeymoon diary and eye-witness notes of the pre-revolutionary situation in Yaroslavl in September 1917. The information provided by the Americans is of historical as well as cultural interest, and is analyzed in the interrelationship of the two perspectives. It is worth mentioning that travel notes, regardless of the individual characteristics of the author's text, are a reflection of how elements of different cultures meet, including education, art, politics, customs, everyday life habits, etc. Consequently, along with the historical aspect, the materials described serve as a means of contact between cultures, which provides opportunities to study the mutual perception of different societies. Particular attention is paid to the comparative analysis of the data under consideration. In addition, the article examines the socio-cultural nature of the information contained in the foreigners' comments, which contributes to a deeper study of human activity at a certain period in history. Consequently, the multifaceted communicative interaction of cultures allows for a more complete and vivid characterization of the social scene at a certain point in history.

Key words: Yaroslavl; Yaroslavl province; XIX century; 1917; the USA; Robert Sears; Ruth Kedzie Wood; Orrin Sage Whiteman

For citation: Agrafonov P. G. Americans on the Yaroslavl region (second half of XIX – early XX centuries). *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):195-203. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-195-203

Введение

Предлагаемая работа представляет собой продолжение серии публикаций, посвященных изучению откликов иноземцев о Ярославском крае [Аграфонов, 2016, 2017].

Интерес к Ярославлю иностранцев из европейских стран хорошо известен и отличается длительной историей. На протяжении многих веков европейцы оставляли отклики о своем знакомстве с этой территорией. Но только в середине XIX столетия появляется первое печатное сообщение о городе, опубликованное на Американском континенте. Предметом настоящей статьи станет обзор первых, немногочисленных, но оттого не менее интересных отзывов о Ярославле, принадлежащих представителям Соединенных Штатов Америки и относящихся к периоду от середины XIX столетия до сентября 1917 года.

Они отличаются своеобразием стиля, характером источников и степенью информационной насыщенности. Анализ такого рода материалов представляет интерес не только с сугубо исторической точки зрения. Прежде всего следует отметить, что записки путешественников, вне зависимости от хронологических характеристик и индивидуальных особенностей авторов, представляют собой также отражение встречи элементов различных культур, в том числе образования, искусства, политики, обычаев, бытовых привычек, характера одежды, внешнего облика и пр.

Таким образом, наряду с историческим аспектом эти материалы служат инструментом соприкосновения культурных смыслов. Это предоставляет возможности для изучения культурного взаимовосприятия и взаимодействия социумов.

Результаты исследования

Первым среди представителей Нового света, говорящих о Ярославле в печатной работе, следует назвать американского издателя Роберта

Сирса, опубликовавшего в 1855 году в Нью-Йорке «Иллюстрированное описание Российской Империи» [An illustrated description.., 1855]. Происходивший из семьи, гордившейся своей историей, восходящей к американским первопоселенцам, он посвятил жизнь типографскому и издательскому делу, специализируясь на выпуске иллюстрированных справочников и дайджестов по различным отраслям знания. В числе таких изданий он опубликовал и несколько описаний стран Европы, а также регионов Америки.

«Описание Российской Империи» стало одним из поздних справочных изданий Сирса. Ярославская часть «Описания», при ограниченных размерах раздела, отличается насыщенностью и разнообразием сведений. В этой главе умело скомпонованы многочисленные, хотя и краткие, но вполне достоверные данные по истории, климату и географии края, а также приведена характеристика административного деления, основных занятий населения, торговли и пр. Тем не менее, следует отметить, что некоторых ошибок он не избежал.

Сирс, никогда не бывавший в России, в качестве основного источника описания Ярославской губернии пользовался, вероятнее всего, двумя статистическими сборниками, опубликованными в Санкт-Петербурге в середине XIX века [Герман, 1808; Военно-статистическое обозрение.., 1851]. Вышедшие один в 1808, другой в 1851 году, они были для Сирса, видимо, наиболее свежими изданиями по интересовавшей его теме. При сличении «Описания» с данными сборников в отдельных местах обнаруживается практически полное совпадение, если не прямое заимствование. Но и это не избавило Сирса от очевидных неточностей или искажений.

Например, при определении географического положения территории края он пишет, что Ярославская губерния располагается «между пятьдесят седьмым и пятьдесят девятым градусами северной широты и тридцать седьмым и сорок первым градусами восточной долготы» [An illustrated description.., 1855, с. 98], на самом деле, как следует из упомянутого выше статистического сочинения – между пятьдесят пятым и пятьдесят девятым градусами северной широты.

От краткого описания ландшафта и водных ресурсов края Сирс переходит к уровню плодородия почв, а в связи с этим – к урожайности и далее к хозяйственной структуре региона, отмечая, между прочим, обилие вишневых и яблоневых садов, а также всероссийскую известность ярославских и ростовских огородников [An illustrated description.., 1855, с. 98]. Животноводство, по его данным, наоборот, не отличается высоким уровнем развития. И в целом Ярославская губерния выделяется не достижениями сельского хозяйства, а своими «мануфактурами», в первую очередь текстильными. Важную отрасль экономики составляют также изготовление скобяных изделий и производство табака. Предмет особой гордости – местные высококачественные кожи и дорогое столовое белье [An illustrated description.., 1855, с. 98].

Отмечая недостаток в губернии хлеба собственного производства, автор говорит в связи с этим, с одной стороны, об обеспечении зерном за счет соседних областей, с другой – о широком распространении торгово-промысловой деятельности, в том числе среди крестьян. Отсюда проистекает возможность обеспечения жителей работой. Высокий уровень промысловой активности содействует развитию мелкофабричного производства, выросшего во многом из домашнего ремесла. В итоге Ярославский край наряду с Костромским, по мнению Сирса, «можно считать главными местами мануфактур, откуда восточная Европа получает товары» [An illustrated description.., 1855, с. 99].

Отметив, что территория губернии в административном отношении разделена на десять волостей, он добавляет, что в городах при этом сконцентрировано чуть более двадцатой части от общей численности населения. Кроме того, Сирс считает необходимым отметить, что организация и управление сферой народного образования лежит в ведении центрального правительства [An illustrated description.., 1855, с. 98].

Внешний облик губернской столицы он называет «весьма представительным», что обусловлено качественной каменной застройкой – как жилой, так и церковно-монастырской. Среди важнейших городских зданий и учреждений перечислены «большой каменный рынок», больница, детский дом, один исправительный и два работных дома. Не оставлен без внимания также Демидовский лицей и его роль в развитии системы образования [An illustrated description.., 1855, с. 99].

Таким образом, текст «Описания» представляет собой подборку информации, собранной в публичных источниках и сочетает признаки историко-географического и статистического сочинения.

Полную противоположность публикации

Сирса представляет изданная в Нью-Йорке в 1911 году работа американской журналистки Рут Кедзи Вуд «Медовый месяц в России». Книга была написана по следам большого свадебного путешествия автора. Весьма экзотический для американки маршрут праздничной поездки объясняется спецификой интересов Вуд – путешественницы со стажем, члена Британского Королевского географического общества. Свадебное путешествие стало поводом для написания обширного сочинения, отражающего интересы автора, искреннее неравнодушие к увиденному и стремление обобщить свои впечатления.

Работа Вуд представляет собой достаточно пространные дорожные записи дневникового характера, где в главе, повествующей о путешествии по Волге, появляются замечания о Рыбинске и Ярославле. При этом следует отметить, что путешествие молодоженов от Рыбинска до Нижнего Новгорода, по словам автора, оказалось одним из самых приятных.

До Ярославля пароход шел десять часов и прибыл в город «на последней минуте расписания». В своем описании столицы губернии Вуд не жалеет превосходных эпитетов, называя вид на город с Волги одним из самых чарующих в стране. Своей живописностью он во многом обязан зеленым склонам спускающихся к воде набережных. Это сообщение получает многочисленные подтверждения от бывавших в Ярославле современников Вуд.

В самом деле, обветшавшая к середине XIX века волжская набережная с восьмидесятых годов вновь становится гордостью города и предметом неизменного восхищения приезжих. Произошло это благодаря энергичной и целеустремленной деятельности одного из самых известных ярославских меценатов – городского головы Ивана Александровича Вахрамеева, оставившего большой след в развитии городской инфраструктуры на рубеже веков, реконструкцию набережной он считал одной из важнейших задач городских властей [Дутов, 2005, с. 47].

Рассказывая далее о Ярославле, Вуд в основном повторяет обычные туристические сведения начала века – о первом русском театре, производстве текстиля и красоте ярославских женщин. Дополняет этот перечень сообщение о прекрасном местном сыре, организация производства которого ставится в заслугу местной власти [Wood, 1911, с. 156].

Действительно, на пороге Первой мировой войны Ярославская губерния входила в число регионов – главных производителей сыра в России.

Небогатая собственным хлебом, губерния имела отличные условия для развития молочного животноводства. С 1870 года начинается деятельность артельных сыроварен в северных уездах – Рыбинском, Любимском, Мологском, Пошехонском. При небольших объемах производства количество сыроваренных заводов было немалым, производительность – устойчивой и постепенно ярославские сыры – прежде всего, пошехонский – завоевали широкую известность и значительный потребительский спрос. Н. [В. Верещагин, 1999, с. 456].

Гостиница Кокуева в Ярославле, по мнению американки, отличная. На протяжении многих десятилетий это гостиничное заведение оставалось одним из крупнейших и наиболее известных в городе. Открытая богатейшим ярославским купцом Рафаилом Кокуевым в 1862 году в самом центре города – на Театральной площади и примыкавшая к Знаменской башне, гостиница была одним из знаковых зданий Ярославля и многократно упоминалась в записках путешественников. [Колышко, 1887, с. 248-249]

Помимо предоставляемых услуг, чистоты и уюта гостиница Кокуева была известна живописными видами из окон ее номеров – в том числе на городской театр Ярославля. Стоит также отметить, что на рубеже веков она уже могла гордиться современным оборудованием и удобствами. В конце XIX века в здание был проведен водопровод, а в начале XX столетия – электрическое освещение всех номеров и других помещений.

Рут Вуд называет Ярославль одним из старейших городов в России. Всю последовавшую далее в ее работе историко-туристическую информацию о городе и губернии постояльцы гостиницы получили от ее хозяина (по словам Вуд – по происхождению балтийского немца), общавшегося с ними на смеси английского и немецкого языков. На страницах дневника Вуд присутствует традиционный для этого времени восторженный отзыв о ярославских льняных изделиях, а также говорится о всероссийской известности местных плотников [Wood, 1911, с. 146].

Широкое распространение льноводства и высокое качество местных изделий из льна находят многократные подтверждения в экономической литературе – как современной автору, так и более ранней. Разведение льна было одной из опреде-

ляющих отраслей сельского хозяйства Ярославской губернии и сыграло значительную роль в развитии текстильной промышленности России. В лучшие годы, как отмечал, в частности, известный ярославский краевед Петр Критский, в конце XIX века за пределы губернии и за границу льняного волокна вывозилось до миллиона пудов [Критский, 1998, с. 61]. В начале XX века, наряду с мелкими промыслами льнообработкой занимались Локаловская мануфактура в Гаврилов-Яме, Ростовская и Романовская мануфактуры.

Плотницкое ремесло, по свидетельствам многочисленных источников, тоже служило предметом специализации ярославцев. Пильщики и плотники были востребованы, наряду с городской и сельской застройкой, также в судостроении. Богатый древесиной и лежащий на Волге Ярославский край веками поставлял мастеров этой отрасли деревообработки. [Критский, 1998, с. 61].

Обращает на себя внимание также сделанный Вуд акцент на склонности ярославцев к торговле, в чем они, по утверждению американки, выдерживают даже сравнение с шотландцами и евреями. Кроме того, Ярославль она характеризует как город богачей и даже миллионеров, составивших себе состояние на торговле хлопком, железом, табачными изделиями и льном.

Действительно, на тот момент город занимал второе место по торговле железом [Велитченко, 1989, с. 8]. Производство табака в Ярославле в начале столетия занимало преобладающее место в структуре переработки сельскохозяйственного сырья и второе место по объемам производства в промышленности города. Выпуск табачных изделий был не только наиболее быстро развивающимся направлением городской экономики, но и образцовым с точки зрения использования передовых технологий, самого современного оборудования. Эта отрасль дала городу знаменитые имена династии Дунаевых и в значительной степени – Вахрамеевых [Александров, 1995, с. 113].

Из Ярославля американские молодожены отправились по Волге в Нижний Новгород. В описании отплытия особенно ярки личные впечатления автора «Медового месяца». Так, Вуд отмечает многочисленность пассажиров на волжском пароходе, живость и пестроту картины, которую они составляли – от офицеров и купцов, сопровождавших свои товары в Нижний, до здешних охотников с добычей за спиной и крестьян, возвращавшихся на свои «фермы». Представляет интерес также рассказ о кипучей сувенирной торговле на Волжской набережной, где американцы побывали перед отплытием. Оказывается, продавцы здесь могут до некоторой степени изъясняться по-французски, благодаря чему путешествующие приобрели, среди прочего, восьмиместную матрешку ручной росписи по цене, «равной четверти доллара» [Wood, 1911, с. 147–148].

Несколько иного характера сведения присутствуют в другой работе Рут Вуд, опубликованной тоже в Нью-Йорке. Этот труд, под названием «Туристическая Россия», написан также на основании собственных впечатлений автора, хотя и многолетней давности, и вполне отвечает своему названию. Фактически работа представляет собой расширенный историко-культурный путеводитель по стране, относящийся по своим материалам к началу столетия, включая небольшой раздел о Ярославле и Рыбинске, открывающийся рассказом о поездке по железной дороге от станции Бологое до Рыбинска.

Отсутствие в поезде вагонов первого класса, по словам Вуд, вознаграждается видами Верхневолжья. Возможно, американке с ее спутниками не повезло, так как вагоны первого класса в поездах имелись только на некоторых линиях железнодорожной сети России. Железнодорожное сообщение с Рыбинском действовало к моменту поездки американских туристов уже около сорока лет. Движение поездов из Рыбинска было открыто летом 1870 года. В эксплуатацию на этот момент была сдана первая линия дороги, именовавшейся вначале Рыбинско-Бологовской. С 1897 года, с окончанием строительства участка Москва – Рига железная дорога получила наименование Московско-Виндаво-Рыбинской [Вульфов, 2007, с. 200].

Наряду с упоминанием живописных пейзажей во время путешествия поездом особенно поэтично звучат слова Рут Вуд о «подернутых дымкой истории» русских городах, которые можно видеть по пути [Wood, 1947, с. 154]. Но еще более «настоящая» Россия открывается, по ее словам, с борта волжского парохода, идущего от Рыбинска до Нижнего Новгорода. Здесь отзыв американки звучит почти как рекламный текст, в котором сочетаются восторженные высказывания о «лечении покоем», вкусной еде «в избытке», удобстве парохода и завораживающих видах по берегам реки [Wood, p. 160]. Возможно, здесь сказалась «дымка», затянувшая воспоминания за время десятилетий, минувших к моменту издания «Туристической России»

Тем не менее, на соседних страницах работы взгляд путешественника, привычного к перу, остается достаточно трезвым. Например, на палубе парохода нет сажи и золы, потому что, по сообщению осведомленной о таких деталях Вуд, он идет на мазуте. Удобство и даже роскошь волжских пароходов, в отличие от поездов, по мнению Вуд, вызывают даже удивление у иностранцев. В частности, она отмечает, что салоны и каюты не только первого, но и второго классов освещаются электричеством. Кроме того, в «Туристической России» можно почерпнуть также некоторые данные об основных волжских пароходных линиях, расписании движения пассажирских судов, стоимости билетов и питания на борту [Wood, 1947, с. 155].

В скобках заметим, что знаменитое общество «Самолет», с которым связана история регулярного движения пассажирских пароходов по Волге, начинало свою деятельность с отрезка от Твери именно до Рыбинска, спускаясь затем постепенно вниз вплоть до Астрахани. Наряду со скоростью обязательным условием оснащения пассажирских судов была максимальная комфортабельность. На пароходах непременно присутствовали хорошо организованные буфеты, отношение к пассажирам отличалось исключительной предупредительностью [О пароходстве на Волге… , 1870, с. 283].

Слова Вуд относительно удобств пребывания на борту можно дополнить следующим свидетельством, описывающим бытовые условия на «самолётовском» пароходе «Некрасов». «Самые дорогие каюты размещались на носу. Каждая представляла собой комнату с двумя пружинными диванами, крытыми бархатом. Обстановка включала также зеркало, стол, умывальник, электрический звонок. Окна выходили на галерею, служившую местом прогулок. Чистота на пароходе – образцовая. Во втором классе… обстановка попроще, но комфорт тоже соблюдён. Желающие имели возможность пользоваться судовой библиотекой» [Wood, 1947, с. 155].

Знакомство американцев с Рыбинском ограничивалось видами с парохода. Город, по утверждению Рут Вуд, со своим лесом мачт, морем грузовых судов и лесовозов похож на большой морской порт. Купола Преображенского собора служат судам маяком. Действительно, в начале столетия, с открытием Мариинской водной системы Рыбинск стал крупнейшим перевалочным пунктом на линии Каспий – Балтийское море.

Не вызывает поэтому сомнений сообщение Вуд о том, что не менее сотни тысяч людей в Рыбинске и вокруг него живут только за счет ловли и торговли рыбой, не считая других занятий. Вполне справедливо и следующее утверждение американки – о том, что Волга перенесла больше грузов из разных стран, чем любая другая река мира. И по сей день, добавляет Вуд, она нередко остается единственным путем сообщения для жителей прибрежных городов и деревень [Wood, 1947, с. 159].

Помимо деловой активности в окрестностях Рыбинска сильное впечатление на автора «Туристической России» произвело знакомство с явлением бурлачества. Наглядевшись на их работу во время своего путешествия, Вуд искренне сочувствует бурлакам, сравнивая их каторжный труд с работой американских чернокожих, из которых, впрочем, по ее словам, ни один не согласился бы надрываться по 18 часов в день, часто на пределе человеческих возможностей, к тому же при копеечном заработке – «они получают пятьдесят копеек в день против шести рублей…, хорошего питания и жилья, которые есть у работников на Миссисипи» [Wood, 1947, с. 157].

Рыбинск, где количество бурлаков во много раз превышало численность постоянного населения, хорошо известен как бурлацкая столица России. Существующая и сегодня улица Стоялая была бурлацкой биржей, где они толпились в ожидании найма на работу. Среди бурлаков было немало ярославских крестьян, уходивших во время навигации в отход. Размер заработка зависел от уровня спроса на рабочую силу, а также от сезона. Согласно «Материалам для географии и статистики России», изданным в 1868 году, в 1856 году, когда спрос на бурлаков был высокий, и за путину можно было заработать от двадцати пяти до пятидесяти-шестидесяти рублей [Материалы для географии и статистики.., 1868, с. 356]. В начале XX века расценки существенно выше, но и реальная стоимость рубля уже совсем иная.

Резкий контраст материалам «Туристической России» представляют сведения представителя Нового Света, побывавшего в Ярославле всего шестью годами позднее Рут Вуд. Американский военный медик, профессор Оррин Сейдж Уайтмен оказался здесь в начале осени 1917 года, практически на пороге Октябрьской революции.

В качестве военного врача и майора медицинского корпуса армии США Уайтмен принимал участие в миссии Американского Красного кре-

ста в революционной России, одним из сотрудников которой был знаменитый американский журналист Джон Рид – автор книги «Десять дней, которые потрясли мир». В составе миссии Уайтмен объездил почти всю Россию. На основании своих путевых записей он подготовил иллюстрированные мемуары под названием «Дневник американского психиатра в годы русской революции 1917 года», изданные в 1928 году в Нью-Йорке. Иллюстрациями к воспоминаниям послужили фотографии, сделанные лично Уайтменом и его коллегами.

Особый интерес представляют страницы этого дневника, посвященные предреволюционному Ярославлю. Ярославль был первым пунктом в плане путешествий Уайтмена по старым российским городам. В этих поездках американца сопровождал член партии большевиков и один из переводчиков миссии капитан Иловайский. Двухдневное пребывание в городе в сентябре 1917 года оставляет в записках Уайтмена, наряду с беглыми замечаниями об осенней погоде и об увиденных на станции крестьянах, также впечатления не только от облика старинного волжского города, но и от знакомства с его новой бюрократией.

От станции до Ярославля оказалось «около двух миль», которые пришлось преодолевать по булыжнику под дождем. Самые первые впечатления от города – обширные пространства, монастырские стены и одно- или двухэтажная застройка. Об экономическом благополучии Ярославля, по мнению американца – если не в настоящем, то хотя бы в прошлом – свидетельствуют размеры и неплохое состояние «Magasina» (так автор заметок называет Гостиный двор). Южный корпус Гостиного двора появился в Ярославле в 1818 году на месте старой рыночной площади. В начале XX века часть его северного корпуса обветшала и была переделана в стиле модерн. [Козлов, Маров, 1988, с. 147]. Уайтмен обращает также внимание на массивные каменные арки, колоннады и широкие площади, вымощенные булыжником. Отметил он, естественно, и обилие куполов – золотых или «прекрасного цвета индиго» [Wightman, 1928, с. 88].

Оставив на всякий случай свою визитную карточку губернатору, еще занимавшему свой пост, американец счел необходимые формальности исполненными. Однако в гостинице его дипломатический паспорт, вполне действительный по всей России, включая Москву и Петроград, вызвал вопросы со стороны «рабочего штаба», с представителями которого ему вместе с Иловайским пришлось довольно долго объясняться [Wightman, 1928, с. 89].

Рабочим штабом Уайтмен называет, по-видимому, Ярославский совет рабочих депутатов, заседавший тогда в «Доме народа», как именовался на тот момент бывший Губернаторский дом. [Иерусалимский, Федюк, 2017, с. 21].

Приходится отметить, что общение американского гостя с членами совета отнюдь не было окрашено для него позитивными эмоциями. Трое ответственных лиц в военной форме, к которым он вынужден обратиться, до этой минуты, по его словам, явно убивали время за «пустой болтовней». Беседа была длительной и малоприятной, но по ее итогам паспорт Уайтмена был наконец визирован, хотя недоумение, чем же паспорт «от Вудро Вильсона» не устраивал новые власти Ярославля, сохранилось [Wightman, 1928, с. 89].

Наряду с паспортом потребовалось также разрешение на фотосъемку, и после того, как инцидент был исчерпан, Уайтмен посвятил свое время фотографированию города и Волги. Съемка сопровождалась попутными замечаниями об обширности территории Ярославля и описанием перестроенных в постоялые дворы винных лавок. Среди местных жителей Уайтмена более всего заинтересовали встречавшиеся ему крестьяне, в основном сопровождавшие конные подводы. При всей самобытности типажа сельских жителей он также отмечает у них очевидный «недостаток интеллекта», одним их главных признаков которого считает то, что они «позволяют (!) женщинам заниматься тяжелым трудом» [Wightman, 1928, с. 90].

Уайтмен оставил также краткую характеристику волжского паромного сообщения. Между берегами в Ярославле большие паромные суда идут за счет мускульной силы гребцов на весельных плоскодонках, тянущих паромы поперек течения. Одна такая большая лодка-паром переправляет несколько сотен человек за рейс. В итоге Уайтмен называет паромное сообщение примитивным, но по местным меркам удовлетворительным. Свой рассказ о Ярославле он заканчивает упоминанием намерения добраться до Нижнего Новгорода пароходом за тридцать часов [Wightman, 1928, с. 89].

Заключение

Завершая краткий обзор материалов, столь разных по времени написания, характерам и

принципам авторов, задачам, стилю и жанру работ, необходимо еще раз отметить значение этих сведений для понимания характера эпохи и сталкивающихся в них социумов. Следовательно, в рамках дискурса как многогранного коммуникативного явления подобное взаимодействие позволяет более полно и ярко охарактеризовать картину общественной жизни.

Транслируя разнообразные элементы культуры как зеркала повседневной жизненной практики, материалы дневниковых записей становятся формой и способом передачи образов и идей. Непосредственная связь с отражаемыми явлениями и событиями позволяет им в данном случае выполнять функцию зеркала смыслов. На первый план выходит социально-культурный характер информации, звучащей в откликах иностранцев и способствующей более глубокому исследованию деятельности человека на определенном отрезке истории.

Библиографический список

1. Аграфонов П. Г. Ярославский край в польских источниках эпохи Смуты // Трефолевские чтения. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. С. 149–175.

2. Аграфонов П. Г. Ярославский край в шведских источниках XVII века // Сообщения Ростовского музея. Выпуск XXI. Ростов : б/и, 2016. С. 37–45.

3. Александров Н. М. Табачная промышленность Ярославля в начале XX века // «Минувших дней связующая нить». V Тихомировские чтения. Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 1995. С. 85–90.

4. Велитченко Н. С. Экономическое развитие городов Верхнего Поволжья в первой половине XIX века. Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 1989. 80 с.

5. Верещагин Н. В. О распространении артельного сыроварения в России. // Кооперация: Страницы истории. Т. 1. Кн. 1. Москва : Наука, 1999. С. 456–530.

6. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том IV. Часть 2. Ярославская губерния. Санкт-Петербург : Тип. Деп. Ген. штаба, 1851. 141 с.

7. Вульфов А. Б. Повседневная жизнь российских железных дорог Москва : Молодая гвардия, 2007. 452 с.

8. Герман К. Ф. Статистическое описание Ярославской губернии. Санкт-Петербург : Издательство Академии наук, 1808. 190 с.

9. Дутов Н. В. Волжская набережная // Губернский город. 2005. № 12. С. 46–48

10. Иерусалимский Ю. Ю., Федюк В. П. Установление Советской власти в Ярославской губернии. // Русская революция (Февраль и Октябрь 1917 года): итоги и последствия. Ярославль : ЯФ ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 19–31.

11. Козлов П. И., Маров В. Ф. Ярославль. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1988. 240 с.

12. Колышко И. И. Очерки современной России. Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1887. 530 с.

13. Критский П. А. Наш край // «Русь». 1998. № 3. 201 с.

14. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Том 39. Санкт-Петербург : Тип. Ф. Персона, 1868. 566 с.

15. О пароходстве на Волге и её притоках // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом под редакцией действительного члена и секретаря Комитета А. С. Гацискаго. Нижний Новгород : б. и. 1870. С. 273–298

16. Статистика Российской империи. Волости и гмины. Вып. 25. Ярославская губерния. Санкт-Петербург : Издательство Центрального статистического комитета, 1890. 208 с.

17. An illustrated description of the Russian empire; embracing its geographical features, political divisions, principal cities and towns, manners and customs, historic summary, etc. New York : Robert Sears, 1855. 686 p.

18. Wightman, Orrin Sage. The diary of an american physician in the Russian Revolution 1917. New York : The Brooklyn Daily Eagle, 1928. 332 p.

19. Wood, Ruth Kedzie. Honeymooning in Russia. New York : Dodd, Mead and Company, 1911. 341 p.

20. Wood, Ruth Kedzie. The tourist's Russia. New York : Dodd, Mead and Company, 1947. 253 p.

Reference list

1. Agrafonov P. G. Jaroslavskij kraj v pol'skih istochnikah jepohi Smuty = Yaroslavl province in Polish sources from the Time of Troubles // Trefolevskie chtenija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. S. 149–175.

2. Agrafonov P. G. Jaroslavskij kraj v shvedskih istochnikah XVII veka = Yaroslavl province in Swedish sources of the 17th century // Soobshhenija Rostovskogo muzeja. Vypusk XXI. Rostov : b/i, 2016. S. 37–45.

3. Aleksandrov N. M. Tabachnaja promyshlennost' Jaroslavlja v nachale XX veka = Tobacco industry in Yaroslavl at the beginning of XX century // «Minuvshih dnej svjazujushhaja nit'». V Tihomirovskie chtenija. Jaroslavl' : Izd-vo JarGU, 1995. S. 85–90.

4. Velitchenko N. S. Jekonomicheskoe razvitie gorodov Verhnego Povolzh'ja v pervoj polovine XIX veka = Economic development of the Upper Volga towns in the first half of XIX century. Jaroslavl' : Izd-vo JarGU, 1989. 80 s.

5. Vereshhagin N. V. O rasprostranenii artel'nogo syrovarenija v Rossii = On the spread of cooperative cheese-making in Russia // Kooperacija: Stranicy istorii. T. 1. Kn. 1. Moskva : Nauka, 1999. S. 456–530.

6. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii. Tom IV. Chast' 2. Jaroslavskaja gubernija = Military statistics review of the Russian Empire. Volume IV. Part 2. Yaroslavl province. Sankt-Peterburg : Tip. Dep. Gen. shtaba, 1851. 141 s.

7. Vul'fov A. B. Povsednevnaja zhizn' rossijskih zheleznyh dorog = Everyday life of Russian railways. Moskva : Molodaja gvardija, 2007. 452 s.

8. German K. F. Statisticheskoe opisanie Jaroslavskoj

gubernii = Statistical description of the Yaroslavl province. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Akademii nauk, 1808. 190 s.

9. Dutov N. V. Volzhskaja naberezhnaja = The Volga embankment // Gubernskij gorod. 2005. № 12. S. 46–48

10. Ierusalimskij Ju. Ju., Fedjuk V. P. Ustanovlenie Sovetskoj vlasti v Jaroslavskoj gubernii = Establishing Soviet power in the Yaroslavl province // Russkaja revoljucija (Fevral' i Oktjabr' 1917 goda): itogi i posledstvija. Jaroslavl' : JaF LGU im. A. S. Pushkina, 2017. S. 19–31.

11. Kozlov P. I., Marov V. F. Jaroslavl' = Yaroslavl. Jaroslavl' : Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1988. 240 s.

12. Kolyshko I. I. Ocherki sovremennoj Rossii = Essays on contemporary Russia. Sankt-Peterburg : Tip. t-va «Obshhestv. pol'za», 1887. 530 s.

13. Kritskij P. A. Nash kraj = Our region // «Rus'». 1998. № 3. 201 s.

14. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Tom 39 = Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Headquarters. Vol. 39. Sankt-Peterburg : Tip. F. Persona, 1868. 566 s.

15. O parohodstve na Volge i ejo pritokah = About shipping on the Volga and its tributaries // Nizhegorodskij sbornik, izdavaemyj Nizhegorodskim gubernskim statisticheskim komitetom pod redakciej dejstvitel'nogo chlena i sekretarja Komiteta A. S. Gaciskago. Nizhnij Novgorod : b. i. 1870. S. 273–298

16. Statistika Rossijskoj imperii. Volosti i gminy. Vyp. 25. Jaroslavskaja gubernija = Statistics of the Russian empire. Volosts and gminas. Vol. 25. Yaroslavl province. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo Central'nogo statisticheskogo komiteta, 1890. 208 s.

17. An illustrated description of the Russian empire; embracing its geographical features, political divisions, principal cities and towns, manners and customs, historic summary, etc. New York : Robert Sears, 1855. 686 r.

18. Wightman, Orrin Sage. The diary of an American physician in the Russian Revolution 1917. New York : The Brooklyn Daily Eagle, 1928. 332 r.

19. Wood, Ruth Kedzie. Honeymooning in Russia. New York : Dodd, Mead and Company, 1911. 341 r.

20. Wood, Ruth Kedzie. The tourist's Russia. New York : Dodd, Mead and Company, 1947. 253 r.

Статья поступила в редакцию 17.12.2021; одобрена после рецензирования 14.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 17.12.2021; approved after reviewing 14.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 070
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-204-210

События из жизни Ярославля 1927–1929 гг. в газете «Северный рабочий» и на страницах произведений И. Ильфа и Е. Петрова

Александр Михайлович Юрьев
Кандидат исторических наук, преподаватель ФГКВОУ ВО «Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны» Министерства обороны Российской Федерации. 150001, г. Ярославль, Московский проспект, д. 28
alejandrouriev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6715-2998

Аннотация. Целью статьи является определение мест действия и реальных событий в жизни Ярославля последних лет НЭПа, нашедших отражение в романе Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой теленок», фельетоне «Халатное отношение к желудку», в Записных книжках И. Ильфа. Благодаря заметкам журналистов газеты «Северный рабочий» и карикатурам художника газеты Ф. Весели удалось установить местонахождение кооперативной столовой, описанной И. Ильфом и Е. Петровым, сравнить очень разные впечатления от ярославской столовой писателей-сатириков и местных журналистов. Изучение заметок журналистов «Северного рабочего» позволило определить возможное местонахождение летнего кооперативного сада, в котором обедали герои романа «Золотой теленок». Публикации «Северного рабочего» помогли установить ряд реальных событий, ставших сюжетами первых глав романа: судебный процесс по делу о растратах в филиале Совкино, где выступал свидетелем Осип Сагассер – прототип героя романа Адама Козлевича; замена трамвайных путей в центре Ярославля в 1928–1929 годах; сгнивший по вине ЦРК «Единение-Сила» картофель в подвале церкви Ильи Пророка и другие события жизни города. Сопоставление деталей городского быта, изображенных в романе «Золотой теленок», фельетонах И. Ильфа и Е.Петрова и в записных книжках И. Ильфа с реальными событиями, происходившими в 1927–1929 годах и отраженными журналистами газеты «Северный рабочий», позволяет также дополнить во многом не сохраненную в архивных документах картину повседневной жизни Ярославля в период «заката» НЭПа. В статье также сделана попытка прояснить – могли ли журналисты газеты «Северный рабочий» познакомить И. Ильфа и Е. Петрова с сюжетами из жизни ярославцев, которые впоследствии нашли отражение на страницах романа «Золотой теленок».

Ключевые слова: Илья Ильф и Евгений Петров; «Золотой телёнок»; «Чудак»; «Северный рабочий»; Арбатов; Ярославль; Остап Бендер; Франц Весели; Георгий Кофман; Осип Сагассер

Для цитирования: Юрьев А. М. События из жизни Ярославля 1927–1929 гг. в газете «Северный рабочий» и на страницах произведений И. Ильфа и Е. Петрова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 204-210. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-204-210

Original article

Life in Yaroslavl in 1927–1929 as reflected in the newspaper The Northern Worker and in the works by I. Ilf and E. Petrov

Aleksandr M. Yuriev
Candidate of historical sciences, lecturer of Yaroslavl higher military school of air defense at the Ministry of Defense of the Russian Federation. 150001, Yaroslavl, Moscow ave., 28
alejandrouriev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6715-2998

Abstract. The purpose of the article is to identify places of action and real events in Yaroslavl life in the last years of the New Economic Policy, reflected in the novel The Golden Calf by Ilya Ilf and Yevgeny Petrov, in the satirical article «The negligent attitude to the stomach» and in I. Ilf's notebooks. Thanks to the notes of The Northern Worker journalists and caricatures by the newspaper artist F. Vesely, we were able to identify the location of the cooperative canteen described by I. Ilf and E. Petrov. and compare very different impressions of the Yaroslavl canteen shared by the writers and the local journalists. Studying the notes of The Northern Worker journalists allowed us to locate the summer cooperative garden, where the characters from the novel The Golden Calf were having lunch. The Northern Worker publica-

© Юрьев А. М., 2022

tions helped establish a number of real events serving as the plot for the novel's first chapters: the trial in the Sovkino branch, where Osip Sagasser, the prototype of the novel's character Adam Kozlevich, was a witness; replacement of tram tracks in the center of Yaroslavl in 1928–1929; rotting potatoes in the basement of Elijah the Prophet Church and other events of the city's life. Comparing the details of everyday life in the city, depicted in the novel The Golden Calf, satirical articles by Ilf and Petrov, and I. Ilf's notebooks with the real events that took place in 1927–1929 and reported by journalists of the Northern Worker, also helps to add to the picture of everyday life in Yaroslavl at the end of the NEP period which was mainly lost from the archival documents. The article also attempts to clarify whether journalists of the Northern Worker could have introduced Ilf and Petrov to the stories from the life of Yaroslavl residents, which were later described in the novel The Golden Calf.

Key words: Ilya Ilf and Evgeny Petrov; The Golden Calf; The Crank; The Northern Worker; Arbatov; Yaroslavl; Ostap Bender; Franz Vesely; Georgy Kofman; Osip Sagasser

For citation: Yuryev A. M. Life in Yaroslavl in 1927–-1929 as reflected in the newspaper The Northern Worker and in the works by I. Ilf and E. Petrov. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):204-210. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-204-210

Введение

Страницы повседневной жизни ярославцев последних лет НЭПа слабо отражены в архивных документах. Мало дошло до нас фотографий 1920-х годов, так как послевоенная разруха и экономические проблемы в жизни людей негативно сказались и на этой стороне общественной жизни: даже Илья Ильф, уже будучи известным писателем, смог купить фотоаппарат только в сентябре 1929 года, взяв в долг все сбережения Евгения Петрова. НЭП остался «темной страницей» и в воспоминаниях современников, так как в советские годы было принято писать мемуары о событиях «героического периода» – индустриализации в Ярославле. И во многом именно журналисты того периода на страницах своих газет, прежде всего ярославского «Северного рабочего», рассказывают нам о повседневной жизни ярославцев, восполняя дефицит информации о реалиях заката НЭПа в Ярославле в 1929 году. Даже И. Ильф и Е. Петров, побывавшие в Ярославле в июле 1929 года, названием своей статьи в журнале «Чудак» – «Ярославль перед штурмом» – подчеркнули переломность момента для нашего города: патриархальность старого Ярославля, отождествляемая авторами с обилием церквей, вот-вот рухнет под мощным напором наступающих на них фабрик и заводов! И именно благодаря приезду в наш город корреспондентов «Чудака» И. Ильфа и Е. Петрова, которые взглядом внешнего наблюдателя отметили наиболее колоритные моменты жизни ярославцев, нам удается восстановить казалось уже навсегда утраченные страницы городского быта.

Материалы газеты «Северный рабочий»1929 года о событиях повседневной жизни Ярославля, отраженных в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова

В статье «Эпизоды повседневной жизни ярославцев в конце 1920-х годов глазами журналистов газеты «Северный рабочий» и журнала «Чудак» И. Ильфа и Е. Петрова» [Юрьев, 2018] мы уже рассказывали о местах Ярославля и его жителях, запечатленных в романе «Золотой теленок», записных книжках И. Ильфа и фельетоне «Халатное отношение к желудку». Фельетон был опубликован в сентябре 1931 года – в номере журнала «Огонек», вышедшем сразу после постановления ЦК ВКП(б) от 19 августа 1931 года «О мерах улучшения общественного питания», и полностью посвященном проблеме общественного питания в СССР [Толстоевский, 1931, с. 8–9]. Статьи этого номера рассказывали о новых механизированных фабриках-кухнях и цехах питания, обеспечивающих качественными обедами работников ведущих предприятий СССР. Поскольку и в Ярославле в это время также уже действовала индустрия современного питания в виде фабрики-кухни, описание в фельетоне маленькой ярославской столовой и псевдоним «Ф. Толстоевский», которым И. Ильф и Е. Петров подписывали свои статьи в журнале «Чудак», закрытом в феврале 1930 года, наводит на мысль об использовании авторами материалов, собранных в Ярославле летом 1929 года.

«На берегу реки Волги живописно раскинулся город Ярославль. Но это еще полбеды. Дело в том, что на одной из его улиц живописно раскинулась кооперативная столовая, вывесившая на стене большой плакат «Пища – источник жизни человека», – пишут И. Ильф и Е. Петров. «Между тем отдельные ярославцы, побывавшие в этой столовой, с сумасшедшим упорством настаивают

на том, что пища ведет к прекращению жизни человека. Тут, как видно, все дело в том, какая пища… Именно это недоучел ярославский коопзаведующий, который уделил слишком много внимания идейно-теоретическому обоснованию своей должности, позабыв… что обед должен быть съедобным. …И перед глазами охваченного ужасом едока появляются строгие увещевания в стихах и прозе. «Вводи в организм горячую пищу и разные закуски». «Не отвлекайся во время еды разговором, это мешает правильному выделению желудочного сока». «Просят о скатерти руки не вытирать». А скатертей и вовсе нет. Столы накрыты липкой нечистой клеенкой. Ножи и вилки прикованы цепями к ножке стола, чтоб не украли». [Ильф, 1961, с. 497–498].

Изучение архивных материалов, в частности, о деятельности ярославского Центрального рабочего кооператива, не дало информации о местонахождении столь колоритно описанного в фельетоне заведения ярославского общепита. Ответ на этот вопрос удалось найти в газете «Северный рабочий», корреспонденты которого зафиксировали многие, не отразившиеся в архивных документах, события повседневной жизни города.

Итак, «культурная чайная» была торжественно открыта 1 января 1929 года. «Еще недавно здесь был ресторан «Рекорд» – излюбленное место кутнуть и выпить. … Сейчас бывший «Рекорд» не узнать. Две огромные залы блещут порядком и чистотой. … Обилие света и воздуха. … Чай. Есть холодные закуски. При желании вам дадут здесь и горячие блюда: молочные, рыбные. …Наконец-таки Ярославль обзавелся долгожданной, советской культурной чайной», – сообщает корреспондент газеты «Северный рабочий». – «В одной из зал оборудуется красный уголок. Будет радио. Предполагаются беседы, лекции... даже специальный инструктор по культработе. «Общественная столовая не только место питания, но и товарищеского общения и проводник новой культуры» – об этом говорит один из украшающих чайную лозунгов» [На месте …, 1929, с. 5]. Заметка сопровождается фотографией одного из залов «культурной чайной». Качество изображения очень плохое, но можно видеть лозунг, украшающий стену заведения – «Питание – источник жизни человека». «Питание», а не «пища» как в фельетоне – именно так эта фраза отразилась в «ярославской» части записных книжек И. Ильфа [Ильф, 2000, с. 238]. И это также свидетельствует, что в фельетоне 1931 года И. Ильф и Е. Петров описали увиденное ими в Ярославле два года назад – в июле 1929 года.

Отметим также, насколько различны впечатления от «культурной чайной» корреспондента «Северного рабочего» и писателей-сатириков. А ведь И. Ильф и Е. Петров побывали в заведении всего через полгода после открытия! Неужели «блещущие порядком и чистотой две огромные залы» советской культурной чайной так быстро деградировали до липких нечистых клеенок, ножей и вилок, прикованных к ножкам столов и несъедобных обедов? Возможно, в фельетоне есть некоторое преувеличение, гротеск. Тем более не факт, что И. Ильф и Е. Петров лично отведали несъедобные блюда. Скорее всего, они отразили мнение ярославцев о качестве питания, причем, возможно, не только в культурной чайной № 5, но и во всех столовых Ярославского ЦРК. Кроме сохранившихся в архиве актов обследования столовых [Государственный архив], о некачественной пище в столовых Ярославского ЦРК свидетельствует и карикатура художника Франца Весели в журнале «Северный медведь», выходившем в 1929 году в качестве приложения к газете «Северный рабочий». На ней изображен бегущий к карете «скорой помощи» гражданин, только что пообедавший в столовой у Московского вокзала. «Скорая помощь, возьми и меня – я в столовой пообедал!» – кричит гражданин [Весели, 1929б, с. 8–9].

Но где же все-таки находилась культурная чайная № 5? Фотографий улиц и зданий Ярославля 1920-х годов до нас дошло очень мало. И опять нам помогает периодическая печать: на карикатуре художника Франца Весели в журнале «Северный медведь», изображающей центр Ярославля, на здании, находившемся на Театральной площади, было разобранном в конце 70-х годов XX века, можно видеть вывеску «Культурная чайная» [Весели, 1929б, с. 8–9].

Благодаря газете «Северный рабочий» можно предположить, где находился еще один объект общепита, упомянутый уже в романе «Золотой теленок» – кооперативный сад. Остапу Бендеру и Шуре Балаганову не удалось пообедать в кооперативной столовой – она была закрыта, «частновладельческого сектора» в городе не оказалось. И. Ильф и Е. Петров отметили в романе факт ярославской действительности 1929 года – к моменту посещения Ярославля корреспондентами журнала «Чудак» практически все столовые, принадлежавшие частным предпринимателям, были закрыты, а часть их была передана монополисту тогдашнего ярославского общепита – ЦРК «Единение-Сила». Процесс вытеснения и ликвидации

частных столовых и пивных достаточно полно отражен в архивных документах. А вот какой из существовавших кооперативных садов Ярославля И. Ильф и Е. Петров показали в виде заведения, в котором Бендер и Балаганов все-таки пообедали? Упоминаний о плакате «Пиво отпускается только членам профсоюза» в каком-либо из «садов» обнаружить пока не удалось. Но о некоторых «садах» в районе Первомайского бульвара – «Бульвара Молодых Дарований», где разворачивается действие романа, есть информация в «Северном рабочем». Несколько пивных точек на Первомайском бульваре в мае 1929 года были преобразованы Ярославским ЦРК в буфеты № 8, 9 и 10. «Северный рабочий» за 6 июня сообщает, что «на бульваре начал работать буфет № 9 ярославского кооператива в помещении, которое несколько лет было занято пивной. В буфете можно получить горячие порционные кушания и закуски, чай, какао и молоко». В мае же 1929 года Яркустпромсоюз открыл на территории Спасского монастыря «Сад кустаря» с буфетом, библиотекой-читальней, закрытой верандой, сценой и кино» [Среди кустарей , 1929, с. 8–9], при этом в заметке сообщается, что буфет обслуживает «членов кустпромкооперации». Определенная же дискриминация посетителей, не являющихся членами кооператива совторгслужащих, имела место в Центральном саду профсоюзов. «Входящего гражданина спрашивают: «Член профсоюза?». Он показывает книжку. «Пищевик? Льгот не имеете. Платите 25 коп.». Подходит другой. Показывает красную членскую книжку и получает билет на места за 10 копеек» [Пищевик, 1928, с. 3].

Детали ярославской повседневности нашли отражение еще в одной публикации И. Ильфа и Е. Петрова. В № 37 журнала «Чудак» в сентябре 1929 года журналисты издания опубликовали свои очерки о городах, которые они посетили в ходе так называемого «Звездного пробега «Чудака» [Журнал «Чудак», 1929]. Ильфу и Петрову достался Ярославль, и впечатления о нашем городе они опубликовали под заголовком «Ярославль перед штурмом». Под штурмом авторы подразумевали наступление ярославских фабрик на многочисленные церкви, которые авторы сравнивали с пучками редиски. Тема вытеснения церковных куполов фабричными трубами, перемещения центра городской жизни в пролетарский район «Красного Перекопа» стала главной линией очерка; две-три довольно случайные юмористические зарисовки ярославского быта, сделанные известными сатириками – явно на втором плане. Из очерка «Ярославль перед штурмом» можно сделать вывод, что из деталей ярославской повседневности сатириков Ильфа и Петрова заинтересовали только Врачебно-экспертная комиссия, все сотрудники которой на две недели ушли в отпуск, скамейки и общественный туалет на Первомайском бульваре, построенный еще до революции по инициативе председателя городской управы Щапова и потому называемый ярославцами «кабинетом Щапова». [Ильф, 1929, с. 8–9]. Возможно, И. Ильф и Е. Петров решили «приберечь» многочисленные заметки о колоритных деталях из жизни ярославцев для задуманного романа; возможно, были другие причины, побудившие авторов вместо привычной острой сатиры описать наступление новой жизни на патриархальный быт.

Отдельные исследователи творчества И. Ильфа и Е. Петрова пытались определить город, ставший прототипом Арбатова, либо на основе похожести названия – Саратов, либо наличия описываемых в романе объектов – «белокаменные башни провинциального кремля» в Серпухове, либо высчитывая количество километров между городами Арбатов, Удоев и Черноморск, через которые проезжала на «Антилопе Гну» четверка героев романа [Нестеров И. В.]. Оставляя в стороне невнимание этих авторов к такому источнику как Записные книжки И. Ильфа, которые убедительно показывают «ярославское» происхождение Арбатова, рассмотрим весомость такого «доказательства» как упоминание в романе маршрута автопробега, который использовал экипаж «Антилопы Гну» с целью получения бесплатного бензина. В «Золотом теленке» идея путешествия в Черноморск на автомобиле возникает у Остапа в связи с газетной информацией об автопробеге Москва – Харьков. Пробег мог проходить через город Одоев – в романе Удоев, к которому якобы и поехали из Серпухова с целью получение бочки с бензином герои романа. Но в первой части романа «Великий комбинатор», который впоследствии лег в основу первых глав «Золотого теленка», Остап Бендер прочитал в газете «Известия» заметку об автопробеге Москва-Самара-Москва! Очевидно, что обоснованием местонахождения Арбатова упоминаемый в романе маршрут автопробега служить не может, тем более, что в конце 1920-х годов такие мероприятия проводились достаточно часто. К тому же отметим интересное событие, о котором сообщила газета «Северный рабочий». 11 августа в Ярославль прибыли участники автопробега, проводимого Автодором по маршруту

Москва-Ярославль-Архангельск-Лодейное поле-Ленинград-Москва, в составе которого были грузовики АМО и 4 Форда, легковые автомобили Форд и Шевроле. Отметим, что пробег проходил как раз в то время, когда И. Ильф и Е. Петров писали первую часть «Великого комбинатора». В числе 27 участников пробега были представители прессы и даже кинооператор. Из-за опоздания автопробега в Ярославль пришлось отменить запланированные на утро посещение Ярославского автозавода и митинг, и автомобили направились в Вологду. Что интересно – в обычном вроде бы официальном газетном репортаже о важном событии случайно ли автор в сатирическом ключе описывает отдельные детали встречи участников автопробега, которые, безусловно, не прошли бы мимо внимания и авторов «Золотого теленка»? По прибытии в гостиницу «Европа» «участники пробега слушают неповторимую в истории приветственную речь дежурного по гостинице: «- С пр-р-риездом, дор-рогие товарищи. Оч… ик… очень рады». Краска жгучего стыда заливает щеки ярославцев. Москвичи в недоумении. Налопавшийся идиот долго не может найти ключей». Или – «В Кузнечихе нас (участников пробега) остановили вышедшие с красным флагом крестьяне и по-хозяйски потребовали объяснить, что за машины, куда едут» [Кофман, 1929, с. 5]. Автор заметки – Георгий Кофман, состоявший в Ярославском отделении ассоциации пролетарских писателей и регулярно публиковавший статьи и заметки в литературно-театральном разделе «Северного рабочего», был знаком с И. Ильфом и Е. Петровым. «Кофман. Его комната. И пение из окон педтехникума» [Ильф, 2000, с. 238]. Почему писатели пришли в гости именно к Георгию Кофману? Не мог ли Георгий Кофман быть источником информации, который способствовал столь глубокому проникновению столичных писателей-сатириков в повседневную жизнь ярославцев, или даже неофициальным соавтором отдельных сюжетов «Золотого теленка»?

Безусловно, И. Ильф и Е. Петров представили в «Золотом теленке» не описание реалий Ярославля, а собирательный образ провинциального города. Но знание авторами многих деталей ярославской повседневности, описанных в романе и записных книжках, трудно объяснить только наблюдениями И. Ильфа и Е. Петрова за жизнью ярославцев в течение краткосрочной командировки в июле 1929 года. Например, в романе «Золотой теленок» подробно описаны приключения Адама Козлевича и его автомобиля с надписью на борту «Эх, прокачу!». Прототипом Адама Козлевича был ярославский таксист Осип Сагассер. «Шофер Сагассер», «чуть суд – призывали Сагассера – он возил всех развращенных, других шоферов не было» » [Ильф, 2000, с. 238] – эти фразы из «Записных книжек» И. Ильфа развернуты в романе в сюжетную линию о ночных поездках на автомобиле Адама Козлевича «загулявших» граждан и о последовавших затем судебных процессах о растратах в кооперативных организациях. Выступая в судебных процессах свидетелем, Адам Козлевич «погубил множество учреждений. Последней его жертвой пало филиальное отделение областной киноорганизации, снимавшее в Арбатове исторический фильм «Стенька Разин и княжна» [Ильф, 1961, с. 25]. Фильм с таким названием действительно снимал в Ярославле создатель ярославской кинофабрики Григорий Либкен, но происходило это в 1914 году [Григорьев А. В.]. А вот в январе 1928 года в Ярославле проходил суд над руководителями Северного отделения Совкино, которые с открытия этого филиала в Ярославле растратили 40 тысяч рублей. В фельетоне «Как мало прожито, как мало пережито!» журналист «Северного рабочего» рассказывает, как заведующий Северным отделением А. Круглов «умел поддерживать престиж предприятия. Например, нанял автомобиль у Сагассера. На этом автомобиле производилась перевозка картин. Больше же всего разъезжал сам Круглов по личным делам. Правильный расчет: когда увидишь какого-нибудь заведующего на автомобиле, то сразу и к учреждению его какое-то невообразимое расположение чувствуешь» [Как мало прожито …, 1928, с. 3]. Очевидно, Сагассер был одним из свидетелей на судебном процессе по делу отделения Совкино.

И. Ильф и Е. Петров, кроме уже упомянутых выше сюжетов, описывают другие детали повседневной жизни Арбатова, удивительно напоминающие ярославские реалии 1928–1929 гг. Вот некоторые из них. «Церкви у нас замечательные. Тут уже из Главнауки приезжали, собираются реставрировать» [Ильф, 1961, с. 12] , – эти слова сказал Остапу Бендеру председатель местного исполкома. В 1920-е гг. специалисты Центральных реставрационных мастерских восстанавливали в Ярославле разрушенные в 1918 году церкви. «По главной улице на раздвинутых крестьянских ходах везли длинную синюю рельсу. Такой звон и пенье стояли на главной улице будто возчик… вез не рельсу, а оглушительную музыкальную ноту» [Ильф, 1961, с. 21]. Из заметки «Рельсы гудят»

узнаем, что действительно, в Ярославле в 1928 году производилась замена трамвайной линии по ул.Свободы от Сенной площади до Линии Социализма, а на 1929 год капитальный ремонт пути должен быть продолжен по Линии Социализма – главной улице Ярославля [Татаров, 1928, с. 5]. «Из церковного подвала несло холодом, бил оттуда кислый винный запах. Там, как видно, хранился картофель» [Ильф, 1961, с. 11]. Осенью 1928 года ЦРК заложил на хранение в подвал дома № 22 на Советской площади 80 тонн непросушенного картофеля, который быстро начал гнить, распространяя на всю площадь кислый запах. Этому событию был посвящен фельетон и последующее обращение редакции газеты к горисполкому [Дым без огня … , 1928, с. 5]. Автор фельетона умолчал об одной детали: дом № 22 – это церковь Ильи Пророка на центральной площади Ярославля, в которой в те годы уже располагался музей.

Выводы

В создании образа города Арбатова, возможно, участвовали ярославцы – те, кто по долгу службы хорошо знал многие детали повседневной жизни города. «Редакция газеты. … Застенчивые художники. Бывший чех и художник-зарисовщик, длинноногий русский интеллигент» [Ильф, 2000, с. 237], – эта фраза в Записных книжках И.Ильфа безусловно свидетельствует об общении столичных писателей с журналистами «Северного рабочего» в июле 1929 года. Сопровождавший И. Ильфа и Е. Петрова художник Константин Ротов был хорошо знаком с «бывшим чехом» – карикатуристом «Северного рабочего Францем Весели, уже создавшем к лету 1929 года серию карикатур о быте Ярославля и его жителей. И, наконец, Георгий Кофман, у которого писатели были в гостях. Могли ли участвовать в общении с писателями на квартире Кофмана другие журналисты «Северного рабочего»? Например, Александр Кузнецов – автор многих острых сатирических заметок и фельетонов [Кузнецов А., 1928]. Или фельетонист К. Милль-Северный, которого И. Ильф также упоминает в Записных книжках по итогам посещения редакции «Северного рабочего» фразой «Кислый альбом Милля». Учитывая, что многие отраженные в «Золотом теленке» реалии из повседневной жизни Ярославля относятся к 1928 году – не могли ли И. Ильф и Е. Петров побывать в Ярославле до 1929 года или воспользоваться какими-то сообщениями в газету «Гудок» от ярославских журналистов [Одесский, 2015]? В этом случае выбор сатириками именно Ярославля в рамках «Звездного пробега» журнала «Чудак» мог быть целенаправленным и связанным с замыслом нового романа. Вопрос о роли ярославских журналистов в ознакомлении И. Ильфа и Е. Петрова с деталями повседневной жизни Ярославля будет направлением дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Весели Ф. И. Наши достижения: карикатура // Северный медведь. Сатирический журнал. Приложение к газете «Северный рабочий», 1929а. № 1. С. 8–9.

2. Весели Ф. И. Вокзал: карикатура // Северный медведь. Сатирический журнал. Приложение к газете «Северный рабочий», 1929б. № 3. С. 8–9.

3. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), Ф. 242, Оп. 1, Д. 475; Центр документации новейшей истории (ЦДНИ ГАЯО), Ф. 1019, Оп. 1, Д.25.

4. Григорьев А. В. 1913–2016: Киносъемки на Ярославской земле. Яркипедия. URL: https://yarmp.yar.ru «Ярославское кино: история одной кинофабрики».

5. Дым без огня или история с гнилой картошкой // Северный рабочий. 1928. 22 нояб. (№ 271). С. 5.

6. Журнал «Чудак» и его чудаки. Вступительная заметка и публикация А. Ильф // Вопросы литературы. Журнал критики и литературоведения. 2006. № 3. URL: https://voplit.ru/article/zhurnal-chudak-i-ego-chudaki-vstupitelnaya-zametka-i-publikatsiya-a-ilf/

7. Ильф И. А. Записные книжки. 1925–1937. Москва : Текст, 2000.

8. Ильф И. А., Петров Е. П. Золотой теленок: [в 5 томах] / И. А. Ильф, Е. П. Петров. Собр. соч. Москва : Худ. лит., 1961. Т. 2.

9. Ильф И. А., Петров Е. П. Халатное отношение к желудку: [в 5 томах] / И. А. Ильф, Е. П. Петров. Собр. соч. Москва : Худ. лит., 1961. Т.2.

10. Ильф, И. А., Петров, Е. П. Ярославль перед штурмом // Чудак. Сатирический журнал. 1929. № 37. С. 8–9.

11. Как мало прожито, как много пережито! // Северный рабочий. 1928. 6 янв. (№ 5). С. 5.

12. Кофман Г. Пробег Москва-Ярославль-Архангельск // Северный рабочий. 1929. 13 авг. (№ 185). С.5.

13. Кузнецов А. О больном зубе, старом бараке и нескольких тысячах мучеников // Северный рабочий. 1928. 4 янв. (№ 3). С. 5.

14. На месте бывшего кабака // Северный рабочий. 1929. 3 янв. (№ 2). С. 5.

15. Нестеров И. В. О географии пробега по бездорожью Остапа Бендера // Открытый текст. Электронное периодическое издание. URL: http://opentextnn.ru/history/istoricheskaja-geografija/nesterov-i-v-o-geografii-probega-po-bezdorozhju-ostapa-bendera/

16. Одесский М. П., Фельдман Д. Е. Очерки исто-

рии русской советской литературы и журналистики 1920-х – 1930-х годов. Портреты и скандалы. Москва : Форум, 2015.

17. Пищевик? Льгот не имеете // Северный рабочий. 1928. 25 мая (№ 120). С. 3.

18. Среди кустарей // Северный рабочий. 1929. 23 июня. (№ 143). С. 6.

19. Татаров В. Рельсы гудят // Северный рабочий. 1928. 4 авг. (№ 179). С. 5.

20. Толстоевский Ф. Халатное отношение к желудку // «Огонек», 1931, № 27 (30 сентября). С. 8–9.

21. Юрьев А. М. Эпизоды повседневной жизни ярославцев 1920-х годов глазами журналистов газеты «Северный рабочий» и авторов журнала «Чудак» И. Ильфа и Е. Петрова // Верхневолжский филологический вестник. Научный журнал. 2018. № 3. С. 279–283.

22. Ярославская журналистика. Страницы истории / ред.-сост. И. В. Пухтий. Ярославль, 2018. 340 с.

Reference list

1. Veseli F. I. Nashi dostizhenija: karikatura = Our achievements: caricature // Severnyj medved'. Satiricheskij zhurnal. Prilozhenie k gazete «Severnyj rabochij», 1929a. № 1. S. 8–9.

2. Veseli F. I. Vokzal: karikatura = Station: caricature // Severnyj medved'. Satiricheskij zhurnal. Prilozhenie k gazete «Severnyj rabochij», 1929b. № 3. S. 8–9.

3. Gosudarstvennyj arhiv Jaroslavskoj oblasti (GAJaO) = State archive of the Yaroslavl region (SAYR). F. 242, Op. 1, D. 475; Centr dokumentacii novejshej istorii (CDNI GAJaO). F. 1019, Op. 1, D.25.

4. Grigor'ev A. V. 1913–2016: Kinos#emki na Jaroslavskoj zemle. Jarkipedija = 1913-2016: Film shooting on Yaroslavl land. Yarkipedia. URL: https://yarmp.yar.ru «Jaroslavskoe kino: istorija odnoj kinofabriki».

5. Dym bez ognja ili istorija s gniloj kartoshkoj = Smoke without fire or the story of the rotten potato // Severnyj rabochij. 1928. 22 nojab. (№ 271). S. 5.

6. Zhurnal «Chudak» i ego chudaki. Vstupitel'naja zametka i publikacija A. Il'f = The magazine «The Crank» and its cranks. Introductory note and publication by A. Ilf // Voprosy literatury. Zhurnal kritiki i literaturovedenija. 2006. № 3. URL: https://voplit.ru/article/zhurnal-chudak-i-ego-chudaki-vstupitelnaya-zametka-i-publikatsiya-a-ilf/

7. Il'f I. A. Zapisnye knizhki. 1925–1937 = Notebooks. 1925–1937. Moskva : Tekst, 2000.

8. Il'f I. A., Petrov E. P. Zolotoj telenok: [v 5 tomah] = The Golden Calf: [in 5 volumes] / I. A. Il'f, E. P. Petrov. Sobr. soch. Moskva : Hud. lit., 1961. T. 2.

9. Il'f I. A., Petrov E. P. Halatnoe otnoshenie k zheludku: [v 5 tomah] = Negligent attitude to the stomach: [in 5 volumes] / I. A. Il'f, E. P. Petrov. Sobr. soch. Moskva : Hud. lit., 1961. T. 2.

10. Il'f, I. A., Petrov, E. P. Jaroslavl' pered shturmom = Yaroslavl before the attack // Chudak. Satiricheskij zhurnal. 1929. № 37. S. 8–9.

11. Kak malo prozhito, kak mnogo perezhito! = How little has been lived, how much has been experienced! // Severnyj rabochij. 1928. 6 janv. (№ 5). S. 5.

12. Kofman G. Probeg Moskva-Jaroslavl'-Arhangel'sk = Car race Moscow-Yaroslavl-Arkhangelsk // Severnyj rabochij. 1929. 13 avg. (№ 185). S.5.

13. Kuznecov A. O bol'nom zube, starom barake i neskol'kih tysjachah muchenikov = About a sore tooth, an old barrack, and a few thousand martyrs // Severnyj rabochij. 1928. 4 janv. (№ 3). S. 5.

14. Na meste byvshego kabaka = On the site of a former tavern // Severnyj rabochij. 1929. 3 janv. (№ 2). S. 5.

15. Nesterov I. V. O geografii probega po bezdorozh-'ju Ostapa Bendera = About the geography of Ostap Bender's off-road race // Otkrytyj tekst. Jelektronnoe periodicheskoe izdanie. URL: http://opentextnn.ru/history/istoricheskaja-geografija/nesterov-i-v-o-geografii-probega-po-bezdorozhju-ostapa-bendera/

16. Odesskij M. P., Fel'dman D. E. Ocherki istorii russkoj sovetskoj literatury i zhurnalistiki 1920-h – 1930-h godov. Portrety i skandaly = Essays on the history of Russian Soviet literature and journalism in the 1920s and 1930s. Portraits and Scandals. Moskva : Forum, 2015.

17. Pishhevik? L'got ne imeete = A food worker? No benefits // Severnyj rabochij. 1928. 25 maja (№ 120). S. 3.

18. Sredi kustarej = Among the craftsmen // Severnyj rabochij. 1929. 23 ijunja. (№ 143). S. 6.

19. Tatarov V. Rel'sy gudjat = The rails are humming // Severnyj rabochij. 1928. 4 avg. (№ 179). S. 5.

20. Tolstoevskij F. Halatnoe otnoshenie k zheludku = Negligent attitude to the stomach // «Ogonek», 1931, № 27 (30 sentjabrja). S. 8–9.

21. Jur'ev A. M. Jepizody povsednevnoj zhizni jaroslavcev 1920-h godov glazami zhurnalistov gazety «Severnyj rabochij» i avtorov zhurnala «Chudak» I. Il'fa i E. Petrova = Episodes of everyday life in Yaroslavl in the 1920s through the eyes of journalists from The Northern Worker newspaper and authors of The Crank magazine I. Ilf and E. Petrov // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. Nauchnyj zhurnal. 2018. № 3. S. 279–283.

22. Jaroslavskaja zhurnalistika. Stranicy istorii = Yaroslavl journalism. Pages of history / red.-sost. I. V. Puhtij. Jaroslavl', 2018. 340 s.

Статья поступила в редакцию 11.12.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 11.12.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

Научная статья
УДК 392.8
doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-211-217

Национальная кухня Китая как культурный код. Часть 1

Ли Сяотао[1], Светлана Александровна Колода[2]✉
[1]Доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2
[2]Кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2
[1]Lxt928lxt@163.com, https://orcid.org/0000-0002-8533-3431
[2]sveta_koloda@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-8482-1524

Аннотация. Рассматривается генезис национальной кухни Китая с позиции культурологии. Проводится краткий обзор ее трансформации на протяжении многих веков, представлена современная интерпретация гастрономических традиций с целью выявления специфики культурного кода. Авторы придерживаются методологического подхода, рассматривающего национальную кухню Китая через интерпретацию гастрономической культуры. Национальная кухня Китая представляется и как важное историко-культурное наследие, и как значимый элемент культуры повседневности Китая. Гастрономическая культура определяется как ментальная структура, выраженная через различные феномены. Особое место отведено анализу философских аспектов национальной кухни Китая и ее влиянию на становление основных аспектов повседневной жизни народа. Подчеркивается значимость для культуры Китая специфики технологии приготовления и подачи блюд, традиции использования палочек для еды. Авторы статьи рассматривают исторические основы развития китайской кухни и способы трансформации императорской кухни в некоторые современные направления гастрономической культуры Китая. Приводятся примеры исторического характера появления блюд императорской кухни, а также этапы становления китайской кухни на протяжении трех тысяч лет. Отмечается, что в силу культурных исторических причин в китайской кухне используется практически все, что дает природа, включая экзотические составляющие. По некоторым подсчетам китайская кухня насчитывает около 80 тыс. блюд. Отмечается отличие китайской кухни от европейской и американской, подчеркивается, что китайцы употребляют в пищу больше овощей и меньше мясных блюд. Обращается внимание на заимствование современным китайским ресторанным бизнесом части традиций императорской кухни, сформировавшихся на протяжении трех тысячелетий. Отмечается соблюдение в современном Китае традиционного обеденного этикета во время проведения торжественного обеда или ужина, самой важной частью которого является расположение гостей за столом.

Ключевые слова: национальная культура; культурный код; гастрономическая культура; повседневная культура; императорская кухня; региональные кухни Китая; традиционные китайские праздники

Для цитирования: Ли Сяотао, Колода С. А. Национальная кухня Китая как культурный код. Часть 1 // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 211-217. http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-211-217

Original article

Chinese national cuisine as a cultural code

Li Xiaotao[1], Svetlana A. Koloda[2]✉
[1]Doctor of philological sciences, professor, Institute of foreign languages, Southwest university in Chongqing. China, 400715, Chongqing, Beibei district, Tiansheng st., 2
[2]Candidate of philological sciences, associate professor, Institute of foreign languages, Southwest university in Chongqing. China, 400715, Chongqing, Beibei district, Tiansheng st., 2
[1]Lxt928lxt@163.com, https://orcid.org/0000-0002-8533-3431
[2]sveta_koloda@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-8482-1524

© Ли Сяотао, Колода С. А., 2022

Abstract. The genesis of the chinese national cuisine is considered from the standpoint of cultural studies. The authors give a brief overview of its evolution over the centuries and present a modern interpretation of traditional gastronomy to identify the specifics of the cultural code. The authors take a methodological approach considering the national cuisine of China through the interpretation of gastronomic culture. China's national cuisine is presented as both an important historical and cultural heritage and as a significant element of China's everyday culture. Gastronomic culture is defined as a mental structure expressed through various phenomena. Particular emphasis is placed on analyzing the philosophical aspects of chinese national cuisine and its influence on the formation of the main aspects of the people' s daily life. The specificity of cooking and serving food and the tradition of using chopsticks are highlighted as important to chinese culture. The authors examine the historical foundations of the chinese cuisine development and the ways of the imperial cuisine transformation into some modern directions of chinese culinary culture. Examples are given of the historical nature of imperial cuisine, as well as of the stages of Chinese cuisine evolution over three thousand years. It is noted that due to cultural and historical reasons, chinese cuisine uses almost everything that nature gives, including exotic ingredients. It is estimated that chinese cuisine has about 80,000 dishes. Chinese cuisine differs from european and american cuisine, namely because the chinese eat more vegetables and fewer meat dishes. The article points out that the modern chinese restaurant business has borrowed some traditions of imperial cuisine evolving over three millennia. In modern China, the traditional dining etiquette during a formal lunch or dinner is observed, the most important part of which is the placement of guests at the table.

Key words: national culture; cultural code; gastronomic culture; imperial cuisine; regional cuisine of China

For citation: Li Xiaotao, Koloda S. A. Chinese national cuisine as a cultural code. *Verhnevolzhski philological bulletin. 2022;(1):211-217. (In Russ.).* http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-211-217

Введение

Одним из значимых аспектов китайской культуры является национальная кухня. При этом далеко не всегда как китайцы, так и иностранцы могут в достаточной степени интерпретировать символы и смыслы, реализуемые гастрономической культурой. Национальная культура, как неотъемлемая часть существования любой нации, это не только совокупность определенных знаков, она формирует определенное пространственно-понятийное единство, дающее представление об историческом, социальном, идейно-философском пути развития нации. Без пищи невозможно биологическое существование любого живого организма. Питание человека не подчиняется лишь природным законам, сильное влияние на него оказывают многие культурные факторы. Пища становится знаком многих социальных и культурных явлений и источником базовых метафор, описывающих интеллектуальную деятельность. Она проникает во все сферы человеческого опыта, однако естественной средой ее функционирования остается культура повседневности. При этом, в большинстве случаев представление о национальной кухне формируется у представителей других народов не под влиянием знания особенностей культуры той или иной страны, а под воздействием неких внешних факторов: популярности данной национальной кухни в определенный период, экзотичности, желания приблизиться к определенным социальным кругам, маркетинговых стратегий рынка продовольствия, способов и форм развития сектора общественного питания в той или иной стране, экономического уровня отельных домохозяйств, религиозных традиций в конкретной стране или регионе и т. д. В таком случае теряется основное предназначение культуры − передача национального исторического опыта. Зачастую, потребляя то или иное блюдо, характерное для конкретной национальной кухни, люди редко задумываются о том, какие культурные смыслы, национальные традиции заложены в нем.

Методы

Культура как совокупность знаковых систем и культурных текстов рассматривается в том числе и как особая культурная реализация повседневной жизни, что привело к особому взгляду на проблему питания, квалифицируемую как один из способов кодирования информации. Именно такой подход к исследованию пищи получил развитие в трудах структуралистов − К. Леви-Стросса, Р. Барта, М. Дугласа. Предлагая методологию анализа национальной кухни, М. В. Капкан отмечает, что она строится на уподоблении способов приготовления и употребления пищи коммуникативным практикам, как вербальным, так и невербальным [Капкан, 2016]. На данном методологическом основании построен и наш анализ.

Еда давно является объектом исследований различных социальных и гуманитарных наук. На рубеже 1980-1990-х гг. в американской науке даже сформировалось особое направление исследований – foodstudies, объединившее многих ученых. Культурные аспекты еды описываются разнообразными терминами: культура питания, пищевой код культуры, пищевое поведение, пище-

вой стиль культуры, гастрономическая культура, foodways. За каждым из них стоит своя исследовательская традиция. Среди этого многообразия особый интерес для культурологического изучения пищи представляют два подхода. Первый связан с изучением культурной семантики пищи и пищевого кода культуры. Второй нацелен на комплексное исследование культурного феномена еды и оперирует понятием «гастрономическая культура». Мы придерживаемся второго подхода и рассматриваем национальную кухню через интерпретацию гастрономической культуры.

Анализ

Для чего вообще изучать национальную кухню в аспекте культурологии? В национальной кухне отражается этническая самобытность народа, процессы исторических трансформаций, народных традиций, устоявшихся форм быта и ведения хозяйства. Национальная кухня рассматривается нами как система коллективных представлений о пищевых привычках нации, среди которых есть блюда, представляющие конкретную культуру и так называемые специалитеты, т. е. продукты и блюда из них, характерные для конкретной местности. По мнению В. В. Похлебкина, знакомство с особенностями национальной кухни можно рассматривать как самый лучший и короткий путь к взаимопониманию наций, поскольку оно дает возможность близко соприкоснуться с материальной культурой народа [Похлебкин, 1991].

Изучение национальной кухни Китая также представляется нам перспективным с точки зрения выявления и пояснения лингвистических и культурных (этнографических) лакун, проявляющихся в процессе межкультурной коммуникации. Особое внимание здесь можно уделить концептуальным лакунам, т. е. ментальным категориям, представленным не просто отдельными лексическими единицами, но и когнитивными категориями. Для китайской культуры такой значимой категорией является специфика технологии приготовления и подачи блюд, особенная номинация отдельных блюд, традиция использования палочек для еды. На некоторых из указанных когнитивных концептов мы остановимся в нашем исследовании.

Французский антрополог Клод Леви-Стросс в своем труде «Мифологики» впервые рассматривает пищу как культурный код, отводя ему центральное место в трансляции важнейших оппозиций. Наиболее значимой оппозицией, по его мнению, является противопоставление природы и культуры: «Ось, которая соединяет сырое и приготовленное, представляет собой характеристику культуры, а та, что соединяет сырое и гнилое, − характеристику природы, поскольку обработку огнем осуществляет культурное превращение сырого, а гниение оказывается превращением естественного» [Леви-Стросс, 2006, с. 140]. Из этого автором делается вывод, что «оппозиция сырого и приготовленного... равна отсутствию и присутствию кулинарии» [Леви-Стросс, 2006, с. 357]. Таким образом, кулинария, занимая пограничное положение между природой и культурой, оказывается чуть ли не центральной собственно человеческой культуротворческой деятельностью. «Удовлетворяя потребности тела, – пишет Леви-Стросс, – кулинарное искусство обеспечивает необходимое сочленение между природой и культурой. Возникшее их двух сфер, оно отражает эту двойственность во всех своих проявлениях» [Леви-Стросс, 2007, с. 372].

Гастрономическая культура − это ментальная структура, которая не представлена в материальной форме, а потому выражается через различные феномены. К их числу относятся национальная кухня, система общественного питания, телевизионные передачи, посвященные теме еды. Особое место среди способов репрезентации гастрономической культуры занимают поваренные книги. Сама форма рецептов и контекст, в который они вписываются, позволяют проанализировать основные нормы и ценности, транслируемые через гастрономическую культуру в то или иное время. Культурологический подход к изучению пищи связан с анализом семантики еды и нормативно-ценностных оснований функционирования пищи в культуре. В еде получают символическое выражение экзистенциальные, социальные, культурные значения. Изучение пищевого кода предполагает выявление границ съедобного, определение базовых оппозиций, правил сочетания и способов приема пищи.

Гастрономическая культура представляет собой общие принципы, определяющие многообразие конкретных вариантов приготовления потребления пищи, а также обусловливает механизмы смыслопорождения в сфере питания. Гастрономическая культура описывает не столько семантику пищи, сколько еду как нормативно-ценностную систему, выраженную в различных формах. Изучение гастрономической культуры позволяет выявить механизмы формирования и поддержания идентичности, трансляции норм и ценностей. Гастрономическая культура описывает не столько семантику пищи, сколько еду как нормативно-ценностную систему, выраженную в раз-

личных формах [Капкан, 2016].

Возникновение китайской национальной кухни обусловлено рядом культурно-исторических причин. С одной стороны многочисленные войны и природные бедствия на протяжении истории, а с другой – стремление знати украшать свои столы разнообразными экзотическими блюдами, способствовали тому, что сегодня в китайской кухне используется практически все, что дает природа, в том числе такая экзотика, как плавники акулы, морские черепахи, вяленые медузы, ласточкины гнезда, трепанги, змеи, лягушки, семена и корни лотоса и многое другое. При этом для европейской культуры исследователи выделяют иные основания для создания национальной кухни. По мнению М. В. Капкан происходит аккумуляция разных региональных и этнических традиций, которые в совокупности формируют образ национальной гастрономической культуры средневековой Европы.

Подобная нивелировка различий региональной кухни создает ощущение единства нации. В результате пищевые привычки нации характеризуются как нечто однородное и недифференцированное [Капкан, 2013]. В противовес этому в Китае до сих пор наблюдается значительное расхождение региональной гастрономической культуры. При этом различают восемь региональных кухонь, исходя из вкусовых оппозиций, основных ингредиентов и технологии приготовления блюд.

Китайская гастрономическая культура имеет длинную историю. В Китае очень популярна поговорка 民以食为天 (букв. Еда − небо народа), которая обозначает, что еда занимает очень важное место в жизни жителей Поднебесной. Китайская кухня насчитывает многие тысячи блюд. Некоторые исследователи приводят цифру 80 тысяч. Китайское кулинарное искусство совершенствовалось на протяжении почти трёх тысяч лет, китайская императорская еда восходит к рабовладельческому обществу. С тех пор, как появились императоры и дворцы, существовала и императорская еда. Она была доступна самому императору, его женам и наложницам, членам императорской семьи. Императоры использовали все свои возможности, чтобы собирать лучшие деликатесы и призывали лучших поваров для приготовления вкусной еды. Императорская еда составляла гастрономическую культуру китайских дворцов и является частью культурного наследия Китая.

Сегодня целые гастрономические ассоциации Китая пытаются возродить и сохранить традиции императорской кухни. Блюда, подаваемые к императорскому столу, часто были улучшенными вариантами блюд, изобретенных простыми людьми. Зачастую это был лучший вариант блюда, приготовленного поваром для себя и своей семьи. История знает гениальных поваров, которые своим искусством покорили императоров, стали первыми министрами при дворе, и менее удачливых поваров, которые были казнены за то, что приготовили блюдо, которое пришлось не по вкусу императору. Исторические записи Сима Цяня, известного историка династии Хань, повествуют, что И Инь, первый известный премьер-министр в истории Китая, помог Тан, первому правителю династии Шан (1766–1760 гг. до н. э.) уничтожить Цзе, последнего правителя династии Ся (1818–1766 гг. до н. э.). Тан принял его на работу как искусного повара и решил, что у него также есть способности управлять страной, поэтому он назначил И Иня своим премьер-министром [Chinese imperial cuisine].

Китайская императорская еда возникла в эпоху династии Чжоу (XI век до н. э. – 476 г. до н. э.), ее расцвет пришелся на времена династий Чжоу, Цзинь и Хань (1122–220 гг. до н. э.). В этот период способы обработки пищи были крайне примитивны. Как правило, продукты жарили, раскладывая на раскалённых в огне камнях. И лишь с изобретением керамики появилась первая кухонная посуда. Новая кухонная утварь начинает использоваться одновременно с новыми способами обработки продуктов. Появляется технология жарки мяса на вертеле, в глине или соломе. Мясо начинают варить в котле с водой или на пару. В период династии Чжоу появилось большое количество блюд из мяса, популярных в современной китайской кухне. В Китае сохранилось немало рецептов приготовления деликатесов из баранины. Так, в летописи «Ритуалы эпохи Чжоу» − одном из ранних памятников китайской классической литературы, входящем в конфуцианское «Тринадцатикнижие», − есть сведения, что еще при династии Чжоу был специальный чиновник, ведавший делами овцеводства. Одним из «восьми изысканных яств» был жареный ягненок [Чжан Чжаолинь, с. 44]. Блюда из молодых ягнят стали особенно популярны и в современном Китае в последние годы.

В период династии Хань появилось растительное масло, применение этих масел значительно ускорило развитие кулинарии. Многообразие использования растительных масел характерно и для современной китайской кухни: кунжутное, арахисовое, рапсовое, подсолнечное, кукурузное, оливковое, виноградное – все виды как традици-

онных, так и новых видов растительных масел присутствуют на кухне в любом ресторане и есть под рукой у каждой хозяйки.

Увеличение количества производимых продуктов питания позволило не только разнообразить пищу, но создало условия для философского осмысления влияния еды и напитков для китайских философов. По мере развития медицинской науки возникла идея диетотерапии, начинает уделяться внимание диетическому питанию и гигиене, в том числе гигиене при приготовлении еды. В дальнейшем, при появлении трактатов о еде и напитках, гигиене и способам приготовления пищи уделялось много внимания. Например, особое место отводится выбору и подготовке чистой воды в трактате Лу Юйа «Ча Цзин» – «Чайный канон» (茶经).

Во времена династии Чжоу была разработана целая система питания в императорском дворце. Для ее реализации назначались специальные чиновники, был укомплектован штат поваров, доставщиков необходимых продуктов, проводился надзор за императорской едой, была разработана система оценки еды для императора, императриц, наследников, то есть мы видим уже конкретные формы проявления гастрономической культуры. Все происходило в строго установленном порядке в соответствии с «ритуалами приема пищи». Во времена династии Чжоу формировалась китайская императорская кухня: известные блюда, праздники и банкеты следовали один за другим.

Китайские привычки в еде и питье сильно отличаются от аналогичных на Западе. Люди на Западе едят больше мяса, в то время как китайцы едят больше овощей (кроме жителей Северо-Восточного Китая, перенявших кулинарные традиции с преобладанием мясных блюд, блюд из картофеля и лапши, их кухня больше похожа на русскую кухню, чем на ту, которую в России традиционно принято считать китайской). Во время династии Чжоу Китай начал выращивать пять злаков в качестве продовольственных культур. В питании использовалось большое количество фруктов, орехов, разнообразных напитков, в т. ч. произведенных путем брожения. Связь между едой и политикой была особенно важной во времена династий Чжоу, Цинь и Хань (1122 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Банкеты и праздники становятся нормой при встречах императора с принцами и герцогами или когда, последние встречались друг с другом.

Во времена династий Хань и Вэй императорская еда и напитки следовали системе, начатой в династии Чжоу. К этому времени достаточно развитая и сильная экономика Китая, мощный культурный обмен с другими странами позволили обеспечить новые источники продуктов питания, приобрести лучшие кухонные принадлежности, усовершенствовать навыки приготовления пищи. Более широкое внедрение изделий из железа и более высокие стандарты приготовления еды позволили совершенствовать императорскую кухню. В структуре дворцовых церемоний важное место занимали ритуалы, связанные с приемом пищи. Порядок подачи блюд на стол, его сервировка, облачение слуг, музыка, звучавшая во время трапезы − все это подчинялось строгим правилам и имело свой сакральный смысл. Надо отметить, что определенная часть этих традиций сохранилась до наших дней и является обязательной на торжественных обедах и официальных приемах, сопровождаемых трапезой. После династии Хань (206 г. до н. э. − 220 г. н. э.) появились многочисленные сочинения о гастрономической культуре. Такие трактаты свидетельствует о зарождении традиции приготовления пищи как особой специальности.

Китайская дворцовая кухня занимает важное место в ресторанном бизнесе современного Китая. Она состоит из блюд, которые в свое время готовились для императорской семьи. Основу кухни таких ресторанов составляют блюда придворной кухни династии Цин (1644 – 1911 гг. н. э.). Здесь необходимо обратить внимание на то, что дворцовая кухня династии Цин, представленная сегодня в лучших ресторанах Поднебесной, объединяет блюда ханьской и маньчжурской кулинарных традиций. Отметим, что это две достаточно разные традиции, в которых предпочтение отдается и разным продуктам, и разным технологиям приготовления. Именно этот факт дает возможность реперезентовать в современном кулинарном искусстве Китая достаточно разнообразную, а порой и противоположную гастрономическую культуру.

В современном Китае во время торжественного обеда или ужина, обеда с деловыми партнерами, ужина приуроченного к юбилейному событию, до сих пор соблюдается традиционный обеденный этикет. Самой важной частью этого этикета является расположение гостей за столом. В древние времена обеденный этикет вырабатывался в соответствии с формацией общества, состоявшей из четырех уровней − императорский двор и различные слои общества. В наше время эта схема может быть упрощена − хозяин, проводящий банкет и гости. Китайцы ревностно следят за сохранением традиций и, если иностранные гости не знают порядок расположения за столом, сами

указывают место каждого присутствующего. Почетное место за столом принадлежит хозяину застолья или гостю, имеющему самый высокий статус. Обычно это место располагается в центре и обращено к восточной стороне или к входу. Наиболее почетные гости или те люди, которые занимают высокое положение в обществе, садятся ближе к хозяину застолья. Соответственно, гости, которые не имеют высокого статуса, располагаются на местах, которые наиболее удалены от места хозяина застолья. Если же банкет устраивается в чьем-то доме, то почетное место предоставляется гостю, обладающему самым высоким статусом. Глава семейства занимает при этом самое обычное и незаметное место за столом. Если застолье происходит за круглым столом, то гость, занимающий почетное место, обращен лицом к входу в помещение. Места, находящиеся по левую сторону от почетного места, также предназначаются для важных гостей. Чем ближе гость находится к почетному гостю, тем он важнее. Китайцы придерживаются такого порядка и на торжественных/официальных приемах, и на домашних обедах с участием гостей.

В 2005 году в Пекине была учреждена профессиональная комиссия по изучению банкетов Маньханьцюаньси − торжественный императорский ужин династии Цин − при Пекинской кулинарной ассоциации. Создание этой комиссии содействовало охране и распространению ценного культурного наследия Китая – дворцовой кухни [О дворцовой кухне].

В период правления династий Цзинь, Сун, Ци, Лян и Чэнь (220–587 гг.) Китай захлестнула волна крупных миграций различных этнических групп. Представители разных культур несли свое кулинарное искусство в Китай. Так, из Средней Азии и Синьцзяна приходит традиция жарить мясо большими кусками на открытом огне, из провинций Фуцзянь и Гуандун − жареная в соусе свинина, с берегов Южно-Китайского моря − блюда из морепродуктов. Появляется специфическая для Китая мусульманская кухня, которая довольно разнообразна и сегодня распространена в разных регионах страны. В Китай по Шелковому пути (наземному) и по пути пряностей (морскому) приезжало немало арабских купцов, которые привозили с собой особенные мусульманские гастрономические обычаи и запреты. Мусульманская кухня была популярна не только в регионах смешанного проживания хуэйцев и ханьцев, но и попала в цинские дворцы. Кроме народности хуэй, уйгуры, казахи, узбеки, таджики, татары, киргизы, салары, дунсяны, баоани также придерживаются строгих норм пищевых запретов. Популярность мусульманской (халяльной) кухни (清真菜) в современном Китае не ограничивается туристическими местами и территориями компактного проживания мусульман. Попробовать мусульманскую кухню можно в любом крупном городе Китая, а ведущие китайские университеты предлагают в столовых и ресторанах своих кампусов халяльную еду как для своих студентов, так и для гостей университета.

Картофель, который едят и как основной продукт, и как овощ, пришел в Китай с Запада. Считается, что он был привезен в Китай пиратами во времена династии Мин и выращивался в прибрежных провинциях Фуцзянь и Чжэцзян. После династии Хань растительные масла постепенно вытеснили животные жиры в качестве основного теплопроводящего средства и ароматизатора в кулинарии. В состав растительных масел для ежедневного употребления входят кунжут, рапс, арахис, соя и подсолнечник. Кунжут попал в Китай во времена династии Западная Хань, масличные культуры были завезены в Китай, а соевые бобы были родом из Китая. Привозными для китайской кухни также являются морковь, огурцы, перец, грецкие орехи, баклажаны, но без них сегодня уже невозможно представить кухню Китая разных регионов.

Одно из традиционных восприятий китайской кухни иностранцами − острый перец, добавляемый во все блюда. Острый перец в кулинарии появился в Южной Америке и был завезен в Китай из Юго-Восточной Азии примерно в XV веке. Действительно, для некоторых региональных кухонь, например, сычуаньской, острый перец не только главный ее показатель, но и особый символ, в том числе медицинский. Жители субтропических районов провинции Сычуань считают, что употребление блюд с острым перцем способствует выведению лишней влаги из организма и обязательно для укрепления здоровья в зимние месяцы. Жители провинций Хунань, Хубэй и Сычуань привыкли есть блюда с разными видами острого перца и называют их «мясом для бедных» или солью, что означает, что они хорошо сочетаются с рисом, как мясо или соль. По их мнению, острый перец стимулирует аппетит и рассеивает внутренний холод. Традиционное блюдо для всего Китая хого, или китайский самовар (火锅huǒguō), популярный среди иностранцев как hotpot, в Сычуани приобрел особый острый вкус и яркий оранжево-красный цвет. Для его приготовления используется сычуаньский перец (花椒huājiāo). Основой бульона служат острый перец, китайский кристаллический сахар и вино. В качестве сырых продуктов, кото-

рые будут готовиться в бульоне, чаще всего используют почки свиньи, куриную грудку, говяжьи внутренности, гусиный кишечник, зелёный лук, ростки бобов, грибы, мясо утки, угря, морской огурец и проч. Другие виды хого, монгольский и кантонский, отличаются как ингредиентами (например, мясо небольших монгольских овец из Внутренней Монголии, рыба), так и более сладким вкусом за счет использования морепродуктов в кантонском хого.

Заключение

Подводя итог отметим, что национальная кухня Китая, собравшая как богатые исторические традиции императорского двора, так и природно-географическое многообразие страны, отражает специфические архетипы культуры и активно распространяется как внутри страны, так и за ее пределами. Культурные коды, транслируемые национальной кухней, являются важной частью культуры повседневности и тщательно сохраняются и профессиональным сообществом китайских поваров и рестораторов, и обычными людьми.

Библиографический список

1. Капкан М. В. Национальная кухня как элемент национальной культуры России: динамика исторических изменений XIX−XX века // Человек в мире культуры. 2013. № 3. С. 15−26.

2. Леви-Стросс К. Мифологики: сырое и приготовленное / пер. с фр. А. З. Акопяна, З. А. Сокулер. Москва : FreeFly, 2006. 399 с.

3. Леви-Стросс К. Мифологики: происхождение застольных традиций / пер. с фр. Е. О. Пучковой. Москва : FreeFly, 2007. 461 с.

4. О дворцовой кухне // Международное радио Китая. 2016. 12 окт. URL: http://russian.cri.cn/3072/2016/10/12/1s590592.htm (дата обращения: 18.07.2020).

5. Похлебкин В. В. Собрание избранных произведений. Моя кухня и мое меню. Москва : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1999. 362 с.

6. Чжан Чжаолинь. Ягненка − на стол // Дыхание Китая. 2015. № 26. С. 44–45.

7. Chinese imperial cuisine: сайт. URL: http://www.china.org.cn/english/imperial/25995.htm (дата обращения: 12.07.2020).

8. 杨琳申楠。论跨文化传播中我国文化软实力的提升// 西安: 西安交通大学学报(社会科学版), 2012, № 1, 6-11页。

9. 熊欣。跨文化交际理论下的中国菜名英译研究 // 上海: 上海外国语大学, 2013,202页。

10. 陈金标。中国菜肴命名研究 // 江苏: 扬州大学烹饪学报，无锡，2001-03-20。

11. 师舒。中国菜名及翻译特点。北京：哲学科学出版社，2010，248页。

Reference list

1. Kapkan M. V. Nacional'naja kuhnja kak jelement nacional'noj kul'tury Rossii: dinamika istoricheskih izmenenij XIX−XX veka = National cuisine as an element of Russian national culture: the dynamics of historical change in XIX–XX centuries // Chelovek v mire kul'tury. 2013. № 3. S. 15−26.

2. Levi-Stross K. Mifologiki: syroe i prigotovlennoe = Mythologics: raw and cooked / per. s fr. A. Z. Akopjana, Z. A. Sokuler. Moskva : FreeFly, 2006. 399 s.

3. Levi-Stross K. Mifologiki: proishozhdenie zastol'nyh tradicij = Mythologics: the origin of dining traditions / per. s fr. E. O. Puchkovoj. Moskva : FreeFly, 2007. 461 s.

4. O dvorcovoj kuhne = On the royal cuisine // Mezhdunarodnoe radio Kitaja. 2016. 12 okt. URL: http://russian.cri.cn/3072/2016/10/12/1s590592.htm (data obrashhenija: 18.07.2020).

5. Pohlebkin V. V. Sobranie izbrannyh proizvedenij. Moja kuhnja i moe menju = A collection of selected works. My cuisine and my menu. Moskva : ZAO Izd-vo Centrpoligraf, 1999. 362 s.

6. Chzhan Chzhaolin'. Jagnenka − na stol = Lamb to the table // Dyhanie Kitaja. 2015. № 26. S. 44–45.

7. Chinese imperial cuisine: sajt. URL: http://www.china.org.cn/english/imperial/25995.htm (data obrashhenija: 12.07.2020).

8.杨琳申楠。论跨文化传播中我国文化软实力的提升// 西安: 西安交通大学学报(社会科学版), 2012, № 1, 6-11页。

9. 熊欣。跨文化交际理论下的中国菜名英译研究 // 上海: 上海外国语大学, 2013,202页。

10. 陈金标。中国菜肴命名研究 // 江苏: 扬州大学烹饪学报，无锡，2001-03-20。

11.师舒。中国菜名及翻译特点。北京：哲学科学出版社，2010，248页。.

Статья поступила в редакцию 22.12.2021; одобрена после рецензирования 15.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.
The article was submitted on 22.12.2021; approved after reviewing 15.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 27,25 п. л., 23,07 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 33. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 28.03.2022
Цена свободная

Издатель
Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32 98 69